

С Е Р И Я

П О Л И Т И Ч Е С К А Я

Т Е О Р И Я

DEMOCRACY  
and MEDIA  
DECADENCE

JOHN KEANE

# ДЕМОКРАТИЯ И ДЕКАДАНС МЕДИА

ДЖОН КИН

*Перевод с английского*  
ДМИТРИЯ КРАЛЕЧКИНА



*Издательский дом  
Высшей школы экономики*  
МОСКВА, 2015

УДК 321.7:659

ББК 66.0

К41

*Составитель серии*

ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

*Научный редактор*

АРТЕМ СМИРНОВ

*Дизайн серии*

ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

**Кин, Дж.**

- К41 Демократия и декаданс медиа [Текст] / пер. с англ. Д. Кра-  
лечкина; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т  
«Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей шко-  
лы экономики, 2015. — 312 с. — (Политическая теория). —  
1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1202-9 (в пер.).

Мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия, ког-  
да многие инновации в области медиа, начиная со спутникового вещания  
и заканчивая умными очками или электронными книгами, вызывают не-  
малое восхищение. В политической сфере большие надежды возлагаются на  
цифровую демократию, киберграждан и электронное правительство. Автор  
считает, что во многих весьма важных отношениях коммуникационное изо-  
билие радикально меняет очертания нашей жизни и нашей политики, как  
правило, в лучшую сторону. Однако он поднимает вопрос, почему так мало  
внимания уделяется тревожным противоположным тенденциям, декадент-  
ским процессам в области медиа, которые поощряют общественное молча-  
ние и концентрацию неограниченной власти, ослабляя тем самым дух и силы  
демократии. Исследуя примеры сложного государственного надзора, рыноч-  
ной цензуры, тактик раскручивания и теневого пиара, Кин пытается понять  
эти тенденции, выяснить, как лучше всего работать с ними, и утверждает,  
что «декаданс медиа» наносит значительный вред общественной жизни.

УДК 321.7:659

ББК 66.0

В оформлении обложки использован фрагмент картины Константина  
Батынкова «Цирк».

Published in the United States of America by Cambridge University Press,  
New York.

ISBN 978-1-107-04177-6 (англ.)

ISBN 978-5-7598-1202-9 (рус.)

© John Keane 2013

© Перевод на рус. яз., оформление.  
Издательский дом  
Высшей школы экономики, 2015

# СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ.....	7
I. КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗОБИЛИЕ.....	8
НОВШЕСТВА.....	17
ДИКИЕ ИДЕИ.....	27
ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ.....	37
GOOGLE.....	42
НОВАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ.....	46
НОВОЕ МАКРЕКЕРСТВО.....	56
WIKILEAKS.....	70
НЕИЗБРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.....	74
ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПУБЛИКА.....	86
II. МОНИТОРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	101
МОНИТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ.....	106
ОДИН ЧЕЛОВЕК, МНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.....	111
ВОЗМОЖНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНЕНИЯ.....	116
КАКОВЫ ПРИЧИНЫ МОНИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ?.....	125
КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗОБИЛИЕ.....	132
III. ДЕКАДАНС МЕДИА.....	141
ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ.....	144
ДЕКАДАНС МЕДИА.....	152
ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ: УЛЫИ И ЭХО-КАМЕРЫ... ..	156
БЕССМЫСЛЕННЫЙ ФЛЕЙМ.....	161
ДЕТСТВО.....	167
НОСТАЛЬГИЯ.....	170

ХАКЕРСТВО .....	180
ЗАКРЫТЫЕ СООБЩЕСТВА .....	189
НИЖНИЙ МИР ГИПЕРССЫЛОК .....	193
ПРИНЦИП МАЙНОТА .....	205
МЕДИАМАГНАТЫ .....	208
АБУ-ДАБИ .....	214
МЕДИАКРАТИЯ .....	219
КУРАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ .....	230
ОТНОШЕНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ .....	234
... И ЛОББИРОВАНИЕ .....	236
<b>IV. ПРОТИВНИКИ ДЕМОКРАТИИ .....</b>	<b>243</b>
ГЛЯДЯ НАЗАД, ГЛЯДЯ ВПЕРЕД .....	244
КИТАЙСКИЙ ЛАБИРИНТ .....	249
ЛОШАДКА ИЗ ТРАВЫ И ГРЯЗИ .....	257
БАЛАНСИРОВАНИЕ НА СКОЛЬЗКОМ ЯЙЦЕ .....	264
<b>V. ЗАЧЕМ НУЖНА</b>	
<b>СВОБОДА ПУБЛИЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ? .....</b>	<b>269</b>
ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ? .....	270
СВОЕВОЛЬНАЯ ВЛАСТЬ .....	277
СКРЫТАЯ ВЛАСТЬ .....	279
ВЛАСТЬ МОЛЧАНИЯ .....	284
МОЛЧАНИЕ .....	288
КАТАСТРОФЫ .....	291
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ .....	297
СВОБОДА КОММУНИКАЦИИ:	
НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ .....	301

## БЛАГОДАРНОСТИ

Я выражаю искреннюю признательность за общую поддержку исследования, оказанную Университетом Сиднея, Берлинским научным центром социологических исследований (Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung, WZB), Европейским советом по научным исследованиям (ERC Project), центром «Медиа и демократия в Центральной и Восточной Европе» Оксфордского университета.

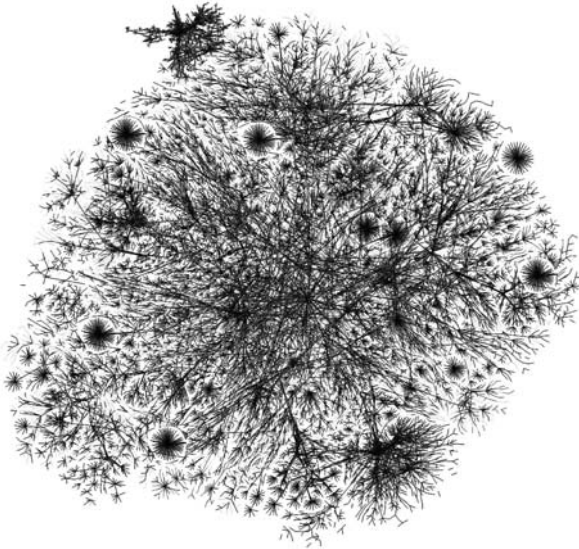
# I. Коммуникационное изобилие

В начале была первая в истории всемирная спутниковая трансляция — с Beatles, Марией Каллас, Маршаллом Маклюэном, Пабло Пикассо, — которую посмотрели в прямом эфире до 400 млн человек. Выглядело это так: высоченные мэйнфреймы и централизованные системы обмена сообщениями, которые многочисленные пользователи отправляли со своих удаленных коммутируемых терминалов, уже существовавших в те времена. Затем появились сервисы электронной почты, факсы, фотокопировальные машины, видеомагнитофоны и персональные компьютеры. Сегодня у нас есть электронные книги, облачные вычисления, сканеры, умные часы и умные очки, твиты, сотовые телефоны, превратившиеся в спутниковые навигаторы, музыкальные инструменты и многопользовательские видеочаты. Даже изобретателям неясно, что будет дальше, однако эти и другие изобретения в сфере медиа, вышедшие на рынок только в последние десятилетия, убедили многих в том, что мы живем в революционную эпоху коммуникационного изобилия.

В соответствии с духом революции и историей всех прежних переворотов в способах коммуникации увлеченность, смешанная с возбуждением, подогревает смелые разговоры о преодолении телевидения, исчезновении печатных газет, вымирании бумажных книг и даже о конце грамотности в том виде, в каком она нам известна. В эпицентре этой революции — почти всеобщая уверенность в том, что время дефицита эфирных частот, массового широкого вещания, предсказуемых национальных аудиторий прайм-тайма прошло и что всему этому идет на смену изобилие частот, фрагментированное узкое вещание и менее предсказуемые аудитории «длинного хвоста»<sup>1</sup>. Революционная эпоха коммуникационного изобилия, символизируемая Интернетом, изображения которого сильно напоминают снежинки (илл. 1), структурируется новой мировой системой перекрывающихся и взаимосвязанных медиаустройств. Впервые в истории

<sup>1</sup> Наиболее известной работой является книга Криса Андерсона: *Anderson C. The Long Tail, or Why the Future of Business Is Selling Less of More.* N.Y.: Hyperion, 2006 (рус. пер.: *Андерсон К. Длинный хвост. Новая модель ведения бизнеса.* М.: Вершина, 2008).





Илл. 1. Компьютерное изображение (splat map) глобального интернет-трафика; закрашено по адресам интернет-провайдеров. Автор — Джованни Наварриа (Giovanni Navarria)

эти устройства, созданные на базе дешевых микропроцессоров, объединяют тексты, звуки и образы в цифровой, компактной, легко хранимой, воспроизводимой и транспортабельной форме. Коммуникационное изобилие позволяет отправлять и получать сообщения через многопользовательские интерфейсы в заданное время (как реальное, так и с отсрочкой) в рамках модульных, но в конечном счете глобальных сетей, которые доступны и в финансовом отношении, и физически нескольким миллиардам людей, рассеянным по всему земному шару.

Потенциал этого нового способа коммуникации впечатляет, однако нельзя слепо переоценивать его разрушительную силу и его положительные последствия. Коммуникационное изобилие не приведет к раю на Земле. Большинство людей «участвует» в этой глобальной коммуникационной революции лишь косвенно. Неумолимые факты коммуникационной бедности нельзя игнорировать: большая часть мирового населения (сегодня приближающегося к 7 млрд человек) все еще слишком бедна, чтобы купить книгу; по крайней мере треть никогда не звонила по те-

лефону, и только у трети есть доступ к Интернету, картина распределения которого отличается крайней неравномерностью и значительным разрывом между теми, у кого есть доступ к его инструментам и техникам, и «интернет-спецами»<sup>2</sup>. В средах, наиболее насыщенных медиа, например, в обществах Исландии, Южной Кореи и Сингапура, цифровые границы, определяемые возрастными, половыми, классовыми, национальными и физическими различиями, видны невооруженным глазом. Даже среди молодежи, которая в богатых обществах считается наиболее грамотной в цифровом отношении стратой населения, социальное неравенство в доступе и способах применения цифровых медиа просто поражает<sup>3</sup>.

Все эти моменты должны отрезвлять нас. Тем не менее происходящая ныне революция в области коммуникаций — это всемирный феномен, который ставит под вопрос обычные разговоры о разделении между бедными и богатыми, между Севером и Югом. В самых разных регионах наблюдается взрывной рост информационных потоков. В глобальном масштабе сегодня, по общим оценкам, каждый день возникает 2,5 квинтлн байтов новых данных; примерно 90% существующих сегодня данных были созданы за последние два года; ожидается, что в период до 2020 г. благодаря все более расширяющемуся использованию смартфонов, планшетов, социальных сетей, электронной почты и других форм цифровой коммуникации глобальный объем цифровой информации будет удваиваться каждые два года. Под влиянием подобной динамики некоторые локальные тренды приводят к весьма странным результатам: например, мобильные телефоны сегодня для африканцев доступнее, чем чистая питьевая вода; в Южной Африке, отличающейся наиболее энергичной на континенте, хотя все еще страдающей от сильного социального неравенства экономикой со значительной долей (примерно 40%) людей, живущих в бедности, агрегированное использование мобильных телефонов резко выросло в последнее десятилетие.

<sup>2</sup> См. различные подборки данных и иллюстраций на сайте: <[www.internetworldstats.com/stats.htm](http://www.internetworldstats.com/stats.htm)>. Время доступа — 10 января 2012 г.

<sup>3</sup> *Witte J.C., Mannon S.E.* The Internet and Social Inequalities. N.Y.: Routledge, 2010; *Nakamura L.* Digitizing Race: Visual Cultures of the Internet. Minneapolis: University of Minneapolis Press, 2008; *Livingstone S., Helsper E.* Gradations in Digital Inclusion: Children, Young People and the Digital Divide // *New Media & Society*. 2007. Vol. 9. P. 671–696.

тие — более чем в четыре раза (примерно с 17% в 2000 г. до 76% в 2010 г.), так что теперь значительная часть южноафриканских граждан отдает мобильным телефонам (если они им по карману) приоритет перед радио, телевидением или персональным компьютером<sup>4</sup>. В других странах, даже столь разных, как Индия, США, Южная Корея и страны Европейского Союза, все больше данных, указывающих на то, что многие люди постоянно ощущают сдвиг и в то же время прогресс в способах коммуникации, влияющий и на бытовые мелочи. Нравится это людям или нет, старые привычки, связанные с широкоэшелательными средствами информации, отмирают, а кое-где они уже умерли и похоронены. Показательным примером является Индия: до 1991 г. в стране был только один государственный телеканал, однако последующее быстрое распространение независимых спутниковых каналов привело не только к умножению числа новостных каналов, но и к появлению иных жанров, среди которых — регулярные ток-шоу на политические темы, мультфильмы и кукольные постановки с элементами политической сатиры, ежедневные опросы общественного мнения через СМС-сообщения. И все это сопровождается распространением «гражданских журналистов», которые отсылают свои видеоклипы через компьютеры и мобильные телефоны<sup>5</sup>. В Индии, как и в других демократических странах, радио, телевидение и обычная болтовня все еще остаются главными источниками новостей и развлечений для многих граждан; в разных частях света это единственные доступные средства информации. Однако в эпицентре коммуникационного изобилия массовая аудитория, постоянно следящая за широкоэшелательными радио- и телепередачами, стала исключением. Вместо нее развиваются многочисленные аудитории разных форм и размеров, которым помогают распределенные коммуникации, радикально увеличивающие возможности выбора: теперь люди

<sup>4</sup> Оценки роста информационных потоков основаны на недавних исследованиях IBM и International Data Corporation. См. данные, представленные в: *Technology Revolution Moves Mountains of Data // International Herald Tribune*. 2013. 10 June. P. 1, 8; данные по Южной Африке взяты из: *Hutton J. Mobile Phones Dominate in South Africa*. 2011. <<http://blog.nielsen.com/nielsenwire/global/mobile-phonesdominate-in-south-africa>>. Время доступа — 22 сентября 2011 г.

<sup>5</sup> *Mehta N. Television in India: Satellites, Politics and Cultural Change*. L.; N.Y.: Routledge, 2008.

могут выбирать, когда, каким образом и на каком расстоянии общаться друг с другом.

Революция коммуникаций, которая дала миру телеграф и телефон, вызвала небывалое оживление. На тематических панно в Бостонской библиотеке, выполненных знаменитым художником XIX в. Пюви де Шаванном, телеграф и телефон изображены в виде двух женских фигур, которые витают над электрическими проводами; подпись гласит: «При чудесном содействии электричества речь мчится через пространство и с быстротой молнии доносит до нас волны хороших и плохих новостей». Коммуникационное изобилие вызывает схожее с переданным на этой картине горячее ощущение брожения и жара. Кажется, что настоящее отягощено радикальной неопределенностью, не позволяющей предугадать будущие тренды.

Рассмотрим несколько небольших примеров, среди которых процессы в секторе коммерческой музыки, где (как утверждают представители индустрии) авторское право на какое-то время было аннулировано простыми технологиями воспроизведения и бесплатными методами электронной загрузки, которые грозят свести на нет доходы звукозаписывающих компаний. Кассета видеомэгафона пришла на смену грампластинке, но вскоре ее заменил компакт-диск, которому сегодня тоже нашлась замена — mp3-плееры. Или посмотрите на то, что происходит в области электронных книг. Несмотря на заверения тех, кто считал, что «книга — это как ложка, молоток, колесо или ножницы: после того, как они были изобретены, ничего лучшего уже не придумаешь»<sup>6</sup>, производители планшетных устройств для чтения и сетевые продавцы бумажных и электронных книг оказывают значительное давление на ценообразование и методы распространения традиционных для книгоиздания бизнес-моделей. Как и в случае бесплатной или дешевой музыки, загружаемой из сети, книги, поставляемые в цифровой форме, вызывают серьезные вопросы — но уже не о том, какую роль в будущем будут играть традиционные книгоиздатели, а о том, останутся ли книги в той или иной форме и избирательное

<sup>6</sup> Умберто Эко в разговоре с Жаном-Клодом Карьером: *Eco U., Carrière J.-C. This is Not the End of the Book: A Conversation about the Past, Present and Future.* L.: Harvill Secker, 2011. P. 4 (рус. пер.: Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! СПб.: Симпозиум, 2010).

«чтение ради чтения» важным средством извлечения смысла из жизненных впечатлений, лучшим и наиболее приятным противоядием от бесчувственности скучной и пустой жизни в эпоху мультимедийных развлечений<sup>7</sup>. Потрясения и сдвиги заметны и в мире газет, где ряд факторов — падение рекламных доходов, слияния и поглощения, независимая гражданская журналистика, конкуренция со стороны электронных устройств и меняющиеся общественные представления о новостях и развлечениях — вызвали глубокую обеспокоенность будущим массовых бумажных газет. Некоторые комментаторы даже предсказывают, что со временем они полностью исчезнут с уличных развалов, из кафе и с кухонных столов.

Беспокойную возбужденность, вызванную наступлением коммуникационного изобилия, часто сложно истолковать; предсказания экспертов оценить также достаточно трудно. С определенной долей уверенности можно сказать, что мириады изменений в сфере коммуникаций предвещают исторический сдвиг, которым завершится эпоха широкого теле- и радиовещания на ограниченном числе эфирных частот. Ушли те времена, когда, как, например, в 1950-х, транслировавшийся по американскому телевидению ситком «Я люблю Люси» смотрели более чем 70% семей, имевших телевизоры, или когда еще больше семей (примерно 83%) смотрели выступление Элвиса Пресли в «Шоу Эда Салливана». Остались в прошлом дни (которые я помню), когда дети играли с самодельными телефонами из консервных банок, соединенных проволокой; больше не бывает вечеров, когда детей сначала загоняли бы в ванную комнату, чистили им уши, а затем, одев в халатики и усадив на диван, заставляли бы в полном молчании слушать радио. Порой прямые телевизионные трансляции (спортивных состязаний, политических событий, катастроф и конкурсов певцов) еще соединяют разрозненные аудитории, однако воспоминания об эпохе массового широкого вещания и его различных средствах коммуникации быстро выветриваются.

В гуще современной революции у людей больше нет телефонных справочников, и они не запоминают номера телефонов

<sup>7</sup> См.: *Jacobs A. The Pleasures of Reading in an Age of Distraction. Oxford: Oxford University Press, 2011*; преемственность между бумажными книгами и электронными подчеркивается в работе: *Piper A. Book Was There: Reading in Electronic Times. Chicago: University of Chicago Press, 2012.*

наизусть. У большинства людей уже не бывает случаев, когда бы их волновал заранее заказанный телефонный звонок в другой город. В старых документальных фильмах можно увидеть интервью с людьми, которые смотрят в камеру с нервной враждебностью, но теперь такого не бывает; камеры, раньше считавшиеся инструментом вторжения в личную жизнь, сегодня стали своеобразными усилителями значимости каждого. При упоминании о радио можно ожидать лишь смешков; и никто не думает о том, что бакелитовое ламповое радио является источником ретронима, используемого для описания беспроводных соединений различных стационарных и переносных устройств связи, как больших, так и малых. Печатные машинки встречаются только в магазинчиках сувениров. Пейджеры почти забыты. Старые шутки о телевидении, которое называли жевательной резинкой для глаз и «средним» (*medium*), поскольку оно не является ни редким, ни высококачественным, сегодня кажутся плоскими. Даже «диванный овощ» представляется фигурой из далекого прошлого. Немногие люди задумываются о превращении слова «text» в глагол\*. Написание и получение рукописных писем и почтовых открыток стали редким ностальгическим удовольствием, а такие формальные прощания, как «Искренне Ваш» или «С совершенным почтением», давно уступили место выражениям вроде «всего наилучшего», «спасибо», «мои поздравления» или просто пробелу.

У многих занятых, хорошо образованных людей почти не бывает свободного времени; быстро приходит в упадок искусство ничегонеделания или созерцания видов из окна; та же судьба постигла еще одно древнее удовольствие, по крайней мере если говорить о людях, которые могут его себе позволить, — чтение хорошей книги, с которой можно забраться под одеяло. То же самое можно сказать об одиноких прогулках по парку без самсунга в руке или айпода, вставленного в ухо. Вскоре после публикации этой книги приводимые в ней примеры будут казаться устаревшими, на смену им придут (к примеру) мобильные телефоны с лазерными клавиатурами и голографическими дисплеями или миниатюрные компьютеры, которые будут носить как ручные часы, но все это лишь подтвердит общий тренд. В крайне разных условиях Сеула, Лондона и Мумбаи на-

\* to text — отправлять СМС-сообщения, «эсэмэсить». — *Примеч. пер.*

блюдается одна и та же картина: многие офисные работники подтверждают то, что обеденное время они тратят на быстрый перекус, совмещаемый с просмотром электронной почты или Интернета, а не на физический отдых от рабочего места; члены семей говорят, что совместный просмотр телевизора, если не брать спортивных программ и реалити-шоу, больше не способен соперничать с магнетическим притяжением мобильных телефонов, планшетов и настольных компьютеров; а подрастающее поколение, встраивающееся в общее движение, не вынимая айпода из ушей, ежедневно и еженощно проводит по несколько часов в Интернете, обычно связываясь друг с другом с помощью мобильных приложений, охватывающих все закоулки так называемого виртуального мира.

Ключевым маркером общего тренда мультимедийного насыщения выступают заметные изменения в содержании и доставке новостей<sup>8</sup>. Коммуникационное изобилие вызывает в обществе споры о будущем газет в их печатном виде. Защищая их, некоторые комментаторы настаивают на том, что хотя газеты теряют свои доходы, отбираемые у них сетевыми ресурсами, газетные журналисты, работающие в хорошо оборудованных новостных редакциях с налаженными связями, остаются «моторами контента» (как говорят американские журналисты) для радио с участием слушателей, телевизионных новостных шоу, блогов и твитов. Аргумент неплох, поскольку такие газеты, как «New York Times», «El País» и «Yomiuri Shimbun» (японский ежедневник, который считается наиболее массовой газетой во всем мире), скорее всего, не уподобятся вымирающим динозаврам. Несомненно, остается пространство для их перестройки и подгонки под сетевые форматы — например, за счет комбинации подписной системы и рекламы, позволяющей доставлять новости на планшеты.

Однако в эпоху коммуникационного изобилия экология производства новостей и их оборота претерпевает быстрые изменения<sup>9</sup>. Новостные источники и потоки диверсифицируются и

<sup>8</sup> См., например: *Downie L., Jr., Schudson M. The Reconstruction of American Journalism // Columbia Journalism Review. 2009. 19 October.*

<sup>9</sup> *Schudson M. On Journalism and Democracy: Tocqueville's Interesting Error. Публичная лекция, прочитанная в Центре исследований демократии (Centre for the Study of Democracy) в Лондоне 3 февраля 2010 г.*

множатся. Симптоматичным представляется то, что многие хорошо разбирающиеся в медиа молодые люди в столь различных странах, как Южная Корея, Сингапур и Япония, более не обращают внимания на «пакетные» источники новостей; они не слушают сводки новостей по радио и не смотрят новостные передачи по телевидению. Гегель однажды записал в своем дневнике мысль, ставшую впоследствии знаменитой: «Чтение утренней газеты — это утренняя молитва реалиста. В ней мы ориентируем себя по отношению ко всему миру *в целом*»<sup>10</sup>. Цифровое поколение, как его иногда называют, делает все иначе. Оно отказывается от старой привычки извлекать из утренней газеты самую свежую информацию, хотя раньше (в начале 1960-х) такая привычка была у четырех из пяти американских граждан. Теперь любимыми источниками новостей стали интернет-порталы. Дело не в том, что молодое поколение не интересуется новостями — напротив, ему нужны горы новостей, по первому требованию, в моментальной, но «не пакетной» форме, новости, которые доставляются иначе, т.е. не только по утрам, но весь день и всю ночь.

Неудивительно, что под давлением столь значительного количества перемен многие наблюдатели, даже из самой газетной индустрии, стали предупреждать о грядущем исчезновении газет. Они указывают на постоянно растущее число данных, подтверждающих то, что традиционные модели газетного бизнеса приближаются к критической отметке, поскольку их тянут вниз сетевые конкуренты (такие как YouTube, позволяющий делиться видеоматериалами в реальном времени, и Twitter) и значительное падение доходов от частных объявлений и иллюстративно-изобразительной рекламы<sup>11</sup>. Другие наблюдатели специально дают бредовые комментарии, призванные шокировать, — например, о том, что за два года до 2009 г. аудитория газет в США упала на 30%, исчезло более 160 крупных изданий и было уни-

<sup>10</sup> Miscellaneous Writings of G.W.F. Hegel / J.B. Stewart (ed.). Chicago: Northwestern University Press, 2002. P. 247; об исходе молодежи из традиционной газетной культуры см.: The State of the News Media: An Annual Report on American Journalism // Pew Project for Excellence in Journalism. Washington, DC, 2008.

<sup>11</sup> Fallows J. How to Save the News // Atlantic Magazine. June 2010; Varian H. A Google-Eye View of the Newspaper Business // The Atlantic. 2011. 10 May.



чтожено 35 тыс. рабочих мест; они же предсказывают, что при сохранении актуального тренда в США после 2043 г. газеты вообще не будут печататься<sup>12</sup>. Более умеренные наблюдатели указывают на то, что, хотя заметны определенные тревожные процессы (например, менее 20% американцев в возрасте от 18 до 34 лет читают ежедневную прессу), общие тренды намного сложнее; тем не менее они согласны с тем, что в сравнении с канувшей в прошлое эпохой представительной демократии, когда печатная культура и аудио-визуальные медиа ограниченного частотного диапазона выступали в тесной связке с политическими партиями, выборами и правительствами, а потоки коммуникации имели форму широкого вещания, замкнутого в государственных границах, в наши времена всё иначе. Сдвиг к мультимедийным платформам и порождаемой пользователями коммуникации привлекает намного больше людей к выслушиванию других, наблюдению за ними и прямому разговору с ними, чем к традиционным медиаисточникам. По крайней мере так считает большинство комментаторов.

## НОВШЕСТВА

Как и в каждой предшествующей коммуникационной революции (вспомним о потрясениях, вызванных внедрением печатного станка, радио, фильма или телевидения), эпоха коммуникационного изобилия порождает преувеличения, ложные надежды и иллюзии. Томас Карлейль надеялся на то, что печатный станок низвергнет все традиционные иерархии, включая монархии и церкви. «Благодаря шрифту из подвижных литер он первым облегчил работу переписчиков, — писал он, — распустил наемные армии и разжаловал большинство королей и сенатов, создав совершенно новый демократический мир». Или взять другой пример: Д.У. Гриффит предсказывал, что изобретение кинематогра-

<sup>12</sup> См., например: *Meyer P. The Vanishing Newspaper: Saving Journalism in the Information Age.* Columbia, MO: University of Missouri, 2009; *The Collapse of the Great American Newspaper / C.M. Madigan (ed.).* Lanham, MD: Ivan R. Dee, 2007; *Life in the Clickstream: The Future of Journalism // Media, Entertainment and Arts Alliance.* 2008. <[http://www.alliance.org.au/documents/foj\\_report\\_final.pdf](http://www.alliance.org.au/documents/foj_report_final.pdf)>; *Life in the Clickstream II: The Future of Journalism // Media, Entertainment and Arts Alliance.* 2010. <[http://www.thefutureofjournalism.org.au/foj\\_report\\_vii.pdf](http://www.thefutureofjournalism.org.au/foj_report_vii.pdf)>.

фа приведет к тому, что школьников «будут практически всему учить посредством кинокартин», и им «уже никогда не понадобится читать историю»<sup>13</sup>. Революции всегда порождают странные фантазии и преувеличенные ожидания. Наша революция — не исключение, по крайней мере так думают умные люди. Однако, если оценивать по скорости, размаху и сложности, новая галактика коммуникационного изобилия не имеет precedентов. Цифровая интеграция текста, звука и изображения — совершенно новое для истории явление. И то же самое можно сказать о компактности, портативности и доступности широкого спектра коммуникационных устройств, способных обрабатывать, отправлять и получать информацию в легко воспроизводимой форме, в больших количествах, через огромное географическое расстояние, за крайне небольшое время, а иногда и мгновенно.

Технические факторы играют ключевую роль в этих сейсмических преобразованиях, происходящих в настоящее время. С самого начала этой революции вычислительная техника постоянно менялась, что привело к драматическим последствиям, изменившим повседневную жизнь пользователей во всемирном масштабе. Количество транзисторов, которые можно без особых затрат разместить на одной интегрированной микросхеме, увеличивается в два раза примерно каждые два года (в соответствии с так называемым законом Мура<sup>14</sup>). Емкость памяти, скорость обработки данных, сенсоры и даже число пикселей в смартфонах и цифровых камерах — все это также росло по экспоненте. Постоянные революционные изменения увеличили полезность и распространенность цифровой электроники едва ли не во всех сегментах обыденной жизни, а также на рынках и в правительственных организациях в целом, так что сжатие пространства-времени в глобальном масштабе становится реаль-

<sup>13</sup> *Carlyle T. Sartor Resartus*. L., 1833; цит. из Д.У. Гриффита приводится по: *MacCann R.D. The First Film Makers*. Metuchen, NJ: Scarecrow, 1989. P. 5.

<sup>14</sup> Закон назван по имени одного из основателей компании Intel, Гордона Э. Мура, в чьей классической работе по этой теме отмечалось, что число компонентов в интегрированных микросхемах удваивалось каждый год с изобретения такой микросхемы в 1958 г. и до 1965 г. Мур (в 1965 г.) предсказал, что этот тренд сохранится по крайней мере еще одно десятилетие. См.: *Moore G.E.. Cramming More Components onto Integrated Circuits // Electronics*. 1965. Vol. 38. No 8. P. 4–7.

ностью, а иногда и производственной необходимостью, как, например, в случае преобразования бирж в такие пространства, где компьютерные алгоритмы (так называемые алгоботы) программируются на автоматическую покупку и продажу ценных бумаг, валют и товаров за временные промежутки, составляющие меньше, чем 200 микросекунд. Дешевая и надежная трансграничная коммуникация становится нормой для все большего числа людей и организаций. Тирания расстояния и медленных связей низвергнута, особенно в таких географически изолированных странах, как Гренландия и Ирландия, которые имеют самый высокий уровень использования Интернета (более 90% населения). Низложение этой тирании указывает на то, почему в обществах, наиболее насыщенных медиа, люди считают мгновенные коммуникации чем-то само собой разумеющимся. Их закоренелые привычки обнаруживают себя в ругательствах, изрыгаемых ими, когда они теряют мобильные телефоны или когда интернет-соединение пропадает. В таких случаях они начинают паниковать, погружаются во фрустрацию и клянут все на свете.

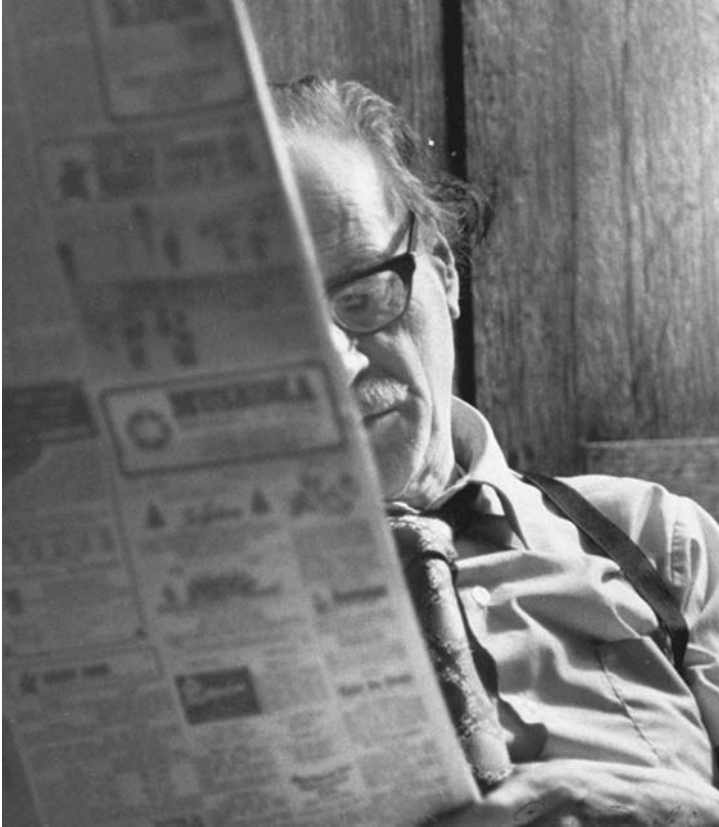
Историческую новизну насыщения общества быстрыми медиа, сжимающими пространство, легко проглядеть или проигнорировать, но на самом деле он не может не поражать. Когда четыре десятилетия назад Дайан Китон в фильме по сценарию Вуди Аллена «Сыграй это снова, Сэм» (1973) говорит своему мужу-трудоголику, что ему следовало оставить в офисе номер телефона-автомата, мимо которого они пройдут, — на случай, если из офиса захотят ему позвонить, это была удачная шутка. Однако вскоре юмор превратился в современную реальность. Все большее число людей приучаются к коммуникациям в реальном времени; и, словно бы они были рождены, чтобы проверять свои сообщения, они ожидают мгновенных ответов на свои мгновенные послания. Их жизни, если только они не спят, уподобляются безостановочным актам быстрой коммуникации с другими, осуществляемой за счет медиа. Например, за единственный час человек может отправить несколько писем по электронной почте, несколько СМС-сообщений и написать несколько твитов, посмотреть какую-то телепрограмму (в сети или просто по телевизору), переключиться на цифровое радио, сделать звонок по старому доброму проводному телефону, посмотреть газету, открыть дневную почту и даже изыскать несколько минуток на личные разговоры.

На практике из-за различий в благосостоянии и доходе, привычках и нехватке времени только меньшинство выполняет так много коммуникационных актов за незначительное время. У большинства людей еще бывает «время для размышлений». У них опосредованные медиа акты коммуникации носят спорадический характер, они неравномерно распределены и претерпевают постоянные изменения. Доступные данные по трендам, естественно, обычно ненадежны: их проблема в грубых показателях, отсутствии исторической информации и уже встроенном в них устаревании. Однако при внимательном исследовании и на фоне более общих трендов агрегированные цифры выявляют долгосрочный поступательный рост личного вовлечения в мультимедийный процесс коммуникационного изобилия. Если не брать изобретения человеческого языка, который Жан-Жак Руссо называл «первым общественным установлением»<sup>15</sup>, ни один предыдущий способ коммуникации не получил столь широкого, общего и динамичного распространения в повседневной жизни людей. Газеты циркулировали по гостиним, кофейням и кухням, однако их все еще можно было не заметить, отложить в сторону, ими можно было выстлать ящики стола, завернуть в них мясо или рыбу, также они могли пригодиться для разжигания костра. У телефона было свое постоянное место — в кабинете, на кухне или в гостиной; и хотя у него были свои эффекты гало, поскольку он менял повседневные привычки и ожидания пользователей, последние все еще могли свободно уклоняться от его звонков, часто по причине дороговизны.

Цифровые медиа-инструменты, которые служат архитектуре коммуникационного изобилия, могут быть разными. Они находятся за пределами известного различия между «горячими» и «холодными» медиа, проведенного Маршаллом Маклюэном (илл. 2)<sup>16</sup>. Маклюэн верно понял то, что различные медиа по-разному и в разной мере ангажируют пользователей. Некото-

<sup>15</sup> *Rousseau J.-J. Essai sur l'origine des langues // Rousseau J.-J. Collection complète des oeuvres de J.-J. Rousseau, citoyen de Genève. Geneva, 1782. Vol. 8. Ch. 1. P. 357 (рус. пер.: Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избр. произвед.: в 3 т. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры, 1961. Т. 1. С. 221).*

<sup>16</sup> *McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y., 1964 (рус. пер.: Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2003).*



Илл. 2. Маршалл Маклюэн: «Люди на самом деле не читают газеты. Они входят в них каждое утро, как в горячий душ» (1972)

рые медиа (его пример — это печатные работы) являются «горячими» — этим термином он обозначал не их температуру или злободневность (когда «краска еще не просохла»), а их способность увлекать пользователей, держа их при этом на некоторой дистанции, на расстоянии вытянутой руки. Они поддерживают такие качества, как логичность, линейность, аналитическую точность. Другие медиа, например телевидение, являются «холодными» (этот термин Маклюэн взял из джаза) в том смысле, что они по самой своей сути зависят от участия пользователей. Различие между «горячими» и «холодными» медиа сопрягалось

с его тезисом о том, что все медиа встраивают в наши жизни искусственные перцепции и произвольные ценности и что в той или иной степени средства коммуникации расширяют наши телесные и чувственные способности, иногда за счет других способностей, так что можно говорить во вполне физическом смысле о том, что они осуществляют «ампутацию и протезирование» нашего чувственного аппарата.

Этот тезис сохраняет свое значение, однако поражает то, как коммуникационное изобилие стирает различие между «горячими» и «холодными» медиа. Коммуникационное изобилие на самом деле предполагает двойную комбинацию. Сплавляя впервые в истории инструменты коммуникации, завязанные на текст, осязание, звук и изображение, эпоха коммуникационного изобилия сводит воедино и стимулирует *большинство* чувств человека (слава и богатство ждут человека или группу, которые овладеют искусством передачи вкуса и запаха). Вторая комбинация такова: в некоторых обстоятельствах (при чтении романа или газеты на планшете) новый модус коммуникации провоцирует рефлексивное отстранение, тогда как в других условиях (при использовании Skype, при обмене сообщениями с приятелем, находящимся на другой стороне планеты, или когда носишь умные очки) он требует глубокого погружения пользователей, стимулируя разные их чувства и в разных сочетаниях.

В эпоху коммуникационного изобилия зрение (в отличие от того, что утверждалось в эпоху кино и телевидения) больше не является главным медиумом власти и политики. Исследователи, настаивающие на том, что демократия, основанная на публичном обсуждении и, соответственно, на «голосе», ныне уходит в прошлое, поскольку на смену ей приходит некая разновидность «зрительской демократии», в которой граждане в основном пассивны и «связываются с политикой за счет своих глаз»<sup>17</sup>, на самом деле преувеличивают. Разговоры и тексты не уходят из политической жизни. Глаза — не всегда самое главное. В незавершенной революции коммуникационного изобилия демократическая политика — дело многих чувств. Различные мультимедийные техники и коммуникационные инструменты опираются

<sup>17</sup> Green E. The Eyes of the People: Democracy in an Age of Spectatorship. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 4.

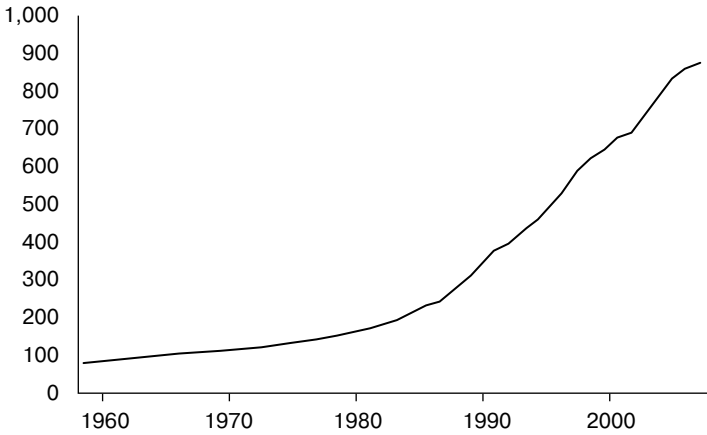
на текст, осязание, звук и изображение. Они проникают во все закоулки нашей повседневной жизни. Они затрагивают внутреннюю идентичность людей и преобразуют ее. Неудивительно, что коммуникационное изобилие становится причиной постоянных споров о размытой границе между «свободой коммуникации» и личным оскорблением или преступным богохульством. Например, различие между тем, что можно законно сказать о человеке, особенно с публичной репутацией, и тем, что можно сказать ему лично, становится предметом общественного обсуждения. Стена, разделяющая, к примеру, высказывание с импровизированной трибуны, на которой вместо микрофона использовалась мыльница, и телефонные звонки с угрозами, разрушается. Посты в Twitter приводят к обвинениям в клевете, взломы аккаунтов в Facebook заканчиваются криками о мошеннической краже личных данных, тогда как студенты, которые забрасывают учителей электронными письмами, обвиняются в том, что они нарушают общественный порядок, а также в киберсталкинге. Эти споры частично обусловлены компактностью, дружественным интерфейсом, дешевизной и портативностью новых инструментов коммуникации; в равной мере они являются следствием как их мультисенсуальных и мультиинтерактивных качеств (дающих возможность коммуникации в режиме «один-многим» и «многие-одному»), так и решения пользователей распространить действие новых коммуникационных средств на свою личную жизнь и на жизнь других людей.

Историческая новизна этих глубоких перемен совершенно очевидна во многих глобальных контекстах в том числе в США, которые из всех старых демократических стран являются, видимо, страной, наиболее насыщенной медиа. Здесь коммуникация с другими формирует вторую по важности категорию действий после оплачиваемого труда, и она, несомненно, является превалирующей семейной деятельностью, паттерны которой отличаются значительной неравномерностью. Предпочтения в ежедневной коммуникации структурируются доходом и богатством; также они зависят от возраста и пола, что подтверждается данными (с января 2005 г. по сентябрь 2010 г.) по использованию СМС, которые, к примеру, показывают, что женщины говорят по телефону и отправляют СМС-сообщения чаще мужчин, а подростки 13–17 лет — чаще любой иной воз-

растной группы<sup>18</sup>. Высокая плотность ежедневной коммуникации подкрепляется стремлением каждого ранее обособленного средства информации слиться с другими, формируя «гибридные» медиа. Вопреки прежним предсказаниям новые цифровые медиа в США не демонстрируют признаков каннибализма по отношению к старым медиа, таким как телевидение, радио и книги. Два десятилетия назад, если судить по одному докладу, в средней американской семье телевизор был включен примерно 7 часов в день, а реальное время просмотра составляло 4,5 часа в день на взрослого человека; на прослушивание радио приходилось по 2 часа в день, в основном во время вождения автомобиля; на чтение газет в день тратилось примерно 18–49 минут; на просмотр журналов — от 6 до 30 минут; а чтение книг, включая тексты, связанные со школьным образованием, занимало примерно 18 минут в день. Был сделан вывод, что американское общество приковано к телевизорам и что такая ситуация сохранится и в будущем. Но недавние данные указывают на более сложный тренд, в котором общий объем коммуникации, опосредованный медиа, вырос, но также обозначились намного более сложные, «гибридные» закономерности в использовании медиа. Любовный роман Америки с телевидением не закончился, однако теперь он существует в видеоизмененной, мультимедийной форме. Среднее число телевизоров на американскую семью — 2,5; почти треть семей имеет четыре и более телевизоров. Каждую неделю американцы проводят за просмотром телепередач около 35 часов и тратят по 2 часа на просмотр записанных при помощи цифровой видеозаписи программ. Однако в последний квартал 2009 г. использование Интернета, одновременное с просмотром телевидения, достигло 3,5 часов в месяц, увеличившись на 35% по сравнению с предыдущим годом; сегодня почти 60% используют интернет во время просмотра телевидения. Растет просмотр видео в Интернете; все чаще предпочтение отдается просмотру видео на смартфонах. Общий эффект всех этих трендов в том, что дома превращаются в пространства, насыщенные медиа. В 1960 г. на семью приходилось обычно 3,4 телевизионные станции; 8,2 радиостанции;

<sup>18</sup> Entner R. Under-aged Texting: Usage and Actual Cost. <<http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2010/under-aged-texting-usage-and-actual-cost.html>>. См. также: Factsheet: The U.S. Media Universe. <<http://www.nielsen.com/us/en/insights/news/2011/factsheet-the-u-s-media-universe.html>>.





Илл. 3. Отношение медиапредложения к потреблению в минутах в день из расчета на одну семью в США, 1960–2005 гг.

Источник: [Neuman et al.].

1,1 газеты; 1,5 недавно опубликованные книги и 3,6 журналов; отношение медиапредложения к реальному медиапотреблению семьи составляло 82 : 1 (илл. 3). К 2005 г. эта цифра выросла до 884 : 1, т.е. на каждую минуту, которую потребители могут потратить на доступ к контенту того или иного рода, приходится почти 1000 минут медийного контента<sup>19</sup>.

Переход к высокой интенсивности в применении мультимедийных инструментов в повседневной жизни или, как мы говорим в этой книге, коммуникационное изобилие, конечно, не ограничивается США. Азиатско-Тихоокеанский регион, вероятно, можно считать лабораторией будущих паттернов. Хотя в регионе и сохраняется крепкая устная культура<sup>20</sup>, сегодня он ха-

<sup>19</sup> Neuman W.R., Park Y.J., Panek E. Tracking the Flow of Information into the Home // International Journal of Communication. 2012. Vol. 6. P. 1022–1041.

<sup>20</sup> Ведущий корреспондент ВВС в Индии Марк Талли, проработавший в этой должности 20 лет, отмечает сохраняющееся значение устной коммуникации в обществе, которое все больше структурируется другими средствами коммуникации: «Любой, кто стоял в группе деревенских жителей, собравшихся над транзисторным приемником в полутьме неяркого фонаря и прислушивающихся к новостям, передаваемым далекой

рактеризуется наиболее высокой в глобальном масштабе долей пользователей Интернета (40% всего населения). Телекоммуникационные рынки здесь быстро расширяются; а поскольку во всем регионе реальностью становится более дешевая, надежная и быстрая связь, проникновение в повседневную и институциональную жизнь новых коммуникационных инструментов и порождаемой пользователями информации не может не расти, особенно в таких демократических странах, как Индия и Индонезия, где у молодежи отличные способности к экспериментированию. Япония, граждане которой смотрят телевидение в среднем четыре дня в неделю, — это страна с самыми плодовитыми блоггерами в мире, которые публикуют более миллиона записей в блогах ежемесячно. Каждая из весьма развитых социальных сетей этой страны и каждый из игровых порталов — Mixi, Gree и Mobage-town — имеет более 20 млн зарегистрированных пользователей. По всему региону наблюдается поразительное внедрение новых медиа. Особенно популярны микроблоггинг (пример — использование Twitter в Индии) и социальные сети. Австралийцы тратят на социальные сети больше времени (почти 7 часов в месяц), чем жители любой другой страны мира. В Южной Корее каждый месяц ведущая социальная сеть Naver привлекает 95% интернет-пользователей. Этот тренд не ограничивается территориями отдельных государств; во всем регионе, несмотря на языковые барьеры, есть признаки быстрого нарастания трансграничных связей с множеством глобальных каналов (илл. 4). На паттерны региональных и глобальных межсетевых связей дополнительно влияют многие интересные и важные тренды: три четверти мирового интернет-населения на данный момент уже посещало Facebook, Wikipedia, YouTube или какие-то другие сайты социальных сетей и блоги; интернет-пользователи тратят в среднем по 6 часов в месяц на этих сайтах, поддерживающих самые разные языки; наконец, некоторые из этих сайтов сегодня являются полностью многоязычными, например Wikipedia,

---

радиостанцией, знает, что распространение информации не ограничивается количеством приемников в деревне. Стоит прийти в эту деревню с утра, и вы узнаете, что информация, услышанная по радио, разошлась далеко за пределы первоначальной аудитории» (*Tully M. Broadcasting in India: An Under-Exploited Resource // The Indian Media: Illusion, Delusion and Reality. Essays in Honour of Prem Bhatia / Asharani Mathur (ed.). New Delhi: Rupa & Co, 2006. P. 285–286.*)

которая (к концу 2012 г.) включала более 23 млн статей, из них менее четверти (4,1 млн) на английском языке.

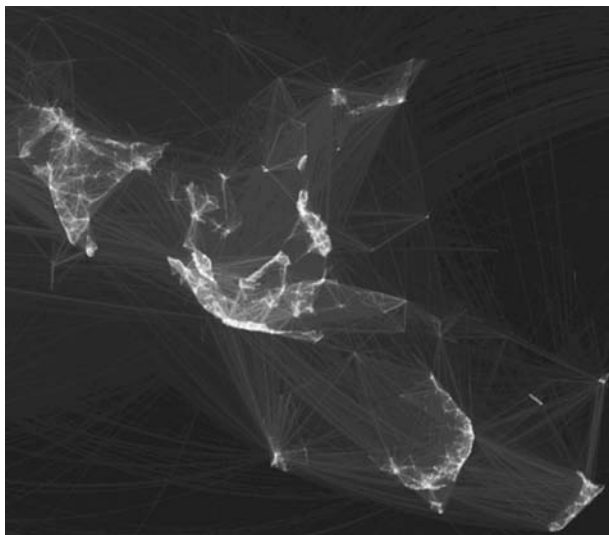
## ДИКИЕ ИДЕИ

Нет ничего удивительного в том, что подталкиваемая с разных сторон всеми этими трендами культура коммуникационного изобилия пробуждает различные политические идеи. Поскольку к Интернету каждый день подключается более миллиона новых устройств — настольных компьютеров, мобильных телефонов, телевизоров и других гаджетов, это дает повод указывать на то, что текущая революция не только поколебала устоявшиеся бизнес-модели, но также породила неожиданное богатство и изменила жизнь миллионов людей. Новый модус коммуникационного изобилия, который порой сравнивают с бульдозером, разравнивающим весь мир, преподносится в качестве фактора, который бросит вызов всем застывшим иерархиям власти и авторитета<sup>21</sup>. Он питает обнадеживающие разговоры о цифровой демократии, сетевом обществе, кибергражданах и вики-правительстве. Некоторые говорят о третьей стадии демократического развития, на которой дух и сущность античной прямой демократии воплотятся в сетевой форме. «Телекоммуникации», как следует из этой логики, «могут предоставить каждому гражданину возможность включить свои собственные вопросы в общественную повестку и поучаствовать в дискуссиях с экспертами, профессиональными политиками и другими гражданами»<sup>22</sup>. Другие продвигают представления о «связанном» цифровом мире, в котором «граждане заставят собственное правительство держать ответ» и где «у всех людей в мире будет равный доступ к знанию и власти» (из обращения бывшего государственного секретаря США Хиллари Клинтон в Вашингтонском Ньюзеуме [Музее журналистики и новостей])<sup>23</sup>. Следуя духу революции,

<sup>21</sup> *Friedman T.L.* The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2005 (рус. пер.: Фридман Т. Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: АСТ, 2007).

<sup>22</sup> *Grossman L.K.* Electronic Republic: Reshaping Democracy in the Information Age. N.Y.: Viking (20th Century Fund), 1996.

<sup>23</sup> Бывший государственный секретарь Хиллари Клинтон: *Clinton H.* Remarks on Internet Freedom, an Address Delivered at the Newseum, Washington, DC. <[www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm](http://www.state.gov/secretary/rm/2010/01/135519.htm)>.



Илл. 4. Паттерны использования Facebook в юго-восточной Азии (декабрь 2010 г.)

некоторые эксперты идут еще дальше. Они делают вывод, что «пришествие и потенциал технологий связи», отличающихся постоянно растущими вычислительными возможностями, ускоряющимся переходом от свойственной для широковещательного радио и телевидения геометрии «один-многим» к коммуникационным схемам вида «многие-многим», указывают на некое «естественное» родство между коммуникационным изобилием и демократией, понимаемой (в общем и целом) в качестве такого типа правления и образа жизни, при которых власть подчинена постоянному общественному надзору, сдерживанию и контролю со стороны граждан и их представителей<sup>24</sup>. Коммуникационное изобилие и демократия признаются близнецами-братьями. Удивительный революционный процесс и инновации в области коммуникаций, создающие все новые и новые продукты, толкают к распределению власти и повышению ее ответственности перед обществом — по крайней мере так считается.

<sup>24</sup> См.: Schmidt E., Cohen J. The Digital Disruption: Connectivity and the Diffusion of Power // Foreign Affairs. November/December 2010. Vol. 89. No. 6. P. 75–85.

Похоже, в поддержку этого тезиса сказать можно многое. И в самом деле, в вихревой галактике коммуникационного изобилия происходит много всего положительного, важного, воодушевляющего и даже опьяняющего. Давайте внимательнее присмотримся к деталям. Исследуя родственные черты коммуникационного изобилия и демократии (этот термин пока используется у нас в самом общем виде), следует помнить о некоторых критических замечаниях, в том числе о разумном предостережении Маклюэна: поскольку каждое новое средство коммуникации обычно «очаровывает» своих пользователей, в действительности «навязывая свои предпосылки, предубеждения и ценности» неосторожным людям, соблазняя их «подпороговым состоянием нарциссического транса», при анализе и оценке его социального и политического влияния необходима определенная доля аналитического отстранения и недоверия<sup>25</sup>. Потребность в отстранении имеет положительные следствия: трезвый анализ нового исторического способа коммуникации может повысить наше внимание к его новизне, сделать (более) видимым то, что ранее было попросту незаметным, т.е. настроить нас, если уж мы говорим о демократии, на восприятие многочисленных составляющих ее положительной и отрицательной динамики. Это не значит, что интерпретации коммуникационного изобилия способны «овладеть» его неуловимыми качествами. Подобное «овладение» — удел богов; точно так же, как любой человек, говорящий на определенном языке, никогда не может абсолютно точно следовать его правилам и выполнять их на практике, а также предсказывать и контролировать его прошлые, актуальные и будущие эффекты, динамичные контуры коммуникационного изобилия сохраняют в определенной мере свою подвижность. Поэтому в этой книге ни в коем смысле не предпринимается попытка, как сказали бы немцы, *Gesamtdarstellung*, т.е. полного представления коммуникационного изобилия и его динамики. Также в ней не предполагается, что в будущем сможет возникнуть — в какой-то иной форме или ином виде — некая всеобъемлющая теория. Для этого реальность слишком динамична. Сложность коммуникационного изобилия слишком велика и слишком неуловима, чтобы ее можно было отобразить в при-

<sup>25</sup> McLuhan M. *Understanding Media*. P. 7 (Маклюэн М. Понимание Медиа. С. 19).

лизанных, гладких формулах, в тезисах, основанных на статистике, полученной с использованием грубых критериев, в однозначных правилах или надежных предсказаниях, построенных на якобы установленной истине. Можно сказать, что коммуникационное изобилие — это скромная возлюбленная. Немало секретов она предпочитает обходить молчанием.

Когда дело доходит до опирающейся на медиа коммуникации с другими, мы оказываемся в странном новом мире сбивающих с толку неизвестных, в насыщенном медиа универсуме, заваленном инструментами и методами коммуникации, чьи динамичные социальные и политические эффекты способны загипнотизировать нас, попросту погрузить в транс. Такие загадочные и неизвестные новшества не поддаются легкому декодированию как по эпистемологическим, так и по методологическим причинам. Факты коммуникационного изобилия не говорят сами за себя; они не раскрывают по собственной воле и без нашей помощи свои загадки. Вопреки мнению тех, что считает исследование политических коммуникаций эмпирической «наукой», обескураживающие новшества коммуникационного изобилия невозможно расшифровать за счет чисто «объективного» эмпирического исследования, т.е. при помощи отсылки к так называемым голым фактам и соответствующим массивам данных, которые служат последней инстанцией, определяющей, что мы знаем и чего не знаем о мире коммуникационного изобилия. Так называемые факты не могут спасти нас, направляя и выправляя наши идеи с расстояния. И дело не только в том, что существует слишком много «доступных» для сбора фактов, так что определенная избирательность (отбрасывание некоторых «фактов») неизбежна в любой попытке создать «объективное» знание о нашем насыщенном медиа мире (к этому известному заключению пришел Макс Вебер<sup>26</sup>). Проблема глубже, поскольку «факты» — это всегда артефакты. То, как «факты» коммуникационного изобилия представляются нам и какое стратегическое и нормативное значение они имеют для нас, в значительной степени зависит от сочетания различных сил, в том числе языковых

<sup>26</sup> Weber M. "Objectivity" in *Social Science and Social Policy* // Weber M. *The Methodology of the Social Sciences*. N.Y.: Free Press, 1949. P. 110 (рус. пер.: Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990. С. 412).

структур, посредством которых общающиеся люди понимают себя и выражают свои собственные ситуации, а аналитики коммуникационного изобилия и его сложной динамики структурируют свои исследовательские цели и методы. В эпоху «коммуникационного изобилия» «насыщенные» описания с множеством контекстуальных деталей, мотивов и действий акторов — необходимый компонент. Однако и насыщенные описания сами по себе являются артефактами. Они всегда неизбежно структурируются схемами теоретической интерпретации. Вывод таков: в попытках схватить и осмыслить сложную реальность точки зрения и позиции невозможно «отделить» от эмпирических методов. Статус подобных схем интерпретации не является вторичным или подчиненным. Это не барьеры для «адекватных» описаний «объективной реальности» и не излишняя роскошь. Скорее, они являются жизненно важными условиями осмысления сетей коммуникационного изобилия, в которых более или менее целенаправленно и осмысленно взаимодействуют люди, преследуя свои многообразные цели самыми разными способами. В области коммуникации сохраняет свою истину принцип, заявленный Эйнштейном: не все, что можно подсчитать, имеет значение, и не все, что имеет значение, можно подсчитать.

Поскольку эпоха коммуникационного изобилия кишит загадочными новшествами, многие старые способы осмысления и интерпретации медиа, власти и политики сегодня вызывают вопросы. Сентиментальная тоска по воображаемым лучшим временам, когда жизнь якобы определялась высококачественными общенациональными газетами и государственными широкоэмитательными программами по образцу BBC, — это уже не вариант, пусть даже она сопровождается понятными жалобами на то, что эпоха коммуникационного изобилия не может преодолеть языковые барьеры, расовую и национальную вражду, разнузданную власть корпораций и другие беды нашего времени<sup>27</sup>. Осознание этих новшеств нашей эпохи не должно утонуть в приступах ностальгии или пессимизма. Также мы должны понимать, что экстраполяции на основе актуальных трендов и предсказания об окончательных формах применения новых

<sup>27</sup> Curran J. The Internet: Prophecy and Reality. Публичная лекция в Музее юстиции и полиции (Justice and Police Museum). Сидней, 21 сентября 2011 г.

коммуникационных технологий весьма проблематичны, особенно если они поддерживаются аналогиями с прошлым. При столкновении с незнакомыми ситуациями всегда возникает соблазн предположить, что новые медиа будут и далее порождать знакомые нам последствия (например, позволяя нам свободно общаться друг с другом), просто будут делать это более эффективно и результативно, быстрее и дешевле. Так же, как поезд называли «железным конем», автомобиль — «безлошадной повозкой», а телефоны оценивались с точки зрения телеграфа, т.е. считались средством передачи срочных или важных новостей, а не инструментами для каких-то других, более приземленных целей, возникает искушение истолковать новую динамику коммуникационного изобилия в терминах, унаследованных от наших предков. Этому желанию надо сопротивляться. Нужно отбросить предпосылки, которые пережили собственную полезность. Нужны как раз смелые новые заходы, свежие взгляды, «дикие» представления, которые позволяют иначе взглянуть на вещи и осмыслить их, предлагая нам более точные методы распознавания новаций нашего времени, их демократических потенций и противоположных трендов, которые способны задушить нашу демократическую политику.

Но что, собственно, следует из этого призыва к новым «диким» идеям? По самому скромному расчету, он означает то, что нужно отказаться от догм, клише и пустых формул, в том числе (если взять несколько напрашивающихся примеров) от набившего оскомину выбора между наивной и простодушной «киберутопической» верой в освободительную сущность сетевой коммуникации и столь же приевшимся прямо противоположным мнением о том, что коммуникационное изобилие является инструментом подавления, что все техники и инструменты коммуникации, включая Интернет, могут использоваться как в благих целях, так и в дурных, и что все зависит от контекста, в котором они применяются<sup>28</sup>.

Что касается метода, новые «дикие» точки зрения, конечно, требуют с подозрением относиться к неологизмам, которые толкают к фальстарту. В данном случае примером может быть

<sup>28</sup> *Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: PublicAffairs, 2011 (рус. пер.: Морозов Е. Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети. М.: АСТ, 2014).*



слово «киберпространство». Этот термин, являющийся плодом тех времен, когда компьютерные цифровые сети еще не успели в достаточной мере проникнуть в повседневную жизнь и в формальные институты, в этой книге не считается серьезным и не используется, поскольку он передает ложное ощущение, будто то, что происходит внутри и посредством Интернета, в каком-то смысле «ненастоящее» или же «настоящее» в каком-то ином смысле, раз осуществляется в мире, подчиняющемся не тем принципам, которыми управляется физический мир. Разговоры о киберпространстве ведут к существенной недооценке роста передовых медийных технологий, которые ныне определяют жизни людей. К примерам можно отнести сенсоры и микрокомпьютеры, которые встроены в самые разные объекты — кухонное оборудование, камеры наблюдения, автомобили, мобильные телефоны со специальными приложениями, умные очки, позволяющие владельцу прикосновением к оправе, легким кивком головы или же словесной командой делать фотографии, записывать и отправлять видеоролики, осуществлять поиск в Интернете, считывать срочные новости или маршрут движения, — и все это одним легким движением пальца. К числу других примеров относятся портативные беспроводные гаджеты, известные как «социометры», присоединяемые к человеческому телу или вшиваемые в одежду для измерения и анализа картины коммуникации людей (таково, скажем, идентификационное устройство под названием HyGenius, используемое в туалетах больниц и ресторанов для проверки того, насколько хорошо сотрудники моют руки). Существует также полностью подключенные к сети «умные» города, такие как корейский Сонгду (Songdu) или португальский PlanIT Valley, где «умные» устройства постоянно закачивают данные в «умные сети», которые оценивают и регулируют потоки людей, транспорта и потребляемой энергии<sup>29</sup>. На фоне подобных трендов старомодные разговоры о киберпространстве сводятся исключительно к

<sup>29</sup> Все эти различные тренды обсуждаются в работах: New Nomads: An Exploration of Wearable Electronics by Philips / Stefano Marzano et al. (eds). Rotterdam: 010 Publishers, 2001; Pentland A. Honest Signals: How They Shape Our World. Cambridge, MA: The MIT Press, 2008. Поразительный экспериментальный подход, использующий кадры машинного зрения, чтобы показать, как электронные сенсоры и роботы видят мир, см.: <<http://vimeo.com/36239715>>.

этому — старомодности. Они всегда сопрягаются с неверными вопросами вроде «какое действие Интернет оказывает на демократическую политику», тогда как приоритетом, скорее, является понимание двух вещей: институционального мира, из которого изначально возникли цифровые коммуникационные сети и инструменты; и того, как они впоследствии закрепились в ряде иных институтов и к какой новой властной динамике и последствиям в сфере власти привели связанные с ними революционные техники и инструменты, действующие в этом мире.

Дикие идеи говорят о том, что нам нужно нечто большее — надо поставить под вопрос устаревшие клише и освободиться от них, в том числе от всех описаний средств коммуникации как «четвертого сословия», что является неверной метафорой, возникшей благодаря Эдмунду Берку, а также памфлетам и газетным битвам времен Французской революции. Современные теории средств коммуникации, предполагающие, будто эта метафора по-прежнему работает, например, исследования идеальных функций «систем медиа» как «посредников», независимых «составителей повестки» как «четвертой власти» или даже «четвертого сословия», выглядят совершенно неубедительно<sup>30</sup>. Передаваемое ими ощущение политической географии медиа совершенно ошибочно. Коммуникационное изобилие стирает границы между «медиа» и другими институтами. Все сферы жизни, начиная с наиболее интимных сред повседневности и заканчивая широкомасштабными глобальными организациями, действуют в крайне медиатизированных условиях, в которых значение сообщений постоянно меняется и часто расходится с намерениями их создателей<sup>31</sup>. Это не означает, что надо потворствовать современным разговорам о «медиа вообще», которые слишком абстрактны и бессвязны; в области медиа, конечно, важно все, но не все легко соединяется со всем, а сложные способы распределения этого всего не всегда удастся легко выяснить.

<sup>30</sup> *Arendt H.* Lying in Politics: Reflections on the Pentagon Papers // *Arendt H.* Crises of the Republic. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1972. P. 45; *Dutton W.H.* The Fifth Estate Emerging through the Network of Networks // *Prometheus*. 2009. Vol. 27. No 1. P. 1–15.

<sup>31</sup> *Thompson J.* The Media and Modernity: A Social Theory of the Media. Cambridge: Polity Press, 1995. P. 34–41.

Сложная динамика современных форм связи — это весомая причина для наведения мостов между обособленными дисциплинами: политическими науками, исследованиями коммуникаций и другими академическими областями. Также она объясняет, почему необходимо анализировать одновременно демократию и медиа, используя новые методы и в какой-то мере отказываясь от избитых понятий и точек зрения, которые мы унаследовали из эпохи печатной культуры, радио, телевидения и голливудского кино. Ниже, например, мы показываем, почему разговоры об «информированном гражданине» стали бесполезным клише. Ангажированные граждане, чьи головы забиты неограниченным количеством «информации» о «реальности», на вершине которой стоят они сами, — вот в высшей степени неправдоподобный и, по сути, антидемократический идеал, который восходит к концу XIX в. Этот элитистский идеал «информированного гражданина» первоначально продвигали сторонники ограничения избирательного права образовательным цензом, а также группы интересов, отвергавшие партийную политику, завязанную на превратности и несправедливости повседневной социальной жизни. И сегодня он остается интеллектуалистским идеалом, неподходящим для эпохи коммуникационного изобилия, которая нуждается в «сознательных гражданах», знающих, что они знают не все, — по крайней мере это мы доказываем в данной книге. Эта эпоха заставляет нас отбросить некогда модные, особенно среди интеллектуалов, представления, например, о том, что закат печатной культуры и приход электронных медиа были полной катастрофой; предрассудки, утверждающие, что любое телевидение — детское, а хороша в нем лишь его мимолетность; что телевизоры — это машины сновидений, которые окончательно отсекают граждан от того, что действительно происходит в мире<sup>32</sup>; что средства массовой информации во главе с телевидением превращают «публику» в апатичную массу, «черную дыру, в которой политические усилия политиков, активистов, медиа и школ исчезают практически бесследно»<sup>33</sup>. В этой книге ставятся под во-

<sup>32</sup> Bourdieu P. On Television. N.Y.: The New Press, 1996 (рус. пер.: Бурдьё П. О телевидении и журналистике. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», Институт экспериментальной социологии, 2002).

<sup>33</sup> Edelman M. Constructing the Political Spectacle. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1988. P. 8.

прос подобные послышки, неявно опирающиеся на более старый и более общий предрассудок, согласно которому «современные» системы широкого вещания взращивают безвольных людей, живущих на ежедневных дозах вымысла. Сегодня (как, возможно, и ранее) было бы не совсем верно говорить, уподобляясь знаменитому американскому философу Джону Дьюи, что мы «живем, подвергаясь величайшему натиску массового внушения, когда-либо испытываемого человечеством». Искусство создания общественного мнения, манипулирования им и контроля над ним посредством медиа все еще ставит серьезные проблемы перед демократией. Однако предостережения, высказанные в первые годы широкого вещания, т.е. в 1920-е и 1930-е годы, должны быть полностью переосмыслены. Более невозможно однозначно соглашаться с Эдвардом Бернейсом, крестным отцом пропаганды, который говорил, что «пропаганда становится инструментом невидимого правительства», что «пропаганда для демократии является тем же, чем насилие — для диктатуры», а если «народ» хочет быть «свободным от железных цепей» и во имя демократии слепо отказывается от «любви, почитания и покорности» правителям, тогда этот народ должен согласиться с «серебряными цепями», произведенными организованными механизмами соблазна и пропаганды, т.е. с тем, что Адорно и Хоркхаймер позже назвали «культурной индустрией»<sup>34</sup>.

<sup>34</sup> *Dewey J. The United States, Incorporated // Dewey J. The Later Works, 1925–1953. Vol. 5. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 2008. P. 61; Bernays E.L. Propaganda. N.Y., 1928. P. 48 (рус. пер.: Бернейс Э. Пропаганда. М.: Hippo Publishing, 2010. С. 14); Laswell H.D. Propaganda Technique in the World War. L., 1927. P. 227; Ellul J. Propaganda: The Formation of Men's Attitudes. N.Y.: Vintage Books, 1965. Эллиул в этой работе утверждает: «Правительственная пропаганда внушает, что общественное мнение требует того или иного решения; она провоцирует волю народа, который сам по себе ничего не сказал бы. Но как только эта воля выявлена, оформлена и кристаллизована в одной точке, она становится волей народа; и хотя правительство на самом деле действует по собственному почину, оно создает впечатление, будто подчиняется общественному мнению, первоначально сформировав само это общественное мнение. Все дело в том, чтобы заставить массы требовать от правительства то, что оно уже и так решило сделать» (р. 132); см. также: Adorno T., Horkheimer M. The Culture Industry: Enlightenment as Mass Deception // Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment. N.Y.: Herder and Herder, 1972 (рус. пер.: Адорно Т., Хоркхаймер М. Культуриндустрия: Просвещение как обман масс // Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. М.–СПб.: Медиум, Ювента, 1997). Бертран Рас-*

Вот в чем вся соль: точно так же, как в XVI в. производство печатных книг и усилия, необходимые для чтения кодексных изданий, потребовали фундаментального сдвига общей установки, сегодня в постепенно формирующемся мире коммуникационного изобилия нужно сделать совершенно новое умственное усилие, чтобы осмыслить то, как демократии в различных регионах мира оформляются и перекраиваются новыми инструментами и риторикой коммуникации — и почему само наше понимание демократии тоже должно измениться.

Но как нам действовать? Какими представляются ключевые тренды, которые нам нужно отметить, истолковать, учесть в наших размышлениях о демократии в эпоху коммуникационного изобилия? Наиболее важными являются несколько трендов. Они требуют самого тщательного анализа, поддерживаемого четким ощущением его историчности.

## ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИИ

Начнем с наиболее очевидного политического следствия коммуникационного изобилия — демократизации информации. Благодаря недорогим и простым методам цифрового воспроизведения мы теперь живем во времена новых информационных банков и, как говорили раньше, распространения информации, внезапного и довольно заметного расширения доступа к опубликованным материалам, которые ранее были либо вообще не доступны публике, либо доступны только ограниченному кругу пользователей. Этот процесс демократизации включает отмену привилегий в области информации, ранее на ограниченной основе доступной только элитам. Он осуществляется одновременно на трех пересекающихся уровнях.

С одной стороны, пользователи получают удаленный доступ к материалам, которые ранее были доступны только в определенном географическом радиусе или только пользователям, го-

сел резюмировал это старое представление о пропаганде следующим образом: «Сегодня распространять ложные сведения намного проще, чем раньше, а из-за демократии распространение ложных сведений сегодня власть имущим важнее, чем в прежние времена. Отсюда и рост числа выпускаемых газет» (*Russell B. China's Entanglements // Russell B. Uncertain Paths to Freedom: Russia and China, 1919–22. L.; N.Y.: Routledge, [1922] 2000. P. 360).*

товым преодолевать большие расстояния и оплачивать расходы, связанные с временным проживанием, чтобы познакомиться с материалами, к которым иначе не подобраться. Демократизация в этом смысле, символами которой выступают сетевые издания газет «New York Times», «The Hindu», «El País» и «Der Spiegel», обозначает существенное снижение тирании расстояния, радикальное расширение пространственных горизонтов, невиданное увеличение охвата потребителей опубликованных материалов. На практике она подкрепляется демократизацией информации во втором смысле — значительным расширением числа потенциальных потребителей материалов: любой человек с компьютером и доступом к Интернету или любой, кто использует такие инструменты, как Kindle, Nook, iPad или устройства, которые придут им на смену, может сегодня получить доступ к различным материалам одним щелчком мыши. Сетевая поисковая машина Grooveshark или шведский торрент-трекер thepiratebay.org — это примеры демократизации в этом смысле, означающем увеличение доступности материалов, которые можно теперь получать почти задаром, на общих условиях, а не на основе привилегированных прав. Наконец, есть третий и, возможно, наиболее важный в плане последствий смысл демократизации информации, связанный с процессом сбора рассеянных и разрозненных материалов, которые ранее не были доступны, их форматирования в виде новых массивов данных, которые публично предоставляются пользователям через совершенно новые каналы. К наиболее известным примерам относятся энциклопедия Wikipedia, содержащая несколько миллионов статей; Музей истории компьютера (Computer History Museum), расположенный в калифорнийском городе Маунтин-Вью; YouTube, пользователи которого в 2010 г. каждую минуту загружали на сайт не менее 35 часов видео; наиболее популярный сайт на фарси balatarin.com (коллективная платформа, которая позволяет зарегистрированным пользователям публиковать статьи и ранжировать их по популярности); наконец, theeuropeanlibrary.org, консорциум библиотек почти 50 стран — членов Совета Европы, к которым можно получить доступ через единую поисковую систему и которые содержат материалы примерно на 30 языках.

Имеют ли эти примеры демократизации информации более широкое историческое значение? Имеют, но не потому, что они

говорят о замещении старомодного модернистского «нарратива» «базами данных» новой компьютерной эпохи, как утверждали некоторые исследователи<sup>35</sup>. Конечно, новые базы данных обычно не выстроены в виде доходчивого нарратива. Они не рассказывают нам историй, у которых есть начало и конец. В действительности они являются разрозненными собраниями «информации», мультимедийных материалов, упорядоченных так, что внутри собрания каждый элемент обычно имеет то же значение, что и все остальные. Однако из этого не следует, что «база данных и нарратив — это естественные враги». Как раз наоборот: именно потому, что новые источники информации не представлены в виде моральных проповедей, их проще использовать в качестве «сырья» для нарративов, выбранных публикой, которая имеет к ним доступ. Следовательно, нет ничего удивительного в том, что современное применение цифровых сетей для распространения всевозможных информационных материалов среди постоянно расширяющейся аудитории способствует оживлению политики. Демократизация информации выступает в качестве силы, нацеливающейся на голодные умы, ранее стесненные неэффективной коммуникацией. Некоторые наблюдатели даже предрекают пришествие эпохи, когда граждане будут «стоять на плечах сразу у множества великанов»<sup>36</sup>. Такие тезисы склоняют к сравнениям с Реформацией в Европе, одной из причин которой была убежденность христиан-диссидентов в том, что можно расширить доступность печатных копий Библии, что нет никаких духовных или земных оснований, по которым ее чтение должно быть ограничено узким кругом лиц, владеющих латынью, и что умеющие читать или имеющие уши, чтобы слышать, вправе вступать в группы для чтения, дабы вкушать радости осмысления и обсуждения печатных проповедей, духовных биографий и этических наставлений для всех этапов и форм жизни<sup>37</sup>. Подобные сравнения, вероятно, чрезмерны, но

<sup>35</sup> «База данных и нарратив — это естественные враги. Поскольку они конкурируют за одну и ту же территорию, каждый претендует на исключительное право» (*Manovich L. The Language of New Media. Cambridge, MA: The MIT Press, 2001. P. 225*).

<sup>36</sup> *Calvin W. The Shoulders of Giants // How Is the Internet Changing the Way You Think? / J. Brockman (ed.). N.Y.: Harper Perennial, 2011. P. 66–69.*

<sup>37</sup> См.: *Cambers A. Godly Reading: Print, Manuscript and Puritanism in England, 1580–1720. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2011.*

вряд ли можно сомневаться в том, что, если оценивать коммуникационное изобилие по таким критериям, как равенство и простота доступа к ранее закрытым материалам, оно, очевидно, открывает двери и сносит заграждения, разделяющие производителей и потребителей информации, в том числе и высокоспециализированной, так что новые жизненно важные банки информации становятся доступными намного большему числу пользователей, которые часто могут обращаться к ним удаленно, примерно в одно и то же время и по нулевой или очень низкой стоимости.

В настоящее время этот тренд особенно силен в воссоздаваемых в цифровом виде собраниях редких и труднодоступных материалов. Некоторые проекты рассчитаны на достаточно узкие группы пользователей. Например, каждый год электронная библиотека, известная как *Romantic Circles*, распространяет примерно 3,5 млн страниц материалов среди пользователей, проживающих более чем в 160 странах. Историки искусства могут легко получить доступ к *Digital Michelangelo Project*, который нацелен на предоставление исследователям высококачественных лазерных копий трехмерных работ художника. Исследователям и просто интересующимся со всего мира доступны такие коллекции, как *East London Theatre Archive* (содержащий несколько тысяч театральных программ), *Catalogue of Digitised Medieval Manuscripts* и *Prehistoric Stones of Greece Project*. Далее, существуют банки данных, у которых есть возможность выйти на более широкую аудиторию, поскольку они связаны с коллективными воспоминаниями. К примерам можно отнести инициативу под названием «Американская память» (*American Memory*), которую спонсирует Библиотека Конгресса и чья цель — сохранить в цифровом виде звукозаписи, карты, печатные документы и изображения, составляющие ту или иную часть истории США. Библиотека Гарвардского университета планирует оцифровать свою обширную коллекцию документов на украинском языке — самое большое в мире собрание подобных материалов, значительная часть которых была уничтожена или потеряна на Украине в XX в., известном своими зверствами. В числе других примеров — «Коллекция Холокоста» (*Holocaust Collection*), содержащая аудиоклипы, карты, тексты, фотографии и изображения артефактов; сюда же можно отнести базы данных, созданные такими гражданскими сетями, как Ассоциа-



ция за восстановление исторической памяти (Association for the Recovery of Historical Memory) в Испании. Все это показывает значение демократизации информации в борьбе с двойной политической опасностью амнезии и вымысла. Сохраняя информацию о прошлых травмах, доступные для широкой публики информационные банки поддерживают политику памяти, по сути, предоставляя право голоса той группе, которой обычно пренебрегают, а именно умершим.

Не меньше впечатляют «изначально цифровые» коллекции, которые собираются, чтобы не допустить возможной окончательной потери некоторых материалов, циркулирующих по самому Интернету. Его рождение и рост сопровождалось беспорядочным размножением веб-сайтов, многие из которых были эфемерными, структурировались различными не совместимыми друг с другом метаданными и часто сопротивлялись поисковым машинам, а потому могли легко исчезнуть в разряженной атмосфере того, что некоторые еще называют киберпространством. В США, где правительственные агентства использовали электронную почту с середины 1980-х годов, имеющиеся данные указывают на то, что в следующие два десятилетия большая часть корреспонденции Белого дома была потеряна (в среднем 6 млн сообщений электронной почты порождалось ежегодно только в два срока президентства Клинтона). Исчезновение электронных данных на более низких уровнях правительства, в неправительственных организациях (НПО), например в университетах, и, говоря в целом, у частных пользователей различных частей Интернета, было еще более объемным. Прозвучал тревожный звонок, указывающий на опасность стирания воспоминаний у гражданского общества и правительства; и несмотря на нехватку денег, а также технические и юридические сложности появляется все больше планов по сохранению и спасению цифровых материалов — вместе с такими инициативами, как проект «Женские голоса: снимок» (Capturing Women's Voices), поддерживаемый Библиотекой Артура и Элизабет Шлезингеров и представляющий собой собрание записей из самых разных блогов, которые ведут женщины<sup>38</sup>.

<sup>38</sup> История этого проекта представлена в работе: *Darnton R. The Future of Libraries // Darnton R. The Case For Books: Past, Present, and Future. N.Y.: PublicAffairs, 2009. P. 50–3.*

## GOOGLE

Современная демократизация цифровой информации порождает ожесточенные диспуты. Предметом яростных споров становятся сложные, в том числе в политическом отношении, вопросы, связанные с авторским правом, а также с тем, законно ли и в какой именно мере коммерциализировать информацию. Рассмотрим Google Book Search — бизнес-инициативу, которая оказалась в подвешенном состоянии. Будучи самой смелой на сегодняшний день попыткой создать гигантскую сетевую библиотеку — намного более смелой, чем все придуманное со времен Александрийской библиотеки, — эта инициатива включала цифровое сканирование многих миллионов книг, которые должны были стать доступными для широкой публики в сети (бесплатно или же по годовой подписке на базу данных). Спорные детали будущей коммерческой мегабиблиотеки были предъявлены и подвергнуты корректировке в ходе нескольких раундов (2005–2011) судебного разбирательства, начатого группой авторов, издателей и правительств, которые настаивали на том, что законы об авторском праве будут нарушены планами Google по оцифровке книг из исследовательских библиотек и по отображению отрывков из этих книг в Интернете. Критики выступили против планов на рекламную прибыль и не слишком замаскированных коммерческих мотивов Google; компания, которую обвинили в монопольных практиках, нацеленных на сужение сетевого книжного рынка, была представлена врагом давно устоявшегося некоммерческого принципа библиотек, приверженных делу сохранения и распространения знаний ради пользы и радости читателей.

За этим обвинением скрывалось горькое, но вполне понятное осознание упущенной возможности, которая впервые возникла в начале 1990-х годов, а именно существовавшего в те времена потенциала для развития действительной открытой публичной библиотеки, т.е. супербиблиотеки, построенной по образцу Британской библиотеки, Библиотеки Конгресса или Национальной библиотеки Франции и финансируемой, к примеру, консорциумом правительственных агентств и сетью благотворительных организаций, приверженных принципу, выгравированному на входе в Бостонскую публичную библиотеку: «Free to All» («Свободно для всех»). Были и другие возражения против схемы

Google. Некоторые критики подчеркивали то, что авторы утратят контроль над авторским правом и потеряют лицензионные выплаты, на которые у них есть полное право. Другие критиковали неспособность предложенной Google общей схемы учесть мнение библиотек, а также широкого круга читателей. Другие указывали на то, что Google за счет своей секретной системы алгоритмического ранжирования может легко нарушить право на неприкосновенность частной жизни индивидуальных читателей; также критики, помнившие о том, что примерно 80% немых фильмов и большинство радиопрограмм исчезли навсегда, были обеспокоены тем, что все «исходно цифровые» тексты зависят от технических и программных систем, которые уязвимы перед неизбежным для них устареванием.

Эти и иные претензии оставили свой отпечаток на предложенном (в октябре 2008 г.) итоговом юридическом соглашении, в котором была воспроизведена формулировка миссии Google: «Организовывать мировую информацию и делать ее доступной и полезной всем»<sup>39</sup>. Пространное соглашение по коллективному иску должно было закрепить право Google на создание и продажу доступа к цифровой базе данных, включающей многие миллионы книг, в настоящее время хранящихся в американских библиотеках, — в основном книг, более не продающихся и не защищенных авторским правом. Объем предложенного соглашения был достаточно широким. Договор по коллективному иску покрывал значительную категорию авторов и издателей в США (а также в Канаде, Великобритании и Австралии). Также он содержал оговорку о предоставлении режима наибольшего благоприятствования, которая в будущем должна была бы помешать любому конкуренту Google предлагать авторам и издателям лучшие условия. Следовательно, договор должен был быть исключительным; хотя защищенные авторским правом и имеющиеся в продаже книги были исключены, если только их авторы не решат предоставить их для сканирования, договор призван был ограничить всех американских издателей, авторов и читателей сложной четырехуровневой системой подписки. Книги, уже перешедшие в общественное достояние, например, «Богатство

<sup>39</sup> 134-страничный текст предложенного соглашения и 15 юридических дополнений доступны по адресу: <[http://thepublicindex.org/docs/amended\\_settlement/opinion.pdf](http://thepublicindex.org/docs/amended_settlement/opinion.pdf)>.

народов» Адама Смита, «Здравый смысл» Томаса Пейна и «Эссе по химии и физике» Антуана Лорана Лавуазье (все эти книги опубликованы в 1776 г.), были бы бесплатно доступны в сети для читателей, которые могли бы также скачивать и распечатывать для личного пользования копии таких книг, тогда как такие организации, как университеты и частные исследовательские институты, должны были бы платить «институциональную лицензию». Публичные библиотеки, которые уплатили «лицензию публичного доступа», получили бы доступ к гигантскому банку данных, который был бы безо всякой дополнительной платы доступен для читателей библиотеки с одного компьютерного терминала. Физическим лицам, выбравшим «клиентскую лицензию», предоставлялась бы возможность читать и распечатывать книги из базы данных, а также дополнительная возможность глубинного изучения и анализа книг — за счет либо простого текстового поиска, либо более сложных методов интеллектуального анализа текстов. Читателям с ограниченными возможностями должна была предоставляться особая схема доступа. Соглашение привело бы к созданию организации под названием «Регистр книжных прав» (Book Rights Registry). Его предположительная задача заключалась в представлении общих задач и интересов владельцев авторского права и в распределении полученных доходов (37% — Google, 63% — владельцам авторских прав). Индивидуальные читатели и организации-участники, например библиотеки, не получили бы отдельного права представлять свои интересы.

Предложенное юридическое соглашение, обещавшее стать эпохальным, было отвергнуто американским окружным судом Южного округа Нью-Йорка в марте 2011 г.<sup>40</sup>, поскольку было признано не соответствующим «честным, адекватным и разумным» стандартам. Этот вывод указывал на неадекватное отражение интересов владельцев авторских прав и авторов, у которых есть право предоставлять свое согласие или отказываться в нем; также в нем подчеркивалась обеспокоенность тем, что Google сформирует «фактическую монополию» на невостребованные книги (так называемые сиротские книги, владельцы ав-

<sup>40</sup> Authors Guild et al. vs. Google Inc., United States District Court, South District of New York, Opinion 05 Civ. 8136 (DC), 2011. 22 March. <[www.scribd.com/doc/51331062/Google-Settlement-Rejection-Filing](http://www.scribd.com/doc/51331062/Google-Settlement-Rejection-Filing)>.

торских прав на которые неизвестны или не обнаруживаются) и на сетевой поиск по книгам. Решение суда оставило открытыми двери для нового соглашения, неожиданно заставив спорящие стороны замереть в возбуждении. Только один исход казался практически неизбежным: со временем мир книг, многие из которых ранее были недоступны, окажется под рукой у граждан, пользующихся подключением к сети. На момент судебного решения Google оцифровал лишь небольшую часть 550 млн книг, в настоящее время хранящихся в американских исследовательских библиотеках. В результате осталось пространство для новых предложений по дополнению этого архива и по выходу за пределы схемы Google. Готовятся планы по созданию «цифровой публичной библиотеки Америки», которая включает Библиотеку Конгресса. Национальные библиотеки Норвегии и Нидерландов заняты активной оцифровкой их полных собраний книг, газет, фотографий, радио- и телепередач. Наконец, и сам Google провел переговоры по условиям «совместного проживания» с несколькими национальными библиотеками Европы.

Легко представить разветвление и глобальное объединение подобных трансграничных схем. Если бы удалось достичь такого результата, благодаря библиотекам-участникам решетчатая сеть универсума книг открылась бы многим сотням миллионов человек, живущих в самых разных частях света. Можно было бы подумать, что в подобной перспективе нет ничего нового. Ведь, если следовать такому возражению, со времен Гуттенберга книги не знали границ. Их часто сравнивали с пчелами, переносящими пыльцу идей и чувств от одного читателя к другому, на большие расстояния; также (в XIX в. это был весьма распространенный мотив) их уподобляли компасам и телескопам, секстантам, морским картам и маякам, без помощи которых людям не обойтись, когда надо проложить путь в опасных морях. Говорили, что дома без книг — это как комнаты без окон. Считалось, что книги не ограничены лингвистическими или национальными различиями; авторы представляли, что сами они связаны невидимыми нитями с другими авторами, поскольку все они являются участниками международной республики словесности; издатели заключали договора с книготорговцами в самых разных странах; а переводчики позволяли текстам родиться в новой форме для читателей, не знакомых с языком,

на котором они были изначально опубликованы. Все это так, однако предпринятые в начале XXI в. попытки развить и популяризовать цифровые книги — неотъемлемая часть именно эпохи коммуникационного изобилия. Эти первые эксперименты, целью которых является доступность книг, несут в себе неслыханную идею: одна и та же книга (а также копия газеты, радио- или телепрограммы) должна быть в открытом доступе одновременно для читателей и аудитории как богатейших городов, так и беднейших поселений Южной Африки, для студентов университетов Гонконга, Тель-Авива, Чикаго и Монтевидео, но также для любителей книг и бульварного чтения, проживающих в столь разных местах, как захолустные городки Австралии, деревни Индии и Пакистана или высотные многоквартирные комплексы Бангкока и Джакарты.

## НОВАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ

Вернемся к политическим последствиям незавершенной коммуникационной революции, поскольку в ней есть и второй заметный тренд, пока упоминавшийся нами лишь мимоходом: коммуникационное изобилие вызывает споры среди граждан и их представителей об определении и этико-политическом значении разделения публичного и частного. Публичность ныне обращена на все личное; область, которая ранее называлась «частной», становится предметом публичных споров; вырабатываются реакции, призванные защитить «частное». В условиях коммуникационного изобилия постоянно ведутся битвы вокруг неприкосновенности частной жизни — некоторые из них завершаются победой, но не все. Частные лица, омываемые океаном информации, которая стала портативной и легко воспроизводимой, практикуют искусство выборочного обнаружения и сокрытия некоторых деталей личной жизни; общим местом стала обеспокоенность неприкосновенностью частной жизни; решения о том, выдавать ли другим свои «координаты» и кому именно, остаются подвешенными<sup>41</sup>.

Что бы там ни думали о недостатках всего этого процесса, набеги на территорию частной жизни и ее «разоблачения» го-

<sup>41</sup> *Nippert-Eng C. Islands of Privacy: Selective Concealment and Disclosure in Everyday Life. Chicago; L.: University of Chicago Press, 2010.*

ворят не только о том, что граница публичного и частного стала источником постоянных правовых, политических и этических споров. Разногласия по поводу частности оказывают долговременное положительное воздействие: они учат граждан тому, что личное — это политическое, что область частного, некогда скрытая от глаз и ушей других людей, и при этом все еще считающаяся многими необходимой для того, чтобы можно было сделать нечто рискованное и даже сомнительное, на самом деле включена в сферы власти, в которых укрываются мошенники, творя несправедливость. Ушли в прошлое времена, когда частность могла считаться чем-то «естественным», неким заранее данным основанием или субстратом для само собой разумеющихся впечатлений и значений. Более поколения назад моравский философ Эдмунд Гуссерль именно так думал о «мире повседневной жизни» (*Lebenswelt*). Он предполагал, что повседневные взаимодействия людей в типичном случае определяются привычкой. Повседневная жизнь обладает явным «априорным» качеством. Это социальное взаимодействие, определяемое актами эмпатии между людьми, которые верят другим и ожидают от них, что они будут вести себя примерно так же, как они сами. Интерсубъективность структурируется бесспорными предпосылками взаимного знакомства. Актеры исходят из «естественной установки» по отношению к самим себе и к миру вокруг них; они взаимодействуют, опираясь на принятую за данность веру в то, что их модус отношения к вещам и поступков «естественным» образом разделяется и другими<sup>42</sup>.

Этот способ осмысления повседневного мира, сколь бы правдоподобным он ни казался в прошлом, сегодня является устаревшим. Те, кто все еще думают о повседневной жизни как о преграде для внешнего мира или даже как безопасной и закрытой гавани свободы в мире, где господствуют огромные сильные институты, просто потеряли контакт с реальностью. А она указывает на то, что повседневная жизнь более не явля-

<sup>42</sup> Husserl E. *The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology* / transl. by D. Carr. Evanston, IL, [1936] 1970 (рус. пер.: Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб.: Владимир Даль, 2004). Ср. логику анализа современных трендов в сборнике: *Technology and Privacy: The New Landscape* / P. Agre, M. Rotenberg (eds). Boston, MA: Harvard University Business Press, 1997, и особенно: <http://polaris.gseis.ucla.edu/pagre/landscape.html>

ется субстратом самоочевидных вещей и людей, которым безоговорочно доверяют. Например, в эпоху коммуникационного изобилия пользователи Интернета обнаружили, что их личные данные стали топливом для быстро развивающейся в сети рыночной экономики; традиционные методы соотношения рекламы с интересами людей быстро замещаются миром, структурированным цифровыми «куками», небольшими кусочками программного кода, которые устанавливаются на персональные компьютеры и действуют в качестве уникальных идентификаторов веб-страниц, посещаемых пользователями, — они могут хранить отслеженную информацию, составляя таким образом общую картину демографических характеристик и интересов пользователей, которая крайне ценна для таких компаний, как Facebook и Google, а также для их рекламных клиентов. «Десилосование» (как они говорят) личных данных позволяет рекламодателям точно отслеживать пользователей; коллективный иск против Facebook, урегулированный до суда, показал, что «лайки», оставляемые пользователями, могут использоваться для «спонсируемых историй» (рекламных объявлений) при маркетинге тех или иных продуктов<sup>43</sup>. Подобные тактики являются частью постоянно углубляющегося тренда: никакие частные дела и личные подробности не могут теперь находиться вне поля зрения средств информации, т.е. они не могут быть обнесены кордоном, защищающим их от освещения в медиа. Чем более «частным» является тот или иной жизненный опыт, тем больше «публичной известности» он, судя по всему, получает, особенно когда речь идет о вопросах вкуса и потребления, о сексе и насилии, рождении и смерти, личных надеждах, страхах, мошенничестве и трагедии. Похоже, что мы в XXI в. опять живем как при дворе Людовика XVI, т.е. в мире, в котором утреннее пробуждение (*le lever*) и укладывание в постель (*le coucher*), как и другие подробности личной жизни короля, считались «публичными» событиями, пробуждавшими у всех, кто были их свидетелями, чувство неимоверного удивления (в азиатских придворных обществах, например в имперской Японии, монархия которой

<sup>43</sup> См.: *Sengupta S.* On Facebook, “Likes” Become Ads. <[www.nytimes.com/2012/06/01/technology/so-much-for-sharing-his-like.html?\\_r=0](http://www.nytimes.com/2012/06/01/technology/so-much-for-sharing-his-like.html?_r=0)>. См. также: *Levine D.* Facebook “Sponsored Stories” Class Action Settled. <[www.huffingtonpost.com/2012/05/22/facebook-sponsored-stories-class-action-settlement\\_n\\_1537182.html](http://www.huffingtonpost.com/2012/05/22/facebook-sponsored-stories-class-action-settlement_n_1537182.html)>.



была импортным продуктом, завезенным из Европы Нового времени, публичное пространство также определялось в качестве придворного домохозяйства правителя, чей «частный», как мы могли бы подумать, мир, считался достойным показа заинтересованным и подчас восторженным людям<sup>44</sup>).

Сравнение наших времен с эпохой Людовика XVI, конечно, слишком вольное; однако трудно сомневаться в том, что в современных обществах, насыщенных медиа, частная жизнь становится все менее частной. Правительственные агентства создают системы сетевой фильтрации контента; устанавливают секретные приборы наблюдения, анализирующие интернет-трафик; накапливают горы данных и участвуют в широкомасштабных программах интеллектуального анализа жизни граждан; отслеживают точное месторасположение частных лиц с точностью до секунды, используя новейшие техники, известные под названием «трилатерации». В то же время цифровые идентичности частных лиц изучаются и отслеживаются компаниями. Личные данные — большой бизнес. Набирают обороты техники «захвата данных». Мы живем в экономике слежения, в которой компании — брокеры данных и торговцы информацией собирают, а затем продают другим компаниям, в том числе рекламным, сотни и тысячи детализированных сведений о потребительских паттернах, расовой и этнической идентичности, проблемах со здоровьем, социальных сетях и финансовых обстоятельствах большинства людей, заходящих в Интернет. В то же время дешевые и удобные методы воспроизведения информации и доступа к портативным сетевым инструментам коммуникации определяют эпоху медийного гиперпокрытия, в которой мы теперь живем. Все происходящее в кулуарах власти, начиная со спальни и ванны и заканчивая советами директоров и полями сражений, — все это моментально подхватывается медиа. Одним щелчком переключателя или нажатием кнопки на камере мир приватного внезапно становится публичным. Немедиатизированная приватность осталась в прошлом.

Это времена, когда частная жизнь знаменитостей — их любовные истории, вечеринки, здоровье, ссоры и разводы — становится предметом интереса и фантазий миллионов людей.

<sup>44</sup> *Fujitani T. Splendid Monarchy: Power and Pageantry in Modern Japan. Berkeley, CA; L.: University of California Press, 1996.*

Благодаря таким жанрам, как Twitter, телевизионные ток-шоу и радиопередачи, на которые звонят слушатели, мы наблюдаем бесконечную процессию «обычных людей», которые публично обсуждают то, что волнует лично их или, напротив, оставляет их безучастными. Мы живем во времена, когда миллионы людей считают, что могут совершенно свободно говорить о своих частных страхах, фантазиях, надеждах и ожиданиях, действуя так, словно они — знаменитости, выставляющие свои личные душевные переживания в Facebook. Мы живем в эпоху, когда вещи, сделанные «в частном порядке», становятся громкими публичными историями. Сегодня на так называемом реалити-телевидении плановую послеобеденную программу могут прервать, чтобы показать нам вооруженного озлобленного человека: он взял заложника, он направляет пистолет на самого себя, стреляет в полицейских — и все это в прямом эфире, который ведут с новостного вертолета или передвижной телевизионной станции. Бывают моменты, когда граждане делают то же самое самостоятельно, как, например, было с женщиной, которая выкрикивала расистские комментарии в битком набитом лондонском трамвае, и ее засняли, а потом выложили ролик в сеть. После того как ролик с ней стал в Twitter вирусным, его за неделю посмотрело около 10 млн зрителей. Это времена, когда то, что раньше обходилось молчанием, например совращение детей священниками Римской католической церкви, выставляется газетами и другими медиа на всеобщее обозрение — не без помощи жертв, которым удастся получить подробную информацию о своих мучителях, иногда совершенно случайно, благодаря новым средствам коммуникации. Наш век — это эпоха, когда приватно снятые кадры доказывают, что солдаты в зонах военных действий стреляли по своим, пытали пленных, лишали невинных гражданских лиц жизни, насиловали женщин и запугивали детей.

Глубокое проникновение культуры и практик коммуникационного изобилия в повседневную жизнь заметно и по другим признакам. Коммуникационное изобилие, питаемое агрессивными стилями журналистики, ориентированными на подсматривание, а также простыми в использовании портативными медиаинструментами, разрушает свойственную раннему Новому времени европейскую посылку, согласно которой частная собственность, рыночные условия, домашняя жизнь, эмоции и

такие биологические события, как рождение и смерть, — нечто данное или богоданное. Все эти аспекты жизни ныне утрачивают свою «естественность». Становится очевидной их условность; порой они выступают предметом публичного расследования и политических действий. По той же самой причине коммуникационное изобилие не оставляет камня на камне от более древнего, исходно греческого убеждения в том, что демократическая публичная жизнь требует дополитических оснований, немногословной частной жизни (или, если использовать греческий термин, «идиотию»), которая характерна для «ойкоса», т.е. пространства домохозяйства и рыночной жизни, в котором производятся, распределяются и потребляются продукты, удовлетворяющие основные жизненные потребности. В эпоху насыщения медиа приватность той области, что называется частным рынком, сходит на нет. Несправедливости и неравенства, скрываемые рынком, больше не считаются необходимыми или неизбежными, раз они якобы никого не касаются.

Так же, как и демократизация информации, деприватизация и демократизация приватного потенциала повседневной жизни — сложный и в высшей степени спорный процесс. Он подрывает устоявшиеся очевидности и предпосылки, которые некогда казались «естественными». Однако при том что предположительно априорные качества повседневной жизни ставятся под вопрос и критикуются, развивается и обратная реакция на весь процесс в целом. Появляется все больше политических возражений на разрушение приватности. Некоторые наблюдатели заявляют, расширяя и переворачивая стереотип XVIII в., что коммуникационное изобилие лишает граждан их идентичности, поэтому оно похоже не на богиню свободы, а на суккуба, демона в женском облике, который, как считалось, насилует спящих мужчин, собирает их сперму и передает ее другим женщинам. Используя другие метафоры, некоторые обличают растущее давление, заставляющее выдавать секреты о частной жизни, называя его «тоталитарным»<sup>45</sup>. Другие критики говорят

<sup>45</sup> См., например, комментарий Жака Деррида: «У меня есть вкус к секрету, который, очевидно, связан с желанием ничему не принадлежать; меня охватывает страх, когда я сталкиваюсь с политическим пространством, например публичным, в котором нет места для секрета. Для меня требование выставить все на публичной площади и уничтожить любой внутренний форум — это более чем очевидный признак “тоталитариза-

об этом иначе, разоблачая хищнические инстинкты чрезмерного освещения деталей частной жизни в медиа; обвинение в медиаубийстве — проблема, впервые отчетливо сформулированная в книге Джанет Мальколм «Журналист и убийца», — нередко становится лейтмотивом медиасобытий, например, когда публично отслеживались все подробности смерти принцессы Дианы, ставшей следствием того, что за ее скоростным автомобилем пытались угнаться так называемые папарацци<sup>46</sup>. Тогда как другие критики, ощущающие, что частная жизнь совершенно необходима для формирования здорового самопонимания, принимают решение *не* публиковать твиты, *не* покупать смартфон или *не* использовать электронную почту. Тот же смысл несут в себе разные явления: обращенные к журналистам призывы уважать частную жизнь других людей, повышать свои этические стандарты и не пренебрегать моральным самоограничением, определяющимся устоявшимися кодексами поведения; критика спама и других типов докучливых сообщений; схемы резервирования данных (предлагаемого такими компаниями, как Reputation.com), которые позволяют частным лицам за определенную сумму хранить свои приватные данные и управлять ими; наконец, судебные разбирательства, нацеленные на то, чтобы закрыть для журналистов возможность неограниченного копания в личных данных, каковое, к примеру, вскрылось в спорах вокруг «хакерского» скандала 2011–2012 гг. в издании Мердока

---

ции” демократии» (*Derrida J., Ferraris M. A Taste for the Secret / G. Donis, D. Webb (eds). Malden, MA: Blackwell, 2001. P. 59*).

<sup>46</sup> См., например: *Brown T. The Diana Chronicles. N.Y.: Doubleday, 2007*. Этические опасности подглядывания медиа за личными подробностями жизни других были описаны в работе Джанет Мальколм (*Malcolm J. The Journalist and the Murderer. N.Y.: Vintage, 1990. P. 1*), где профессиональный журналист рассматривается как «своего рода мошенник, который охотится за людьми, пользуясь их тщеславием, невежеством или одиночеством, завоевывает их доверие, а потом бессовестно предает их. Подобно доверчивой вдове, которая однажды просыпается и узнает, что очаровательный молодой человек исчез вместе со всеми ее сбережениями, герой той или иной журналистской истории, давший на нее согласие, оказывается, когда книга или статья выходит, наедине с жестоким уроком, который ему предстоит выучить. Журналисты оправдывают свое коварство по-разному, в зависимости от темперамента каждого из них. Более пафосные говорят о свободе слова и “праве общества знать”; наименее талантливые говорят об Искусстве; самые приличные бормочут о том, что им нужно зарабатывать на жизнь».

и громкой (хотя и безуспешной) апелляции, направленной в Европейский суд по правам человека Максом Мосли, призвавшим к ответу британскую газету «News of the World» за передовицу, в которой рассказывалось, что он участвовал в «грязной нацистской оргии с пятью шлюхами»<sup>47</sup>.

Между тем некоторые критики деприватизации публично призывают юридически закрепить право граждан удалять все следы их прошлой «частной» коммуникации с другими, накопившиеся вплоть до сего дня. Цифровые коммуникационные технологии рассматриваются в этом случае как обоюдоострый меч: хотя индивиды всю пользуются коммуникационным изобилием, их жизням могут нанести вред оцифровка, дешевые хранилища информации, простота поиска отдельных ее составляющих, глобальный доступ и все более мощные программные средства — все это вместе увеличивает опасности навеки сохраняющейся цифровой памяти о нашей частной жизни, например, старой информации, вырванной из контекста, компрометирующих фотографий или сообщений, к которым могут получить доступ работодатели или политические враги. По мнению этих сторонников неприкосновенности частной жизни, если изобретение письма позволило людям многие поколения и годы хранить воспоминания, коммуникационное изобилие — это нечто совершенно другое: оно представляется потенциальной угрозой для нашей индивидуальной и коллективной способности забы-

<sup>47</sup> См. решение Европейского суда по правам человека по делу «Мосли против Великобритании» (European Court of Human Rights (Fourth Section), Case of Mosley vs. United Kingdom (Application No. 48009/08; Strasbourg, 10 May 2011), § 131–132. Ссылаясь на ст. 8 и 10 Европейской конвенции по правам человека, суд признал фундаментальное значение ситуаций, в которых «ставшая предметом спора информация имеет частную или личную природу, а потому общество не заинтересовано в ее распространении». Также он отметил, что «частные жизни таких людей, выставляемые на всеобщее обозрение, стали весьма прибыльным товаром для отдельных секторов медиа». Суд тем не менее предупредил об «отрицательном воздействии» требования предварительного уведомления и снова утвердил принцип, который применялся к этому конкретному делу, а именно: «публикация новостей» о людях, занимающих публичные посты, «служит расширению спектра сведений, доступных обществу». В заключении напоминалось об «ограниченном числе возможностей» применения «ограничений свободы прессы в случае публикации материала, который вносит вклад в спор по вопросам, интересным для общества в целом».

вать вещи, которые должны быть забыты. Прошлое становится вечно настоящим, которое можно воспроизвести одним щелчком переключателя или нажатием кнопки. Эта линия критики предполагает, что проблема цифровых систем не только в том, что они помнят вещи, которые иногда лучше забыть. Она еще и в том, что они мешают нашей способности принимать взвешенные решения, не отягощенные грузом прошлого<sup>48</sup>. В то же время, занимая похожую позицию, новое поколение технически грамотных активистов, защищающее неприкосновенность частной жизни и связанное с такими сетевыми организациями, как Privacy International и Open Rights Group, запустило ряд публичных программ, например, в защиту более строгого применения правил, определяющих сроки действия тех или иных данных, за развитие технологий по защите частной жизни (так называемых PЕТ), а также против некоторых явлений — публично доступной геопространственной информации о частных жилищах; правительственных инициатив по регулированию доступа к сильной криптографии; корпоративного злоупотребления базами данных о клиентах; нерегулируемой прослушки и хакерских подразделений медийных организаций<sup>49</sup>.

Все эти процессы, сфокусированные на «праве на неприкосновенность частной жизни», подтверждают то, что коммуникационное изобилие выявляет неустойчивость и глубочайшую амбивалентность разделения публичного и приватного, которое, если говорить на языке философии, защищалось как священная первооснова либеральными мыслителями XIX в., например английским автором политических сочинений и парламентарием Джоном Стюартом Миллем или крупнейшим немецким философом свободы Вильгельмом фон Гумбольдтом<sup>50</sup>.

<sup>48</sup> Mayer-Schönberger V. Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age. Princeton: Princeton University Press, 2011.

<sup>49</sup> Technology and Privacy...

<sup>50</sup> Mill J.S. On Liberty // Mill J.S. Essays on Politics and Society / J.M. Robson (ed.). Toronto, Buffalo: University of Toronto Press / Routledge & Kegan Paul, [1859] 1977. P. 213–310 (рус. пер.: Милль Д.С. О свободе // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половины XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. М.: Прогресс-Традиция, 2000); Humboldt W. von. Of the Individual Man and the Highest Ends of His Existence // Humboldt W. von. The Limits of State Action. L., N.Y.: Cambridge University Press, 1969. P. 16–21 (рус. пер.: Гумбольдт В. Рассмотрение отдельного человека и высших, конечных целей его существования // Гумбольдт В. О пределах

Их требование обязательно четко отделять «приватное» (считающееся областью эгоистичных действий) от «публичного» (т.е. сферы действий, затрагивающих других) больше не выглядит реалистичным. В эпоху коммуникационного изобилия частная жизнь, определяемая как способность индивидов контролировать то, какую именно часть своей жизни они показывают другим, т.е. их «право на то, чтобы остаться в одиночестве»<sup>51</sup>, трактуется в качестве весьма сложного и ставшего предметом общественного обсуждения права. Споры о неприкосновенности частной жизни и «вторжении» в нее давно приобрели политическое значение. В них подчеркивается, прежде всего, растущее общественное понимание изменчивого и обратимого характера различия публичного и приватного, которое уже нельзя прочесть однозначно, как хотелось бы многим либералам Европы XIX в., т.е. в качестве бинарной оппозиции, отлитой в граните, или в качестве божественной и таинственной ценности. Благодаря коммуникационной революции нашего времени различие приватного и публичного стало считаться ценным, но амбивалентным наследием былых времен.

Сфера «приватного» рассматривается в качестве хрупкого «временно спокойного места»<sup>52</sup>, которое обычно служит убежищем, где можно укрыться от вмешательства других, но при этом оно может выступать убежищем и для мошенников. Иначе говоря, коммуникационное изобилие демонстрирует глубинную двусмысленность, таящуюся в самом различии приватного и публичного. Оно побуждает отдельных людей и группы гражданского общества проявлять большую гибкость в рассуждениях о приватном и публичном, а также больше учитывать контекст этих категорий. Граждане вынуждены осознать то, что их «частные» суждения по вопросам общественной важности могут отличаться и от актуально существующих, и от желательных норм, разделяемых обществом. Также они учатся согла-

государственной деятельности. Челябинск: Социум; Москва: Три квадрата, 2003).

<sup>51</sup> См. часто цитируемую статью Уоррена и Брандейса: *Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 15 December 1890. Vol. 4. No. 5. P. 193.*

<sup>52</sup> *Rorty R. Introduction: Pragmatism and Philosophy // Rorty R. Consequences of Pragmatism. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1982. P. xiii–xlvi.*

шаться с тем, что бывают времена, когда неприятная публичная огласка «частных» действий (или их «раскрытие») является вполне оправданной, например, когда речь идет о лживых политиках, людях, вероломно играющих на собственных сексуальных предпочтениях, или даже руководителях (итальянский пример — Берлускони), отчаянно стремящихся доказать свою мужественность<sup>53</sup>. Наконец, граждане начинают понимать, что некоторые вещи наверняка лучше оставить в тайне. Они учатся тому, что бывают моменты, когда неприкосновенность частной жизни (некоторые вопросы — не дело других; индивиды и группы должны иметь право не выступать свидетелями по собственным поступкам и не комментировать их) оказывается весьма ценным наследием. Вот почему они поддерживают сохранение «приватного» статуса некоторых областей социальной и политической жизни — так, например, журналисты стремятся защитить анонимность своих источников, а некоторые общественные кампании выступают против использования государством камер для скрытого видеонаблюдения и других методов неразрешенного наблюдения.

## НОВОЕ МАКРЕКЕРСТВО

Наряду с демократизацией доступа к информации и политизацией различия публичного и приватного есть еще и третий демократический тренд, заслуживающий упоминания, — активная деятельность граждан, журналистов и контролирующих институтов, которая сводится к закидыванию органов власти «разоблачениями» и фактами, требующими «публичной огла-

<sup>53</sup> Поскольку в распоряжении судей оказались свидетельства того, что премьер-министр Сильвио Берлускони был замешан в деятельности сети проституток (в том числе записи, полученные путем прослушки, на которых он хвалился, что был «премьер-министром только в свободное время», а также жаловался на то, что надо сократить поток женщин ввиду «ужасной недели», когда ему предстояло повстречаться с такими лидерами, как папа Бенедикт XVI, Никола Саркози, Ангела Меркель и Гордон Браун), он выступил с собственной защитой в письме в миланскую газету «Il Foglio», главный редактор которой работал министром в одном из его прежних правительств: «Я не сделал ничего такого, за что мне должно быть стыдно... Моя частная жизнь — это не преступление, нравится вам мой стиль жизни или нет, это мое личное дело, касающееся только меня, а потому к нему не может быть претензий» (17 сентября 2011 г.).



ски». Этот третий тренд можно назвать макрекерством, если использовать этот чудесный американизм — неологизм, возникший в конце XIX в., и обозначающий новый стиль журналистики, занятой публичным разоблачением коррупции<sup>54</sup>. Такие авторы, как Линкольн Стеффенс, Ида Тарбелл и Джейкоб Риис, называли себя общественными журналистами, пишущими для публики, жадной до фактов из жизни Америки тех времен. Вполне в соответствии со значением термина «макрекер» они не считали частную жизнь какой-то священной ценностью. Они полагали, что частные жизни богатых и власть имущих должны получить публичную огласку, если это имеет хоть какое-то значение для «общественных интересов». Ради этого они использовали новые методы расследования, например, интервью; несмотря на протесты (их часто ругали, называя сплетниками и прилипалами), они сумели воспользоваться обусловленным рекламой ростом тиража газет, журналов и книг, а также массовыми, более дешевыми методами производства и распространения и стали писать длинные, весьма подробные статьи и даже целые книги, в которых излагались сенсационные факты о темных коррупционных делишках в правительстве, растрате средств, махинациях в сфере бизнеса и социальном разложении.

Одна из представительниц этого направления, родившаяся в Пенсильвании журналистка, Нелли Блай (1864–1922) (илл. 5) совершила смелый, но опасный поступок: по заданию руководимой Джозефом Пулицером газеты «New York World» она притворилась сумасшедшей, чтобы опубликовать впоследствии репортаж из женской психиатрической лечебницы, написанный под прикрытием. Другие макрекеры открыто бросали вызов воротилам мира политики и бизнеса. Они готовы были заплатить любую цену, лишь бы поставить под вопрос промышленный прогресс. Макрекеры набросились на алчность, обманы и низкие стандарты в области государственного здравоохранения и страхования. Они обличали детский труд, проституцию и алкоголизм. Они взывали к обновлению городской жизни, которое должно было бы покончить с трущобами в городах. К 1905 г. макрекеры стали силой, с которой приходилось считаться, что

<sup>54</sup> Keane J. *The Life and Death of Democracy*. L.; N.Y.: W.W. Norton, 2009. P. 341–347.



Илл. 5. Нелли Блай (псевдоним Элизабет Кокрейн Симан), около 1890 г., фотография Г.Дж. Майерса

было доказано Уильямом Рандольфом Херстом, который купил журнал «Cosmopolitan»; заслуженный репортер этого издания Дэвид Грэм Филипс тут же начал публиковать серию статей под названием «Предательство сената», в которых сенаторы предстали ничтожествами, поскольку изображались как пешки промышленников и финансистов, как люди, подорвавшие принцип, согласно которому представители должны служить всем своим избирателям.

В эпоху коммуникационного изобилия новые макрекеры продолжают развивать все эти темы, обращая внимание на вечную проблему, решением которой является демократия, а именно на то, что власть элит всегда любит тайну, молчание, покров темноты. В их обычае — собираться за закрытыми дверями и решать свои дела полюбовно, между собой. Неудивительно, что в обществах, насыщенных медиа, «неожиданные» утечки и разо-

блечения парадоксальным образом становятся предсказуемым обыденным явлением. Обыденная жизнь постоянно прерывается медийными «событиями»<sup>55</sup>. Они ставят под вопрос и законные дела, и незаконные. Дело не только в том, что случаются разные вещи; поскольку есть потребители медиа, обязательно должно случиться нечто плохое. Макрекерство процветает. В иные моменты возникает ощущение, что вообще всем миром правят негодяи.

Макрекерство оказывает заметное политическое влияние на стандартные институты представительной демократии. Можно утверждать, что оно углубляет и так уже достаточно значительные разрывы, открывшиеся между партиями, парламентами, политиками и доступными средствами коммуникации. В последние десятилетия накопленные данные опросов указывают на то, что граждане во многих стабильных демократических странах хотя и безусловно поддерживают демократические идеалы, меньше доверяют политикам, больше сомневаются в институтах правления и чаще разочаровываются в лидерах общественного сектора<sup>56</sup>. Паттерны разочарования общества в официальной «политике» во многом связаны с практикой макрекерства в условиях коммуникационного изобилия. Политики теперь — это легкая добыча. Ограниченное освещение деятельности парламентов в медиа и их уязвимость для СМИ поражают. Несмотря на попытки взять в свои руки новые цифровые медиа, партии в этом деле часто проявляли неловкость; они не владеют своими медийными рупорами и не контролируют их, т.е. они утратили почти всю удивительную энергию, которую в конце XIX в. демонстрировали такие политические партии, как Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), которая в те времена была величайшей партийной машиной на Земле. Одной из основных причин ее успешности было то, что она выступала в качестве активного защитника распространения грамотности и ведущего издателя книг, памфлетов и газет, отстаивающего свою собственную линию.

Общее следствие заключается в том, что в условиях коммуникационного изобилия основные институты представитель-

<sup>55</sup> Badiou A. *Being and Event*. N.Y.: Continuum, 2005.

<sup>56</sup> Norris P. *Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited*. N.Y.: Cambridge University Press, 2011.

ной демократии становятся легкими мишенями для нападок. Вспомните о любом современном публичном споре, который привлекает широкое внимание: порождаемые им новости и комментарии обычно берут начало за пределами формальной машины представительной демократии. Сообщения становятся мемами, которые быстро передаются многими организациями, следящими за деятельностью власти, — большими, средними и малыми. В мире коммуникационного изобилия подобная решетчатая или сетевая схема распространения спорных сообщений является типичной, а не исключительной. Она постоянно создает эффекты обратной связи, т.е. непредсказуемые нелинейные связи между поступающими сигналами и результирующими. Этот тренд приводит к устареванию некогда влиятельных в поле политических коммуникаций установок, в частности тезиса, утверждающего, что демократии определяются «эффектами присоединения к большинству», «стадным поведением» и «спиралью молчания», которые обусловлены страхом изоляции от остальных граждан<sup>57</sup>. Вирусные факторы общественного контроля оказывают глубокое влияние и на государственные институты старой представительной демократии, которые оттесняются сетью медиатизированной критики, часто попадающей в цель, причем иногда с большого расстояния и благодаря эффекту бумеранга.

Рассмотрим несколько примеров макреккерства 12-месячного медийного цикла (2008–2009) в демократических странах: в законодательном собрании Флориды мужчина-законодатель замечен за просмотром порнографии в Интернете, когда его коллеги обсуждали вопросы аборта. Во время жесткой кампании перед президентскими выборами в США один из кандидатов (Барак Обама) переключается в режим сглаживания отрицательных последствий после того, как назвал одну журналистку «дорогушей» (*sweetie*); он отправляет ей извинение по голосовой почте: «Я достаточно наказан». В Японии матерый политик (Масатоси Вакабаяси) был вынужден подать в отставку и по-

<sup>57</sup> Влиятельный тезис, гласящий, что общественное мнение — это одиночество, вывернутое наизнанку, был всесторонне развит в классической работе Элизабет Ноэль-Нойман: *Noelle-Neumann E. The Spiral of Silence. Public Opinion: Our Social Skin.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984 (рус. пер.: *Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания.* М.: Прогресс-Академия, 1996).

кинуть парламент после того, как попал на камеру в тот момент, когда нажимал на кнопку для голосования за своего коллегу-парламентария, который до этого покинул помещение; неудачливый законодатель, который, очевидно, полагал, что сидит в слепом пятне камер, позже признался, что нарушил парламентские правила: «Я был неправ. Это было непростительно, и мне хотелось бы принести извинения»<sup>58</sup>. Во время государственного визита в Чили президент Чешской Республики попал в кадр, когда на церемонии подписания сунул себе в карман золотую шариковую ручку. В Финляндии заслуженного политика сместили посредством мобильного телефона — его private СМС-сообщения получили публичную огласку. В результате министр был вынужден уйти в отставку. Это случилось в апреле 2008 г., когда журнал «Нуту» обнародовал информацию о том, что министр иностранных дел Илкка Канерва отправил несколько сотен СМС-сообщений, в том числе и скабрёзных, танцовщице эротических танцев, которая сначала продала сообщения журналу, а затем не смогла оспорить судебный запрет на их публикацию. Министр безуспешно пытался оправдываться, заявив: «Я не стал бы так говорить в воскресной школе, однако это все же не нечто из ряда вон выходящее». В эпоху коммуникационного изобилия ручные камеры Sony постоянно используются кадрами репортёрами и просто любителями, которые снимают видео и ведут блоги, освещающие жизнь политиков, — вне студии и без сценария. Именно это происходило в последние годы во Франции; если судить по видеоролику, быстро загруженному на сайт LeMonde.fr, министр внутренних дел (Брис Ортефё) согласился сфотографироваться с молодым арабом из группы поддержки, а на шутку зеваки о «маленьком арабе» как символе интеграции ответил абсолютно искренне: «Нужно, чтобы был один араб. Когда он один, все хорошо. Но когда их куча, появляются проблемы».

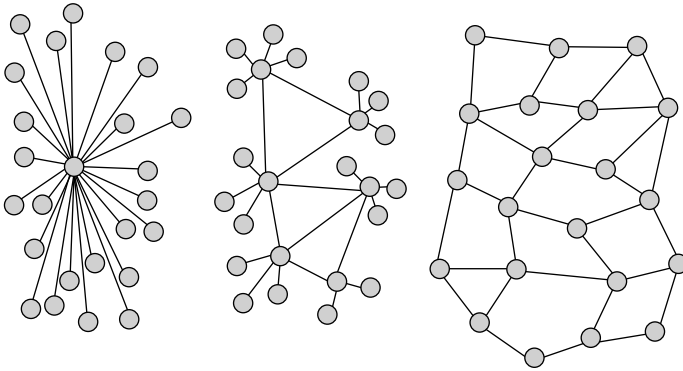
Под удар попали не только избранные политики и формальные политические институты. В условиях коммуникационного изобилия кажется, что ни одна организация и ни один руководитель в правительстве, бизнесе или общественной жизни не защищены от политических проблем. Все это нашим прапраде-

<sup>58</sup> *Martin A. Wakabayashi Exits Diet due to Illicit Votes // Japan Times. 2010. 3 April.*

дам показалось бы проявлением удивительной демократизации. И, несомненно, все это ставит под вопрос паникерские теории современных медиа, стремящиеся убедить нас в том, что демократия обречена, поскольку «медиа» «отупляют» или же «развлекают до полного бесчувствия» граждан, фабрикуя низкопробную и даже опасную продукцию. В этом пессимизме заключено фундаментальное заблуждение: он упускает из виду скандальность, грубость, беспорядочность коммуникационного избытия, его склонность будоражить публику, выставляя на всеобщее обозрение неявные формы дискриминации и несправедливости.

Но кто или что движет всем этим макрекерством? Конечно, дело тут не только в технических свойствах носителя информации — вопреки мнению тех, кто верит в магические силы технологии. Отдельные люди, группы, сети и целые организации — вот кто занимается макрекерством. Однако в инфраструктуру коммуникационного избытия встроены технические качества, которые позволяют макрекерам выполнять свою работу по общественному контролю властей. Как мы уже отмечали, с конца 1960-х годов инновации в области продуктов и процессов шли практически во всех сферах все более коммерциализирующихся медиа, что было обусловлено техническими факторами, такими как электронная память, более плотное разнесение каналов, распределение новых частот, прямое спутниковое вещание, цифровая настройка и передовые техники сжатия информации<sup>59</sup>. Все эти технические факторы оказали огромное влияние, однако в инфраструктуре коммуникационного избытия есть особая черта, связанная с его распределенными сетями. В противоположность, например, централизованным системам государственного вещания прошлых времен благодаря паутиным ссылкам между многими узлами в распределенной сети повышается внутренняя устойчивость последних по отношению к централизованному контролю (илл. 6). Сеть работает по принципу коммутации пакетов: потоки информации проходят

<sup>59</sup> Анализ базовых вопросов см. в работах: *Castells M. The Rise of the Network Society*. Oxford; Malden, MA: Blackwell Publishers, 1998. Ch. 5; *Castells M. The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2003 (рус. пер.: *Кастельс М. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе*. Екатеринбург: У-Фактория, 2004); *Castells M. Networks of Outrage and Hope: Social Movements in the Internet Age*. Cambridge: Polity Press, 2012.



Илл. 6. Централизованные, децентрализованные и распределенные сети

*Источник:* Джованни Наварриа.

через многие связанные решеткой узлы на пути к своему пункту назначения. Эти потоки, которые сначала разбиваются на биты и затем снова собираются вместе в пункте доставки, легко проходят сквозь цензурные барьеры. Если сообщения блокируются в том или ином пункте решетчатой системы, информация автоматически обходит его, перенаправляется на другой путь к заданной точке назначения.

Эти сетевые, связанные с коммутацией пакетов, качества, обществ, насыщенных медиа, гарантируют то, что сообщения могут приобретать вирусный характер, даже когда они сталкиваются с организованным сопротивлением. Это значит, что общества, насыщенные медиа, склонны к спорам и разногласиям. Некоторые наблюдатели утверждают, что необходимо новое понимание власти как «совместно разделяемой слабости», чтобы осмыслить влияние сетей на распределение власти в том или ином социальном порядке. Этот тезис гласит, что те, у кого есть власть над другими, постоянно подвергаются непредвиденным обратным реакциям, становятся мишенью для возмущения и бунта. Манипуляция безвластными людьми, их прессинг и запугивание — все это становится сложным; не имеющие власти быстро находят средства сетевой коммуникации, при помощи которых они могут отомстить власть имущим. Получить власть, не сдерживаемую никакими противовесами, становится сложнее, и намного проще — ее потерять. Это тренд, при-

мерами которого выступают такие сетевые политические инициативы, как южнокорейский сайт гражданской журналистики OhmyNews, сайт UK Uncut, индийский сетевой сервис I Paid a Bribe («Я заплатил взятку»), американская сеть политических кампаний MoveOn.org Political Action и СМС-активизм того рода, что способствовал смещению филиппинского президента Джозефа Эстрады. Общую формулу этого тренда предложил американский исследователь и активист Клэй Ширки: в сравнении с эпохами, когда господствовали газеты, телеграф, радио и телевидение, эра коммуникационного изобилия — это, как он говорит, время, когда «стало проще действовать группой». Благодаря сетевым коммуникациям и простым инструментам до невиданного уровня выросла гражданская «способность к выражению». Ширки пишет: «Поскольку коммуникационный ландшафт становится более плотным, более сложным, с большим числом участников, а сетевое население имеет теперь все больше доступной информации, оно получает больше возможностей публичного выступления, а его способность к проведению коллективных действий усиливается». Другие говорят о росте стремления к «самоорганизации» и «связном действии», запускаемом верой в то, что «жизнь может быть более кооперативной и децентрализованной, менее зависимой от традиционных моделей организации в рамках государства или большой компании»<sup>60</sup>. Другие же экспериментируют с этим принципом в области партийной политики, например, пытаются оттеснить основные политические партии методами «текучей демократии». Примерами являются «Движение 5 звезд» Беппе Грилло в Италии и Пиратская партия в Германии. Также можно ука-

<sup>60</sup> *Navarria G.* Citizens Go Online: Probing the Political Potential of the Internet Galaxy. PhD dissertation, University of Westminster, 2010; *Shirky C.* Here Comes Everybody. L.: Penguin Books, 2008; *Shirky C.* Cognitive Surplus: Creativity and Generosity in a Connected Age. L.: Penguin Books, 2010 (рус. пер.: *Ширки К.* Включи мозги. Свободное время в эпоху Интернета. М.: Карьера Пресс, 2012); *Shirky C.* The Political Power of Social Media // Foreign Affairs. 2011. January/February; Yochai Benkler, цит. по: *Kulish N.* As Scorn for Vote Grows, Protests Surge Around Globe // New York Times. 2011. 27 September; *Bennett W.L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // Information, Communication & Society. 2012. P. 1–30. <<http://ccce.com.washington.edu/about/assets/2012iCS-LCA-Bennett&Segerberg-LogicofConnectiveAction.pdf>>.



зять на исландскую Лучшую партию, которая в 2012 г. набрала достаточно голосов, чтобы войти в управление городского совета Рейкьявика. Причина успеха отчасти заключалась в том, что она пообещала не выполнять ни одного из своих обещаний, т.е. быть открыто коррумпированной, поскольку все остальные партии коррумпированы тайно.

Здесь нужно проявить определенную осторожность, поскольку, повторим еще раз, изменения, вызванные сетевыми инновациями, не являются плодом одного лишь технического проектирования или сетевого коммуникационного изобилия. Часто забывают то, что должно быть самоочевидным: происходящие изменения были запущены комплексом технических и человеческих причин, включая радикальные трансформации в экологии огласки общественных вопросов и их комментирования. Когда началась революция, провозгласившая коммуникационное изобилие, вся медийная инфраструктура, посредством которой производятся и распространяются новости о мировых событиях, стала еще более сложной и запутанной. Теперь она выглядит намного более беспорядочной, так что профессиональная новостная журналистика сегодня — это просто один из многих типов институтов, контролирующих власть. Во всех демократических государствах многие сотни и тысячи контролирующих институтов умело ведут свой бизнес — раскручивают вопросы, связанные с властью, что часто приводит к политическим последствиям. Доклады по правам человека, блоги, суды, сети профессиональных организаций и гражданских инициатив — это лишь несколько примеров механизмов контроля, сопровождения и запугивания, которые на фундаментальном уровне меняют дух и динамику демократии.

Все эти формы общественного контроля расцвели в новой галактике коммуникационного изобилия. Они не просто дают голос тем, кто был его лишен; они порождают эхо. Важным примером выступает испанское движение Los Indignados («Недовольные»), или «Движение 15 мая», которое использовало обширный спектр новых медиаинструментов для отслеживания эпизодов жестокого обращения со стороны полиции, программ по сокращению социального бюджета, случаев конфискации домов, коррупции в кредитно-банковской системе, несправедливых электоральных законов, устаревших парламентских процедур, цензурирования «неудобных» новостей в центральных

медиа, а также для сопротивления всем этим явлениям<sup>61</sup>. Политические эффекты подобных движений усиливаются ростом новых агрессивных форм профессиональной и гражданской журналистики. Уходит в прошлое журналистика, гордившаяся приверженностью принципу «комментарии свободны, но факты святы» (это выражение придумал в 1921 г. Ч.П. Скотт, долгое время работавший на посту редактора «Manchester Guardian») и основанной на фактах «объективности», т.е. идеалам, рожденным в эпоху представительной демократии, пусть даже на практике они всегда оставались исключением. Мы видим теперь, как вместо «ритуалов объективности»<sup>62</sup> распространяются «рекламные» и «прикольные» стили коммерческой журналистики, те жанры письма, которые определяются рейтингами, политическими связями, продажами и посещаемостью. Встречается едкая политическая сатира, иногда просто разящая наповал, вроде той, что была популяризирована в Индии благодаря еженедельному шоу «Poll Khol» на телеканале STAR, в котором роль комедийного ведущего играет мультипликационная обезьяна. Также в нем используются новостные клипы и саундтреки из голливудских фильмов (название программы переводится как «открытые выборы», но на самом деле оно происходит от популярной метафоры на хинди, означающей «открыть тайную историю»). Все эти методы не слишком хорошо совмещаются с разговорами о «честности» (как известном критерии хорошей журналистики, провозглашенном Юбером Бёв-Мери, основателем и первым издателем газеты «Le Monde»). Также мы видим открытые нападки на профессиональную «этаблированную» журналистику, связанные с распространением так называемой гражданской журналистики и анклавами самодельных изданий<sup>63</sup>. Силы профессиональной и гражданской журналистики

<sup>61</sup> Лучшее описание можно найти в работе: *Feenstra R.A. Democracia monitorizada en la era de la nueva galaxia mediática. La propuesta de John Keane. Barcelona: Icaria, 2012.*

<sup>62</sup> *Scott C.P. A Hundred Years. 1921, перепечатано в: The Guardian. 2002. 29 November; Tuchman G. Objectivity As Strategic Ritual: An Examination of Newsman's Notions of Objectivity // American Journal of Sociology. 1972. January. Vol. 77. No. 4. P. 660–679.*

<sup>63</sup> *Hartley J. Communicative Democracy in a Redactional Society: The Future of Journalism Studies // Journalism: Theory, Practice & Criticism. 2000. Vol. 1. No. 1. P. 39–47.*

часто пересекаются, и когда это происходит (как в случае «The Guardian»), они явно гордятся своим вкладом в движение макрекерства. Они любят подчеркивать, что отрицательного ответа для них не существует, что их работа — раскрывать вещи, ранее скрытые, сообщать о происходящем, бичевать глупцов и осложнять жизнь лжецам и ворам. Они уверены, что функция журналистики не сводится к удовольствию, ущербу, «объективности» или «сбалансированности». Скорее, ее цель — обнажать язвы, находить слова, чтобы выступить против несправедливости, дать жертвам власти возможность говорить от собственного лица. Иногда они утверждают, что журналистика должна руководствоваться инстинктами хищника, даже если это значит, что будут и жертвы. Порой такие разговоры играют роль всего лишь самооправдания, и (как мы вскоре поймем) следует с большим скепсисом относиться к тому, что многие профессиональные и гражданские журналисты любят выдавать себя за повивальных бабок «истины». Но, если принимать во внимание этот дерзкий стиль независимой журналистики, вряд ли можно удивляться тому, что публичные обвинения в коррупции и мошенничестве стали ныне обычным делом.

Вскоре мы увидим, что новая эпоха коммуникационного изобилия отягощена тенденциями, которые противоречат базовому демократическому принципу, согласно которому у всех граждан есть равное право высказывать свои мнения и периодически устраивать своим представителям взбучку. Такие взбучки и в самом деле устраивают, но в ранее невиданном масштабе и с неслыханной силой. Фигурально выражаясь, коммуникационное изобилие словно нож рассекает все властные связи между правительством, бизнесом и остальной частью гражданского общества. Кажется, что в эпоху медийного насыщения скандалам нет конца; бывают моменты, когда так называемые гейты, т.е. особенно громкие скандалы, выбивают почву из-под ног целых правительств. Частота и интенсивность раскручиваемых медиа «гейтов» изрядно пугают власть имущих; и хотя скандалы могут оказывать отрицательное влияние на дух и институты демократии, они служат трезвым напоминанием о вечной проблеме, с которой сталкивается любая политическая система, а именно о том, что люди во власти всегда стремятся организованно манипулировать теми, кто ниже их и кто с ними на одном уровне.

Вот почему это грязное политическое дело — срывание с власти покровов секретности — сохраняет фундаментальное значение. Не стоит поддаваться искушению и думать, будто общества, насыщенные медиа, с их решетчатými сетями, множественными каналами, трезвомыслящей журналистикой и институтами контроля власти — это пространство с равными правилами игры, как они понимались в демократии. Однако, даже если общества, определяемые коммуникационным изобилием, — это не рай открытого общения, исторические сравнения показывают, насколько это выдающиеся качества: постоянное волнение этих обществ, вечное беспокойство, подзуживаемое сложными медийными сочетаниями различных игроков и институтов, которые постоянно селятся что-то сделать, работая то совместно, то с противоположными целями. Властители обычно стараются определять и решать, кто что, как и когда получает; однако люди, не обладающие властью, пользуясь преимуществами коммуникационного изобилия, следят за руководителями, что иногда приводит к драматическим последствиям или неожиданному успеху.

Вывод в том, что общества, насыщенные медиа, являются крайне конфликтными политическими порядками, в которых, вопреки мнению некоторых пессимистов и пуристов, политика отнюдь не исчезла. Ничто не решено и не определено. Составляя резкий контраст с галактиками коммуникации, которые были структурированы печатным станком, телеграфом, радио и телевидением, общества, насыщенные медиа, значительно облегчают выступления против привычек, предрассудков и властных иерархий. Они пробуждают ощущение того, что люди могут на равных условиях оформлять и изменять свои жизни; неудивительно поэтому, что часто они вносят в этот мир движение. Общества, насыщенные медиа, отличаются отчетливыми «вирусными» качествами. Споры о власти часто начинаются как гром среди ясного неба; они развиваются по непредсказуемым траекториям, порождая удивительные выводы, которые приводят к неожиданным последствиям.

Показательным примером является скандал со взломом телефона, разразившийся в News Corporation в середине 2011 г.: он начался с расследования, проведенного газетой «The Guardian», которое открыло, что принадлежащее корпорации издание «News of the World» взломало голосовую почту 13-летней жертвы

убийства Милли Даулер. Внезапно поднялась волна общественного негодования. Глобальная компания понесла значительные репутационные издержки. Друг за другом последовали несколько событий: арест нескольких руководителей News Corporation; закрытие «News of the World» — издания, просуществовавшего 168 лет; парламентские слушания; публичные извинения Руперта Мердока, председателя и генерального директора компании. Ему пришлось наблюдать, как публика накинулась на его друзей по политике, а его планы по покупке многомиллиардной спутниковой телекомпании British Sky Broadcasting рухнули. Вскоре рекомендация перетрясти управление фирмы поступила со стороны крупнейшей инвестиционно-консалтинговой компании, которая раскритиковала начальников News Corporation за «вопиющие промахи в руководстве и неспособность к самостоятельным действиям», проявленную советом директоров, когда он не смог сделать однозначное заявление по незачисленным бизнес-практикам; также началось публичное расследование культуры, практик и этики британских СМИ, руководимое лордом-судьей Левесоном<sup>64</sup>.

Можно легко вспомнить и о других примерах неожиданно разгорающихся споров о власти. Группам, использующим мобильные телефоны, форумы, рассылки, вики и блоги, иногда вопреки всякой вероятности удается привлечь внимание рассеянной публики к своим противникам. Корпорации становятся мишенью для атак (со стороны хорошо организованных и разбирающихся в медиа групп, таких как Adbusters), поводом для которых выступают их услуги и продукты, инвестиционные планы, отношение к сотрудникам и их влияние на биосферу. Такие занятые мониторингом власти организации, как Human Rights Watch, Avaaz.org, Global Witness и Amnesty International, регулярно делают то же самое, обычно при помощи сетей поддержки, разбросанных по всему земному шару. Существуют такие инициативы, как «Консорциум World Wide Web» (известный как W3C), которые отстаивают всеобщую доступность цифровых сетей. Есть даже организации (например, сеть Democratic

<sup>64</sup> Материалы, собранные Комиссией Левесона, доступны по адресу: <[www.levesoninquiry.org.uk](http://www.levesoninquiry.org.uk)>; см. также: *de la Merced M.J.* Advisory Firm Urges Ouster of Murdoch and His Sons // International Herald Tribune. 2011. 12 October. P. 21; *Watson T., Hickman M.* Dial M for Murdoch: News Corporation and the Corruption of Britain. L.: Blue Rider Press, 2012.

Audit, Accountability Project и Transparency International), которые специализируются в публичной оценке качества существующих механизмов контроля власти и того, насколько полно они представляют интересы граждан. Политикам, партиям и парламентам приходится несладко от таких некоммерческих интернет-организаций, занимающихся макрекерством, как California Watch и Mediapart (парижская контролирующая организация, в которой работает несколько ветеранов французских газет и новостных агентств). На всех уровнях различным органам власти постоянно приходится отвечать на острые вопросы по широкому спектру таких тем, как права человека, правительственные планы по производству энергии или качество питьевой воды в городах. Даже программы по поставке вооружений, обычно особенно тщательно скрываемые, сталкиваются с проблемами из-за инициатив подкованных в сфере медиа граждан, руководствующихся духом, а иногда и буквой принципа, утверждающего, что «в отсутствие государственных сдержек и противовесов <...> единственным эффективным ограничением политики исполнительной власти, а также действий власти в области национальной обороны и международных дел, может выступать <...> информированное и критическое общественное мнение, которое одно лишь способно <...> защитить ценности демократического правления»<sup>65</sup>.

## WIKILEAKS

Наступили времена, когда ужасающее государственное насилие, жертвами которого становятся граждане, не остается без свидетелей и, вопреки всем ожиданиям, встречает сопротивление общества, выражающееся в загружаемых гражданами видеороликах, цифровых «ситтинах», сетевых «активистских» коллективах и хорошо разбирающихся в медиа контролирующих организациях, таких как Syrian Observatory for Human Rights, Anonymous и Burma Watch International. Есть небольшие гражданские группы, такие как Space Hijackers, которым удается привлечь внимание общества смелыми акциями, — например,

<sup>65</sup> Это слова судьи Поттера Стюарта из его знаменитого выступления в Верховном суде США по делу «New York Times Co. против Соединенных Штатов Америки» (1971 г.), известному как дело «Документов Пентагона».



Илл. 7. Демонстрация Space Hijackers против ярмарки вооружений в восточном Лондоне (сентябрь 2007 г.)

они пригнали купленный на вторичном рынке танк ООН на крупнейшую в Европе ярмарку вооружений в лондонском Доклендсе, чтобы доказать его «пригодность для эксплуатации», а затем выставить его на аукцион, одновременно предложив торговцам оружием купить протезы конечностей (илл. 7).

Существуют и глобальные резонансные инициативы, которые, не применяя насилия, бьют в самое сердце сверхсекретной суверенной власти. WikiLeaks на сегодняшний момент — это наиболее обсуждаемый эксперимент в искусстве публичного зондирования тайной военной власти. Эксперты сначала назвали его новейшей базовой историей нашей эпохи, но дело в том, что его дух и методы тесно связаны с эпохой коммуникационного изобилия. WikiLeaks, занимающийся радикальной формой макрекерства, поддерживаемого этическими соображениями и теньвым сообществом активистов с профессиональной технической подготовкой, во главе которого стоит харизматическая публичная фигура — Джулиан Ассанж (илл. 8), всецело опирался на главные составляющие коммуникационного изобилия — простой доступ к многочисленным медийным инструментам, объединенным в единое целое, и дешевое копирование инфор-

мации, которая потом расплывается по всему миру через цифровые сети. Выступая в качестве *люмпен*-аутсайдера в мире информации, WikiLeaks прославился, обнародовав видеоролик, на котором команда американского военного вертолета кричит на небооруженных гражданских и журналистов и стреляет по ним. Затем проект стал источником нескольких ударных волн, потрясших гражданское общество и правительства многих стран, когда стал публиковать горы информации, сотни тысяч совершенно секретных документов, связанных с дипломатической и военной стратегиями США, их союзников и врагов.

При поддержке центральных СМИ WikiLeaks сумел нанести ощутимый удар, что в немалой мере объясняется подкованностью участников проекта в интеллектуальном искусстве «криптографической анонимности», т.е. шифрования военного уровня, которое должно защищать как его источники, так и его самого как глобального издателя. Впервые в глобальном масштабе WikiLeaks создал специальный почтовый ящик, благодаря которому недовольные макрекеры из той или иной организации смогли раскрывать засекреченные данные, сохраняя инкогнито. Сначала эти данные фиксировались в замаскирован-



Илл. 8. Основатель и издатель WikiLeaks Джулиан Ассанж, Лондон (февраль 2013 г.)



ном серверном облаке, а затем WikiLeaks запускал эту идеально защищенную информацию в публичный оборот, что выступало актом, позволяющим достичь радикальной прозрачности и «истины».

Проект WikiLeaks руководствовался теорией лицемерия и демократии. Предпринятая им попытка создать «народное разведывательное агентство» предполагала, что отдельные сотрудники в той или иной организации порой готовы выступить в качестве разоблачителей не только потому, что их идентичность защищена шифрованием, но прежде всего потому, что их организация страдает от невыносимого разрыва между публично заявляемыми целями и частными, принятыми внутри организации стереотипами. Лицемерие — самый главный навоз (muck) для макрекерсов, чьи грабли (rakes) в авгиевых конюшнях государства и бизнеса оказывают двойное воздействие: они увеличивают количество навоза, оказывающегося под носом у заинтересованной, но часто изумленной публики, которая, соответственно, все больше чувствует, что живет среди всего этого навоза. Макрекерство в стиле платформы WikiLeaks имеет еще один источник, который помогает объяснить, почему попытки привлечь проект к суду и силой его закрыть уже вызвали появление нескольких клонов, таких как BalkanLeaks — балканская инициатива, занятая публикацией информации об организованной преступности и политической коррупции в регионе; International Consortium of Investigative Journalists — глобальная сеть, выступающая за отмену секретности, защищающей активы капитала, хранимые в офшорах. Попросту говоря, WikiLeaks питается противоречием, глубоко укорененным в цифровых информационных системах всех крупных и сложных организаций. Государства, корпорации и другие организации пользуются коммуникационной революцией нашего времени, переходя на цифровые технологии и всячески применяя их. Их цель — повысить внутреннюю эффективность и внешнюю конкурентоспособность, нарастить собственные способности быстрой и гибкой обработки сложных, запутанных или неожиданных ситуаций. Вопреки мнению Макса Вебера, базы данных и системы обработки данных в таких организациях — это противоположность бюрократических рогаток, строгих правил секретности и разделения данных по отделам, т.е. всех тех явлений, из-за которых эти организации могли бы стать медлительными

и неуклюжими. Поэтому они выбирают динамичные и оперативные методы совместного использования данных различными департаментами и целыми организациями. Огромные потоки засекреченных материалов свободно переносятся из одного места в другое, из-за чего увеличивается вероятность утечек в поле общественного мнения. Если затем организации отвечают на такие утечки, ужесточая внутренний контроль над своими информационными потоками (этот ход Джулиан Ассанж называет введением «налога на секретность»), высока вероятность, что такие организации запустят процесс собственного «когнитивного упадка», снижая свою способность быстро и эффективно справляться со сложными ситуациями и в то же время увеличивая вероятность сопротивления налогу на секретность со стороны мотивированных сотрудников, которые убеждены в лицемерии и несправедливости организаций, не представляющих их точки зрения<sup>66</sup>.

### НЕИЗБРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Тема представительства выводит нас на четвертый тренд, имеющий важное значение для демократии в ее представительной форме: в эпоху коммуникационного изобилия увеличивается число неизбранных представителей, так что иногда общественная поддержка, оказываемая им, бросает тень на легитимность и жизнеспособность избранных представителей (политиков и парламентов) как центрального организующего принципа демократии. Под «неизбранными представителями» подразумеваются защитники общественных интересов и ценностей, публичные фигуры, чей авторитет лежит за пределами электоральной политики. Конечно, это необычное выражение. Оно словно бы отсылает нас к эпохе Томаса Карлейля и Ральфа Уолдо Эмерсона, к их убежденности в значении великих людей и героев<sup>67</sup>, а

<sup>66</sup> Assange J. The Non-linear Effects of Leaks on Unjust Systems of Governance, 2006. 31 December. <<http://web.archive.org/web/20071020051936/http://iq.org/#Thenonlineareffectsofleaksonunjustsystemsofgovernance>>; cp: Assange J. State and Terrorist Conspiracies, 2006. 10 November. <L: <http://cryptome.org/0002/ja-conspiracies.pdf>>. Время доступа к обоим документам — 18 января 2011 г.

<sup>67</sup> Carlyle T. On Heroes, Hero-Worship and The Heroic in History. L., [1840] 1870 (рус. пер.: Карлейль Т. Герои, почитание героев и героиче-

потому демократическому уху оно кажется непривычным. Следовательно, важно разобраться в его значении и описываемом им тренде, который часто понимается неверно.

Наше незнание прошлого неизбежно порождает неверное понимание настоящего, поэтому давайте вернемся к временам, когда прививка принципа и практики представительства к демократии необратимым образом изменила исходное значение обоих<sup>68</sup>. Представительство, некогда понимаемое Гоббсом и другими политическими мыслителями в качестве всего лишь эквивалента реального или потенциального удостоверения права править, должно было высвободить место для равенства, подотчетности и свободных выборов. Со своей стороны, демократия, по крайней мере в теории, должна была найти место для процесса делегирования решений другим, а потому открыться для вопросов общественной ответственности и публичной подотчетности руководителей. Начиная примерно с последней четверти XVIII в. демократическое представительство стало означать процесс представления интересов и позиций избирателей, которые не присутствуют в палатах и на форумах, где принимаются решения. Представители принимают решения от имени и при физическом отсутствии тех, для кого эти решения важны.

Но это была только одна часть сложного динамичного уравнения. Дело в том, что в условиях демократии (по крайней мере так считали многие комментаторы) те, кто выведены за пределы принятия решений, должны периодически вмешиваться в этот процесс и заявлять о своем присутствии, поднимая на публичном собрании руки или (если говорить о наших временах) прикасаясь к экрану или проставляя крестики в бюллетене, заполняемом втайне от всех остальных. В демократических условиях представительство — это процесс периодического предъявления или выведения на передний план того, что отсутствует; это не просто (как полагал Берк) акт делегирования права выносить суждение нескольким доверенным лицам, которые принимают решения от имени тех, кого они пред-

ское в истории // Карлейль Т. Теперь и прежде. М.: Республика, 1994; *Emerson R. W. Representative Men: Seven Lectures.* Boston, MA, 1850).

<sup>68</sup> Более подробное описание сложного исторического процесса формирования демократии см. в книге: *Keane J. The Life and Death of Democracy.* Pt. 2.

ставляют. В идеале представительство — это предупреждение *неверного представления*. Под этим имеется в виду то, что представительство — это подотчетность, постоянная борьба между представителями, выносящими политические суждения, и представляемыми, гражданами, которые тоже выносят политические суждения.

Результат всей этой диалектики заключался в том, что представительная демократия стала особой формой правления, отличной от источника своей политической власти (народа, или «демоса») и одновременно связанной с ним, т.е. превратилась в применение политической власти представителями, которые периодически наказываются людьми, чьим интересам они должны служить. Недостаток в том, что выборы представителей стали динамическим процессом, подчиненным тому, что можно назвать принципом разочарования<sup>69</sup>. Сегодня выборы все еще трактуются в качестве метода назначить виноватого за плохие политические результаты, т.е. способа обеспечить ротацию руководства (исходя из его заслуг и скромности) при наличии избирателей, наделенных правом разоблачать проступки руководителей и лишать их поста, если и когда они допускают оплошности, что бывает довольно часто. Каждые выборы — это в равной мере как начало, так и конец. Весь смысл выборов в том, что они являются способом дисциплинировать представителей, разочаровавших своих избирателей, у которых есть право осыпать их бранными словами и «побивать камнями» (на бумаге или в электронном виде). Если бы представители всегда были достойными, беспристрастными, компетентными и ответственными, выборы бы потеряли свой смысл.

Принцип разочарования, встроенный в принципы и практику представительной демократии, помогает объяснить прежде всего то, почему избранные политические представители периодически оказываются мишенью для жесткой публичной критики, превращаются в козлов отпущения или в объект для сатиры и сарказма. Также фактор разочарования объясняет, почему в условиях коммуникационного изобилия привлекательными становятся другие формы представительства; и по-

<sup>69</sup> Keane J. A Productive Challenge: Unelected Representatives Can Enrich Democracy // WZB-Mitteilungen. 2011. March. Vol. 31. P. 14–16.

чему неизбранные представители притягивают к себе немалое внимание СМИ и получают значительную поддержку общества. Томас Карлейль понял, что такие «герои», как Шекспир, Лютер, Гете и Наполеон, смогли прославиться благодаря современному печатному станку; и он, несомненно, был бы просто ошарашен многократно возросшей силой коммуникационного изобилия. Общества, насыщенные медиа, увеличивают разнообразие, аудиторию и сложность источников публичной информации, жадно стремящихся к «звездам». Вполне ожидаемое следствие — выходящее далеко за пределы избранного правительства быстрое увеличение числа и влияния известных лиц, групп и организаций, которые выступают за определенные программы и отхватывают себе ту часть избирателей, которая часто не согласна со словами и делами официальных политических партий, избранных руководителей, парламентов и правительств в целом. Что бы ни думать об этой особой разновидности политики или о достоинствах отдельных целей, за которые выступают неизбранные представители, последние меняют политическую географию и динамику демократий. Эти уважаемые публичные персоны, совершенно особого свойства, повышают подвижность демократической политики, нередко становясь причиной изрядных политических затруднений для официальных механизмов представительства.

Но кем именно являются эти неизбранные представители? Что означает это странное выражение? В наиболее элементарном смысле неизбранные представители — это авторитетные публичные фигуры, которые завоевывают общественное внимание и уважение благодаря различным формам медийного освещения. О них снимаются документальные фильмы; интервью с ними становятся вирусными; у них есть веб-сайты, они ведут блоги и твиттеры. Часто они по своему характеру экстраверты, и кажется, что они повсюду, хотя обычно им присуще устойчивое чувство контракта с гражданами, восхищающимися ими и видящими в них то, чем они сами хотели бы стать. Эти представители отлично разбираются в медиа. Они пользуются всеми выгодами своей скандальной известности. Они знамениты, но они не просто «знаменитости» — это слишком растяжимое и затертое понятие, которое не способно описать основное качество неизбранных представителей, выражающих взгляды других людей. Неизбранные представители — это не бездумные искатели

славы, которые вскарабкались по лестнице признания. Это не «двигатели в миллион лошадиных сил» (Маклюэн), не люди, известные тем, что они «хорошо известны»<sup>70</sup>. И они занимаются всем этим не ради денег. Они не протуберанцы на поверхности; им не выгодно коварное зондирование их личной жизни; они не потакают блоггерам, пишущим о знаменитостях, колумнистам, пересказывающим слухи, или таблоидным папарацци. Фигура неизбранного представителя не тождественна тому, кого немцы называют *Hochstapler* («бахвалом»), т.е. мошеннику, который постоянно хвалится и превозносит себя. Напротив, неизбранные представители несут на себе печать смирения. Они стоят на земле, а не парят в небе. Они представляют нечто, находящееся за пределами их частной ниши, нечто большее. Говоря точнее, в роли общественных представителей они «отражают» вкусы и взгляды части общества, восхищающейся ими, и одновременно будят воображение и вызывают симпатии, выступая лидерами по широким вопросам общественного блага, трактуемого не только с их точки зрения, но и с позиции других людей.

Неизбранные представители расширяют горизонты политического, даже если они не избраны в том же смысле, что и парламентские представители, проходящие через формальные периодические выборы. Верно то, что иногда неизбранные представители решают вложить (на какое-то время) свою славу во что-то другое и сделать ход в сторону — в формальную парламентскую политику или в какое-нибудь министерство. Примером является Вангари Маатаи (1940–2011), первая африканская женщина, получившая Нобелевскую премию мира, основатель панафриканского гражданского движения Green Belt Movement.

<sup>70</sup> См.: *McLuhan M. Explorations 3*, переиздано в: *McLuhan M. Unbound 1*. Toronto: University of Toronto Press, 2005; *Boorstin D. The Image: or What Happened to the American Dream*. N.Y.: Atheneum, 1962. P. 57. Анализ феномена знаменитости можно найти в следующих работах: *Boorstin D. The Image: A Guide to Pseudo-Events in America*. N.Y.: Atheneum, 1961, 1971; *Gamson J. Claims to Fame: Celebrity in Contemporary America*. Berkeley: University of California Press, 1994; *Couldry N. The Place of Media Power: Pilgrims and Witnesses of the Media Age*. L., 2000; *Rojek C. Celebrity*. L.: Reaktion Books, 2001; *Turner G. Understanding Celebrity*. L.: Sage, 2004; *Hedge C. Empire of Illusion: The End of Literacy and the Triumph of the Spectacle*. N.Y.: Nation Books, 2009.

Другие делают прямо противоположное, беря на себя роль общественных лидеров после завершения срока на выборном посту<sup>71</sup>. Тут можно вспомнить много примеров. Среди них деятельность бывшего немецкого канцлера Гельмута Шмидта, который в 1983 г. помог основать InterAction Council, группу, включавшую свыше 30 бывших высокопоставленных чиновников; острые комментарии Михаила Горбачева и Нельсона Манделы о мировой политике; кампания Эла Гора «Неудобная правда» (Inconvenient Truth); Africa Progress Panel и мирные переговоры, проводившиеся бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннано, в том числе во время выборов 2007–2008 гг. в Кении, сопровождавшихся вспышками насилия. Сюда же относятся многочисленные публичные инициативы Джимми Картера, который нашел себя в качестве защитника прав человека и стал в итоге первым экс-президентом США, показавшим, что мир настолько сжался, что ему нужны новые формы политики, позволяющие заниматься ею более принципиально и в то же время более коллегиально, опираясь на такие организации, как The Elders, которую он помог основать в 2007 г.

Трудно дать интерпретацию реальной жизнеспособности и значения этих избранных представителей, которые раньше занимали высокий пост (не говоря уже о таких фигурах, как экс-президент Джордж Буш-младший, который после завершения своего срока занялся самореабилитацией при помощи Facebook<sup>72</sup>). Можно сказать, что такие фигуры своим примером доказывают, что прошли времена, когда бывшие избран-

<sup>71</sup> Keane J. Life after Political Death: The Fate of Leaders after Leaving High Office // Dispersed Leadership in Democracy: Foundations, Opportunities, Realities / J. Kane, H. Patapan, P't Hart (eds). Oxford: Oxford University Press, 2009.

<sup>72</sup> См.: <[www.facebook.com/georgewbush#!/georgewbush](http://www.facebook.com/georgewbush#!/georgewbush)>. Время доступа — 7 июня 2010 г. Месторасположение, указанное на его странице, — Dallas, TX, день рождения — 6 июля 1946 г., у него 73 289 друзей (больше, чем могли бы предположить недоброжелатели). В первом статусе написано: «После ухода со своего поста президент Буш не прекратил свою деятельность. Он посетил 20 штатов и 8 государств, произнес более 65 речей, открыл Президентский центр имени Джорджа Буша-мл., участвовал в 4 конференциях в рамках Института Буша, закончил черновой вариант своих мемуаров “Ключевые решения”, вместе с экс-президентом Клинтоном занимался открытием Фонда Гаити Клинтон и Буша. Больше о его деятельности читайте в следующих постах».

ные лидеры превращались в посредственностей или тратили свое время на то, чтобы «глотать таблетки и открывать библиотеки» (как сказал Герберт Гувер), иногда утопая в жалости к самим себе («что еще остается делать после Белого дома, если не пить?»), — сострил однажды, по свидетельствам очевидцев, Франклин Пирс). Ясно, что выборы или правительственная политика не являются для неизбранных представителей обычной судьбой или стандартной карьерной траекторией. Нас очаровывает то, что чаще всего они сторонятся политических партий, парламентов и правительства. Им не хочется выглядеть политиками. Парадокс в том, что из-за этого они не становятся менее «избранными» или легитимными на взгляд их последователей, в их сердцах и головах. Чаще эффект прямо противоположный.

Неизбранные представители, незапятнанные официальными постами, идут по стопам Махатмы Ганди: действуя вне правительства, они отхватывают себе часть избирателей и завоевывают сторонников, которым, соответственно, внушают желание поступать иначе, стремиться быть лучше. В результате, играя роль публичных представителей, они часто вступают в спор с избранными властями. Также они привлекают к ответственности и представляемых: они требуют, чтобы те крепко держались своих убеждений, и/или побуждают их занять определенную позицию по тому или иному вопросу. Несмотря на то что у них нет мандата, получаемого на периодических голосованиях, неизбранные представители, несомненно, очень четко ощущают то, что они — на испытательном сроке, поскольку они прежде всего признают свою «договорную» зависимость от тех, кого они представляют. В действительности, их сторонники и почитатели — это и есть их создатели. Вот почему им не стоит слишком уж важничать: слава требует от них, чтобы они были одновременно отличны от своих поклонников и в достаточной мере подобны им, чтобы не казаться отстраненными или опасными. В этом смысле неизбранные представители не тождественны «олигархам», «демагогам» или демиургам-махинаторам, таким как Владислав Сурков, создатель стилистики «суверенной демократии» в современной России<sup>73</sup>. Власть неизбранных представителей над общественным мнением является гораздо более

<sup>73</sup> *Pomerantsev P. Putin's Rasputin // London Review of Books. 2011. 20 October.*



шаткой. Их славу можно считать демократическим вариантом аристократической чести. И приобрести ее нелегко. У нее есть своя цена: поскольку их репутация порядочных людей зависит от целостной картины в медиа, бывает так, что частные жизни и репутации неизбранных представителей быстро разрушаются, иногда просто с удивительной скоростью, когда представляемые ими ранее люди начинают отказывать им в поддержке. Старая максима, которую особенно часто повторял Гарри Трумэн, когда не занимал официального поста, и которая гласит, что деньги, жажда власти и секс — вот три вещи, которые могут уничтожить политических деятелей, в той же мере применима и к неизбранным лидерам. В противоположность знаменитостям, которые могут обратить в свою пользу негативные материалы в прессе, для неизбранных представителей скандалы фатальны, поскольку они уничтожают весь их публичный имидж. Им известно значение старой максимы: репутацию сложно создать и легко потерять.

Неизбранные представители дышат атмосферой коммуникационного изобилия, но это ни в коем случае не значит, что они «второго качества», что они «хуже» или являются «псевдопредставителями», если сравнивать с их коллегами, прошедшими формальные выборы. Эмерсон отметил, что благодаря печатному станку стало казаться, что некоторые великие люди избраны. «Если сэр Роберт Пил и мистер Вебстер голосуют за тысячи людей, то Локк и Руссо за них думают», — писал он<sup>74</sup>. В эпоху мультимедийной культуры неизбранные представители точно так же приобретают устойчивую публичную репутацию, получая возможность действовать на других, в том числе противников, средствами «мягкой» власти или власти «убеждения». К ним прислушиваются, ими восхищаются, часто им подражают и следуют; а поскольку они таким образом приобретают влияние, они могут, что часто и делают, бросить вызов формально избранным представителям, например, выступив против их утверждений или же поставив под вопрос их действия. Так каково же основание их славы, не связанной с выборами? Как им удастся оказывать политическое влияние? Проще говоря, в чем источник их популярности и как им удастся его

<sup>74</sup> *Emerson R. W. Representative Men // Emerson R. W. Essays and Lectures / J. Porte (ed.). N. Y.: The Library of America, P. 715.*

использовать, чтобы выделиться на фоне избранных представителей, подчеркивая значимость их трудов или же, напротив, ставя их действия под вопрос?

Есть много разных типов неизбранных представителей. Некоторые получают легитимность благодаря тому, что их признают образцом *общественной добродетели*. Такие фигуры, как Мартин Лютер Кинг, принцесса Диана и Аамир Хан (кинозвезда Болливуда и телеведущий, известный тем, что брался за такие неприятные вопросы, как домашнее насилие и кастовая несправедливость), считаются «хорошими», «достойными», «мудрыми» или «смелыми» людьми, которые приносят в мир честность, порядочность и другие ценности. Их репутации не запятнаны обвинениями в коррупции; хотя никто не считает их ангелами, обычно предполагается, что они — живые иллюстрации альтернативного пути, вызов людям, толкающий их к моральным высотам, заставляющий их стремиться жить иначе. Другие неизбранные представители — мать Тереза или Десмонд Туту — завоевывают легитимность благодаря своей *духовной или религиозной непреклонности*. С другой стороны, встречаются неизбранные представители, чья репутация основывается на заслугах; раньше они были никем, но стали кем-то, поскольку все признают, что они много сделали. Амитабх Баччан (индийская кинозвезда, репутация которого первоначально была построена на том, что он сыграл роль борца с несправедливостью), колумбийка Шакира Мебарак и Берлинский филармонический оркестр (два последних — посланцы доброй воли UNICEF) относятся к этой категории прославившихся своими делами. Однако другие фигуры считаются выразителями *страданий, смелости и способности выжить* в этом мире (например, Его Святейшество Далай-лама XIV). Есть и другие неизбранные представители, которые, в противоположность лидерам политических партий и правительств, «забалтывающим» вопросы, обретают легитимность благодаря тому, что занимают по той или иной проблеме принципиальную позицию, которую они развивают в активную кампанию, по ходу дела призывая общество поддержать их пожертвованиями и подписками. Такие организации, как Amnesty International, и такие инициативы, как благотворительные концерты Live 8, относятся к этому типу: их легитимность опосредована не голосами, а *моральными финансовыми контрактами*, которые в любой момент могут быть расторгнуты их поклонниками, сторонниками и подписчиками, которые впра-

ве отозвать свое решение и лишить своих временных представителей как права представлять их, так и финансовой поддержки.

Как бы ни относиться к звездному статусу неизбранных представителей, они играют жизненно важную роль в эпоху коммуникационного изобилия. Они, конечно, опровергают старую идею, отстаивавшуюся Томасом Карлейлем и Ральфом Уолдо Эмерсоном, которые считали, что неизбранные лидеры нужны, чтобы заново изобрести монархические и аристократические стандарты достойного поведения и величия, поэтому «представительные люди» будто бы стоят вне времени и могут властвовать над ним, объединяя расколотую на отдельные фракции политику современного мира. Такая трактовка роли неизбранных представителей более не имеет смысла; их динамическое воздействие строится иначе. Неизбранные представители могут приносить много пользы демократии, особенно когда политики как представители страдают от все большего недостатка доверия. Они раздвигают границы и значение политического представительства, особенно когда не дают уснуть официальным партиям, парламентам и членам правительства. Иногда посмертно (главным примером тут выступает Ганди) их фигура привлекает общественное внимание к нарушению общественных стандартов правительствами, к их политическим ошибкам или общей нехватке политического воображения, проявляющейся в попытках решить «проклятые», или «дьявольские», проблемы, у которых нет даже готового определения, не говоря уже об однозначных решениях. Также неизбранные представители заставляют демократические власти обращать самое пристальное внимание на то, насколько достойным может считаться их лидерство. Они выступают в качестве важного напоминания о том, что в прошлом столетии слово «лидерство» было чрезмерно политизировано, поэтому мы забыли о том, что слово «лидер» в своем исходном английском узусе означало тех, кто координирует такие организации, как хоры, танцевальные труппы, музыкальные оркестры и религиозные общины.

Неизбранные представители могут привести к существенным изменениям в значении лидерства как такового. Они выступают не только в качестве важной поправки к неоправданному господству определений лидерства, понимаемого исключительно в связи с государственным управлением; и они не только умножают и распространяют различные конфликтующие друг с другом

критерии представительства, создающие для демократических обществ определенные проблемы (например, можно ли неизбранных лидеров призвать к общественной ответственности за их действия, используя средства, отличные от выборов?), которые были неведомы первым защитникам и архитекторам представительной демократии. Благодаря их усилиям лидерство больше не означает (в отличие от того, что оно в конечном счете значило в классическом государственноцентричном анализе Макса Вебера) начальствования и силы, опирающейся в пределе на хитрость, кулаки и другие средства государственной власти, т.е. оно больше не сводится к подобной трактовке в рамках концепции «реальной политики», которая смещается к политическому авторитаризму (поэтому сегодня слова *Führer* и *Führerschaft* в таких странах, как Германия, пользуются дурной славой)<sup>75</sup>. Так-

<sup>75</sup> Знаменитый анализ качеств компетентного политического лидерства (*Führerschaft*) в парламентских демократиях, проведенный Максом Вебером, дан в виде наброска в статье «Политика как призвание». Первоначально это было выступление в Мюнхенском университете в революционную зиму 1918–1919 гг. (см.: *Weber M. Politik als Beruf* // *Weber M. Gesammelte Politische Schriften*. Tübingen: J.C.B. Mohr, 1958. P. 493–548; рус. пер.: *Вебер М. Политика как профессия и призвание* // Вебер М. Избр. произвед. М.: Прогресс, 1990. С. 643–706). В этой речи Вебер заявил, что демократиям требуются лидеры, обладающие по крайней мере тремя решающими качествами. Прежде всего, для подлинного лидерства необходима страстная преданность делу, желание творить историю, создавать для других новые ценности, взращиваемые чувствами. Такая страсть не должна стать жертвой того, что Вебер называл (здесь он опирался на Георга Зиммеля) «бесплодным возбуждением». Подлинные лидеры — и это второй императив — должны избегать «самоотравления», культивируя при этом чувство личной ответственности за собственные достижения и неудачи. Хотя (в конечном счете) это означает, что лидеры — это не просто наделенные мандатом глашатаи своих господ, т.е. избирателей, действия лидеров должны воплощать в себе «бесстрастное чувство меры» — способность реально оценивать вещи, трезво и спокойно принимать их в расчет. Вебер настаивал на том, что страстные, ответственные и опытные лидеры должны неустанно «оценивать реалии жизни», т.е. у них должна быть «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальности». Эффективное лидерство не совпадает ни с демагогией, ни с жаждой власти ради нее самой. Страстные и ответственные лидеры сторонятся слепого преследования великих целей; подобная слепота, саркастически отмечал Вебер, «побуждает совершать праведные поступки, а результаты оставлять на милость Господа». Зрелые лидеры должны, напротив, руководствоваться «этикой ответственности». Признавая обычно встречающиеся недостатки людей, они должны постоянно стремиться,

же лидерство больше не означает манипулирования с высокой трибуны (*bully pulpit* — специфический американский термин, придуманный Теодором Рузвельтом для описания того, как лидеры используют свою «чудесную» или «превосходную» программу для утверждения своей повестки и идей). Напротив, лидерство сегодня начинает означать способность мобилизовать «власть убеждения» (как любит говорить архиепископ Десмонд Туту). Теперь лидерство — это способность мотивировать людей к самостоятельным действиям.

Конечно, быть неизбранным лидером непросто. «Готовность к смелым поступкам; способность предвидеть ситуацию; склонность драматизировать политические результаты с целью предупредить граждан об актуальных или потенциальных проблемах; и самое главное — готовность признавать допущенные ошибки, стремление исправлять их, не страшась совершить еще больше ошибок», — вот как объясняет это один из неизбранных лидеров<sup>76</sup>. Неизбранное лидерство означает много разных вещей. Оно требует однозначного отречения от демонов слепой амбиции, которую Карлейль называл «львизмом». Оно заключается в навыке разговора с публикой на общественно важные темы, позволяющем завоевывать общественное уважение благодаря культивированию «нарративного разума», который предполагает (когда неизбранные представители действительно проявляют себя с лучшей стороны) сочетание таких формальных качеств, как уравновешенность, с внутренним спокойствием, учтивостью, самостоятельностью в суждениях, способно-

используя государственную власть, принимать в расчет прогнозируемые последствия отдельных действий, нацеленных на осуществление частных целей при опоре на частные средства. Ответственные лидеры, следовательно, должны учитывать в своих действиях тот непростой факт, что во многих контекстах достижение благих целей зависит от применения сомнительных в этическом отношении или даже опасных (как в случае насилия) средств, а потому поставлено ими под вопрос.

<sup>76</sup> Из интервью с Эмилио Руи Виларом, бывшим главным министром первого, после падения диктатуры Салазара, демократического правительства, бывшим заместителем управляющего Банка Португалии, Генеральным директором Комиссии Европейского Союза, директором Фонда Галуста Гюльбенкяна, негосударственного фонда, известного активной поддержкой публичной ответственности и плюрализма в самых разных вопросах — от политической власти до эстетического вкуса (Лиссабон, 27 октября 2006 г.).

стью прислушиваться к другим, готовностью шутить над самим собой и некоторым богатством стиля (один из доверенных лиц Нельсона Манделы как-то объяснил мне его замечательную способность создавать «вокруг себя много Нельсонов Мандел»; то же самое обычно говорили о Джавахарлале Неру). К качествам избранного лидерства также относится способность использовать медиа для одновременной демонстрации противоречивых качеств (таких как сила и уязвимость, единичность и типичность), причем безо всякого видимого усилия, словно бы лидерство было искусством переключения гештальта. Но прежде всего избранное лидерство требует понимания того, что истинные лидеры — не избранные, что они всегда находятся в глубокой зависимости от людей, называемых ведомыми, что истинные лидеры ведут только потому, что им удается приковывать к себе взгляд людей, а не тянуть их за нос.

#### ТРАНСГРАНИЧНАЯ ПУБЛИКА

Необходимо выделить еще одну отличительную черту современной демократии: коммуникационное изобилие делает возможным развитие обширной публики, чье влияние потенциально или даже актуально имеет глобальный характер, а принадлежать к этой публике можно невзирая на границы территориальных государств, что усложняет динамику формирования общественного мнения и представительной демократии в этих государствах.

Этот тренд не стоит недооценивать: развертывающаяся на наших глазах коммуникационная революция приводит к распространению сетевых, охватывающих весь земной шар, медиа, которые имеют эпохальное значение, поскольку покоряют пространство и время. Как известно, канадский исследователь Гарольд Иннис отметил то, что колесо, печатный станок и другие средства коммуникации сокращают пространство и время, однако действительно глобальные системы зародились только в XIX в. с изобретением наземных и подводных телеграфных линий и с первыми международными новостными агентствами, такими как Reuters<sup>77</sup>. В последние десятилетия процесс глоба-

<sup>77</sup> *Innis H.* The Bias of Communication. Toronto: University of Toronto Press, 1951; *Hugill P.J.* Global Communications Since 1844: Geopolitics and Technology. Baltimore; L.: Johns Hopkins University Press, 1999.

лизации совершил эволюционный скачок благодаря развитию целого комплекса сил. Важную роль сыграли геостационарные спутники с широкой зоной действия (вроде тех, что обеспечивали глобальное широкое вещание Beatles и Марии Каллас в реальном времени); не менее важными оказались рост глобальной журналистики и сетевых потоков международных новостей, электронный обмен данными, а также развлекательные и образовательные материалы, контролируемые такими гигантскими фирмами, как TimeWarner, News International, BBC, Al Jazeera, Disney, Bertelsmann, Microsoft, Sony и Google.

Быстрое распространение сети глобальных медиа привело к разговорам об устранении барьеров для коммуникации, что в некоторых случаях породило ошибочную идеологию цифровых сетей. К числу первых и наиболее влиятельных примеров относилась работа Джона Перри Барлоу «Декларация независимости киберпространства». В ней утверждалось, что компьютерные сети, связанные ссылками, создают «глобальное социальное пространство», безграничный «глобальный разговор битов», новый мир, «в который могут вступить все, независимо от привилегий или предрассудков, связанных с расой, экономической властью, военной силой или местом рождения»<sup>78</sup>. Подобным проблематичным тезисам противоречат некоторые тенденции реального мира, однако в них верно подчеркивается, что глобальные коммуникационные сети сделали то, что явно не удалось картам и глобусам Герарда Меркатора (1512–1594): эти сети закрепили у миллионов людей (примерно от 5% до 25% всего населения земного шара) ощущение, что наш мир и в самом деле является «одним миром» и что эта мировая взаимозависимость возлагает на людей определенную ответственность за его судьбу. В определенном смысле этот тренд усиливает сам себя; и он неслучайно напоминает, пусть и в более широком масштабе, ситуацию с газетами, которые, по мнению Токвиля, играли роль «маяков» общей деятельности, поскольку «только газета способна заставить тысячу читателей одновременно задумать-ся над одной и той же мыслью»<sup>79</sup>. Представляя, что их работа

<sup>78</sup> Barlow J.P. A Declaration of the Independence of Cyberspace (1996. 8 February). < <http://www.eff.org> >.

<sup>79</sup> Tocqueville A. de. Of the Relation between Public Associations and the Newspapers // Tocqueville A. de. Democracy in America. N.Y.: A.A. Knopf,

нацелена на потенциально глобальную аудиторию, с которой они в ином случае никогда бы физически не встретились, профессиональные и гражданские журналисты, книжные издатели, ведущие радио- и телепередач, авторы твиттеров, электронных писем и блоггеры возделывают землю, в которую пустила корни сегодняшняя политика слушающих, читающих, смотрящих и разговаривающих друг с другом граждан — в глобальном масштабе, невзирая на пространственные и временные барьеры, некогда считавшиеся самой собой разумеющимися, «естественными» или технически непреодолимыми.

Этот процесс неоднозначен, не лишен он и спорных моментов. Хотя критики и комментаторы, похоже, в равной мере согласны с тем, что глобальные медиасети прививают общее чувство всемирной взаимозависимости, некоторые скептические наблюдатели спрашивают: о какой именно мировой взаимозависимости мы говорим? Они отмечают, что сегодняшний глобальный рынок коммуникаций подчинен непропорционально большому контролю со стороны десятка вертикально интегрированных медийных конгломератов, большинство из которых расположены в США<sup>80</sup>. Эти медийные конгломераты не являются «доморощенными» (*homespun*) (если использовать термин Кейнса, обозначающий территориально ограниченные и регулируемые государством рынки). Разрывая оковы времени и пространства, языка и обычая, крупный медиабизнес все больше сближается со сложными глобальными товарными сетями или с мировыми потоками информации, персонала, денег, компонентов и продуктов. Неудивительно, если

---

1945. Vol. 2. Bk 2. Ch. 6. «Газета — это советчик, которого не надо искать; она сама приходит к вам и ежедневно вкратце рассказывает о состоянии общественных дел, не отвлекая вас от собственных забот... Газета не только способна предложить множеству людей единый план действий, она предоставляет им возможность совместного исполнения тех замыслов, к которым они приходят сами» (*Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 381*).

<sup>80</sup> Нижеследующее рассуждение в более подробном виде развивается в моей работе «Глобальное гражданское общество?»: *Keane J. Global Civil Society? Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2003. P. 6 ff.* См. также: *Burnett R. The Global Jukebox. L.: Routledge, 1996; International Communication and Globalization / Ali Mohammadi (ed.). L.: Sage, 1997; Herman E.S., McChesney R.W. The Global Media: The New Missionaries of Corporate Capitalism. L.; Washington, DC: Cassell, 1997.*



следовать этой аргументации, что журналистика, связанная с глобальными медийными конгломератами, отдает приоритет рекламным коммерческим продуктам — продаваемой музыке, видео, спорту, шоппингу, развлекательной кинопродукции для детей и взрослых. Например, в новостной сфере особый упор делается на «срочные новости» и «ошеломляющие» истории, которые вращаются вокруг несчастных случаев, катастроф, политических кризисов и насилия. Материал, который поставляется в редакцию журналистами, находящимися в горячих точках или возле них (на их собственном сленге — в «полном бардаке», *clusterfucks*), затем сокращается, упрощается, пересобирается и транслируется в коммерческой форме. Студийные звуковые эффекты, «прямые включения» и «броские» материалы — вот что любят редакторы; точно так же в чести у них яркие презентационные технологии, включающие использование логотипов, быстрый визуальный монтаж и «звезды», которых помещают в центр кадра. К этой картине следует присокупить условия обмена новостями, по которым новостные организации — участники договора обмениваются видео- и другими материалами, гарантируя тем самым, что во многих регионах мира новостные репортажи, циркулирующие со скоростью света, подвергаются значительной деконтекстуализации и гомогенизации.

Некоторых наблюдателей эти тренды пугают. Они сетуют на то, что глобальные медиакомпании, никоим образом не способствуя свободе коммуникации и демократии, производят всего лишь коммерческую жвачку для аудиторий, которые в политическом отношении впадают в коматозное состояние. Конечным результатом оказывается «МакМир»: информированные граждане замещаются всемирным племенем потребителей, танцующих под музыку логотипов, рекламных слоганов, спонсоров, брендов, торговых марок и рекламных песенок<sup>81</sup>. Другие критики порицают «глобальную культурную гомогенизацию», осуществляющуюся в форме «транснационального корпоративного доминирования в области культуры» и порождающую мир, в котором «гигантские частные предприятия» преследуют «капиталистические цели, стремясь к прибыли и накоплению

<sup>81</sup> Barber B. Jihad vs. McWorld: How Globalism and Tribalism are Reshaping the World. N.Y.: Crown, 1995.

капитала»<sup>82</sup>. Тогда как третьи опасаются того, что итоговым следствием станет молчаливое поглощение рынками, мир, в котором «правят корпоративные интересы, а корпорации сыплют в радиоэфире своим жаргоном и душат страны своим имперским правлением. Корпорации стали бегемотами, безмерными глобальными гигантами, обладающими огромной политической властью»<sup>83</sup>.

Подобная критика отрезвляет, и претензии эти не лишены смысла. Корпоративная власть имеет агрессивно инновационный характер, однако она же угрожает свободе коммуникации и демократии: медиарынки стремятся ограничить свободу и равенство коммуникации, порождая барьеры, препятствующие выходу на рынок, монопольные ограничения выбора, а также изменяя само определение коммуникации с другими: теперь это уже не публично значимое благо, а *коммерческая речевка* и потребление товаров<sup>84</sup>. Но это еще не все. Благодаря коммуникационному изобилию появляются признаки того, что власть товарного фетишизма над гражданами не абсолютна. Со времен всемирного протеста молодежи против войны во Вьетнаме глобальная интеграция медиа оказывала непредсказуемое *политическое* влияние: создавая общемировую сцену, глобальные медиаконгломераты при поддержке глобальной журналистики медленно, но верно внедряли в жизнь трансграничные медийные события, а вместе с ними создавали и множество разновидностей публичной сферы разных размеров, подчас действительно глобальных — с миллионами людей, разбросанных по всей Земле и следящих за спорами о том, кто что, где и как получает, спорами, отображаемыми в медиа в глобальном масштабе и нередко в реальном времени.

Опять же не все так просто — проблемы сохраняются, поскольку верно и то, что даже общества, наиболее насыщенные

<sup>82</sup> Schiller H. Not Yet the Post-Industrial Era // *Critical Studies in Mass Communication*. 1991. No. 8. P. 20–21.

<sup>83</sup> Hertz N. *The Silent Takeover: Global Capitalism and the Death of Democracy*. L.: Arrow Books, 2001. P. 8.

<sup>84</sup> Fiss O. *Why the State? // Democracy and the Mass Media* / J. Lichtenberg (ed.). Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1990. P. 136–154; Keane J. *The Media and Democracy*. Oxford; Cambridge, MA: Polity, 1991. P. 51–92 (рус. пер.: Кун Д. Средства массовой информации и демократия. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 60–99).

медиа, например США, разорваны на отдельные анклавные узкие интересы. Читатели таких местных «поставщиков контента», как «The Desert Sun» в Палм-Спрингс, «Wyoming Tribune-Eagle» в Шайенне или «Sun» в Гейнсвилле, получают минимальную порцию глобальных новостей, которые обычно занимают не более 2% полос<sup>85</sup>. Горизонты граждан еще больше сужаются из-за сокращения бюджетов иностранных редакций, избыточной зависимости от англоязычных источников, а также из-за распространяемых информационными агентствами репортажей и обмена региональными новостями, которые выступают источником для таблоидов. Не следует упускать из виду и то, что государства тоже вмешиваются в глобальные информационные потоки. Правительства, отгородившиеся армией экспертов по симуляции или «пиарщиков», культивируют связи с доверенными или «прикрепленными» журналистами, организуют брифинги для прессы и рекламные кампании, оформляя таким образом глобальные события, умышленно искажая и цензурируя их, чтобы они соответствовали их интересам.

Следует отметить, что уже просто по определению не все глобальные медиасобытия — например, спортивные состязания, блокбастеры или присуждение международных наград в сфере СМИ — питают глобальную публику, т.е. соответствующие аудитории не совпадают с публикой, а публичные сферы — это не просто зоны развлечений или игр. Что же тогда означает глобальная публика в ее различных вариантах? Является ли она трезвым пространством рационально-критического размышления, стремящегося к истине и спокойному соглашению, как полагают последователи Юргена Хабермаса?<sup>86</sup> Бывают моменты, когда рациональная коммуникация в этом смысле и правда осуществляется,

<sup>85</sup> Keane J. *Journalism and Democracy Across Borders // Institutions of Democracy: The Press / M. Schudson (ed.). Oxford; N.Y.: Oxford University Press, 2005.*

<sup>86</sup> Некоторые пределы модели рациональной коммуникации в публичной сфере, исходно предложенной в важной работе Юргена Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы» (*Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit: Untersuchungen einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied: Luchterhand, 1962*), описаны в работах: *Peters J.D. Distrust of Representation: Habermas on the Public Sphere // Media, Culture and Society, 1993. No. 15. P. 541–571; Keane J. Structural Transformations of the Public Sphere // Communication Review. 1995. Vol. 1. No. 1. P. 1–22.*

однако, строго говоря, глобальная публика — это множество сцен политического пространства, в которых миллионы людей, живущих в самых разных уголках Земли, становятся свидетелями властных конфликтов и попыток их разрешить. Глобальная публика начинает разбираться в основных фигурантах, событиях, правительственных соглашениях и НПО. Она наблюдает за тем, как все они публично именуются, восхваляются, ставятся под вопрос и обсуждаются — и все это по милости медийных сетей и профессиональных, гражданских и «гибридных» журналистов, чье совокупное воздействие, пусть и временное, состоит в привлечении внимания миллионов граждан, которые в противном случае остались бы никак не связанными друг с другом, граждан, находящихся по разные стороны границ, но бросающих вызов старой тирании времени и пространства.

Осознанный выбор глобальных аудиторий и обращение к ним за счет сплавления в режиме реального времени общемировых форм и сюжетов с локальными интересами — это открытие таких англоязычных каналов, как CNN. Начав работу в 1980 г., он стал первым американским каналом, транслирующим круглосуточные исключительно новостные телепередачи. Его международный филиал — CNN International — начал с 5 часов в неделю, материалы для передач поставлялись сотней широкоэмитательных станций со всего мира, некоторые из которых были профессиональными, а другие — любительскими; ирония в том, что фоном всей этой деятельности выступал ныне легендарный запрет собственника компании Теда Тернера произносить слово «иностраный» (*foreign*) в эфире. Благодаря альтернативным слоганам, таким как «Преодолевая границы», CNN International теперь доступен зрителям на многих языках (испанском, турецком, английском) в более чем 200 странах и территориях. Канал сыграл ключевую роль в кризисе 1989 г., связанном с площадью Тяньаньмэнь, когда передачи в прямом эфире впервые смотрели во всем мире государственные дипломаты и политики, решавшие, какие шаги предпринять. Освещение CNN первой Войны в заливе и других кризисов начала 1990-х годов, особенно сражения в Могадишо, заставило многих комментаторов заговорить об «эффекте CNN», которым описывалось заметное воздействие на принимающих решения людей круглосуточных новостных передач, ведущихся в реальном времени и освещающих события в глобальном масштабе.

Медийная диалектика глобального и локального, типичная для эпохи коммуникационного изобилия, часто не так зрелищна и лишена прямого воздействия, поскольку она опосредуется такими организациями, как действующие в Интернете Earth Watch и World Association of Community Radio Broadcasters (AMARC), а также такими инициативами по развитию публичной подотчетности, как Transparency International и Human Rights Watch. Бывают также моменты, когда эта диалектика приводит к взрывам. Драматические медиасобытия, сопровождавшие свержение диктаторских режимов в Тунисе, Египте и Ливии в 2011 г., несомненно, действовали в этом направлении, обусловив радикальные демократические последствия. Борьба за публичное пространство на какое-то время распространилась по всему региону. Это были не просто «восстания в Twitter и революции Facebook»<sup>87</sup> — в равной степени это были еще и восстания бедных и лишенных власти людей против недавнего несправедливого дерегулирования, проведенного хищническими глобальными рынками. Однако эти волнения отмечались необычным общественным осознанием политической значимости сетевых цифровых медиа. Благодаря таким источникам информации, как Al Arabiya и Al Jazeera (у последней было 3000 штатных сотрудников, и более 50 млн семей в арабском мире смотрели ее передачи), количество людей, наблюдавших по всему миру в одно и то же время за политическими событиями, достигло исторического максимума. Граждане поняли, что новости по определению являются сильной информацией, еще не известной остальным, и этим отчасти объясняются удивительные эксперименты по сбору и распространению новостей, первые в своем роде. Огромные толпы в Александрии смотрели на себя в прямом эфире по спутниковому телевидению, надеясь, что медийное освещение защитит их от полиции и не даст военным раздавить их. При поддержке веб-платформ, управляемых изгнанниками, твиттеры, блоги и видеоролики, загружаемые в Интернет, стали убедительнейшим экраном для различных ситуаций — и ужасных, и обнадеживающих. Все, даже расстрел протестующих и невинных

<sup>87</sup> Ghonim W. Revolution 2.0. The Power of the People is Greater Than the People: A Memoir. N.Y.: Mariner Books, 2012 (рус. пер.: Гони́м В. Революция 2.0. СПб.: Лениздат, 2012).

прохожих, было записано в реальном времени для последующих поколений.

Глобальные медиасобытия становятся «нормальными» в эпоху коммуникационного изобилия; неудивительно, что не менее нормальным оказывается и вторжение глобальной публики во внутренние дела многих демократических стран. То, что случается повсюду, то, что думают люди в разных частях света, и то, как они реагируют на обстоятельства, — все это приобретает значение для граждан и их представителей. В демократическом мире, но еще больше в авторитарных режимах, глобальная публика, несомненно, уязвима для вмешательства государства<sup>88</sup>. С другой стороны, глобальная публика легко распадается, хотя это и не ее вина, ведь причина прежде всего в том, что ее различные части не имеют сильной институциональной поддержки, эффективных каналов представительства или отчетности, которые могли бы действовать, к примеру, за счет механизмов избранного правительства. Глобальная публика жертвует деньги, распространяет новости, обменивается информацией и устраивает события, мишенью которых нередко становятся дела избранных представителей, однако она, по крайней мере на данный момент, остается лишь множеством голосов без устойчивой политической организации, которая признавала бы ее требования и действовала бы в соответствии с ними. Эпоха, когда публичные сферы обычно замыкались территориальными границами демократических государств, уходит в прошлое, однако проблема демократической политики — это бездомность новой глобальной публики. Вспомним о примере глобального опроса общественного мнения, т.е. попытке сделать выборку и оценить то, что люди в разных странах думают, скажем, об американских кандидатах в президенты или о том, есть ли у палестинцев право на собственное территориальное государство. Такие опросы — не просто обманки и «выдумки». Это формы интерпелляции, которые предполагают то, что еще не стало реальностью. Обращаясь к людям всего мира с требованием освободиться от местечковости, оценивая их мнения и

<sup>88</sup> Price M. *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2002; *Media and Globalization: Why the State Matters* / N. Morris, S. Waisbord (eds). Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2002.

предоставляя им право голоса, они поддерживают рост новой трансграничной публики. Однако их голос взывает к необходимым им новым институтам, которые являются его логичным продолжением. Глобальная публика призывает мир понять, что она похожа на гусеницу, из которой может вылупиться бабочка трансграничной демократии, хотя сегодня у нас и нет хорошей теории, описывающей то, что могло бы значить на практике «региональное», «глобальное» и «трансграничное» демократическое представительство<sup>89</sup>.

Все это довольно сильные ограничения, но, несмотря на их немалое значение, глобальная публика все же оказывает политическое влияние — например, на мир официальной дипломатии, на глобальный бизнес и встречи чиновников НПО и меж-

<sup>89</sup> Сложная задача — представить более четкую картину контуров и динамики более демократичного глобального порядка — осложняется еще и тем, что мир зависит не только от множества правительственных и неправительственных организаций, которые мало или вообще ничего не знают о демократических процедурах и манерах. Он зависит также и от скопления правительственных и правовых структур — своеобразной космократии, включающей такие организации, как Европейский Союз, ООН, Всемирный банк, которая как раз и оказывается основной темой учебников по традиционной политологии и политической теории (см.: *Keane J. Global Civil Society?* P. 175 ff). Многие структуры космократии уклоняются от ограничений электорального и парламентского надзора. Вот почему люди, скептически относящиеся к расширению демократических процедур и образов жизни за территориальные границы государств, выдвигают довольно сильные возражения. Взять, к примеру, сомнения патриарха демократической мысли в США Роберта А. Далья, который считает весьма нереалистичным представление о демократии, которая бы существовала вне государственных границ; см.: *Dahl R.A. The Past and Future of Democracy*, переработанная рукописная версия лекции, прочитанной на симпозиуме «Политика на переходе из XX века в XXI-й» (*Politics from the 20th to the 21st Century*, University of Siena, 1999. 14–16 October), а также: *Dahl R.A. On Democracy*. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 1998 (рус. пер.: *Даль Р. О демократии*. М.: Аспект Пресс, 2000). Так, Даль утверждает, что растущая сложность принятия решений в области международной политики делает невозможным «публичное просвещение», столь необходимое для демократии. В то же время легальная и нелегальная иммиграция в комплексе с новыми политиками идентичности внутри территориальных государств и за их пределами ведет к росту «культурного разнообразия и разломов», которые, как говорит Даль, подрывают «гражданский дискурс и компромисс». Глобальные угрозы террористических актов еще больше снижают вероятность того, что гражданские и политические свободы могли бы расцвести в «международных организациях».

правительственных организаций. Каждый глобальный вопрос после 1945 г. — права человека, опасности ядерной войны, дискриминация женщин и меньшинств, экологизация политики, доминирование в политике слишком богатых людей — сначала кристаллизовался как «острая тема» в рамках этой пубрики и при ее поддержке, а это уже вело, в свою очередь, к росту ощущения изменчивости глобальных властных отношений. Публичные сферы обычно лишают властные коды, вписанные в трансграничные отношения, ореола естественности. Пользуясь конфликтами по принципу «око за око» между различными медиа (например, продолжающимися со времени вторжения США в Ирак в 2003 г. трениями между Al Jazeera и американскими новостными телеканалами), эта публика определяет или изменяет повестки различных социально-экономических и политико-правовых институтов нашего мира, все части которого связаны друг с другом на глобальном уровне. Она освещает деятельность этих институтов, ставит под вопрос их догмы и иногда наделяет их легитимностью. Она усиливает ощущение, что их можно изменить, что они являются незавершенным проектом.

Глобальная публика оказывает и другое влияние, которое иногда называют «субполитическим», поскольку она содействует *созданию* граждан нового глобального порядка, выступая с посланием, что люди всегда остаются свидетелями и участниками большого мира, если только не выбирают изоляцию от него<sup>90</sup>. Речь, с которой Барак Обама обратился к «глобальным

<sup>90</sup> Мартин Хайдеггер, как известно, написал: «Проживание — это то, как смертные существуют на земле» (*Heidegger M. Building, Dwelling, Thinking // Heidegger M. The Question Concerning Technology and Other Essays. N.Y.: Harper Torchbooks, 1982. P. 146*), однако из этого тезиса следует, что смертные ограничены географическими местами, а такая посылка упускает из виду новую пространственную полигамию, ставшую возможной благодаря глобальной публице. В глобальных публичных сферах люди, укорененные в локальных физических условиях, путешествуют в дальние места, даже не выходя из дома, во «второй дом», их восприятие все шире раздвигает свои границы. То, что они стали чуть менее изолированными и чуть более космополитичными, — не такое уж маленькое достижение, особенно если учесть, что у людей нет «естественного» чувства ответственности за далекие события. Этическая ответственность часто распространяется не далее того, что происходит у них под носом. Однако, когда их захватывают истории, приходящие из других мест, когда их притягивает динамика глобальной публичной сферы, их интерес к судьбе других основывается не просто на возбужде-



гражданам» у Колонны Победы в берлинском Тиргартене в июле 2008 г., стала важным тому подтверждением, предвестником заметного изменения: те, кто находится в гуще глобальной публики, начинают понимать, что границы между своей страной и зарубежьем, местным и иностранным стираются, что они являются предметом спора и всегда допускают осмос<sup>91</sup>. Выступая свидетелями далеких событий, они узнают, что их обязательства стали в какой-то мере более глобальными. Они теряют почву под ногами. Они живут и здесь, и там; они учатся отстраняться от самих себя; они открывают, что существуют разные временные ритмы, разные места, разные проблемы, множество образов жизней. Они открывают «чужака» в самих себе; они начинают ставить вопросы о своих собственных догмах и даже в общении с теми, с кем они никогда не встретятся, все больше проявляют учтивость, вежливость, уважение, следуя всем этим обычным правилам цивилизованности.

Глобальная публика, сосредоточенная на таких поворотных медиасобытиях, как Live Aid (в 1985 г. этот концерт, по общим оценкам, привлек 1 млрд зрителей), может быть пространством веселья, когда миллионы пробуют на вкус радость публичного действия вместе с другими и против других — за определенную общую цель. Когда глобальная публика оформляется, к примеру, телевизионными глобальными новостями, освещающими страдания далеких чужестранцев, вызванные рукотворными катастрофами или применением государственной силы, она также высвечивает несправедливости и жестокость. Медиакартины знакомят миллионы людей с тяжелой долей других; глобальная публика действует в качестве места, в котором можно справиться с несправедливыми результатами, горьким поражением и трагедией разрушенных жизней. Конечно, наблюдение

нии, пустом любопытстве или же злорадстве. Скорее, они поверяют эти истории, сживаясь с ними, своими собственными экзистенциальными заботами, которые тем самым преобразуются. Мир «где-то там» становится «их» миром.

<sup>91</sup> Обращаясь в обширной глобальной аудитории, а также к местной толпе, собравшейся у Колонны Победы в берлинском Тиргартене (24 июля 2008 г.), сенатор Барак Обама сказал: «Я приехал в Берлин так же, как многие из моих соотечественников приезжали раньше, не как кандидат на президентский пост, а как гражданин — гордый гражданин Соединенных Штатов и один из граждан мира».

за болью и страданиями других может привести к параличу, так что акты гражданского свидетельства могут обернуться не активным публичным вмешательством, а отстранением от тех, кто страдает<sup>92</sup>. Однако уравнение страдания и свидетельства не является заранее решенным. Медиакарты страданий не обязательно порождают безнравственных циников, бездумных любителей развлечений, развалившихся на своих диванах и наслаждающихся каждой минутой крови и слез. Напротив, существует немало доказательств того, что глобальная публика, сплывающаяся вокруг сцен жестокости и унижения, готова сдать в утиль старое правило, утверждающее, что добро и зло — обычно вопрос местный. Такие глобальные инициативы, как One Billion Rising, трансграничные протестные акции (прошедшие в феврале 2013 г.) против гендерного насилия, доказывают, что старая максима, гласящая, что полмира не знает, как живет другая половина, стала ложью. Публика начинает ощущать, что страдания других заразительны.

Обеспечивая оборот образов, звуков и историй физического и эмоционального страдания, отраженного в символической форме, глобальная публика создает возможность для того, что Ханна Арендт однажды назвала «политикой жалости»<sup>93</sup>. Наблюдая с большого расстояния за страданиями других, миллионы могут потерять спокойствие и сон, порой настолько, что готовы даже ощутить ответственность за дальних, а не только ближних, — говоря с другими людьми, жертвуя деньгами и временем, поддерживая собственным голосом тот общий принцип, что право на гуманитарное вмешательство, обязательство помогать тому, кому грозит опасность, могут и должны пере-

<sup>92</sup> См. важную работу Барби Зелизер: *Zelizer B. Remembering to Forget: Holocaust Memory Through the Camera's Eye*. Chicago; L.: Chicago University Press, 1998; а также: *Zelizer B. Journalism, Photography, and Trauma // Journalism after September 11 / B. Zelizer, S. Allan (eds). L., N.Y.: Routledge, 2002. P. 48–68.*

<sup>93</sup> *Arendt H. On Revolution*. Harmondsworth: Penguin, 1990. P. 59–114 (рус. пер.: *Арендт Х. О революции*. М.: Европа, 2011. С. 74–155). Развитие этих идей Арендт см. в работе Люка Болтански: *Boltanski L. La Souffrance à distance: morale humanitaire, médias et politique*. P.: A.-M. Métailié, 1993; см. также: *Christians C., Nordenstreng K. Social Responsibility Worldwide // Journal of Mass Media Ethics*. 2004. Vol. 19. No. 1. P. 3–28; *Erskine T. Embedded Cosmopolitanism: Duties to Strangers and Enemies in a World of "Dislocated Communities"*. Oxford: Oxford University Press, 2008.

вешивать древний «крокодилий» закон, утверждающий, что кто сильный, тот и прав. И особенно это заметно во время драматических медиасобытий, таких как авария на атомной электростанции в Чернобыле; резня на Тяньаньмэне; революции 1989 г. в Центральной и Восточной Европе; низложение и арест Слободана Милошевича; террористические акты в Нью-Йорке, Пенсильвании и Вашингтоне; сильные землетрясения в Чили и Китае; свержение диктаторских режимов в Тунисе, Египте и Ливии — во всех этих случаях публичные сферы усиливают общее для разных аудиторий ощущение, что их жизни проходят совместно, на самом острие событий. Свидетели подобных событий (вопреки Маклюэну и другим авторам) не попадают в «глобальную деревню», одевшись в шкуры первобытного человечества и осмысляя все с изначально «деревенской или племенной точки зрения»<sup>94</sup>. Когда у аудиторий общая публичная сфера, это не значит, что они живут в непрерывной совместности. Будучи свидетелями мировых событий, они, напротив, начинают ощущать давление мировых властных отношений; они чувствуют, что наш «маленький мир» — это арена борьбы, результат разнонаправленных движений и реакций, споров и соглашений, сопротивления и компромисса, войны и мира.

Глобальная публика взращивается оглаской злодеяний. Она сохраняет жизнь таким словам, как свобода и справедливость, говоря вслух о манипуляциях, мошенничестве и кровопролитии в других странах. Глобальная публика того рода, что в последние годы следила за судьбами Нельсона Манделы, Аун Сан Су Чжи, Осамы бин Ладена или Джорджа Буша-младшего, не воротит нос от грязных дел — случаев притеснения, рэкета и показухи, от жестокости и войны. Она ведет счет интригам, лжи и предательству. Она помогает аудиториям по разные стороны границы вытаскивать различных представителей вертикальной власти на мировую сцену — скользких и вкрадчивых менедже-

<sup>94</sup> См. введение к работе: *Explorations in Communication* / E. Carpenter, M. McLuhan (eds). Boston, MA: Beacon Press, 1966. P. XI: «Электронные медиа постграмотного человека [sic] сжимают мир до деревни или племени, в котором все случается со всеми в одно и то же время: каждый знает обо всем происходящем в ту же минуту, когда что-то происходит, а потому участвует в этом. <...> Эти общие и моментально разделяемые впечатления деревни или племени создают деревенскую или племенную точку зрения, выдвигая на первый план совместность».

ров и профессиональных обманщиков; глупцов, которые пользуются страхами граждан; предателей, которые под давлением легко перебегают на другую сторону; громил, обожающих насилие; наконец, вульгарных правителей, не скрывающих своих властных амбиций, окружающих себя восхваляющими их толпами и жестоко расправляющихся с толпами непокорными, воздействуя на них слезоточивым газом, пулями и бомбами.

Глобальная публика, которая хорошо делает свою работу и пристально следит за действием властей, именно поэтому включает в политическую повестку такие вопросы, как представительство, ответственность и легитимность. Она, по сути, является вызовом для джунглей мощного трансграничного бизнеса, межправительственных и судебных институтов, которые все больше определяют судьбы нашего мира. Эта публика ставит важные вопросы: кому выгоден современный глобальный порядок, а кому — нет? Кто и за кого говорит сейчас во всех этих многочисленных и пересекающихся друг с другом властных структурах? Чьи голоса выслушиваются, пусть хотя бы наполовину, а чьи интересы и заботы бесцеремонно попираются? Более того, такая публика способна задавать далеко идущие вопросы менее негативного толка: можно ли добиться большего равенства голосов, раздающихся из самых разных закоулков нашего глобального порядка, если ограничиваться «тянитолкаем», к которому сегодня сводится трансграничная политика? Благодаря каким институциональным процедурам эти голоса могут быть представлены? Можно ли выработать альтернативы, способные сдвинуть нашу маленькую голубую планету к большей открытости и большему смирению, а может быть, даже и к той позиции, в которой власть, всегда и везде, когда она действует, выходя за национальные границы, чувствовала бы большую публичную ответственность, больше обязанностей по отношению к тем, чьи жизни в настоящее время она определяет и перестраивает, поддерживает или разрушает?

## II. Мониторная демократия

Выше мы отмечали, что формирующийся мир коммуникационного изобилия требует свежего взгляда на то, как новые коммуникационные техники и инструменты воздействуют на реальные демократии. Эта краткая рекомендация сопровождалась ощущением неотложности — она указывала на то, что нужно перестать мыслить, используя мертвые понятия и изношенные формулы наших предшественников; больше внимания уделять новшествам, достижениям и обещаниям нашего времени; задавать свежие, изобретательные вопросы, в том числе и о том, как мы понимаем саму демократию. Чтобы развить эту мысль, предположим на мгновение, что несколько вышеуказанных трендов не являются чем-то сиюминутным и недолговечным, т.е. новые информационные банки, изменения в соотношении приватного и публичного, а также распространение макрекерства, неизбранных представителей и трансграничных разновидностей публики совместно оказывают реальное влияние на дух и институциональную динамику демократии. Тогда возникают вопросы: с какого рода демократией они связаны? И каково, собственно, их влияние?

Большинство наблюдателей в ответ признали бы, что в области демократии и коммуникаций происходят важные процессы. Однако это смутное общее согласие, стоит только выйти за пределы элементарных соображений, быстро раскалывается на разные мнения о значении демократии и масштабе этих изменений. Некоторые наблюдатели делают вывод, что изменения оказываются минимальными, поскольку традиционные «оф-флайн» политические акторы и организации переходят в сеть и медленно, но верно колонизируют новый мир «киберпространства», так что новая ситуация — это отражение прежней, а сетевая политика остается «вполне обыкновенной»<sup>1</sup>. Важнейший пример, по мнению этих наблюдателей, в том, что стратегии кампаний политических партий ныне подразумевают существование команд политических стратегов, видеопродюсеров,

<sup>1</sup> *Margolis M., Resnick D. Politics As Usual: The Cyberspace “Revolution”.* Thousand Oaks, CA: Sage, 2000.

программистов, аналитиков данных, корпоративных маркетологов и веб-мастеров, тщательно просеивающих информацию, поступающую из лент Facebook, Twitter, блогов избирателей, а также по телефону и из личных разговоров<sup>2</sup>. Противоположные взгляды отстаиваются теми, кто считает, что коммуникационное изобилие порождает новую архитектуру политики, цветущий мир «текучей демократии», активное «электронное гражданство» (e-citizenship), задействованное в прямой демократии, т.е. ту или иную форму «электронной демократии» (e-democracy), которая напоминает высшую стадию той демократии народных собраний, что существовала в Древней Греции. Между этими крайними позициями находятся наблюдатели, которые хвалят коммуникационное изобилие за то, что оно вносит свой скромный вклад в оживление «либеральной демократии», позволяя лучше информированным гражданам по-новому или сильнее заявлять о себе в общественных делах.

Фундаментальный недостаток этих интерпретаций в том, что они страдают от амнезии, не предполагают понимания или даже просто осознания более значительных исторических трендов и сравнительных новшеств нашей эпохи. Редко уделяется внимание изменчивым историческим формам и закономерностям взаимодействия медиа и демократии; предположения о том, что коммуникационное изобилие оказывает невиданное преобразующее воздействие на дух и динамику демократии, помогая переплавить ее форму в совершенно новый с исторической точки зрения режим контроля власти и обращения с нею, кажутся слишком «дикими», чтобы рассматривать их всерьез. Но так ли уж много натяжек в этом образе мысли? Что, если рассмотреть ситуацию так, как мы предлагаем далее?

Каждая историческая эпоха демократии переплетается со специфическим режимом коммуникации. Демократия собраний в древнегреческих городах-государствах относилась к эпохе, в которой господствовала устная речь, поддерживаемая законами, написанными на папирусе и камне, а также сообщениями, передаваемыми пешими гонцами, иногда, впрочем, передвигавшимися на лошадях или ослах. Представительная демократия XVIII в., новая историческая форма демократии, понимаемая

<sup>2</sup> *Rutenberg J., Zeleny J. Obama Mines for Voters with High-tech Tools // New York Times. 2012. 8 March.*

как самоуправление народа при посредстве избранных представителей, возникла в эпоху печатной культуры, в мире книги, памфлета и газеты, телеграфных и почтовых сообщений. Такая представительная демократия сбилась с пути и впала в кризис, когда появились первые массовые широковещательные средства информации, особенно радио, кино и (только-только зародившееся) телевидение. Напротив, если следовать этой логике, демократия наших времен тесно связана с укреплением обществ, насыщенных мультимедиа, властные структуры которых постоянно ставятся под вопрос множеством мониторинговых или «контролирующих» механизмов, действующих в новой галактике, определенной этосом коммуникационного изобилия.

Этот способ осмысления требует фундаментального сдвига точки зрения — переключения гештальта понимания современных демократий. В сравнении с эпохой представительной демократии, когда печатная культура и ограниченное число эфирных аудиовизуальных медиа были намного теснее связаны с политическими партиями, выборами и правительствами, современные демократии постоянно имеют дело с контролем со стороны общества и столкновениями по поводу власти, так что может даже показаться, что ни одна организация и ни один руководитель, будь то в правительстве, бизнесе или социальной жизни, не защищены от политических проблем. Легко понять, что господствующие способы описания и анализа современной демократии — все эти разговоры о «конце истории» (Фрэнсис Фукуяма) и «третьей волне» демократии (Сэмюэль Хантингтон) — либо неадекватны, либо попросту ошибочны, ведь они слишком уж цепляются за поверхностные явления, слишком озабочены преемственностью и агрегированными данными, чтобы заметить то, что политическая волна пошла в совершенно новом направлении, а мир реальной демократии претерпевает историческую трансформацию, которая ведет нас от демократии собраний и представительных моделей прошлого к форме демократии, отличающейся совершенно иными контурами и динамикой. Намного сложнее найти удачное название для этой новой исторической формы демократии, не говоря уже о том, чтобы описать в нескольких словах ее принцип действия и ее политические последствия.

В другой работе изложена моя достаточно развернутая аргументация в пользу введения странно звучащего термина «мо-

нительная демократия» как наиболее точного описания крупной трансформации, происходящей во многих регионах мира<sup>3</sup>. Мониторная демократия — это новая историческая форма демократии, некая разновидность «постэлекторальных» политики и правительства, определяемых быстрым ростом самых разных

<sup>3</sup> См. мою работу «Жизнь и смерть демократии»: *Keane J. The Life and Death of Democracy*. P. 648–747. Прилагательное «предостерегающий» (*monitory*) происходит от средневекового «*monitoria*» (*лат.* *monere* — предупреждать). Оно попало в среднеанглийский язык в форме «*monitorie*», а затем закрепилось в современном английском в середине XV в., когда стало означать процесс передачи или отправления предупреждения о надвигающейся опасности, а также увещание кого-либо, призывающее его воздержаться от определенного плана, признанного угрожающим. Сначала оно использовалось в Церкви для обозначения письма или писем (известных как «*monitories*»), отправляемых епископом, папой или церковным судом, которые в таком случае действовали в роли «монитора». Семейство слов «*monitor*» (монитор, контролер), «*monition*» (предостережение) и «*monitory*» (предостерегающий) вскоре стало использоваться в более светских и приземленных целях. «Монитором» был тот или то, кто или что предупреждает других, указывая на какие-то черты в их поведении. Также «монитором» называли старшего школьника (старосту), у которого были особые обязанности: поддержание порядка или (если ученик был особенно умным и одаренным) преподавание в младшем классе. Также слово «монитор» стало обозначать контролирующее устройство или приспособление; точно так же называли разновидность африканской, австралийской или новогвинейской ящерицы, которая помогала людям, поскольку предупреждала о присутствии крокодилов. Позже слово «монитор» оказалось связано с коммуникационными устройствами. Оно стало обозначать приемное устройство, например громкоговоритель или телевизионный экран, который используется для проверки качества или содержания электронной передачи; в мире вычисления и компьютерных наук «монитор» обозначает либо видеодисплей, либо программу, которая наблюдает за действиями других программ или контролирует их. В последние годы, и здесь есть связь с формированием мониторинговой демократии, распространился глагол «мониторить» (*to monitor*), описывающий процесс систематической проверки содержания или качества чего-либо, — например, власти города могут мониторить местную питьевую воду на наличие загрязнений, а группа научных экспертов мониторит численность видов, которым грозит вымирание. Такое словоупотребление подтолкнуло к теории «мониторальной демократии» (*monitorial democracy*), разработанной американским исследователем Майклом Шадсоном (*Michael Schudson*) (см. интервью с ним в Нью-Йорке от 4 декабря 2006 г.). См.: *Schudson M. Changing Concepts of Democracy // MIT Communications Forum*. 1998. 8 May, a также более полную версию в: *Schudson M. The Good Citizen: A History of American Public Life*. N.Y.: Free Press, 1998. Я стал использовать термин «мониторная демократия» благодаря последней работе.



типов внепарламентских механизмов контроля власти. Предполагая наличие независимой публики, к которой обращены их сообщения, эти мониторинговые организации закрепляются во «внутренних» областях правительства и гражданского общества, а также в «трансграничных» зонах, некогда подчиненных произволу империй, государств и корпораций. Как следствие, меняется архитектура и динамика самоуправления. Ослабляется центральный элемент — власть выборов, политических партий и парламентов над жизнью граждан. Демократия начинает означать нечто гораздо большее, чем честные и свободные выборы, хотя их роль сохраняется. В рамках государств и за их пределами независимые контролеры власти оказывают все более заметное воздействие на динамику и значение демократии. Постоянно держа политиков, партии и избранные правительства в напряжении, мониторинговые институты усложняют им жизнь и ставят под вопрос их власть и авторитет, часто заставляя их урезать и изменять свои программы — порой из-за того, что они были политически скомпрометированы.

Вопрос о том, является ли это движение в сторону нового типа демократии устойчивым и исторически необратимым, должен рассматриваться отдельно; подобно двум своим историческим предшественникам, демократии собраний античного мира и современной представительной демократии в ее территориальной форме, мониторинговая демократия не является чем-то неизбежным. Она не обязательно должна была сформироваться, но все же она зародилась; остаются открытыми выходящие далеко за рамки данной книги общие вопросы о том, сохранится ли она, сойдет ли на нет или внезапно отомрет, поскольку на них придется отвечать будущим историкам<sup>4</sup>. Однако мониторинговая демократия, если судить по ее институциональным контурам и внутренней динамике, — это, несомненно, наиболее сложная из известных нам форм демократии. Любители латыни могли бы сказать, что это *tertium quid*, не до конца сформировавшийся преемник более ранних исторических экспериментов с формами демократии, основанными на собрании и представительстве. Выступая

<sup>4</sup> Вопрос о контртрендах и дисфункциях мониторинговой демократии рассматривается в моей работе «Жизнь и смерть демократии». Все связанные с ней материалы можно найти на сайте: <[www.thelifeanddeathofdemocracy.org](http://www.thelifeanddeathofdemocracy.org)>.

от имени «народа», «общества», «ответственности перед обществом», «людей», «заинтересованных сторон» или «граждан» — все эти термины в век мониторинговой демократии обычно используются как синонимы, — контролирующая власть институты возникают то здесь, то там, как внутри государственного пространства, так и за его пределами, зачастую распространяясь через территориальные границы. Выборы, политические партии и законодательные собрания не исчезли и не утратили значения; однако они определенно теряют свое ключевое положение в политике. Вопреки ортодоксальным заверениям большинства политологов, многие из которых незаметно для самих себя утонули в глубоких водах забывчивости, демократия теперь — это не просто способ работы с властью избранных правительств посредством электоральных, парламентских и конституционных инструментов, и больше она не ограничена территориальными государствами<sup>5</sup>. Ушли в прошлое дни, когда демократию можно было описать (на одном дыхании) как «правление неограниченное волей большинства» (Фридрих фон Хайек). В самых разных областях — в местных, национальных или наднациональных правительствах, в мире бизнеса, в НПО и сетевых структурах, которые проросли до самых корней повседневной жизни и разошлись по всему земному шару, — отправляющие власть люди и организации сегодня, как правило, подчинены общественному мониторингу и общественной критике, осуществляющейся целым спектром внепарламентских организаций.

## МОНИТОРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ

Симптомом исторического сдвига является появление в последние десятилетия массы новых типов контролирующих и проверяющих власть механизмов, неизвестных прежним демократам, а также целым системам демократии. Эти мониторинговые механизмы возникли во множестве глобальных контекстов. Они не являются исключительно «американскими», «европейскими»,

<sup>5</sup> К числу примеров можно отнести: Democracy, Accountability, and Representation / A. Przeworski et al. (eds). N.Y., 1999; Przeworski A. Democracy and the Limits of Self-Government. N.Y.: Cambridge University Press, 2010; а также обзорное эссе: Munck G.L. Democratic Theory after Transitions from Authoritarian Rule // Perspectives on Politics. 2011. June. Vol. 9. No. 2. P. 333–343.

«ОЭСР-овскими» или «западными» изобретениями, поскольку они распространились по всему земному шару, и теперь их можно обнаружить повсюду. Они действуют самыми разными методами, на множестве фронтов, включая группы и сети (такие как Alberta Climate Dialogue, BirdLife International и World Glacier Monitoring Service), занятые контролем состояния биосферы и ее защитой от безответственного уничтожения человеком. Некоторые в основном следят за властью на *уровне сигналов* граждан правительству или организациям гражданского общества; другие мониторинговые механизмы заняты мониторингом и критикой того, что иногда называют *политическим процессом*; тогда как третьи по большей части заняты контролем *политических результатов* правительственных организаций или НПО. Немногие инициативы занимаются одновременно всеми тремя направлениями, осуществляя соответствующие виды деятельности в разных ритмах и разных пространственных контекстах. Мониторные механизмы обычно представляются долгоиграющими институтами. Однако некоторые из них удивительно мимолетны; в изменчивом мире медиа они, подобно сильному порыву ветра, внезапно заставляют почувствовать свое присутствие, вносят возмущение, а потом бесследно растворяются в воздухе, оставляя все после себя не в том виде, в каком оно было раньше, до них. Механизмы мониторинга власти также бывают разных размеров и могут действовать в разных пространственных масштабах; они могут быть как организациями «шаговой доступности» с исключительно локальным размахом действий, так и глобальными сетями, которые стремятся следить за теми, кто властвует на больших территориях.

Ввиду такого многообразия не должно удивлять то, что краткий список подобных изобретений поначалу может показаться — нетренированному глазу — мешаниной случайно подобранных составляющих. Этот список включает: гражданские суды присяжных, биорегиональные ассамблеи, бюджетирование с общественным участием, консультационные советы и фокус-группы. Тут же неправительственные аналитические центры, консенсусные конференции, дискуссионные собрания, публичные памятные организации, консультационные схемы местных сообществ и открытые дома (разрабатываемые, например, в сфере архитектуры), которые предлагают информацию, консультационные и адвокатские услуги, архивные и

исследовательские возможности, а также базу для профессионального формирования сетей. Гражданские ассамблеи, захват общественностью тех или иных пространств, «корабли справедливости», демократические аудиты, конференции с мозговым штурмом, советы по конфликту интересов, глобальные ассоциации парламентариев против коррупции и конституционные сафари (использованные, как известно, составителями новой южноафриканской конституции для изучения лучших практик в других странах) — все они тоже в этом списке. Сюда же включаются потребительские советы и организации, занимающиеся потребительскими испытаниями, сетевые петиции и чаты, демократические клубы и кафе, общественное пикетирование и мирные осады, саммиты, «протестивали» (южнокорейское изобретение) и глобальные контролирующие организации, призванные повысить уровень публичной ответственности в бизнесе и других сферах гражданского общества. Список подобных инноваций охватывает совещательные опросы общественного мнения, независимые религиозные суды, публичные оценки и консультационные инициативы, гражданское электронное неповиновение, а также веб-сайты, блоги, твиттеры, посвященные мониторингу злоупотребления властью. Также этот список новшеств включает в себя неофициальные голосования (например, произвольные опросы через СМС), международные уголовные суды, комиссии по истине и примирению, глобальные социальные форумы и все большее число НПО, готовых принимать письменные конституции с элементами выборности.

Давайте переведем дух — хотя бы потому, что в перечне слишком большой разницей, и это может сбить с толку. Необходим трезвый анализ, который позволит выделить общие для всех этих новшеств качества. Мониторные институты играют несколько ролей. Некоторые из них, например избирательные комиссии, антикоррупционные организации и агентства по защите потребителей, придерживаются публичного нейтралитета, выступая в качестве «институтов-поводырей», защищающих правила демократической игры от хищников и врагов. Другие мониторинговые институты заняты тем, что представляют обществу дополнительные точки зрения и более подробную информацию о работе различных правительственных и неправительственных организаций. Поскольку обычно они критикуют дисбаланс власти, апеллируя к обществу, мониторинговые институты (вопреки

распространенному неверному пониманию, которое нужно исправить) не следует смешивать с вертикальными механизмами надзора, которые негласно обслуживают частные цели тех, кто отвечает за правительственные организации или организации гражданского общества. Общественный мониторинг неравного распределения власти противостоит внутреннему аудиту, закрытым цепочкам надзора («ради повышения качества наших услуг ваш телефонный звонок может быть записан») и менеджеральным техникам административной власти<sup>6</sup>.

С другой стороны, мониторинговые механизмы направлены на определение, контроль и поддержку общественных стандартов и этических правил, предотвращающих коррупцию, а также недопустимое поведение ответственных лиц, и не только в сфере избранного правительства, но и в самых разных контекстах применения власти, включая банковское дело и другие виды бизнеса. Иногда новые институты мониторинговой демократии нацелены на изменение временных рамок официальной политики; в таких областях, как экология, пенсионное обеспечение и здравоохранение, они напирают на долгосрочные вопросы, которыми либо пренебрегают, либо же занимаются без должного усердия в силу

<sup>6</sup> В этом отношении можно провести четкое различие между общественными мониторинговыми организациями и агентствами-регуляторами того рода, что анализировались в работе Франка Виберта: *Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2007.* Хотя мониторинговые органы часто являются неизбранными, тот факт, что они практически всегда апеллируют к вниманию общественности, отличает их от таких институтов, как независимые центробанки, экономические регуляторы, кризис-менеджеры и аудиторы, чья главная задача — устанавливать границы между рынком и обществом, устранять конфликт интересов и распределять ресурсы даже в таких сложных в этическом отношении областях, как биотехнология. Виберт утверждает, что весь комплекс подобных организаций-регуляторов следует рассматривать в качестве новой ветви правления со своими собственными источниками легитимности, причем эта ветвь несет свою долю ответственности в рамках нового разделения властей. Вера Виберта в то, что такие неизбранные организации-регуляторы помогают формировать более информированное гражданство, поскольку представляют собой более надежный и достоверный источник информации, необходимой для решений, опирается, вероятно, на серьезную недооценку их склонности к умышленной халатности и произволу, вроде тех, что царили в организациях кредитно-банковского сектора накануне сильнейшей рецессии периода после 2007 г.

краткосрочного менталитета, поддерживаемого электоральными циклами. Кроме того, мониторинговые институты определяются их общим стремлением повысить разнообразие и влияние голосов граждан, а также расширить спектр решений, влияющих на их жизни. Особенно в те времена, когда значительное число граждан считает, что политикам не всегда стоит доверять, и когда правительства часто обвиняются в злоупотреблении властью, в потере контакта с гражданами или в нежелании разбираться с их заботами и проблемами, мониторинговая демократия служит тормозом, сковывающим демократическое правление большинства и свойственное ему пристрастие к большим числам. Она доказывает (вопреки защитникам так называемого свободного рынка, известным нам по XX в.), что демократия не обязательно подавляет меньшинства. Также мониторинговая демократия оспаривает те описания демократии, которые представляют ее в качестве всего лишь партийной конкуренции элит, прикрываемой фальшивыми выборами<sup>7</sup>. Мониторинговые институты, свободные от выверенной предосторожности и лицемерия политических партий и официальной политики в целом, в действительности повышают шансы демократии с маленькой буквы, «минори-

<sup>7</sup> Людвиг фон Мизес, который считал, что рынки всегда безошибочно исполняют интересы меньшинства, резко критиковал представительную демократию, считая ее рецептом тирании большинства. «В политической демократии курс формируют только те голоса, которые поданы за кандидата или программу, получивших большинство голосов. Голоса, поданные меньшинством, напрямую не оказывают влияния на политику. А на рынке не пропадает ни один голос. Каждый потраченный цент имеет силу вызывать к жизни производственный процесс. Издатели стараются угодить не только большинству, публикуя детективы, но и меньшинству, читающему лирическую поэзию и философские трактаты. Пекарни пекут хлеб не только для здоровых людей, но и для больных, придерживающихся специальной диеты» (*Mises L. von. Human Action: A Treatise on Economics*. San Francisco: Fox and Wilkes, 1963; 1949. P. 271; рус. пер.: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. С. 272). Представление о том, что демократия в ее представительной форме является, по существу, олигопольным правлением политических партийных машин, занятых манипуляциями, получило известнейшую разработку у Йозефа Шумпетера в его работе «Капитализм, социализм и демократия»: «Психотехника управления партией, ее рекламная кампания, лозунги и марши — это все не украшения. Это и есть суть политики. Так же, как и политический лидер» (*Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy*. N.Y.; L.: Harper & Row, 1942. P. 283; рус. пер.: *Шумпетер Й.* Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995. С. 247).

тарной» демократии. Независимо от результата выборов мониторинговые институты, выступая порой непосредственно против принципа правления большинства, дают голос неудачникам и обеспечивают независимое представительство меньшинствам, например автохтонному населению, инвалидам и другим людям, которые не могут и надеяться на то, что им когда-нибудь удастся выступить с позиции большинства или действительно стать им.

### ОДИН ЧЕЛОВЕК, МНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Позволяя представлять образы жизни, которыми люди дорожат, несмотря на пренебрежение или подавление этих форм и стилей жизни партиями, парламентами и правительствами, а также, возможно, мощными группами интересов, новые мониторинговые структуры оказывают комплексное воздействие, повышая уровень и качество общественной осведомленности в делах власти, в том числе во властных отношениях «ниже» и «по ту сторону» институтов территориальных организаций. Вряд ли можно удивляться тому, что во многих демократических странах новые структуры, занятые мониторингом власти, изменили язык современной политики. Они постоянно ведут разговоры о «расширении прав», «энергичной демократии», «заинтересованных сторонах», «коллективном правлении», «коммуникативной демократии» и «делиберативной демократии»; они также помогают распространять культуру голосования и представительства во многие области жизни, где ранее все решалось менее демократическими методами. Мониторная демократия — это эпоха опросов, фокус-групп, делиберативного голосования, сетевых петиций, голосований аудитории и потребителей. Существуют также имитационные выборы, когда, например, аудиторию, которой право «голосования» предоставляется медийными компаниями, побуждают выбирать любимых звезд — публичным одобрением, через сотовые телефоны или Интернет. Распространяющаяся культура голосования, поддерживаемая новыми механизмами мониторинга власти, оказывает (возможно, целенаправленно, хотя и не всегда) определенный эффект, прерывая или зачастую заглушая монологи партий, политиков и парламентов. При помощи новых информационных банков, неизбранных представителей, макрекерства и трансграничной

публики новые инновационные структуры, занятые контролем власти, стремятся наделить политическими правами гораздо большее число гражданских голосов. Число и размах мониторинговых институтов выросло настолько, что они уже позволяют очертить контуры мира, в котором старое правило «один человек, один голос, один представитель», являвшееся главным требованием в борьбе за представительную демократию, замещается новым принципом мониторинговой демократии: «один человек, много интересов, много голосов, множество голосований, множество представителей».

То же самое можно сказать иначе: отличительной чертой мониторинговой демократии является то, что потенциально *все области социальной и политической жизни* могут подвергнуться общественному контролю и досмотру, причем не только со стороны стандартных структур представительной демократии, но и со стороны всего комплекса *непартийных, внепарламентских и часто неизбранных органов*, действующих в границах территориальных государств, ниже этих границ и за их пределами. В эпоху мониторинговой демократии ситуация выглядит так, словно бы принципы представительной демократии — публичная открытость, равенство граждан, выбор представителей — были применены к самой представительной демократии. Из этого вытекает много практических следствий, однако одно, особенно поразительное, состоит в изменении картины взаимодействий, т.е. политической географии демократических институтов.

Мы могли бы представить дело так: давным-давно, во время непродолжительного периода расцвета представительной демократии, т.е. сразу после Первой мировой войны, у так называемой демократии была достаточно простая политическая география (илл. 9). В рамках любого государства демократия, если судить с точки зрения граждан, означала главным образом то, что они должны были проявлять интерес к избирательной кампании и, когда приходил час расплаты, отдавать свой голос за партию или независимого кандидата. Он — это почти всегда был мужчина — обычно являлся представителем местного сообщества, хорошо ему известным, местным лавочником или профессионалом, например бизнесменом или деятелем профсоюза. Выбор среди таких людей был великой церемонией демократии, паузой размышлений, спокойствием мгновенного решения, катар-





Илл. 9. Территориально ограниченная представительная демократия

Источник: Джованни Наварриа.

сисом галочки и крестика, предшествующим буре результатов. «Объявлен мир во всем мире, — так об этом с сарказмом писала английская романистка XIX в. Джордж Элиот (1819–1880), — и лисы теперь искренне заинтересованы в увеличении продолжительности жизни домашней птицы». Ее американский современник Уолт Уитман (1819–1892) дал более положительную оценку ключевой функции дня голосования как великого «дня выбора», «мощнейшей сцены», «бескровного конфликта», по силе превосходящего Ниагарский водопад, реку Миссисипи или гейзеры Йосемити, «голоса, который вот-вот раздастся», момента «мирного всеобщего выбора», мимолетного мгновения замершего возбуждения, когда «сердце стучит, а жизнь пылает»<sup>8</sup>. Получив достаточное число голосов, местный представитель присоединялся к небольшому привилегированному кругу законодателей,

<sup>8</sup> *Eliot G. Felix Holt: The Radical. Edinburgh; L., 1866. Ch. 5. P. 127; Whitman W. Election Day, November 1884 // Whitman W. Leaves of Grass. N.Y., 1891/1892. P. 391.*

чья работа заключалась в том, чтобы следовать за линией партийной политики, поддерживать правительство или выступать против него, если оно использовало свое большинство в законодательном органе, чтобы принимать законы или следить за их исполнением, надеясь, что результаты понравятся максимально большому числу представляемого народа. По завершении срока работы законодателя такое перекладывание ответственности с одного на другого прекращалось. Лисы и птица чувствовали себя в безопасности. Снова наступало время для «бескровного конфликта», великого дня выбора. Представитель либо покидал свой пост, уходя из политической жизни на пенсию, либо работал дальше под марш переизбрания.

Это, конечно, упрощенная картина роли выборов, однако она позволяет подчеркнуть иную, намного более сложную политическую географию мониторинга демократии (илл. 10). Конечно, наблюдается определенная историческая преемственность. Так же как в современных представительных демократиях был сохранен старый обычай публичного собрания граждан, мониторинг демократии поддерживает жизнь законодательных собраний, политических партий и выборов, завися от них. Они по-прежнему выступают предметом жестоких споров и столкновений, имеющих серьезные последствия. Однако то же самое можно сказать о растущем числе разнообразных и связанных друг с другом механизмов мониторинга власти, в которых демократы былых времен, если бы они переместились в новый мир мониторинга демократии, не смогли бы разобраться и просто не поняли бы, что происходит.

Новая демократия требует изменения точки зрения, разрыва с общепринятым мышлением, если мы хотим понять ее политическую географию. Для этого давайте на мгновение представим — как если бы мы смотрели со спутника, вращающегося вокруг нашей планеты, — контуры новой демократии. Мы могли бы заметить, что ее институты, надзирающие за властью, меньше интересуются выборами, партиями и законодательными органами; они более не ограничены территориальным государством; и в пространственном отношении они выстроены гораздо запутаннее, чем обычно пишут в учебниках по демократии. Вертикальная «глубина» и горизонтальный «охват» мониторинговых институтов поражают. Если число уровней в той или иной иерархии институтов — это мера ее «глубины», а чис-



Илл. 10. Мониторная демократия

Источник: Джованни Наварриа.

ло единиц на каждом из этих уровней называется ее «охватом» или «шириной», тогда мониторинговая демократия — это наиболее глубокая и наиболее обширная система демократии из всех нам известных. Политическая география таких механизмов, как комиссии по интеграции, гражданские ассамблеи, системы обмена сообщениями в Интернете, локальные активистские группы, региональные парламенты, саммиты и глобальные надзорные организации, ставит под вопрос любое однозначное описание. То же самое можно сказать о политической географии более широкой констелляции механизмов контроля и критики власти, в которую они погружены, т.е. таких организаций, как сети защиты прав человека, гражданские суды присяжных, комиссии по аудиту и интеграции, а также многие другие надзорные организации, созданные для повышения уровня общественной

подотчетности в сфере бизнеса и в других секторах гражданского общества.

## ВОЗМОЖНЫЕ НЕДОРАЗУМЕНИЯ

Новые способы осмысления политического мира неизбежно порождают недоразумения и сбивают с толку. Теория мониторинговой демократии не исключение. Хотя, например, часто говорят, что борьба за повышение общественной подотчетности правительства и НПО, располагающих властью над другими, — это на самом деле борьба за «низовую демократию», «демократию участия» или «расширение прав народа», все эти метафоры опираются на неверное понимание современных трендов. Эпоха мониторинговой демократии не ведет нас назад; ее мотив — не в том, чтобы восстановить дух (воображаемый) демократии собраний, т.е. вернуть «власть народу», как любили скандировать сторонники таких групп, как «Студенты за демократическое общество» (Students for a Democratic Society, SDS), на политических демонстрациях 1960-х. Многие современные сторонники «глубокой», или «прямой», демократии продолжают говорить так, словно бы они были греками и словно бы для демократии действительно была важна именно «готовность и способность обычных людей принимать разумные решения благодаря аргументированному обсуждению, что позволяет создавать расширенное правление в попытках связать действия с обсуждением»<sup>9</sup>. Реальность мониторинговой демократии совсем иная, поскольку все новые эксперименты по контролю за властью от лица «народа» или по расширению прав граждан неизбежно опираются на *представительство*, т.е. публичные заявления по тому или иному вопросу, выдвигаемые определенными акторами от имени других и в их защиту. Часто эти эксперименты легитимируются воображаемым, политически сконструированным образованием под названием «народ»<sup>10</sup>; однако их нельзя интерпретировать

<sup>9</sup> Fung A., Wright E.O. Thinking about Empowered Participatory Governance // Fung A., Wright E.O. Deepening Democracy: Institutional Innovations in Empowered Participatory Governance. L.; N.Y.: Verso, 2003. P. 5.

<sup>10</sup> Парафразируя эту парадоксальную идею, если принципы представительной демократии превращали «народ» демократии собраний в удаленного судью того, насколько хорошо представители исполняют свои роли, то мониторинговая демократия разоблачает заговор единого «су-

в качестве попытки устранить разрыв между представителями и представляемыми, словно бы граждане желали обойтись без тех, кто выступает от их имени, или обрести самих себя и высказываться на равных в едином политическом сообществе, которое больше не будет отягощено погрешностями в коммуникации или плохим правлением.

На самом деле, представительство крайне необходимо мониторинговой демократии, как показывает много обсуждавшийся пример гражданских ассамблей<sup>11</sup>. Также ей крайне нужны выборы, хотя их меняющиеся статус и значение мешают многим людям понять новизну мониторинговой демократии. В период после 1945 г., когда на всей земле оставалось лишь с десяток демократических стран, партийная демократия сумела вернуться, причем ее успех был настолько велик, что такие исследователи, как Фрэнсис Фукуяма и Сэмюэль Хантингтон, стали думать, что ничего не изменилось, если не считать значительного глобального скачка в численности стран с представительной демократией. Их ошибка понятна: в период после всеобщего провала и едва ли не полного исчезновения демократии в первой половине

веренного народа». Динамичные структуры мониторинговой демократии служат барьерами от неконтролируемого поклонения «народу», или «демолатрии». Мониторная демократия показывает, что мир составлен из многих *demoi*, а отдельные общества состоят из людей из плоти и крови, у которых разные интересы и которые поэтому не обязательно лично встречаются друг с другом. Можно сказать, что мониторинговая демократия демократизирует — т.е. публично демонстрирует — сам принцип «суверенного народа» как помпезную фикцию; в лучшем случае она превращает его в удобный механизм отсылки, о котором большинство людей знают, что он не более чем полезная политическая фикция. В самом деле, бывают времена, когда фикция «народа» служит принципом мониторинга, как объяснил бывший судья Федерального конституционного суда Германии Дитер Гримм: «Редко встречаются обстоятельства, когда фикция “демоса” необходима в качестве напоминания о том, что люди, создающие законы, не являются в пределе источником собственной легитимности. Демократии нуждаются в общественной власти; но также их нужно ограничивать некоторыми пределами исполнения общественной власти, призывая “народ” как вымышленного субъекта, которому приписываются коллективные бесспорные полномочия, т.е. как *Zurechnungssubjekt*, который сам не способен действовать, но при этом выступает необходимым для демократии элементом, поскольку наделяет смыслом ответственность» (Дитер Гримм (Dieter Grimm), интервью, Берлин. 2006. 23 ноября).

<sup>11</sup> Keane J. The Life and Death of Democracy. P. 699–701.

XX в. большинство стран мира познакомилось с базовыми институтами выборной демократии. Общепринятые партийные формы представительства не отмирают. Миллионы людей привыкли к конкуренции политических партий, периодическим выборам, ограниченному пребыванию людей на политических постах и праву граждан проводить общественные собрания, чтобы донести свои взгляды до представителей в законодательных органах и исполнительной власти, которые в равной мере действуют в рамках юрисдикции территориальных государств. В столь разных странах, как Бангладеш, Нигерия, Тринидад и Тобаго, Мальта, Ботсвана, и даже среди тибетцев, живущих в изгнании, впервые в истории закрепились механизмы выборной демократии. В других условиях, особенно там, где выборная демократия давно известна, продолжаются эксперименты по улучшению правил электоральной игры, например, за счет контроля избранных представителей методами электоральной грамотности и благодаря парламентским наблюдательным инициативам (к примерам можно отнести такие инновационные веб-платформы, как Parliament Watch ([Abgeordnetenwatch.de](http://Abgeordnetenwatch.de)) в Германии и Vote Compass в Канаде). К числу других экспериментов относятся: внедрение первичных выборов в политических партиях; более жесткие ограничения на сбор и расходование средств для предвыборных кампаний; улучшение условий голосования для граждан с ограниченными возможностями; а также запрет избранным представителям перепрыгивать из одной партии в другую (такое решение было принято бразильским Верховным судом в 2007 г.).

По всем этим причинам Хантингтону и другим исследователям казалось, что можно с полной уверенностью говорить об удивительном возрождении и распространении в последние десятилетия представительных форм демократии как о «третьей волне демократизации». Но тут на сцену выходит мониторинговая демократия: совершенно новый в историческом отношении тип демократии, который работает совсем не так, как в учебниках описывается «представительная», «парламентская», или «либеральная», демократия, как ее еще нередко называют. В эпоху мониторинговой демократии демократия практикуется иначе. Там, где существует мониторинговая демократия, такие институты, как периодические выборы, конкуренция многих партий и право граждан публично выразить одобрение или неодобрение принятых законов, оста-

ются в роли хорошо знакомых приспособлений. Повторим еще раз: в условиях мониторинговой демократии общие вопросы о том, кто имеет право голосовать и при каких условиях, продолжают привлекать внимание общества, провоцируя столкновения и порождая разногласия. Вспомним о юридических и политических спорах, вызванных вопросом о том, кому принадлежит программное обеспечение ненадежных машин для электронного голосования, производимых такими компаниями, как Election Systems and Software. Или взять диспуты, причиной для которых становились самые разные события — отзыв голосов людей, признанных мошенниками; утверждения, будто такие группы, как диаспоры, языковые меньшинства, инвалиды, а также малограмотные и плохо считающие люди поставлены тайным голосованием в невыгодное положение; громкие публичные заявления относительно того, что некоторые группы избирателей, например женщины, молодежь или биосфера в целом, все еще либо плохо представлены, либо не представлены вовсе.

Борьба, нацеленная на то, чтобы расширить электоральное и законодательное представительство, а также улучшить его качество, ни в коем случае не закончена. Однако медленно и верно вся архитектура демократии начала меняться на фундаментальном уровне. То же самое относится и к значению демократии. Демократия, которая более не является синонимом самоуправления собрания привилегированных граждан-мужчин (как это было в греческих городах-государства) или партийного правления, руководящегося волей законодательного большинства, стала означать такой образ жизни и модус правления, когда власть подчиняется постоянно и повсеместно действующей системе сдержек и противовесов, из-за которой ни у кого нет права владеть своевольно, без согласия управляемых или их представителей. Важным симптомом переопределения демократии является возникновение мониторинга выборов. В 1980-х годах впервые в истории демократии основополагающие выборы в новых или конфликтных политических образованиях стали предметом внешнего мониторинга, осуществляемого командами наблюдателей<sup>12</sup>. «Честных и открытых методов», предпола-

<sup>12</sup> Bjornlund E.C. *Beyond Free and Fair: Monitoring Elections and Building Democracy*. Baltimore, MD: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press, 2004.

гающих устранение насилия, запугивания, подтасовки выборов и других форм политического фиглярства, теперь ждут от всех стран, включая наиболее мощное демократическое государство на Земле, США, где наблюдатели от Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) впервые присутствовали на президентских выборах в ноябре 2004 г.

В эпоху мониторинга демократии битвы за избирательные права, некогда раздиравшие общество на части, все же потеряли свое главенство. Когда культура голосования распространяется, а в самых разных странах и контекстах увеличивается число неизбранных представителей, на поверхность выходит совершенно новая проблема. Старый вопрос, мучивший эпоху представительной демократии, — *у кого* есть право голосовать и *когда* — дополняется и усложняется вопросом, на который все еще нет простых ответов: *где* люди, у которых есть право голосовать, *за кого* они могут голосовать и *через каких представителей?*

Заметная обеспокоенность общественности вопросами публичного контроля, которые раньше считались неполитическими, — это уникальная черта эпохи мониторинга демократии. В эру представительной демократии (как первым отметил Токвиль), конечно, наблюдался подъем самоорганизующихся групп давления, а также распространялись схемы «социализации» власти правительства — например, через советы солдат, рабочий контроль в промышленности или программы гильдейского социализма. Однако немногие из этих схем смогли пережить потрясения первой половины XX в., а потому мониторинговая демократия представляется еще более поразительным явлением. Крутой поворот в сторону внепарламентских мониторинговых институтов очевиден в силу беспрецедентного интереса к старому европейскому термину «гражданское общество», доставшемуся нам от XVIII в.; впервые в истории демократии два этих слова стали повседневно использоваться демократами по всему миру.

Также это изменение проявляется в сильной тенденции к независимому общественному контролю всех аспектов правительственной политики: не только общественная озабоченность плохим обращением с детьми, правами детей, физическими привычками, связанными с упражнениями и диетой, или охраной среды обитания; но и попытки «модернизировать» демократию, нацеленные на то, чтобы будущие открытия, на-



пример, нанотехнологии, альтернативные источники энергии и генетически модифицированные продукты, управлялись общественностью в интересах большинства, а не меньшинства. Эксперименты по развитию новых форм гражданского участия и выборного представительства начали проникать на рынки; известным ранним примером является изобретение середины 1940-х годов — немецкая система участия рабочих в управлении предприятием (*Mitbestimmung*), при которой сотрудники фирм определенного размера получают право выбирать своих представителей в управляющие советы компании. К числу относительно недавних попыток ограничить власть произвола на рынках относятся различные формы борьбы, начатой бедняками в столь разных областях, как земельные права, производство продуктов питания и грамотность. «Аудиторы-герильеро», которые заявили о себе в длительный период перехода Парагвая к демократии, — интересный пример, подтверждающий нашу мысль: это активистское движение, которое начало ожесточенную юридическую битву в защиту земли гуарани и за право на грамотность, добившись в итоге доступа общественности к ранее закрытым письменным документам, хранившимся в государственных архивах<sup>13</sup>.

В эпоху мониторинга демократии растет осознание возможности и желательности осуществления новых прав на критику и заявление своего мнения в ранее закрытых областях проектирования систем здравоохранения и социального обеспечения, а также выбора пациента. Опыт публичного обсуждения проблем и голосования за представителей распространяется даже на широкомасштабные глобальные организации, такие как Международный олимпийский комитет (МОК), который (благодаря тому что в 1980-х годах он стал мишенью для журналистов-макрекеров) превратился из эксклюзивного клуба джентльменов в глобальную организацию, в которой правила публичного контроля и представительного правления применяются к ее внутренним процессам. Поэтому кооптированные члены правления по крайней мере раз в год собираются на Сессии — собрании, открытом для журналистов, на котором решаются общие вопросы МОК, в том числе рекомендации по вступлению в

<sup>13</sup> См.: *Hetherington C. Guerrilla Auditors: The Politics of Transparency in Neoliberal Paraguay*. Durham, NC: Duke University Press, 2011.

МОК новых членов, мониторинг кодексов поведения уже существующих членов и общую эффективность самого МОК.

Ключевая роль, которую гражданское общество играет в изобретении механизмов мониторинга власти, похоже, подтверждает то, что можно было бы назвать «законом свободного правления» Джеймса Мэдисона: ни одно правительство не может считаться свободным, если оно не способно управлять обществом, которое само способно контролировать правительство. Это правило (набросок которого можно найти в «Федералисте» № 51) привело некоторых людей к ошибочному заключению, будто правительства совершенно не способны контролировать свою собственную власть. Однако порой истина в другом. В эпоху мониторинга демократии, как показывает опыт, правительства ради своей собственной эффективности и результативности, а также во благо собственных граждан порой склоняются к тому, чтобы представить свои полномочия на суд независимого общественного контроля.

Показательным примером являются правительственные «контрольные» и «антикоррупционные» институты, занимающиеся помимо прочего проверкой на соответствие принципам «профессиональной этики». Их официальная цель — общественный контроль правительства, осуществляемый полунезависимыми правительственными агентствами (следует напомнить, что слово «*scrutiny*» («контроль», «досмотр», «проверка») первоначально означало «разгребать мусор», от лат. *scrutari*, «искать», которое само происходит от *scruta*, «мусор»). Механизмы контроля определяют то, что в публичном секторе появляются новые глаза, уши и зубы. Таким образом, они дополняют функции мониторинга власти, возложенные на избранных государственных представителей и судей, хотя это и не всегда та цель, которая ими заявляется. Хотя механизмы контроля обычно вводятся и поддерживаются с общего разрешения избранных правительств (в частности, с разрешения министерств), на практике часто все работает по-другому. Правительственные контрольные органы обычно стремятся жить своей жизнью, особенно когда они защищены законами и если у них достаточно ресурсов и достойное управление. Основываясь на гораздо более старых прецедентах королевских комиссий, общественных расследований и независимых аудиторов, проверяющих финансовую чистоплотность правительственных агентств, т.е.

на изобретениях, которые восходят к эпохе представительной демократии, новые механизмы контроля внедряют новые сдержки и противовесы, дабы предотвратить возможное злоупотребление властью со стороны избранных представителей. Примером могут выступать периодически проводившиеся в Бразилии национальные конференции по политическому курсу; то же самое можно сказать о должности главного инспектора, имеющейся во всех агентствах министерского уровня и в большинстве крупных правительственных агентств в США<sup>14</sup>. Этот тренд подтверждается недавними сетевыми экспериментами: Платформа открытого правительства (Open Government Platform — совместная инициатива индийского и американского правительств) и Recovery.gov. Эти контрольные механизмы, запущенные правительствами, оправдываются прогрессом в управлении, достигаемым (как утверждают их защитники) благодаря совершенствованию принятия решений, что, в свою очередь, повышает уровень общественного доверия к политическим институтам среди граждан, которые считаются «заинтересованными сторонами», имеющими право отслеживать расходы государственного сектора. Во всем этом процессе заметен двойной парадокс. С одной стороны, правительственные контрольные механизмы часто создаются правительствами, которым потом не всегда удается контролировать работу самих этих механизмов, например, в случаях мошенничества и коррупции или применения правовых стандартов. С другой — новые механизмы оказывают демократизирующее влияние, сдерживая и контролируя власти, даже если обычно они укомплектованы штатом из судей, профессиональных экспертов и других неизбранных чиновников, которые сами функционируют независимо от ритма периодических выборов.

Наконец, следует отметить, что мониторинговая демократия ставит под вопрос предрассудки тех, кто сопротивляется самой идее «трансграничной» или «международной» демократии. У этих предрассудков глубокие корни. Они восходят к эпохе террито-

<sup>14</sup> Pogrebinschi T. Participatory Policymaking and Political Experimentalism in Brazil // *Democracia y reconfiguraciones contemporáneas del derecho en America Latina* / S. Kron et al. (eds). Frankfurt am Main and Madrid: Iberoamericana/Vervuert, 2012. P. 111–136; Schudson M. Political Observatories, Databases and News in the Emerging Ecology of Public Information // *Daedalus*. Spring 2010. P. 100–109.

риально ограниченной представительной демократии, а потому почти все ведущие исследователи демократии защищают мнимую истинность таких тезисов, как «демократия требует государственности» и «без государства не бывает демократии». Интересное качество мониторинговой демократии состоит в том, что она помогает на практике оспорить все эти предрассудки. Такие агентства, как Electoral Assistance Division в США, Democratic Institutions and Human Rights (часть ОБСЕ), и такие инициативы, как глобальные акции профессионалов публичного сектора; трансграничные парламенты; коллегиальные комиссии; законы, криминализирующие корпоративное взяточничество; региональные и глобальные суды, а также другие формы мониторинга власти, в действительности стирают всякие различия между «внутренним» и «иностранным», «локальным» и «глобальным». Как и другие институты, в том числе фирмы и университеты, демократия захвачена сложными процессами «глокализации». Тем самым мы утверждаем, что мониторинговые механизмы динамично связаны друг с другом, так что каждый контролирующий институт функционирует одновременно как часть общей системы и целое. Такие инновации, как американский «Закон о коррупции за рубежом» (US Foreign Corrupt Practices Act), принятый в 1977 г. (первый закон, по которому взятки, выплачиваемые корпорациями чиновникам иностранных правительств, становятся уголовно наказуемым деянием) и последовавшее за ним «Соглашение против взяточничества» (Anti-Bribery Convention) ОЭСР (1999), со всей ясностью показывают, что общественное сопротивление произволу власти не ограничивается более исключительно «суверенными» территориальными государствами и не «дислоцируется» внутри них<sup>15</sup>. В условиях мониторинговой демократии части (государственные мониторинговые структуры) и целое (региональные и глобальные мониторы) не существуют в строгом или абсолютном смысле. Единицы мониторинговой демократии лучше описывать как субцелые, или «холоны» (если воспользоваться известным термином Артура Кёстлера<sup>16</sup>), функционирующие в качестве самостоятельных и самоутверждающихся образований, которые публично порица-

<sup>15</sup> Vogl F. *Waging War on Corruption: Inside the Movement Fighting the Abuse of Power*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2012.

<sup>16</sup> Koestler A. *The Ghost in the Machine*. L.: Pan Books, 1967. P. 48.

ют власть, не прося разрешения у вышестоящих инстанций, и при этом одновременно толкают и тянут друг друга в многосторонней системе мониторинга, в которой все структуры играют определенную роль, так что иногда уже нельзя разобрать, где часть, а где целое.

### КАКОВЫ ПРИЧИНЫ МОНИТОРНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

Часто говорят, что общественная активность, связанная с контролем власти, меняет немного, что государства и корпорации все еще остаются «реальными» неподконтрольными центрами власти, принимающей решения не только о том, кто и что получает в этом мире, но и о том, когда и как. Доказательством тому, что это не обязательно так, может послужить тот факт, что все важные общественные вопросы, обсуждавшиеся в мире после 1945 г. — о гражданских правах женщин и меньшинств; о сопротивлении ядерному вооружению и американском военном вмешательстве во Вьетнаме и Ираке; о снижении уровня бедности и экологизации политики — все они порождались не политическими партиями, выборами, законодательными органами и правительствами, а в основном сетями мониторинга власти, которые действуют параллельно — и зачастую вразрез с ними — обычным механизмам партийного парламентского представительства. Эти мониторинговые сети сыграли ключевую роль в построении и укреплении мониторинжной демократии, но этот тезис тут же приводит нас к сложному вопросу: имелись ли и другие силы, которые обусловили возможность мониторинжной демократии? Как можно объяснить ее незапланированное рождение и развитие?

Попытка ответить на этот вопрос возвращает нас к теме коммуникационного изобилия, но лишь через несколько промежуточных этапов. Дело в том, что силы, породившие в итоге различные механизмы контроля власти, описанные выше, имеют комплексный характер; как и на прежних стадиях истории демократии, обобщения относительно первопричин слишком рискованны. Однако с уверенностью можно сказать о двух моментах. Более очевидный из них состоит в том, что у нового типа демократии были причины и прародители. Мониторная демократия — это не какое-то однородное образование, она не является организмом, вылупившимся из одного-единственного

яйца. Скорее, это результат многочисленных воздействий, которые со временем переплелись между собой, что привело к трансформации духа, языка и институтов демократии, ныне известной нам. Еще один момент, в котором мы можем быть уверены: лучше всего первый триггер новой эпохи мониторинга демократии можно описать одним словом — словом «война».

В истории демократии война с ее страданиями и бедами часто выступала в роли повитухи новых демократических институтов<sup>17</sup>. Это правило, несомненно, действовало в первой половине XX в., самого смертоубийственного периода в человеческой истории. Две мировые войны вместе с чудовищными актами жестокости подорвали старые структуры безопасности, вызвали метания и беспорядочную борьбу за власть, а также привели к выплеску озлобленности людей, которая стала топливом для значительных революционных восстаний, обычно выступавших от имени «народа» против представительной демократии. Большевизм и сталинизм в России, фашизм в Италии, нацизм в Германии и милитаристский империализм в Японии — все они были искаженными и извращенными перерождениями демократии, которая в этих режимах обычно неверно толковалась в качестве всего лишь синонима народного суверенитета. Это были режимы, чьи лидеры признавали, что «народ» имеет право выйти на сцену истории, но наймиты этих режимов потом стали затыкать людям рот, пытаться и убивать как своих противников, так и сторонников, которые как раз и были представителями народа, из плоти и крови. Западную демократию разоблачали, указывая на парламентскую нерешительность и препирательства, либеральную мягкотелость, буржуазное лицемерие и трусость в бою. По прошествии трети XX в. парламентская демократия встала на колени. Она казалась неуправляемой, бездушной, парализованной, обреченной. К 1941 г., когда президент Рузвельт призвал «смело защитить великое пламя демократии от сумерек варварства», когда бесчисленное количество негодяев пришли к противоположному выводу и решили, что будущее за диктатурой и тоталитаризмом, на всей

<sup>17</sup> Keane J. The Life and Death of Democracy; Keane J. Epilogue: Does Democracy Have a Violent Heart? // War, Democracy and Culture in Classical Athens / D.M. Pritchard (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

Земле осталось лишь 12 стран с выборными демократическими системами<sup>18</sup>.

Возможность уничтожения наэлектризовала умы и стала причиной ожесточенной решимости сделать что-то — как с ужасной военной разрухой, так и с диктаторскими и тоталитарными режимами, выросшими на почве войн. Крупнейшие катаклизмы, достигшие своего пика во Второй мировой войне, убедили многих людей в наивности старой формулы, согласно которой люди должны подчиняться своим правительствам, поскольку правители защищают их жизни и собственность. Опустошительные потрясения этого периода доказали, что формула «защита-покорность» больше не работает, что во многих странах давние договоры между правителями и управляемыми попораны настолько, что правителям уже невозможно верить право управления. Иными словами, проблема была уже не в охлократии «народа», на которую указывали критики демократии со времен Платона или Фукидида и вплоть до XIX в. Ужасающие события первой половины XX в. доказали, что истинная причина охлократии — лидеры с бандитскими склонностями (Теодор Адорно окрестил их «возвеличившимися крикунами»), умело изобличающие «демократию» как упадок и призывающие народ взойти на сцену истории, но лишь затем, чтобы от имени этого народа затыкать рты реальным людям, мучить их и убивать, уничтожая тем самым свободы и политическое равенство (один человек — один голос), за которое открыто выступала выборная демократия<sup>19</sup>. Следовательно, проблема была уже не

<sup>18</sup> *President Roosevelt. Address to the White House Correspondents' Association Washington. 1941. 15 March.* К оставшимся выборным демократиям относились: Австралия, Канада, Чили, Коста Рика, Новая Зеландия, Швеция, Швейцария, Великобритания, США и Уругвай. Несмотря на использование коллегии выборщиков для выбора президента в военных условиях повышенной безопасности, сюда же можно отнести Финляндию, а также Ирландию.

<sup>19</sup> Последовательная фашистская критика «демократии» была разработана Альфредом Розенбергом: *Rosenberg A. Der Mythos des 20. Jahrhunderts, Eine Wertung der seelisch-geistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit.* Munich, 1934 (рус. пер.: *Розенберг А. Миф XX века.* Харьков: Свитовид, 2005). В этой работе говорится, что демократия основана на «абстрактном народном суверенитете», т.е. она относится к «народу» как «части государства, которая не знает, чего она хочет». Демократия души «народное сознание»; проталкивает «безличные идеи государства»; распространяет «парламентское разложение» и «массовый застой». Так

в толпе и власти толпы. Правление, т.е. произвольное применение власти одних над другими, — вот в чем в действительности заключалась проблема.

Проблема управления народом сверху стояла в центре важного, хотя, к сожалению, малоизученного направления политических размышлений о демократии, сформировавшегося в 1945 г.<sup>20</sup> Интеллектуальные корни мониторинговой демократии можно проследить вплоть до этого периода, когда возможное самоустранение выборной демократии привело в действие своеобразную «темную энергию»: универсум значений демократии претерпел значительное расширение, бросая вызов космической гравитации современных событий. Эта новая энергия заметна, к примеру, в работах таких литераторов, теологов и интеллектуалов, отличных друг друга во всем остальном, как Альбер Камю, Джон Дьюи, Сидни Хук, Томас Манн, Жак Маритен, Дж.Б. Пристли, а также, как ни странно, в работе, которая вскоре стала классикой, — «Дети света и дети тьмы» Рейнгольда Нибура (1945). Каждый из этих авторов говорил об опасности, указывая на то, что, хотя парламентской демократии и удалось в последний момент вырваться из тисков войны и тоталитаризма, это может быть просто временная передышка. Некоторые писатели даже ставили вопрос о том, не служит ли почти полное уничтожение

---

называемая демократия увековечивает «обман и эксплуатацию масс», поскольку в действительности она — не более, чем «инструмент капитализма и состоятельных классов».

<sup>20</sup> *Keane J.* The Origins of Monitory Democracy. <<http://theconversation.edu.au/the-origins-of-monitory-democracy-9752>>. Время доступа — 13 октября 2012 г. В первые годы после Второй мировой войны появилось много новых направлений, в которых обсуждалось будущее демократии в глобальном контексте. См., например: *Mann T.* Goethe and Democracy. Washington, DC, 1949; *Friedrich C.J.* Constitutional Government and Democracy. Boston, MA: Ginn, 1941; *Maritain J.* Christianity and Democracy (машинописный текст, подготовленный для обращения на ежегодном собрании Американской ассоциации политической науки (American Political Science Association) 29 декабря 1949 г. в Нью-Йорке); *Laski H.* et al. The Future of Democracy. L., 1946; *Camus A.* Neither Victims nor Executioners. Chicago: World Without War Publications, 1972 (первая публикация — выпуск «Combat» за осень 1946 г.); *Niebuhr R.* The Children of Light and the Children of Darkness: A Vindication of Democracy and a Critique of its Traditional Defenders. L.: Nisbet & Co., 1945; *Pope Pius XII.* Democracy and Peace. L., 1945; *Hook S.* What Exactly Do We Mean by “Democracy”? // New York Times. 1947. 16 March. P. 10 ff; *Lindsay A.D.* Democracy in the World Today. L., 1945.



парламентской демократии подтверждением надвигающегося «конца света» (Альбер Камю). Томас Манн тоже поучаствовал в этих дискуссиях, отметив, что необходимо, чтобы «демократия нашла силы вернуться к себе, к своим истокам, возродиться в своем духовном и нравственном самосознании». Выражая обеспокоенность и шок, вызванные тем, что выборные демократии 1920–1930-х годов стали рассадником демагогов, большинство авторов соглашались с тем, что один из жизненно важных уроков, преподнесенных недавним историческим опытом, заключался в настолько значительном коррумпировании языка и практики мажоритарной демократии, что не только слово «демократия» стало предметом для «бесчестных манипуляций» (Джордж Оруэлл), но и сами ее механизмы были использованы врагами демократии, злоупотреблявшими ими от имени «суверенного народа». Пытаясь прийти к новому пониманию демократии, немалое число авторов стали открыто критиковать метафизические разговоры о «Народе» и его предположительном «Суверенитете». «Все исходит из народа», — сказал Дж.Б. Пристли в вечерней передаче на BBC, собравшей большую аудиторию, и после этих слов сразу же перешел к вопросу о том, кто такой этот «народ». «Народ — это реальные люди, — ответил он. — Если ударить их, у них пойдет кровь... Они мечутся между страхом и надеждой. У них странные мечты. Они страстно желают счастья. У них у всех есть имена и лица. Они не являются неким срезом абстрактной материи»<sup>21</sup>.

Немалое число глубоко обеспокоенных авторов призывали также к новым, неопробованным лекарствам от болезней представительной демократии. Одним из главных приоритетов у них был отказ от сентиментального оптимизма. Некоторые политические мыслители (Карл И. Фридрих) подчеркивали необходимость конституционных ограничений избранных правительств. Другие призывали к внедрению религиозных принципов в этос и институты демократии. Часто мнения разделялись, однако все эти авторы 1940-х годов поддерживали новую форму демократии, в которой ее дух и институты были бы проникнуты устойчивым желанием искоренять ростки самовольной и неподотчетной обществу власти. Американский теолог Ни-

<sup>21</sup> Позднее опубликовано в: *Priestley J.B. Out of the People*. L.: Collins, 1941. P. 16–17, 111.

бур (1892–1971), у которого впоследствии появилось много известных поклонников, в том числе Мартин Лютер Кинг, выступил с одним из наиболее весомых аргументов в пользу обновления и преобразования демократии в этом направлении. «Опасности неконтролируемой власти — это извечное напоминание о добродетелях демократического общества, — писал он. — Однако современная демократия требует более реалистического философского и религиозного основания, и не только для того, чтобы предвидеть и понимать опасности, с которыми она может столкнуться, но и чтобы выдвинуть более убедительное оправдание самой себя». Заключением к его рассуждению является фраза, ставшая знаменитой: «Способность человека к справедливости определяет возможность демократии; однако склонность человека к несправедливости определяет необходимость демократии»<sup>22</sup>.

Другие же мыслители готовы были пойти на еще более смелый шаг, выступая за отказ от посылки, будто «естественной обителью» демократии в ее представительной форме выступает суверенное территориальное государство. Поэтому они отстаивали расширение демократических принципов за пределы территориальных границ. «История последних 20 лет, — писал Фридрих, — вне всяких сомнений показала, что конституционная демократия не может эффективно работать лишь на национальном уровне». Томас Манн изобличал попытки «свести демократическую идею к идее мира и утвердить то, что право свободного народа на определение своей собственной судьбы включает уважение к правам другого народа, а потому выступает лучшей гарантией для создания сообщества народов, которое станет жить в мире». Он добавлял: «Мы должны метить выше и рассматривать целое. Мы должны определить демократию как ту форму правления и общества, которая прежде всего вдохновляется чувством и сознанием достоинства человека»<sup>23</sup>.

Этот способ осмысления политических опасностей самовольной власти, несомненно, послужил одним из источников наиболее заметных черт мониторинговой демократии — бракосочетания демократии и прав человека, а также последующего всемирного

<sup>22</sup> *Niebuhr R.* The Children of Light and the Children of Darkness. P. vi.

<sup>23</sup> *Friedrich K.* Constitutional Government and Democracy. P. 34; *Mann T.* The Coming Victory of Democracy. L., 1943. P. 22.

распространения организаций, сетей и кампаний, приверженных делу защиты прав человека. Корни этого союза, конечно, можно обнаружить уже во Французской революции, однако его непосредственным источником стали две важные политические декларации, в которых отразились ужасы Второй мировой войны: Устав Организации Объединенных Наций (1945) и Всеобщая декларация прав человека (1948). Вторая, судя по всему, стала наиболее заметным проблеском света во мраке, причины которого — смерть 45 млн людей, ужасная физическая разруха, духовное падение, эскалация насилия и растущее послевоенное напряжение, вылившееся в такие политические беды, как этнические и национальные чистки в Европе, кровавый раздел Пакистана и Индии, блокада Берлина и нерешенность вопроса о будущем Палестины. Всеобщая декларация прав человека, составленная в 1947–1948 гг., в те времена многим казалась всего лишь побочным явлением, не имевшим особой важности. В ее преамбуле говорится о «внутренне присущем достоинстве», «равных и неотчуждаемых правах всех членов человеческой семьи». В действительности, это был призыв к гражданским обществам и правительствам во всем мире говорить и действовать так, словно бы права человека имели значение; практический результат состоял в том, что она помогла заново определить демократию в качестве мониторинговой демократии. Сегодня такие сетевые организации, как Human Rights Watch, Aga Khan Development Network, Amnesty International и десятки тысяч неправительственных организаций, защищающих права человека, ежедневно работают с широким спектром правовых вопросов, включая пытки, проблемы солдатских матерей, насилие над женщинами и свободу религиозных убеждений. Их задача — защита прав человека посредством кампаний, подкрепленных надежными исследованиями и грамотной рекламой. Сами себя они считают своеобразными оводами, которые не дают спать совести правительств и граждан, и таким образом они решают базовую проблему, которая преследовала представительную демократию: кто именно решает, кто есть «народ»? Большинство организаций и сетей по защите прав человека отвечают на этот вопрос так: каждый человек достоин осуществлять свое право на наличие прав, в том числе право пользоваться коммуникационным изобилием для свободного общения с другими как равными.

## КОММУНИКАЦИОННОЕ ИЗОБИЛИЕ

Союз прав человека, демократии и многих мониторинговых институтов, которые появились после 1945 г., доказывал, что война — не всегда проклятие демократии и что бывают времена, когда ужасающее насилие срабатывает в качестве триггера, заставляя граждан и строителей институтов взять ситуацию в свои руки. Однако если ужасы тотальной войны были первоначальным катализатором рождения мониторинговой демократии, в относительно недавние времена жизненно важным фактором ее последующего развития оказались, несомненно, существенные преобразования в средствах коммуникации.

В эпоху мониторинговой демократии все институты, занятые контролем власти, всецело опираются на эти инновации в области медиа; если бы новая галактика коммуникационного изобилия внезапно рухнула, мониторинговая демократия тут же прекратила бы свое существование. Мониторная демократия и компьютерные медийные сети действуют так, словно бы они были братьями-близнецами. Это заявление не означает, что мы попадаем в ловушку предположения, будто соединенные в компьютерные сети коммуникации служат прообразом совершенно нового утопического мира, карнавала «виртуальных сообществ», кормящихся на электронном фронтире, или же «киберреволюции», которая даст всем гражданам равный доступ ко всем медиа, в любом месте и в любое время. В действительности новая эпоха коммуникационного изобилия порождает много противоречий и разочарований. Например, как мы уже отмечали, она расширяет разрыв в возможностях между медиабогачами и медиабедняками, причем последние, похоже, не нужны в роли коммуникаторов или потребителей медиапродуктов, просто потому что не обладают достаточной покупательной способностью. Коммуникационная бедность противоречит базовому принципу мониторинговой демократии, согласно которому у всех граждан есть равные права на высказывание своих мнений и на то, чтобы периодически устраивать взбучку своим избранным и неизбранным представителям. Однако фундаментальный момент сохраняется: если смотреть с точки зрения мониторинговой демократии и ее будущего, наступление коммуникационного изобилия следует считать наиболее благоприятным процессом.

Совокупный эффект создания новых информационных банков, политизации частной жизни, общественного макререкрета и действий трансграничной публики (причем некоторые из этих явлений тесно связаны с неизбранными представителями) заключается в повышении подозрительности людей по отношению к неподотчетной власти. В рамках перенасыщенных сообщениями демократических обществ граждане начинают приучаться к тому, что они должны постоянно следить за властью и ее предположительными представителями. Они видят, что господствующие властные отношения являются не «естественными», а преходящими, т.е. представляют собой результирующую неких политических процессов. Можно пойти и дальше. В эпоху коммуникационного изобилия (по крайней мере такое складывается впечатление) своевольная власть не может более с удобством для себя скрываться за частными масками. Повсюду властные отношения становятся мишенью для организованных некоторыми людьми инициатив, позволяющих посредством медиа рассказывать другим людям — аудиториям разных размеров — о том, что раньше скрывалось, оставаясь «частным». Мы живем во времена, когда частные СМС-сообщения и видеоролики могут получить публичную огласку, открыв факты мошенничества, что порой приводит к отставкам главных правительственных чиновников. Это эпоха, когда переносные камеры используются гражданскими репортерами для загрузки в реальном времени материалов о кандидатах на выборах, вне студийных условий и безо всякого сценария; наконец, это эпоха, когда фотографии с мобильных телефонов, утечки видео и каблогграмм служат доказательством того, что солдаты в зонах военных действий совершают военные преступления. Эти и другие акты денатурирования власти обычно оказываются весьма непростым делом, и часто они, естественно, сопровождаются слухами и ажиотажем. Однако разоблачение власти находит мощный отклик в настроениях мониторинговой демократии, требующей контроля власти.

Коммуникационное изобилие, которому помогает активная журналистика, опирающаяся на такие стили репортажа, которые больше озабочены не правдивостью, а «срочными новостями» и ошеломительными сенсациями, иногда беспардонно вмешивается во властные отношения правительства и

гражданского общества. Легко порицать методы макрекерской журналистики. Она занята стайной охотой, всегда ждет плохих новостей, которые высиживаются в редакциях, где говорят, что факты никогда не должны вставать на пути историй. Она любит приятное возбуждение, опирается на непроверенные источники, заполняет дыры в новостях — в эпоху мониторинговой демократии новости никогда не спят — запускает сенсации и слишком уж сосредоточена на личностях, а не на контекстах, определенных тем или иным моментом времени. Новая журналистика грешит шаблонами и может слишком быстро наскучить; бывают (как мы увидим) времена, когда она идет на поводу у корпоративной власти и правительств, проводящих специальный инструктаж прессы, так что иногда она даже выступает в качестве инструмента публичного распространения сфабрикованной лжи. К подобным возражениям против макрекерской журналистики нужно относиться серьезно; но это еще не всё. Попросту говоря, активная журналистика, примеры которой мы находим в спорных инициативах WikiLeaks по огласке и распространению каблогграмм, поддерживает жизнь старых утопий «правления при полном свете», раскрытия действий власти, «свободы информации» и большей «истины» и «прозрачности» в принятии и осуществлении решений. Поскольку неограниченная власть все еще давит на граждан тяжким грузом, неудивительно, что благодаря множеству разных мониторинговых механизмов, макрекерской журналистике и простому доступу к дешевым инструментам коммуникации, таким как многофункциональные мобильные телефоны, общественная критика противозаконных действий и коррупции стала в эпоху мониторинговой демократии обычным явлением. Скандалы представляются повседневным делом, так что порой леденящие дух откровения подобно землетрясениям выбивают почву из-под ног даже наиболее сильных или общественно уважаемых институтов.

В эпоху мониторинговой демократии некоторые скандалы стали легендами, например, волна публичного возмущения в США, вызванная непреднамеренным раскрытием свидетельств секретного проникновения в штаб Национального комитета Демократической партии в отеле «Уотергейт» в Вашингтоне и последующей лавиной событий, превратившейся в дело «Уотергейта», которое привело к угрозе импичмента и — через какое-то вре-

мя — к уходу президента Никсона со своего поста в 1974 г. На другом берегу Атлантики тоже бывали истории такого рода — к «классическим» примерам относится дело компании Филеса, громкий скандал начала 1990-х годов в испанской политике, спровоцированный докладом правительственных аудиторов, в котором подтверждалось, что руководители Социалистической партии управляли подставными компаниями и получали от них гигантские суммы за консультационные услуги, которые на самом деле никогда не оказывали. Затем в Италии силами полиции и судей проводилось общенациональное расследование обширной системы политической коррупции, так называемого Взяткограда (Tangentopoli): эта операция, получившая название *mani pulite* («чистые руки»), привела к исчезновению многих политических партий и самоубийству некоторых политиков и лидеров промышленности после того, как их преступления были преданы огласке. Также можно вспомнить об отставке французского министра иностранных дел и о том, как французский президент, выступая на телевидении, допустил, что агенты французской секретной службы (DGSE) были ответственны за убийство (в июле 1985 г.) активиста Greenpeace и обстрел их судна поддержки «Rainbow Warrior», которое должно было вести флотилию яхт, протестующих против французских ядерных испытаний на атолле Муруроа в Тихом океане. Не стоит забывать и об ожесточенных спорах во всем мире, вызванных откровенно лживыми сведениями об «оружии массового уничтожения», распространяемыми сторонниками военного вторжения в Ирак под предводительством Америки в первые годы XXI в., — вторжения, которое, если судить по наиболее надежным оценкам, привело к сотням тысяч смертей, превратило несколько миллионов людей в беженцев и стало травмой для еще большего числа детей и сирот.

В интенсивности и размахе всех этих историй есть нечто совершенно новое. Со времен первых собраний в древней Сирии и Месопотамии, где зародилась демократия, последняя всегда шла наперекор привычкам, предрассудкам и иерархиям власти, лишая их «естественности». Демократия всегда была другом изменчивости. Она пробуждала ощущение того, что люди могут определять и изменять свои жизни, действуя на равных, и, что неудивительно, она часто приносила в мир возмущение. В эпоху мониторинговой демократии постоянный общественный контроль

власти, осуществляемый самыми разными по размеру мониторинговыми организациями с большими и малыми зонами действия, делает ее наиболее энергичной и динамичной формой демократии за всю ее историю. Динамику мониторинговой демократии невозможно описать простыми пространственными метафорами, унаследованными из эпохи представительной демократии. Разговоры о «суверенитете» парламента, о «локальном» и «центральном» правительствах или о столкновениях «групп влияния», политических партий и правительств — все они слишком просты. Если рассуждать в терминах политической геометрии, система мониторинговой демократии — это нечто совершенно иное: сложная сеть мониторинговых организаций разного размера, которые благодаря коммуникационному избытию постоянно раздувают вопросы о том, кто что, когда, где и как получает, а также призывают к публичному ответу тех, кто применяет власть, и не важно, где именно она применяется. Мониторинговая демократия включает в себя даже такие организации (например, уже упоминавшиеся нами сети Democratic Audit, Democracy Barometer и Transparency International), которые специализируются на публичной оценке качества существующих механизмов контроля власти и того, насколько хорошо они представляют интересы граждан. Другие организации специализируются на том, что обращаются к правительствам с широким спектром вопросов, от прав человека или планов по производству энергии до качества питьевой воды в отдельных городах. Частные компании постоянно донимают вопросами об их услугах и продуктах, инвестиционных планах, о том, как они относятся к своим работникам, и о степени их влияния на биосферу. Различные надзорные, направляющие и отпугивающие организации ни на минуту не прерывают своей деятельности, принуждая к большей общественной ответственности тех, кто применяет власть. Поэтому власть имущие теперь все время чувствуют давление этих организаций.

В эпоху мониторинговой демократии своевольная власть более не может удобно скрываться за частными масками; в принципе — и часто на практике — властные отношения становятся мишенью организованных инициатив отдельных людей, стремящихся посредством медиа публично рассказать другим о вопросах, которые раньше, оставаясь «частными», утаивались за дверьми и завесами «секретности». В эпоху коммуникационного избытия



для некоторые люди жалуются на его негативные последствия, такие как «переизбыток информации» и склонность медиаконтроля губить репутации политиков и «политики». Однако с точки зрения мониторинга демократии можно все-таки утверждать, что в общем и целом коммуникационное изобилие привело и к некоторым положительным последствиям.

Несмотря на всю эту ажитацию и скандальность, новая галактика медиа позволяет расширить горизонты людей. Она порождает сознательных, т.е. опытных, граждан, которые знают, что они знают не все, и которые подозревают тех, кто полагает, будто знает все, особенно когда такие люди пытаются замаскировать свое высокомерие и волю к власти над другими. Коммуникационное изобилие достигает этого эффекта за счет умножения различных жанров программ, информации и историй, доступных публике и различным аудиториям. Новости, ток-шоу, политические слушания, ожесточенные юридические споры, комедия, инфотейнмент, драма, музыка, реклама, блоги — все это и многое другое постоянно жаждет внимания публики и борется за него. Следовательно, коммуникационное изобилие воспитывает в людях чувство плюрализма. Оно напоминает им о том, что у «истины» много лиц. Понимание обществом того, что «истина» зависит от контекста и точки зрения, побуждает даже людей (некоторых) к большей ответственности за то, как, когда и почему они общаются. Насыщенные сообщениями демократические общества порождают, конечно, немало политических обманов и лжи<sup>24</sup>, но отчасти именно по этой причине коммуникационное изобилие питает подозрительность к медийному манипулированию и произволу власти. Оно стремится обострить сознание того, что демократия — это бесконечный эксперимент по усмирению опасных скоплений власти. Вся королевская конница и все королевская рать уже не сможет обратить этот тренд вспять — по крайней мере есть все причины так считать. Дни представительной демократии, широкого вещания на ограниченном количестве эфирных частот и массовых развлечений

<sup>24</sup> См.: *Keane J. Lying, Journalism, Democracy* // Sydney, November 2010. <<http://johnkeane.info/media/pdfs/lectures/jk-lectures-lying-mediaand-democracy.pdf-revised.pdf>>; аудиоверсию можно найти по адресу: <<http://johnkeane.net/41/topicsof-interest/lying-journalism-democracy>>.

прошли. То же самое можно сказать о тех днях, когда миллионам людей, сгрудившихся в массы в тени тоталитарной власти, умело выстроенные выступления демагогов по радио и в кино казались захватывающими и внушающими экзистенциальное спокойствие.

В эпоху коммуникационного изобилия люди (некоторые) приучаются к тому, что они должны следить за властью и ее представителями, что они должны выносить суждения и выбирать своей собственный курс. Такие сознательные граждане понимают, что мониторинг власти может быть неэффективным или контрпродуктивным, что нет никакого гарантированного результата. Эти граждане знают, что публичные кампании проверки власти иногда дают осечку или бьют по неверной цели. С разочарованием они отмечают, что порой публичные призывы оставляют все без изменений. Они видят, что носители власти часто ловко находят лазейки, разные способы осадить своих оппонентов или просто игнорировать их. Иногда сознательные граждане приходят к выводу, что мониторинговые стратегии различных организаций слишком робки, непоследовательны или попросту не соответствуют их жизням — жизням потребителей, работников, родителей, жителей определенных сообществ и избирателей. Несмотря на все эти слабости, которые требуют неотложного разбирательства как в теории, так и на практике, политическая динамика и общее «ощущение» мониторинговых демократий разительно отличаются от эры представительной демократии. Политика в эпоху мониторинговой демократии характеризуется явным «вирусным» характером. Достаточно вспомнить о каком-нибудь актуальном публичном споре, привлекающем общественное внимание: новости о нем, комментарии и дискуссии о его значении обычно передаются многими организациями, занятыми мониторингом власти, — большими, средними и малыми. В мире мониторинговой демократии подобная решетчатая, т.е. вирусная и сетевая, схема является нормой, а не исключением. Она объясняет, почему граждане стремятся думать самостоятельно; помогает увидеть один и тот же мир по-разному, под разными углами; наконец, она усиливает общее ощущение, что превалирующие властные отношения являются не «данными от природы», а временными и преходящими. Коммуникационное изобилие закрепляет долговременное изменение настроения, определяющего восприятие власти.

Метафизическая идея объективной, находящейся где-то там, на каком-то расстоянии «реальности», ослабляется; то же самое относится к предпосылке, будто упрямая «фактическая истина» превосходит власть<sup>25</sup>. Легендарное различие между тем, что люди видят своими глазами, и тем, что им говорят о «новом платье короля», окончательно рушится.

В условиях насыщения медиа, отмеченных динамизмом, плюрализмом и конкуренцией историй о том, как работает мир, «информация» перестает быть фиксированной категорией со строго определенным содержанием. Сознательные граждане все меньше подразумевают под информацией «незыблемые факты» или кусочки «реальности», которые необходимо было бы выкапывать из телевизионных и радиопрограмм, из газет, блогов или, что еще менее правдоподобно, отыскивать их в речах тех, кто считает себя авторитетом. Знаменитый ландшафтный фотограф Ансел Адамс (1902–1984), по свидетельству очевидцев, как-то заметил, что, хотя не все верят репрезентационным качествам картин, «люди верят фотографиям»<sup>26</sup>. Те, кто повторяют это замечание (обычно вне контекста), кажется, остались в середине XX в., поскольку благодаря фотешоу и папарацци многие люди теперь понимают, что камера может лгать, что фотографии нужно внимательно изучать, что каждая фотография включает в себя по крайней мере двух людей — фотографа и зрителя. Если заострить наш тезис, в эпоху коммуникационного изобилия «реальность», в том числе и та, что стремятся утвердить власть имущие, всегда

<sup>25</sup> См.: *Vattimo G. A Farewell to Truth*. N.Y.: Columbia University Press, 2011.

<sup>26</sup> «Фотографировать правдиво и действительно — значит видеть то, что под поверхностью, и фиксировать качества природы и человечества, которые живы или скрыты во всех вещах. Впечатления недостаточно. Плана, стиля, техники — тоже. Искусство идет гораздо дальше, чем впечатление или самораскрытие. Искусство, как говорил Альфред Стиглиц, — это утверждение жизни. А жизнь или ее вечная очевидность — повсюду. Некоторые фотографы относятся к реальности как скульпторы, которые берут дерево или камень и своевольно навязывают им свою мысль и дух. Другие относятся к реальности бережнее, и фотография для них — инструмент любви и возвышения. Истинная фотография не нуждается в объяснении, и ее невозможно выразить в словах» (*Photographers on Photography: A Critical Anthology* / N. Lyons (ed.). Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1966. P. 32).

понимается теперь как «реальность в репортаже», т.е. как «реальность», произведенная одними для других, как сообщения, которые оформляются, а потом снова и снова переделываются в процессе передачи. Реальность множественна и изменчива, она является предметом новых описаний и интерпретаций, точкой приложения силы сознательных граждан и их представителей, которые хотят помешать записывать частные интерпретации мира людям в глотку.

### III. Декаданс медиа

Поскольку новшества коммуникационного избытия подкрепляются положительной обратной связью, нет ничего удивительного в том, что немалое число журналистов, политиков и граждан хвалят новую революцию медиа за ее поразительные результаты, фундаментальным образом меняющие ландшафт наших жизней и нашей политики, зачастую в лучшую сторону. Современные события, образцовым примером которых выступают глобальные движения в стиле Оссуру, которые начались в 2011 г. с разогретых медиа восстаний против диктатуры в арабском мире, часто приводятся в качестве подтверждения этого тренда. Эксперты в каком-то смысле правы; похоже, что на их стороне сама история. Распространяющиеся информационные банки, публичная огласка коррупционных последствий частной, действующей втайне власти, усилившееся политическое представительство, расширение трансграничной публики — все это важные демократические факты нашего времени. Нельзя недооценивать их техническую базу и политическую оригинальность, как и их отрезвляющее воздействие на власть. Но и поклоняться им тоже не стоит.

Первоначальная фаза новой коммуникационной революции, как мы уже отмечали, вызвала головокружительное ощущение того, что свобода коммуникации и мониторинговая демократия вот-вот завоюют мир. Многие инсайдеры этой индустрии и по сей день абсолютно уверены, что именно это и происходит. Взять, к примеру, слова Пьера Омидьяра, основателя и председателя правления сайта-аукциона eBay: «Наконец у нас есть технология, которая впервые в человеческой истории позволяет людям действительно поддерживать насыщенные связи с гораздо большим числом других людей. Раньше группа, с которой у вас были связи, в действительности представляла собой ваше непосредственное окружение, соседей, деревню, племя. Чем с большим числом людей мы связываемся, тем больше людей знают друг друга и тем лучше будет мир». Или послушайте пророчества Билла Гейтса, утверждающего, что «Интернет становится городской площадью завтрашней глобальной деревни». Также стоит оценить дух и смысл замечаний Майки Л. Сайфри, одно-

го из основателей Personal Democracy Forum, который утверждает, что «сегодня мы живем в эпоху переизбытка общественных энергий, дополняющих изобилие информации», поскольку «изобилие информации, связей и времени — это просто технические ингредиенты, необходимые для взрыва гражданской активности»<sup>1</sup>.

Эти слова ласкают слух, однако после пяти десятилетий коммуникационной революции реальные тренды начинают выглядеть совсем иначе и уж точно более сложно. Меняются настроения. Идея, будто в эпоху коммуникационного изобилия «что бы ни происходило — все к лучшему», медленно, но верно начинает ставиться под вопрос, и в лучшем случае ее теперь считают раздудой полуправдой или даже надменной догмой, которая нужна для того, чтобы скрыть жестокие и в то же время усложнившиеся реалии, помешать обществу осознать тенденции, угрожающие открытой и равной коммуникации, а также ее демократическому потенциалу. Симптоматично то, что старый оптимизм начал притягивать к себе многочисленных критиков и цензоров, которые беспощадно громят то, что один из наиболее известных критиков, Евгений Морозов, окрестил «киберутопизмом» и «интернетцентризмом»<sup>2</sup>. С его точки зрения, коммуникационные технологии нашего времени не являются определяющим фактором: Интернет — это «нейтральный» медиум, который не «дает ничего определенного». Его техническая архитектура, от коммутации пакетов или цифровых сетей до мобильных телефонов или облачных вычислений, сама по себе не оказывает какого-то необходимого определяющего воздействия на социальные и политические властные отношения, на то, как живут люди. Коммуникационные технологии не являются по своей сущности ни демократическими, ни авторитарными. В своей технической форме, если рассматривать их как способы организации человеческой коммуникации в пространстве и времени,

<sup>1</sup> *Omidyar P. Connecting People // Bloomberg Businessweek. 2005. 20 June; Gates B. Business @ the Speed of Thought: Using a Digital Nervous System. N.Y.: Warner Books, 1999 (рус. пер.: Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001); Sifry M.L. WikiLeaks and the Age of Transparency. New Haven, CT; L.: Yale University Press, 2011. P. 62.*

<sup>2</sup> *Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. N.Y.: PublicAffairs, 2011. P. xvi–xvii (рус. пер.: Морозов Е. Интернет как иллюзия. М.: АСТ. С. 18–21).*

они не запятнаны властью, а потому могут использоваться для бесконечного ряда целей, как хороших, так и плохих. Коммуникационные силы и коммуникационные отношения (если использовать марксистскую терминологию) — это не одно и то же. Контексты, отмеченные медиатизированными властными отношениями, часто подчиняют себе коммуникационные технологии. Отсюда следует, по крайней мере по мысли Морозова, что «нужно нечто большее, чем байты, чтобы взрастить, установить и консолидировать здоровую демократию». А поскольку он считает, что «байты» ничего не оформляют и не структурируют, а Интернет — это просто средство в руках власти, которое может применять кто угодно, отсюда следует, что в таких странах, как Иран, Саудовская Аравия, Беларусь, Туркменистан и Венесуэла, новая галактика средств коммуникации в действительности «укрепляет сильных и ослабляет слабых».

Как мы увидим, предостережения Морозова о темных сторонах коммуникационного изобилия не стоит игнорировать. Однако его аргументация в концептуальном отношении столь же уязвима, насколько сильна в риторическом, — прежде всего потому, что она обходит стороной ключевые вопросы о конститутивной силе технической архитектуры коммуникационного изобилия. Его одностороннее внимание к тому, как средства и техники коммуникационного изобилия используются диктаторами оказывается своеобразной зеркальной пародией на позицию людей, считающих, что те же самые средства и техники несут с собой только свет, рассеивающий тьму. Его «реалистическое» разочарование находит себе место в том же континууме, в котором обретаются почитатели новых медийных технологий, считающих их лучшим другом демократии. Проблема обоих подходов — отсутствие нюансировки. Они не могут схватить сложную диалектику коммуникационного изобилия, выражаемую формулой «медиум — это послание». Иными словами, они не могут понять, как медийные техники и инструменты структурируют и оформляют идентичности и формы деятельности пользователей, чьи действия способны оказывать разное влияние на сами эти инструменты и техники, в свою очередь, снижающие или укрепляющие «гало-эффект», распространяющийся на пользователей в их повседневной занятости в медиатизированных условиях, которые сами они никогда, собственно, и не выбирали.

## ПОБЕДИТЕЛИ И ПРОИГРАВШИЕ

Канадский исследователь телевидения Маршалл Маклюэн любил говорить, что наши общества всегда больше определялись формой своих медиа, а не содержанием своей коммуникации. Ради большего эффекта он несколько преувеличивал, однако его рекомендация обращать внимание на то, что «картина в рамке» всегда определяется самой рамкой, — действительно важный рецепт, о котором стоит помнить. Он, несомненно, приложим и к галактике медиа, названной коммуникационным изобилием, чьи инструменты и техники, плоды изобретательности человека, придают форму нашему собственному представлению о самих себе, тому, как мы действуем и взаимодействуем с другими. Техники и средства коммуникации, конечно, не имеют самосознания или независимой воли в том смысле, в каком эти качества понимаются людьми. Однако коммуникационные медиа — это не просто гаджеты и машины; они всегда оказывают «внутреннее воздействие» на своих пользователей. Нас формирует и преобразует применение коммуникационных инструментов, изобретенных для нас другими. Они изменяют и наше самоощущение, и нашу связь с другими. Они отливают в форму наши мысли, чувства и действия; даже принимаемые нами моральные решения опосредованы техниками и средствами коммуникации<sup>3</sup>.

То, что человеческое действие как отдельная инстанция зависит от модусов коммуникации, ставит под вопрос современные представления о «свободе воли». Такая зависимость расходится с верой в то, что мыслящие и сознающие себя индивиды — это ближайшая причина или главный определяющий фактор нашего поведения. Говорить об опосредованной техникой коммуникации — значит выходить за пределы знакомого нам дуализма «свободы воли» и «технологического детерминизма». Также это значит, что мы должны отказаться от взгляда (особенно ярко выраженного в рассказе Айзека Азимова об обществе, настолько искаженном человеческими ошибками, что для восстановления порядка приходится вмешаться суперкомпьютеру<sup>4</sup>), будто

<sup>3</sup> Verbeek P.-P. *Moralizing Technology: Understanding and Designing the Morality of Things*. Chicago: University of Chicago Press, 2011.

<sup>4</sup> *Asimov I. The Life and Times of Multivac // New York Times Magazine*. 1975. 5 January (рус. пер.: Азимов А. Жизнь и времена Мультивака // Ази-



мы являемся просто придатками наших собственных средств коммуникации (или становимся ими). Главный момент в том, что коммуникационные технологии не являются ни «нейтральными», ни определяющими; они помогают использующим эти технологии людям детерминировать самих себя непредсказуемым образом. Это утверждение выводит нас к главному провокативному тезису этой книги: развитие демократии не вытекает автоматически из беспрепятственного роста коммуникационного изобилия. Доктрина, утверждающая, что обилие медиа благотворно влияет на демократию и что вместе они вот-вот достигнут совершеннолетия, представляется по меньшей мере незрелой — хотя бы потому, что до сего момента аналитики и демократии, и медиа практически не уделяли внимания тревожным негативным тенденциям, процессам *декаданса* в сфере медиа, которые повсеместно, во множестве глобальных контекстов, способствуют сосредоточению неограниченной и при этом крайне изворотливой власти, чем ослабляется дух и смысл общественного контроля и сдерживания своевольной власти, жизненно важных для демократии. В этой книге мы уже вскользь говорили об этом декадансе, например, когда речь шла об информационной бедности и повальной коммерциализации. Однако это всего лишь поверхностные симптомы более глубокого и более тревожного тренда. Теперь нужно подвергнуть исследованию не только то, что коммуникация то и дело становится поводом для притворства, переговоров, компромиссов, властных конфликтов, т.е., если говорить в целом, предметом политических столкновений. Идея, выдвигаемая в этой книге, является более спорной: техники и инструменты обществ, насыщенных медиа, используются различными мощными силами таким образом, что это оказывает пагубное воздействие на демократию. Далее мы уделим самое пристальное внимание этим силам, поскольку коммуникационное изобилие само по себе еще не гарантирует триумфа духа или институтов мониторинга демократии. Распространение цифровых сетевых инструментов и техник медиа — это противоречивый процесс. В самых разных условиях по всему миру его демократический потенциал оспаривается тревожным усилением *декаданса медиа*.

мов А. Ночь, которая умирает. М.: Эксмо, СПб.: Домино, 2008. С. 203–214).

Здесь для понимания того, что стоит на кону, когда мы говорим о декадансе медиа, важно прочувствовать историческую перспективу. Как правило, новые исторические формы или галактики медиа никогда не выступают примерами однозначного триумфа человеческой изобретательности, т.е. бесспорными гарантами способности людей общаться с другими на равных. Модусы коммуникации всегда структурируются властными отношениями; хотя специфические для того или иного момента истории формы коммуникации определяют присущее людям ощущение времени и пространства, предлагая группам новые возможности для действий в этом мире, что замечательно показал Гарольд Иннис<sup>5</sup>, также эти модусы коммуникации позволяют некоторым извлечь пользу из этих форм и добиться своих целей, часто в ущерб другим. Действительно ли и в какой именно мере люди зомбируются системами медиа, посредством которых они проживают свои жизни, зависит от множества сил, действующих в любом контексте, в том числе от того, какие действия выбирают граждане и их представители. Всегда важна политика. Вывод элементарен, но его часто забывают, а потому его стоит повторить и расширить: модусы коммуникации, если не корректировать их демократическими механизмами, постоянно производят неравные результаты. Они порождают победителей и проигравших, разочарование и молчание, несправедливое распределение коммуникации, которое способно ослабить коммуникацию среди граждан, считающихся равными друг другу.

Это правило победителей и проигравших (будем называть его так), вне всякого сомнения, действовало и в предшествующие коммуникационные революции. Вспомним о самом раннем этапе развития печатного станка. Впервые в человеческой истории стали печататься и распространяться, преодолевая большие расстояния, многочисленные копии одного манускрипта, попадавшие в итоге в руки читателей. Хотя грамотные обычно читали тексты вслух тем, кто готов был слушать, между неграмотными и грамотными, которыми являлись непропорционально богатые городские жители, вскоре образовался значительный разрыв во власти. Этот разрыв сохра-

<sup>5</sup> *Innis H. Bias of Communication.* Toronto: University of Toronto Press, 1951.

нялся вплоть до XIX в.; хотя бывали и исключения, например Швеция (первая страна, которая встала на путь всеобщей грамотности еще до эпохи массового школьного образования), более половины взрослого мужского и женского населения европейского региона в 1800 г. все еще не могли извлекать смысл из печатных текстов, а потому были лишены и весьма важной способности читать Библию<sup>6</sup>. На ранней фазе печатной культуры случались странные истории, а также политические конфликты с применением насилия. Немалая часть значительных книжных сокровищ средневековой Европы была утеряна вследствие неосторожности монахов. Книги закапывали или сжигали во время крестьянских восстаний (например, в Германии в 1520-х годах), то же самое порой делали сторонники Реформации; в Англии фанатики, стремившиеся избавиться от трудов «зла», отождествленного с Римской католической церковью, и считавшие, что печатный станок — на их стороне, разграбили многие монастыри и церковные библиотеки, включая и знаменитую Оксфордскую библиотеку XIV в., многочисленные сокровища которой были сожжены или распроданы в 1550 г. сторонниками Эдуарда VI. Конечно, печатный станок сначала пробудил великие надежды, особенно среди людей, обделенных властью. Но среди власть имущих он также часто вызывал вспышки политических страстей. Например, в XVIII в. громили новомодное увлечение женщин из «средних слоев общества» — чтение романов, которое называли «великим несчастьем». Чтение, уподобленное «яду, впрыснутому в

<sup>6</sup> См.: *Vincent D. The Rise of Mass Literacy: Reading and Writing in Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press 2000. Дэвид Винсент указывает (p. 18), что в 1886 г. в Германии, наиболее образованной стране в Европе, население которой насчитывало 50 млн человек, около 20 млн могли читать Библию, церковные гимны или альманахи; 30 млн могли читать газету; 10 млн могли справиться с «более сложными литературными темами»; около 2 млн регулярно читали классику, а 1 млн «следил за литературными процессами». См.: *Johansson E. Campaigns in Sweden // National Literacy Campaigns: Historical and Comparative Perspectives / R. Arnove, H.J. Graff (eds)*. N.Y.: Plenum, 1987. P. 65–98; *Lindmark D. Reading Cultures, Christianization, and Secularization: Universalism and Particularism in the Swedish History of Literacy // Interchange*. 2003. Vol. 34. No. 2/3. P. 197–217; *Graff H.J. The Labyrinths of Literacy: Reflections on Literacy Past and Present*. Sussex: Falmer Press, 1987; *Furet F., Ozouf J. Lire et écrire. L'alphabétisation des français de Calvin à Jules Ferry: 2 vols*. P.: Les Editions de Minuit, 1977.

кровь», считалось «пагубой»<sup>7</sup>. Вспышки гнева, направленного против распространения грамотности, обычно были связаны с глубоко запрятанным страхом перед тем, что печатный станок станет причиной социального взрыва. Этот мотив сохранился вплоть до XIX в., когда печатный станок и его продукция, а также постепенное распространение грамотности и прогрессивное развитие представительной демократии по-прежнему подвергались яростным нападкам, иногда даже со стороны самих демократов, поскольку считалось, что они берегут и смущают слабые умы людей<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> Взять, к примеру, типичную анонимную критику — *Novel-Reading a Cause of Female Depravity // New England Quarterly Magazine*. 1802. April/June. Vol. 1. P. 173, в которой делается вывод, что распространение привычки к чтению романов привело к тому, что «женщина сегодня — это синоним бесчестья»: «Девушка, чьи интеллектуальные способности взбудоражены <...> чтением, становится легкой добычей для первого встречного парня, который притворяется томным влюбленным. Ему достаточно лишь просунуть кусок грязной бумаги через ее окно со множеством “ты”, “тебя”, “твое” и медоточивыми сложными словами, возможно, в иероглифической транскрипции, и мисс тут же готова понять, что “Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее”».

<sup>8</sup> Поразительный пример тех времен мы находим у Л. Т. Хобхауза: «Тот факт, что люди в целом научились читать, несомненно, означает, что какая-то их часть прочитала литературу, достойную чтения. Но другой результат — в том, что чрезвычайно выросло предложение литературы, не стоящей прочтения. Опять же, ради человека-на-улице все должно быть порезано на наименьшие кусочки для наилучшего усвоения; даже обычная статья в стиле старой журналистики оказалась слишком длинной и тяжелой; ее необходимо нарезать на абзацы, разбить повторяющимися пробелами, снабдить множеством колких нелепостей, способных на лету привлечь внимание. Она должна быть разбавлена выделенными заголовками и приправлена сенсациями; чтобы продаться, она обязана призвать в помощники главнейшие из предрассудков сегодняшнего момента. Что касается новостей, простая верность факту перестает цениться, когда за сутки все забывается и когда люди на самом деле читают не для того, чтобы что-то узнать, а чтобы на мгновение отвлечься от скучной поездки в поезде или трамвае. Такую публику может захватить чувство жалости, как и другие очевидные и простые эмоции, если только на пути гуманности не стоит никаких предрассудков, однако обычно в качестве части своего дневного рациона она требует определенного количества кровопролитий, изложенных в новостях, и если бы не было настоящих войн, убийств или внезапных смертей, вероятно, предприимчивый журналист вполне мог бы их выдумать» (*Hobhouse L. T. Democracy and Reaction*. L., 1904. P. 74–75).

Рассмотрим еще один пример действия правила победителей и проигравших: в XIX в. создание глобальной сети электрических телеграфных кабелей означало возможность быстрой пересылки закодированных сигналов по континентам и океанам, например, из Шанхая в Кейптаун или из Сан-Франциско в Оклэнд. Электрический телеграф стал революционной сигнальной системой. Для его работы требовался оператор, который устанавливал и прерывал контакт при помощи телеграфного ключа, производя слышимый «щелкающий» сигнал, который интерпретировался и переписывался на другом конце другим оператором телеграфа. Новая система передачи информации, пока та еще важна, оказала революционное воздействие. Мгновенная передача сообщений на большие расстояния, независимо от времени дня или погоды, сблизила некоторых людей. Социальные связи между операторами телеграфа (которых называли «бумерами») усиливались благодаря болтовне, шуткам, обмену разными историями и игре в шахматы. Телеграф стал медиумом страстных увлечений (в романе Эллы Чивер Тэйер «Проводная любовь» («Wired Love», 1879) был описан подобный сетевой роман), но, самое главное, он выступил великим победителем древней тирании расстояния. Теперь можно было отправить сообщения из Лондона в Бомбей и получить ответ менее чем за 4 минуты; или же отправить их из Лондона через Суэц и Бомбей до Сиднея всего за 7 часов (в 1870-х годах печатные сообщения, перевозимые быстрым клипером, в среднем проделывали тот же путь за 60–80 дней)<sup>9</sup>. Трансконтинентальные агентства (Reuters и Associated Press) рассказывали новости о далеких событиях тем, кто жил в географической изоляции. Среди наиболее неожиданных последствий, обусловленных развитием проводных сетей, — тот факт, что телеграф помог заложить основы для намного более глубокой электрификации коммуникации в обществе, что было связано с применением телефонов.

«Викторианский Интернет», как потом стали называть электрический телеграф, оказал беспрецедентное влияние на жизни миллионов людей, по-разному связав их и построив между ними

<sup>9</sup> См.: Bayly C.A. *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780–1870*. N.Y.: Cambridge University Press, 1996.

множество новых мостов. Некоторые комментаторы тех времен пришли в такое возбуждение, что появились предсказания, будто телеграф в самом скором времени приведет к завершению эры национальных государств и к миру во всем мире, поскольку будут заложены основания глобальной банковской и торговой системы. Как писал Норман Энджел в своем бестселлере «Великая иллюзия» («The Great Illusion», 1909), «скорость сообщений», разогнанная телеграфом, «существенно и на самом глубоком уровне изменила проблемы современной международной политики, если сравнивать с прежними временами». Телеграф сделал возможной глобальную систему кредитования и финансовой взаимозависимости государств; тем самым он заложил основания мира, определяющегося «исчезновением соперничества отдельных государств»<sup>10</sup>. И неважно, что первая большая глобальная война уже стояла на пороге и что телеграфная система породила множество эффектов в стиле «победители — проигравшие». Техническая инновация и политические последствия не сходились друг с другом. Получили распространение телеграфные мошенничества, несмотря на усилия телеграфных экспертов по сетевой безопасности. Целые состояния создавались и терялись в считанные часы из-за применения корпорациями поминутных докладов о состоянии фондовых рынков. Расцвели монополии, такие как Western Union; Pony Express и другие перевозчики, использовавшие, к примеру, голубей и конный транспорт, в США остались не у дел, поскольку с 1860-х годов телеграф в этой стране обошел все остальные способы передачи банковских транзакций, новостей, результатов выборов, сообщений о смерти, времени прибытия и отправления судов, а также врачебных консультаций.

Телеграф также дал сильным группам еще больше пространства для маневра, позволив им принимать более влиятельные решения. В 1858 г., когда первый трансатлантический кабель связал Америку и Европу, было много фейерверков, салютов из пушек, факельных шествий, колокольного звона, проповедей и разговоров о взаимопонимании, гармонии и мире во всем мире. Но на самом деле телеграф функционировал в качестве инструмента политического господства, иногда навязываемого

<sup>10</sup> Angell N. The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to Their Economic and Social Advantage. L., 1909. P. 229, 231, viii.



Илл. 11. Установка первого столба наземной телеграфной линии длиной 3000 км, связавшей Аделаиду с Дарвином (фрагмент гравюры на дереве Сэмюэля Калверта, 1870 г.)

людям силой. Показательным примером является то, что в центральной Австралии наземные части длинного медного кабеля, изолированного латексом, проходили через земли туземцев (илл. 11)<sup>11</sup>. Несмотря на возражения со стороны местных жителей, телеграфные ретрансляционные станции строились в священных местах. Прибыли колонисты вместе со своим скотом, под прикрытием ружей; землю отобрали; сопротивление туземцев было подавлено карательными экспедициями европейцев, готовых сеять хаос и смерть. В результате телеграф, который мог стать величайшим освободителем человеческой коммуникации от оков времени и пространства, породил формы контроля, чьи административные техники и политический символизм отличаются не просто мимолетным сходством с более поздними методами апартеида.

<sup>11</sup> Taylor P. An End to Silence: Building of the Overland Telegraph Line from Adelaide to Darwin. Sydney: Methuen Australia Pty Ltd., 1980.

## ДЕКАДАНС МЕДИА

Декаданс не ограничивался эпохой печатного станка или телеграфа. История меняющихся режимов коммуникации показывает, что каждая эпоха сопровождалась жалобами на ее предположительно декадентские эффекты. Вспомним хотя бы о возражениях Платона на обманчивые речи афинской демократии собраний. Он называл ее «театрократией» (*theatrokratia*), формой правления, граждане которой напоминают шумных посетителей театров, вставших в позу обывателей, опьяненных мыслью, что им дано право публично вещать о всевозможных предметах, бросая вызов непоколебимым законам философского знания<sup>12</sup>. Если брать следующую эпоху, когда установилась представительная демократия, показательным примером может быть претензия Кьеркегора, считавшего, что печатный станок был непосредственно причастен к развитию «публики» («какого-то гигантского нечего, абстрактной и голой пустоты, которая есть все и ничто») вместе с ее этикой бессмысленной «говорливости», «математического равенства» и «глупыми болтунами», у которых есть «учебники на все случаи жизни»<sup>13</sup>. Еще один пример — параллельная критика Джоном Стюартом Миллем тех опасностей для свободы, которые создаются не королями и тиранами, а бурно расцветающим «общественным мнением», питаемым газетами, памфлетами, книгами и петициями. «В настоящее время отдельные люди затеряны в толпе, — писал Милль. — В политике едва ли не банальностью будет сказать, что теперь миром правит общественное мнение». И далее:

Та публика, которой мнение называется общественным мнением, не всегда одна и та же: в Америка эта публика есть белое население, в Англии — преимущественно средний класс, но во всяком случае эта публика есть масса, т.е. коллективная посредственность. И, что составляет еще более замечательную новизну нашего времени, — масса берет свои мнения не у лиц, высоко стоящих в церковной или государственной иерархии, не у тех или других общепризнанных руководителей, и не из книг; ее мнения составляются для нее людьми, весьма близко к ней подходящими, которые под впечатлением минуты обращаются к ней или говорят от ее имени в газетах<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Платон. Законы. III, 700a–d.

<sup>13</sup> Kierkegaard S. The Present Age. L.; N.Y., [1846] 1940. P. 3–70.

<sup>14</sup> Mill J.S. On Liberty. Ch. 3 (рус. пер.: Милль Д.С. О свободе. С. 346–347).



Похожим образом и наша эпоха отмечена заявлениями о ее декадентских чертах. Некоторые из них заслуживают серьезного внимания хотя бы потому, что мы наблюдаем вокруг себя действие меняющихся мир медиаинноваций, сопровождающихся негативными тенденциями, грозящими подорвать богатый демократический потенциал коммуникационного изобилия. Удивительно, но в рамках демократической теории этим негативным процессам пока уделялось мало внимания. Поэтому мы должны задаться вопросом: что такое *декаданс медиа*? И какие именно декадентские тренды угрожают сегодня развитию свободной коммуникации в демократических условиях?

Когда в этой книге мы говорим о декадансе медиа, имеется в виду особое определение, которое мы намеренно разводим с общепринятым. Этот термин обозначает значительный разрыв, образующийся между, с одной стороны, безоблачными идеалами свободного и честного публичного оспаривания и наказания власти, неограниченного плюрализма мнений, публичной преданности представителей делу включения всех граждан в социальную жизнь и утверждения равного отношения ко всем ним, даже в трансграничных условиях (т.е., по сути, идеалами мониторинговой демократии) — и, с другой стороны, более грубой, изрезанной бороздами реальности, в которой средства коммуникации тесно связаны с грязным бизнесом по укреплению нетерпимости во мнениях, подавлению общественного контроля власти и возвращению слепого согласия с существующим порядком вещей.

Декаданс — это, конечно, неоднозначное слово с весьма негативными коннотациями роскошества и потакания слабостям. Следует выделить другие коннотации этого термина. Он часто использовался для описания исчезновения цивилизации, которая некогда процветала, основываясь на сильных самоочевидных мифах, чье гипнотизирующее влияние на весь цивилизованный порядок теперь сходит на нет. Так рассуждали фашисты в 1920-х и 1930-х годах. Точно такой же позиции придерживались многие консерваторы из мира политики и литературы, которые считали, что декаданс начинается тогда, когда цивилизованные народы, некогда жившие в основном своими инстинктами и предрассудками, а потому довольствовавшиеся своим существованием и не тревожившиеся бессистемными размышлениями о необоснованности своего образа жизни, внезапно

начинают пробуждаться из гипноза. Когда такое случается, каденция, ритм старого порядка сбивается и превращается в декаданс. Воцаряются упадок, разруха и вырождение. Наступает паралич; исчезает чувство того, что рай возможен. Знакомый мир начинает ощущаться так, словно он разваливается на части, однако сопровождающая это состояние возбужденность не дает ясного чувства продвижения вперед. Старые предрассудки, некогда игравшие продуктивную функцию, ставятся под вопрос. Приходит царство энергичных сомнений и диалога; расширяющаяся способность к абстрагированию уничтожает все достоверности. Однако верх берут фрустрация и усталость. Чувствуется, что старые формы жизни исчерпали себя. Декаданс — это миф, подорванный слепым сомнением; это бессмысленное стремление к концу знакомого или то, что французы называют *vague à l'âme*<sup>15</sup>.

Далее мы отказываемся от консервативного, разделяемого правыми понимания декаданса, — просто из-за его элитизма, который расходится со столь удачно подбадриваемым мониторингом демократией эгалитарным духом, сильным общественным ощущением изменчивости и нелегитимности неравных властных отношений. В представленной в этой книге теории коммуникационного изобилия и его негативных последствий категория декаданса используется иначе. Следуя в какой-то мере духу исследования Монтескье о разрушении римской гражданственности вследствие имперской экспансии — его «Размышлениям о причинах величия и падения римлян» (1734)<sup>16</sup>, мы ставим

<sup>15</sup> Ср.: «Декаданс — это просто инстинкт, ставший нечистым под воздействием сознания» (*Cioran E.M. A Short History of Decay. N.Y.: Viking Press, 1975. P. 116*). Ср. также: *Barzun J. From Dawn to Decadence: 500 Years of Western Cultural Life, 1500 to the Present. N.Y.: HarperCollins, 2000. С.Э.М. Джоуд (Joad C.E.M. Decadence. 1948)* определяет «декаданс» как «отказ признавать “предмет”», т.е. как «признак склонности человека неверно понимать свое место во Вселенной, переоценивать свое положение и перспективы, невзирая на факты, руководить своим обществом и планировать свое будущее на основе такого неверного понимания. Последнее заключается в неспособности признать не связанные с человеком элементы ценности и божественности [“предмет”], которым подчинен человек».

<sup>16</sup> *Charles de Secondat, Baron de Montesquieu. Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence. Amsterdam, 1734. Ch. IX (Deux causes de la perte de Rome). P. 82–88* (рус. пер.: *Монтескье Ш.Л. de. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения рим-*

другую цель: шокировать читателей и стимулировать «дикие мысли», выделив новую область исследований антидемократических трендов, которые должны вызывать недовольство у всякого думающего демократа. В противоположность распространенным значениям этого термина, например, использованию «декаданса» как синонима невоздержанности (скажем, избыточного потребления шоколада или какого-то другого вкусного продукта), далее мы предпринимаем все усилия, чтобы избежать сугубо оценочных или легковесных значений этого слова. Я буду подразумевать под ним разложение посреди изобилия; при этом в данной книге, разрывая связи между понятием декаданса и консервативными или фашистскими теориями упадка цивилизаций, я не предполагаю, что современные проявления упадка являются постоянными или необратимыми. Собственно, далее будет предложено несколько средств от декаданса медиа. Однако подробных рекомендаций не будет просто потому, что усилия, которые необходимо направить на защиту демократического потенциала коммуникационного изобилия, зависят от выбранного направления действий в различных ситуациях, а не от общих формул, содержащихся в практических руководствах. В этой книге подчеркиваются *необязательность* и *обратимость* декаданса медиа. Эта книга не разделяет фатализм, веру в то, что мир движется по собственному пути и что все развивается лишь затем, чтобы потом прийти в запустение. Декаданс — это

лян. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. С. 305–308). Ключевая роль понятия декаданса в современной республиканской традиции Европы заслуживает дальнейшего изучения. Многое можно узнать из работы Мэтью Потолски (*Potolsky M. The Decadent Republic of Letters: Taste, Politics, and Cosmopolitan Community from Baudelaire to Beardsley. University Park, PA: The Pennsylvania State University Press, 2012*), важной новой интерпретации творчества группы европейских писателей и художников XIX в., известных как «декаденты» (к ним относились такие фигуры, как Шарль Бодлер, Обри Бердслей, Жорис-Карл Гюисманс и Оскар Уайльд) и выступавших носителями классического республиканского понятия красоты, понимаемой как форма гражданской добродетели. См. также сборник статей Стивена Дж. Тонсора под редакцией Грегори Л. Шнайдера (*Equality, Decadence, and Modernity: The Collected Essays of Stephen J. Tonsor / G.L. Schneider (ed.). Wilmington, DE: ISI Books, 2005*), в котором концепции декаданса XVIII в. связываются с постхристианскими десакрализованными интерпретациями времени, с увлечением миром Древней Греции и Рима, а также с более выраженной политической критикой слепой веры в прогресс.

процесс, тренд; и остается открытым вопрос о том, окажутся ли декадентские тренды, которые мы далее попытаемся осветить, фатальными для демократических сил во всем мире. В конечном счете ответы на этот вопрос являются политическими: их дадут не только время, обстоятельства и удача, но прежде всего смелость и разум граждан и их избранных и неизбранных представителей вкупе с такими силами, как креативное технологическое изобретательство, создание новых институтов, правовое регулирование и поведение профессиональных журналистов и собственников медийного капитала на рынке.

### ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ: УЛЬИ И ЭХО-КАМЕРЫ

Одно из влиятельных направлений критики питается старыми страхами относительно стадного поведения граждан, которые плохо информированы и мало что знают о мире<sup>17</sup>. Обычно такая критика начинает с подчеркивания того, что «бесконечная коммуникация» наделяет отдельных граждан инструментами фильтрации того материала, к которому они получают доступ, так что у них появляется стимул собираться в «эхо-камеры», в которых отражаются лишь схожие мнения. Они сбиваются подобно стадам овец вокруг Fox News, YouTube, итальянского Canale 5 или японской вечерней телепрограммы «Golden Time». Если сравнивать с былыми временами — время и место золотого века критики обычно не называют точно, — то можно сказать, что теперь граждане погружены в нарциссическую косность. В итоге они общаются только с себе подобными. Коммуникационное изобилие, казавшееся предвестником многообразия, вручает гражданам зеркала, чтобы они любовались отражением своего ограниченного шорами выбора.

<sup>17</sup> Нижеследующий раздел опирается на работы: *Sunstein C. On Rumors: How Falsehoods Spread, Why We Believe Them, What Can Be Done.* N.Y.; L., Farrar, Straus and Giroux, 2009; *Sunstein C. Republic.com 2.0.* Princeton: Princeton University Press., 2007; *Keen A. The Cult of the Amateur.* N.Y.: Doubleday, 2007; *Lanier J. You Are Not a Gadget: A Manifesto.* N.Y.; L.: Penguin, 2010 (рус. пер.: *Ланир Д. Вы не гаджет: манифест.* М.: Астрель, 2011). Выражение «роевой разум» и метафора улья — это, конечно, неудачный антропоморфизм, воображаемая проекция человеческих качеств на мир пчел, которые живут совершенно иначе, как показывают новейшие научные данные, изложенные в работе Томаса Д. Сили: *Seeley T.D. Honeybee Democracy.* Princeton: Princeton University Press, 2010.

Если декаданс понимается как относительный термин, обозначающий все то, что противоположно лучшим современным трендам, ведущим к творческой открытости и равенству в мире изобилия коммуникаций, но в то же время связано с ними, тогда, если следовать мнению многих наблюдателей (исследователей, журналистов, блоггеров и экспертов), коммуникационное изобилие совершенно определенно страдает от некоторых подрывающих его трендов. Особенно эти критики готовы выделять тенденции, с которыми можно столкнуться в повседневной жизни. Они указывают на перемены в том, как мы мыслим и говорим, а также в телесном взаимодействии, полагая, что они в общем и целом являются негативными. Эта претензия весьма серьезна, так что давайте внимательно рассмотрим их аргументы.

Критики эхо-камер иногда идут еще дальше. Коммуникационное изобилие (здесь они переходят на другие метафоры) синонимично «информационным каскадам», которые не просто погружают граждан в их собственные мнения и мнения других людей, в потоки усиливающей саму себя косности. Расцветает и просто бездумность. Политическое воображение и индивидуальные творческие голоса уступают место «роевому мышлению». По словам критиков, повседневная жизнь, символами которой становятся Wikipedia, Facebook и поиск в Google, забивается тривиальными и нередко ошибочными «мэшапами», сетевым контентом, включающим фрагменты без авторства, материалы, чей источник, точку зрения и фактор раскрутки сложно или невозможно определить. Культура мэшапа — это «мем»: она приводит к массовому производству мэшапного сознания с мэшапными выхлопами, которые часто становятся вирусными.

В чем причина? Граждане, как утверждают эти критики, возможно, не всегда до конца верят клише, которыми их кормят, но они все равно глотают их целиком, в том числе потому, что мэшапные сообщения на первый взгляд нередко кажутся правдоподобными; другая причина в том, что люди слишком заняты, чтобы поразмыслить над этими сообщениями и детально проанализировать их; наконец, третья — в том, что другие занятые люди из их окружения, сонные обитатели их собственной эхо-камеры с похожими взглядами, также верят в них (или изрекают их). Запускаются разные цепные реакции. Во главе угла оказываются мода, поветрие и «анонимность прохоже-

го». Граждане могут даже стать бездумными прозелитами движений, которые они не до конца понимают, добровольными жертвами лозунгов, распространяемых различными кампаниями по фанатичной охоте на ведьм, которая может доходить до своеобразного «цифрового маоизма». Результат хуже эффекта Вавилонской башни: миллионы людей общаются друг с другом, однако немногие способны общаться осмысленно. Иногда критики приводят цитату из Джеймса Мэдисона (который, следует отметить, сам демократом не был) о важности «уступчивости и покладистости» для граждан свободной республики. Они еще больше акцентируют эту мысль, указывая на то, что коммуникационное изобилие приводит не просто к разделению, обособлению и изоляции. Внушаемость, коренящаяся в косном невежестве, питает распространение неуступчивого и непокладистого догматизма. Верх берет популярная вера в «мудрость толпы»; утверждается предпосылка, будто «коллектив ближе к истине». Вырисовываются контуры власти толпы. Потворствуя своим сетевым привычкам, которые влекут их к веб-сайтам и другим мэшапным источникам информации и развлечений, которые суть простые продолжения их самих, эти граждане с поврежденным «роевым разумом» проживают свои жизни анонимно, в «ульях», которые готовы разродиться роем.

Возражения против распространения эхо-камер, ульев, толп линчевателей и сетевых форм преследования за инакомыслие часто смешаны с обеспокоенностью одиночеством и солипсизмом, а с другой стороны, с боязнью того, что отдельные люди, избалованные новыми инструментами коммуникации, утратят свою идентичность в цифровых джунглях. Любопытный парадокс: в эпоху коммуникационного изобилия появляется еще больше жалоб на социальную изоляцию и политическую уязвимость, которые считаются продуктами интенсивной сетевой коммуникации.

Некоторые критики основывают свои идеи, подчас даже не зная об этом, на новаторских экспериментах Джозефа Вайценбаума, одного из первых экспертов по искусственному интеллекту и создателя первого в мире банковского компьютера<sup>18</sup>. В 1960-х годах, работая со своей командой в MIT над IBM-7094

<sup>18</sup> *Weizenbaum J. Computer Power and Human Reason: From Judgment to Calculation. San Francisco: W.H. Freeman, 1976.*

и системой разделения времени MAC, Вайценбаум создал компьютерную программу по обработке естественного языка, которая должна была симулировать мысли пользователей. Она была названа ELIZA, по имени Элизы Дулиттл, героини пьесы Джорджа Бернарда Шоу «Пигмалион», которая благодаря своему учителю Генри Хиггинсу усовершенствовала свои коммуникационные навыки при помощи текстуальных методов разбора строк и подстановки. Точно так же, по мысли Вайценбаума, ELIZA должна была подхватывать входные данные в виде ключевых слов и фраз и отвечать умными вопросами, так что казалось, будто программа является благожелательным учителем или психотерапевтом.

Проведя испытания программы со своими студентами, Вайценбаум начал беспокоиться. Его поразило то, что они буквально на чувственном уровне были увлечены способностью ELIZA отвечать заранее запрограммированным образом на их простые вопросы. Судя по всему, студенты убедились в том, что они могут жить *посредством* своего компьютера, и даже в том, что компьютер является продолжением их собственных «Я». Если, например, кто-то из них печатал высказывание: «Все мужчины одинаковы», компьютер отвечал: «В каком смысле?». После этого следовал обмен репликами, весьма схожий с реальной жизнью: «Они всегда достают нас чем-то». «Можете ли вы привести какой-то пример?» «Ну, мой парень привел меня сюда». «Ваш парень привел Вас?» «Он говорит, что я часто в депрессии». «Мне жаль, что Вы в депрессии». «Это так». И так далее.

Вайценбаум подчеркивал то, что, возможно, в те времена было очевидным, но что сегодня часто забывают: беседы с ELIZA обеспечивались умными методами программирования, а не «мыслящим» компьютером, и потом Вайценбаум предупредил, что компьютеры являются не «усиливающими разум» универсальными машинами (как позднее стали говорить некоторые эксперты<sup>19</sup>), а просто инструментами, которые должны

<sup>19</sup> Ср. с предсказаниями Говарда Рейнгольда: «Еще до до того как сегодняшние первоклассники закончат школу, сотни миллионов людей по всему миру соединятся друг с другом, чтобы создать новые типы человеческих обществ, применяя инструмент, в котором воплотились мечты нескольких мыслителей и изобретателей предшествующего столетия. Никто не знает, будет ли это чем-то самым плохим или самым хорошим, что доводилось создавать человеческому роду для самого себя.

помогать людям в повседневной жизни. Они могли помочь людям принимать решения или даже принять их от имени людей; однако, по мысли Вайценбаума, решения — это просто формы вычислительного рассуждения. Они не совпадают с выбором, всегда оформляемым суждениями, выносить которые способны лишь люди, наделенные осмотрительностью, состраданием и мышлением. Фантазиям по поводу слияния и смешения людей и машин следует сопротивляться, поскольку превознесение компьютерного разума неизбежно принижает стандарты интеллекта человека.

Защита Вайценбаумом человеческой способности суждения и его предостережения относительно ее возможного ослабления, похоже, не были услышаны — по крайней мере некоторыми сотрудниками в его лаборатории, которые казались совершенно зачарованными «разумными» ответами компьютеров на их вопросы; казалось, они убедились в том, что вступили в диалоговое отношение с компьютерами, работавшими в качестве продолжения их самих. Сегодня критики выражают примерно такие же опасения относительно этой зачарованности: коммуникационное изобилие обвиняют в том, что оно порождает повседневную культуру, в которой отдельные люди настолько срастаются со своими ноутбуками и наладонными устройствами, что теряются в недрах собственных машин. Кажется, что их устройства стали жить своей собственной жизнью. Мы становимся похожи на них. Коммуникационные устройства бездумны, однако кажутся умными; безжизненны, но внешне интерактивны; лишены чувств, однако они те объекты, благодаря которым мы сохраняем наши воспоминания, делимся мыслями и чувствами — сначала с самими собой, а потом и с другими. Вот почему без наших коммуникационных машин мы чувствуем себя обделенными: сбои и ошибки 404 вызывают смятение,

---

Ведь результат этого расширения возможностей будет в значительной степени зависеть от того, как мыотреагируем на него и что мы решим с ним делать. Человеческий разум не будет замещен машиной, по крайней мере в обозримом будущем, однако мало кто сомневается в том, что глобальная доступность усилителей фантазии, интеллектуального инструментария и интерактивных электронных сообществ изменит то, как люди мыслят, учатся и общаются» (*Rheingold H. Tools for Thought: The People and Ideas of the Next Computer Revolution. N.Y.: Simon & Schuster, 1985. P. 13*).



тревогу, панику. Хотя в эпоху коммуникационного изобилия наши сетевые контакты с более широким миром, несомненно, становятся богаче (по крайней мере по логике упомянутых критиков), каждый момент взаимодействия, начиная с покупок и заканчивая общением с друзьями, связан теперь с кнопками, клавиатурами и персонализированными экранами. Мир сжимается, представляясь все более актуальным и постоянно доступным, однако парадокс в том, что он начинает ощущаться словно бы чуть отстраненным, как нечто подчиняющееся нашим собственным условиям, как простая иллюзия взаимодействия, не стесненного жизненными разногласиями, неудачами, личными сложностями, яркими драмами и властными играми. Похоже, что все стало проекцией «эго»: отдельные люди становятся своими сохраненными воспоминаниями, собственными интерпретациями настоящего и проекциями будущего. Они слушают только самих себя. Они решают, где они были, кто они и кем они надеются стать. Другие больше не имеют значения. Мир уходит в тень. Он превращается в дружественный экран, второпях написанную эсэмэску, наушник в ухе, загрузку, клавиатуру, случайную мысль.

### БЕССМЫСЛЕННЫЙ ФЛЕЙМ

Жалоба на солипсизм, связанный с машинами, достаточно серьезна. Предположение заключается в том, что, когда люди проводят слишком много времени, подключившись к своим любимым инструментам (для молодежи в таких странах, как Япония, США и Германия, среднее значение подобной подключенности составляет по меньшей мере 5 часов в день), мир вырождается в проекцию этих людей. Все превращается в зеркальное отражение индивидов, которые бессознательно становятся жертвами высокомерия. Они теперь — единственный авторитет для самих себя, обладающий бесспорной весомостью, освобожденный от противодействия со стороны других людей. При столкновении с другими они просто нажимают клавишу «delete» или переходят по более безопасным ссылкам, а потом продолжают самоутверждаться на сайтах, предлагающих им анонимное и лишённое всякого риска взаимодействие с другими людьми, которых они никогда не встретят в своей жизни. В социальных сетях, чатах, блогах и на форумах они появляются под зашифрованными

именами и адресами или вообще без имени и адреса. Они взаимодействуют с другими на расстоянии, говоря все, что им вздумается, и почти без всяких последствий для себя. Им понятен смысл старой карикатуры из «New Yorker», на которой изображена собака за персональным компьютером, а в подписи сказано: «Никто в Интернете не знает, что ты — собака»<sup>20</sup>. Жизнь все больше напоминает чат-рулетку. Личная ответственность исчезает. Ничто уже, похоже, не имеет значения. Нет барьеров на выход или вход. Неотредактированная, несдерживаемая самость становится неограниченной самостью.

Такой машинный солипсизм возвращает по крайней мере две формы декаданса — во всяком случае, таково обвинение критиков. Во-первых, развивается избыточное самомнение. В эпоху коммуникационного изобилия начинает доминировать культ любителя<sup>21</sup>. Сдобренная провокативными разговорами о «длинных хвостах» и Web 2.0 повседневная коммуникация переполняется потоком любительского, порожденного самими пользователями контента, который грозит существованию профессиональных газет, журналов, музыки и кино. Кто угодно, любой человек с каким-то мнением, пусть и плохо подкрепленным, может опубликовать видео на YouTube, написать пост в блоге или сделать статью в Wikipedia. Искусство редактуры исчезает. Разделение между профессиональным экспертом и неосведомленным любителем стирается. Анонимные блогеры и видеоредакторы, не стесненные профессиональными стандартными или редакторскими фильтрами, начинают изменять картину публичных споров и манипулировать общественным мнением. Истина становится капризной, превращается исключительно в вопрос мнения, товар, который можно купить, продать, упаковать и переизобрести. Пьянящая сетевая культура «копипаста» вредит качеству. Законы по защите авторского права регулярно нарушаются. Плоды интеллектуального труда других людей перераспределяются случайным образом. Авторское право редакторов, продюсеров, писателей, журналистов и музыкантов оказывается незащищенным, и они, по сути, лишаются своих прав на интеллектуальную собственность. Все существующее в циф-

<sup>20</sup> Карикатура Питера Стейнера (Peter Steiner), см.: New Yorker. 1993. 5 July.

<sup>21</sup> Keen J. Op. cit.

ровой форме свободно загружается, становится предметом свободного обмена, запросто переделывается и накапливается. Под угрозой источники рекламных доходов. Цифровое пиратство и коллективное распространение файлов грозят многомиллиардной киноиндустрии и музыкальному бизнесу; телевизионные сети терпят убытки от бесплатных программ, создаваемых пользователями на таких сайтах, как YouTube; а на сайтах вроде Craigslist расцветает мир бесплатных личных объявлений.

По мнению критиков, публичная жизнь разрушается культурой анонимности, распространяемой коммуникационным изобилием. Дело не только в том, что надежность информации, получаемой нами у цифровых пиратов и второсортных плагиаторов, находится под вопросом. Свобода людей в «киберпространстве», позволяющая им говорить все, что вздумается, безо всяких сдержек и противовесов, делает их уязвимыми перед рыскающими повсюду хищниками и мошенниками, ворующими чужие идентичности. Также она склоняет к неограниченным нападкам на других, которые могут чем-то не понравиться или с которыми просто хочется поспорить, чтобы спустить пар, дать выход своему раздражению или капризу. Блогосфера, где в целом много авторов и читателей, которые свободно контактируют друг с другом, предлагая друг другу разумные советы и оставляя серьезные комментарии, также привлекает (по крайней мере таково мнение критиков) своеобразную «Бригаду новичков-троллей» (Awkward Blog Squad) — анонимных персонажей, которые реагируют с быстротой молнии, никогда не читают то, что написано, все неправильно понимают и (разумеется) абсолютно уверены в том, что всё обо всем знают. Коммуникационное изобилие развивает чрезмерное самодовольство и нищету духа; иногда такие вещи называют «снарком» (по имени воображаемого скрытного животного, изобретенного Льюисом Кэрроллом в его «Охоте на Снарка» [1876]; позже это слово стало использоваться в качестве звукоподражательного глагола — в значении «фыркать» [*snort*] или «храпеть» [*snore*], а также в значении «придраться к кому-то или чему-то»). «Случайный флейм» — вот, возможно, более знакомое и более удачное выражение, поскольку то, что считается сетевой коммуникацией, часто оказывается не чем иным, как неприкрытыми нападками на других. Вопреки мнению тех, кто обеспокоен приходом цифрового маоизма, случайный флейм, в конечном счете, может быть

позитивным явлением; точно так же, как и публичные вспышки ненависти к чужакам или выражение неуважения к другим в грубой форме, хотя и неприятны, могут привести к непреднамеренному следствию — разрушению любых претензий подобных проявлений на легитимность. Будущее покажет, насколько это верно. Пока же, по крайней мере так говорят критики, немалое число блоггеров не просто надоедают другим. Они запугивают, кричат и вопят, иногда просто третируют других — в полном соответствии с декадентским антиполитическим принципом, согласно которому мир должен понять блоггера и прогнуться перед ним, а не наоборот — блоггер понять мир и включиться в него<sup>22</sup>.

<sup>22</sup> Практика сетевого флейма заставила такие издания, как «Huffington Post» и «New York Times», заняться регулированием сетевых перебранок, в которых мог участвовать кто угодно, применяя несколько стратегий модерации. Они стали просить читателей отмечать флажком проблемные комментарии, которые лучше удалить; ранжировать комментаторов по популярности и степени доверия к ним читателей; требовать от комментаторов предварительной регистрации на сайте и предоставления определенной личной информации, которая впоследствии не отображается; проводить рутинную редакторскую правку и блокировать комментарии от пользователей, которые постоянно нарушают правила сайта. Также для работы с постоянно растущим объемом комментариев используются автоматические системы модерации («Huffington Post» получает каждый месяц 5 млн комментариев, что равнозначно примерно 18 объемам романа Мелвилла «Моби Дик» [1851]). Отчасти эти редакторские изменения обусловлены коммерческими инстинктами — рекламодатели не слишком любят покупать пространство рядом со взрывоопасными мнениями. Другой вопрос — станут ли эти запретительные меры постоянными и должны ли они вообще закрепиться. Немногие ставят под вопрос преимущества права граждан свободно выражать свои мнения, которые в иных обстоятельствах могли бы стать для них причиной проблем с соседями или на работе, однако многие сомневаются в легитимности и/или эффективности новых методов. Надзор за сетевыми идентичностями — задача достаточно трудоемкая, дорогая и (поскольку она попахивает цензурой) отпугивающая читателей; и даже если бы от всех комментаторов потребовали предоставить их реальные имена, которые отображались бы на сайте, не было бы гарантии, что они не представят фальшивые идентичности. Сопrotивление понятно. Анонимные воззвания против монархов, распространяемые бунтарями (своеобразные народные «lettres de cachet», или указы о заточении без суда и следствия), являются старой практикой (см.: *McCormick S. Letters to Power: Public Advocacy without Public Intellectuals. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 2012*). Также давно используются литературные псевдонимы, *noms de plume*, применяемые авторами, чтобы защитить себя от возмездия, скрыть свое имя или свой пол или дис-

И это, по мнению критиков, еще далеко не все. Ведь есть и обратная, не менее негативная сторона нового машинного солипсизма, — заниженная самооценка. Утверждается, что коммуникационное изобилие препятствует трезвому рассуждению и проверке на практике, которая бы осуществлялась за счет публичного размышления вместе с другими. Поскольку сетевая активность возвращает еще больше сетевой активности, большая часть которой состоит из повторений одного и того же, жизни людей оказываются затянутыми в водоворот цифровой энергии, из которого им не так-то просто выплыть. Они всегда «в сети» за счет беспроводных сетей, они вечно приклеены к поисковым машинам, YouTube, Blackberries, iPads, Twitter и другим инструментам. Одиночества больше нет. Некогда люди могли отложить газету, любимый журнал или книгу, отключить стереосистему, радио или телевидение; они шли на прогулку или говорили с другом по телефону, занимались любовью или писали письмо. Теперь у них нет времени на то, чтобы думать о мире. Эти люди, постоянно занятые бездумной коммуникацией с другими и озабоченные только самими собой, становятся жертвами того факта, что теперь они «настолько неважны для власти и бизнеса, что их последним прибежищем становится самопрезентация»<sup>23</sup>.

Неудивительно поэтому, по крайней мере по мнению критиков, что коммуникационное изобилие увеличивает общую нерешительность граждан, не знающих, во что верить и куда обратиться за информацией о происходящем в мире. Граждане тонут в демократической какофонии, белом шуме спортивных результатов, автокатастроф и королевских нарядов<sup>24</sup>. Новости — это то, чем забивают себе голову старики. Вот почему,

танцироваться от своих прежних сочинений. В сфере печати это давно освоенное искусство, а в эпоху коммуникационного изобилия оно тоже вряд ли исчезнет только по той причине, что некоторые считают, будто кто-то слишком далеко зашел.

<sup>23</sup> Из интервью с Фридрихом Киттлером, взятого Андреасом Розенфельдером: *Rosenfelder A. Wir haben nur uns selber, um daraus zu schöpfen // Welt am Sonntag, Berlin, 2011. 30 January.*

<sup>24</sup> В романе Милана Кундеры «Неспешность» (1995), чешский ученый в изгнании никак не может понять то, что видит по телевизору в западной гостинице. Поскольку он вырос при социализме, где информация, прежде чем попасть к массам, тщательно дозировалась и фильтровалась, он привык потреблять информацию критически и взвешивать ее общее

с этой точки зрения, эхо-камеры, улы и сетевой флейм — не такие уж большие проблемы. Гораздо серьезнее — распространение болтовни или того, что Хайдеггер, как известно, называл *Das Gerede*, т.е. пустых разговоров, «пересудов», разговора ради разговора, привычки говорить о чем угодно, опыта говорливости, который заставляет людей предполагать, что «вещи таковы, поскольку так говорят»<sup>25</sup>. Утверждается, что сетевая эпоха приводит к резкому приросту порождаемой пользователями бессмыслицы. В некоторых секторах культура коммуникационного изобилия и свойственный ей культ любителя усиливают общее невнимание граждан к событиям. Согласно учебникам по гражданскому образованию, ожидается, что граждане будут следить за общественными делами, интересоваться миром, выходящим за пределы их дома и района, однако, по словам критиков, полно данных, подтверждающих то, что немалому числу граждан все сложнее уделять внимание обширным выплескам медиа. Избыточность порождает смятение. Свобода расцветает на эликсире коммуникационного изобилия, однако одно из ее наиболее пагубных последствий в том, что она склоняет отдельных людей бежать от поразительной сложности мира, пряча голову в песок добровольного невежества. В водовороте моды, который так любят рекламщики, они постоянно меняют свое мнение, говорят и действуют легкомысленно, поддерживают и восхваляют то одно, то другое, окончательно прощаются с достоверностью и падают в объятия того, что один из лучших и осторожных философов современности Гарри Франкфурт назвал «брехней».

«Брехня» как технический термин с общепонятным критическим зарядом используется для описания форм коммуникации, лишенных всякого информационного содержания, т.е. пустых речей, которые не задаются вопросами об истинности и ложности, а потому демонстрируют «безразличие к действительному положению дел»<sup>26</sup>. По мнению критиков, брехня в этом точном

---

политическое значение. Когда же его забросило в многоканальный информационный лабиринт Запада, он просто потерял свои ориентиры.

<sup>25</sup> *Heidegger M. Being and Time*. San Francisco: Harper & Row, 1962. P. 211 (рус. пер.: *Хайдеггер М. Бытие и время*. М.: Ad Marginem, 2003. С. 195 и далее).

<sup>26</sup> *Frankfurt H. On Bullshit*. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 34 (рус. пер.: *Франкфурт Г. О брехне*. Логико-философское исследование жизни. М.: Европа, 2008. С. 61).

смысле расцветает потому, что коммуникационное изобилие требует от людей говорить о вещах, в которых они, как правило, ничего не смыслят. Общераспространенное убеждение в том, что в демократических условиях ответственные граждане должны обладать мнениями по любому вопросу, увеличивает объем «правдоподобия». То же самое можно сказать о расцветшей культуре «искренности», поддерживающей веру в то, что, поскольку нет никакой Истины, мы должны прислушиваться к зову нашей подлинной природы. Бессмыслица удобряется «раскруткой», которой заняты агентства по связям с общественностью, и орошается потоками рекламы — так говорят критики. Они всегда спешат сослаться на чеканную формулировку Руперта Мердока, описавшего все эти тренды одной фразой: «Интернет дает нам возможность повысить нашу привлекательность для рекламодателей». Руперт также добавил, что цифровые сети позволяют медиакомпаниям «сделать рекламу более адресной, отслеживать потенциальных клиентов на основе того, какие сайты они посещали и какие товары покупали»<sup>27</sup>.

## ДЕТСТВО

Многие критики коммуникационного изобилия настаивают на том, что самый тревожный момент опосредованной медиа рекламной брехни состоит в том, что она прорастает до самых корней, действует на молодежь, запуская свою лапу в ее повседневную жизнь, нанося тем самым вред семейной жизни. В недавнем британском исследовании эта критика была наполнена содержанием<sup>28</sup>. В нем указывается, что в среднем подростки и дети, которым менее 18 лет, проводят более 5 часов ежедневно у экрана, за просмотром телевизора, компьютерными играми или в сети. Говоря точнее, каждый день они тратят 2 часа 36 минут на просмотр телевизора; 1 час 18 минут проводят в Интернете; и 1 час 24 минуты — за игровой приставкой. За год набирается 2000 ча-

<sup>27</sup> Речь Руперта Мердока в Американском обществе редакторов газет (American Society of Newspaper Editors), 13 апреля 2005 г.

<sup>28</sup> Существует много исследований и много (противоречащих друг другу) результатов, однако здесь мы используем недавний доклад, получивший широкую огласку: *Mayo E., Nairn A. Consumer Kids: How Big Business Is Grooming Our Children for Profit. L.: Constable, 2009, особенно гл. 1–2* (из которых взяты все нижеприведенные цитаты).

сов, которые можно сравнить с 900 часов в классе и 1270 часов с родителями. У 90% подростков есть свой личный телевизор, и то же самое можно сказать почти о 60% детей пяти-шестилетнего возраста. Более чем у трети детей есть собственный персональный компьютер, тогда как у двух третей есть игровая приставка. Почти 50% учениц начальной школы (и 30% учеников) и 98% учениц средней школы (90% учеников) имеют собственный мобильный телефон. «Экран более нельзя считать электронной няней, которая занимает внимание детей, — указывается в докладе. — Это электронный мир, в который они погружены, при том что он опирается исключительно на мотив прибыли. Общепринятая парадигма детства как этапа, сосредоточенного на семье и школе, должна быть изменена. Над временем сегодняшних детей властвует мир коммерции».

В докладе подчеркивается, что детство пока еще не обречено. Родители все еще могут многое сделать, чтобы защитить детей, обучая самих себя и своих детей, а также требуя от властей более эффективного регулирования рекламы. В докладе, судя по всему, недооцениваются выгоды коммуникационного изобилия для детей — например, то, что оно позволяет им социализироваться со сверстниками, исследовать горизонты мира, экспериментировать с идентичностями и утверждать собственную независимость<sup>29</sup>. Однако доклад правильно предупреждает родителей о том, что не стоит пытаться силой загнать детей в идеализированную версию их собственного детства. В нем подчеркивается, что с подростками и детьми нельзя обращаться «так, как в викторианском мире обращались с женщинами, которых считали деликатными, ранимыми, а потому они должны были сидеть дома». Напротив, доклад рекомендует оставлять за детьми «право определять правила, которые должны защищать их интересы и служить им». Неясным остается, как этого добиться, поскольку в докладе показывается, что многие родители и опекуны, похоже, не понимают масштаба и глубины актуальных трендов. Хотя они слышаны об опасности, которую могут представлять незнакомцы, и об угрозах, исходящих от се-

<sup>29</sup> См. доклад с противоположными выводами, подготовленный Американской академией педиатров: *Schurgin O'Keeffe G. et al. The Impact of Social Media on Children, Adolescents, and Families. 2011.* <<http://pediatrics.aappublications.org/content/127/4/800.full>>.



тевых сексуальных маньяков, они плохо понимают, как бизнес вторгается в жизнь детей ради получения прибыли. По данным доклада, молодым людям трудно избежать цепких лап крупных рекламодателей. Многие считают себя достаточно взрослыми, чтобы понимать, что именно рекламой оплачиваются бесплатные сайты, которые они посещают, что реклама прерывает программы, которые они используют, и отображается сигналом с экрана их мобильных телефонов. Забывая о своих собственных привычках, заставляющих их желать все, что они только могут увидеть в сети, молодежь зачастую считает, будто не поддается на попытки привлечь ее сложными схемами членства или специальными предложениями, требующими предлагать игрушки и другие товары друзьям. По данным доклада, детям и подросткам часто трудно различить смысл слов «игры» и «азартные игры», однако они не испытывают никаких затруднений, когда нужно составить спонсированные компаниями списки пожеланий, которые они по электронной почте отправляют прямо своим родителям. Они считают само собой разумеющимся, что их любимые веб-сайты испещрены рекламой, которая выглядит так же, как контент. Они знают, что их личная информация постоянно запрашивается, что является условием получения доступа к сайту. Они твердо знают, что покупки повысят их самоуверенность; и что бренды — это покупаемое право, которое должно составлять основу их чувства самоуважения.

Масштабы и пристальность слежения со стороны бизнес-акул, как подчеркивают критики в этом докладе, просто поражают. Цифры показывают, что личная информация собирается примерно на 85% любимых детских сайтов: подобный уровень стал возможен благодаря превращению комнат детей в «высокотехнологичные медиаспальни», оснащенные большим количеством гаджетов, чем было у всей семьи поколение назад. Почти у всех подростков есть в спальне телевизор. Две трети детей пяти-шестилетнего возраста смотрят телевизор каждый день перед школой, и такая же доля — перед отходом ко сну. В докладе отмечается, что на эту тенденцию влияют классовые вкусы, так что, к примеру, 98% подростков из бедных семей имеют собственный телевизор, но в более состоятельных семьях — только 48%. Что действительно поражает, так это сегодняшний уровень общего проникновения бизнеса в повседневную жизнь детей: сегодня у четверти детей и подростков в спальне есть до-

ступ в Интернет. Поэтому фирмам сегодня гораздо проще быть «ловцами детей», сталкерами, которые получают информацию и активно рекламируют детям, в том числе маленьким, свои товары, прикрываясь развлечениями. В докладе приводятся данные исследования, в котором было выяснено, что 85% любимых детьми веб-сайтов собирают ту или иную личную информацию, включая адрес электронной почты и домашний адрес, имена пользователей, даты рождения, пол и возраст. Большая часть этой запрашиваемой информации является «обязательной», т.е. ребенок не может использовать определенные разделы сайта, не предоставив эти данные; примерно 15% сайтов требуют от детей информацию уже для того, чтобы они могли попасть на сайт, тогда как другие 35% предлагают рингтоны, фоновые рисунки, рассылки и скринсейверы в обмен на личные данные. Неудивительно, говорится в заключении доклада, что на детском рынке такое оживление. В 2009 г. общий объем продаж на детском рынке Британии составил примерно 99 млрд фунтов стерлингов, что на 33% превышает предыдущие 5 лет, причем 12 млрд от этой суммы приходится на карманные деньги, выданные ничего не подозревающими родителями.

## НОСТАЛЬГИЯ

Что делать с этим потоком жалоб на коммуникационное изобилие и его пагубное влияние на повседневную жизнь? Правы ли критики, когда утверждают, что в демократических обществах, насыщенных медиа, становится не слышен голос общественности, подрываются жизненно важные условия равенства и открытости? Не оказываются ли существенные тенденции демократизации, связанные с эпохой коммуникационного изобилия, попросту пустыми обещаниями? В самом ли деле мы вступаем в мир, в котором граждане медленно, но верно превращаются в косных, невежественных и легковверных субъектов, живущих в коконе, подчиненных моде и мимолетным увлечениям, мелких разносчиков сетевого флейма, которые бездумно сплетничают и безо всякой задней мысли распространяют круто замешанную брехню?

Здесь необходимо взять паузу, поскольку трудно понять, как лучше всего кратко, честно и правдоподобно ответить на столь широкий спектр возражений. Если даже оставить без внимания

тот вполне очевидный момент, что критики не сходятся друг с другом во мнениях, отстаивая диаметрально противоположные позиции (например, одни выступают против активного фанатизма граждан, тогда как другие опасаются их пассивной трусости), с самого начала ясно одно: нападки на коммуникационное изобилие типичны для бурных фаз коммуникационных революций, т.е. тех поворотных моментов, когда комментаторы стараются нащупать неортодоксальные интерпретации, позволяющие осмыслить необычные явления, обрушившиеся на них. По этим нападкам можно многое понять, однако проблема в том, что сами они не доходят до осознания действительного масштаба явлений. Лишь изредка они подкрепляются каким-либо чувством историчности того, что осуждается ими; сравнения с эпохой печатного станка, телеграфа или телевидения отсутствуют или считаются маловажными. Поскольку те, кто не знает прошлого, всегда будут неверно толковать настоящее, нет ничего удивительного в том, что критики коммуникационного изобилия почти не уделяют внимания современным контртрендам. Обычно полностью теряются из виду средства, благодаря которым коммуникационное изобилие помогает взращивать «сообщества практики» и другие формы связей внутри повседневной и институциональной жизни<sup>30</sup>. Не менее типична нехватка новых понятий и инновационных методов, которые позволили бы уяснить вирусные качества критикуемых властных отношений. Особенно поражает то, что почти

<sup>30</sup> Особенно важны работы Фила Эйгра по этому вопросу, см., например: «Интернет может соединить любого с кем угодно, однако паттерны соединения не являются случайными. Один из паттернов состоит в том, что люди обмениваются информацией с теми, с кем у них есть нечто общее. Выберите любую болезнь, которую люди считают важной, и почти наверняка вы найдете сообщество людей, больных ею. К подобным сообществам практики относятся профессиональные группы, группы по интересам, расширенные семьи, а также люди с какой-то одной болезнью или общими формами проведения досуга. Большинство функционирующих сетевых форумов организованы вокруг таких общих тем, однако сообщества практики нельзя аналитически отождествлять с поддерживающими их технологиями. Немногие сообщества являются «виртуальными» в строгом смысле этого слова. Большинство сообществ используют разные медиа, также у большинства есть та или иная формальная организация, которая определяется независимо от технологий» (*Agre P. Real-Time Politics: The Internet and the Political Process // The Information Society. 2002. Vol. 18. No. 5. P. 311–331*).

никогда не поднимается вопрос о демократии. Такие темы, как демократизация доступа к информации, быстрое развитие сильных механизмов мониторинга, их роль в качестве антидотов от солипсизма и «безмыслия» толпы, а также осуществляемый этими механизмами регулярный обстрел граждан самыми разными и нередко конфликтующими друг с другом точками зрения, даже в трансграничных условиях, — все это обходится молчанием.

Вышеприведенная общая сводка ясно показывает еще один момент: хотя критики не боятся выдвигать смелые и грубые обобщения, обычно они обосновывают свои тезисы методологиями, которые таят в себе слабости, допускающие ошибочные интерпретации. Преобладают личные истории. Общим местом являются простые экстраполяции на основе единичных случаев, из которых выводятся всеобщие заключения. Нередко выводы специально раскручиваются, чтобы попасть в топ обсуждаемых тем. В подтверждение выводов редко приводятся убедительные и надежные опытные данные (исключением из этого правила выступает вышеуказанное британское исследование детей). Бывают даже случаи, когда можно подозревать сознательное невежество — авторы бестселлеров отмахиваются от данных ради сенсационных заявлений, например, утверждений, будто коммуникационное изобилие делает нас «жирными, тупыми, агрессивными, одинокими и несчастными» и будто (о, ужас) «мы уже больны цифровым слабоумием»<sup>31</sup>. Еще хуже то, что выдвигаемые тезисы часто относятся исключительно к Атлантическому региону, причем никаких оправданий или дальнейших разъяснений этой однобокости не приводится. Критика часто опирается на специально подобранные примеры, в основном из атлантического региона, преимущественно США. Географические вариации различия в том, как коммуникационное изобилие укореняется в различных обществах, приводя к разным последствиям, — все это так же неинтересно жалобщикам, как и исторические прецеденты или современные новшества, кото-

<sup>31</sup> *Spitzer M. Digitale Demenz. Wie wir uns und unsere Kinder um den Verstand bringen. Munich: Droemer, 2012.* Исследования по гериатрической психиатрии указывают на прямо противоположный вывод: например, пожилые граждане, которые регулярно пользуются цифровыми медиа, с меньшей вероятностью развивают симптоматику слабоумия. См.: *Schmundt H. Generation Superhirn // Der Spiegel. 2012. 10 September.*

рые выходят за пределы локальных и связанных лишь с отдельными ситуациями трендов.

Этими методологическими слабостями часто подпитывается ностальгия по утраченным радостям прошлого, по (воображаемым) дням, когда разрушительные последствия коммуникационного изобилия еще не были заметны. Меланхолию критиков можно понять. Коммуникационные революции всегда приводят к разрушительным последствиям. Распространяя новые инструменты и техники медиа, они крушат закрепленные способы коммуникации, разрушают стародавние медийные привычки и, следовательно, вызывают (в определенных кругах) тоску по выдуманной былой невинности, которой на самом деле никогда не было. Сформировавшаяся ностальгия заставляет вспоминать о более счастливых временах, простирать руки в попытке дотянуться до них, словно бы настоящее значило совсем мало, а может, и вовсе ничего. Немалое число критиков коммуникационного изобилия, страстно желающих убежать от настоящего и страдающих от ностальгии в буквальном греческом значении этого слова (боль, вызванная неспособностью вернуться домой), высказываются достаточно реакционно. Да они и есть реакционеры. Они тоскуют по прошедшему золотому веку, когда (как они считают) общие принципы коммуникации были еще не так испорчены, как сегодня. Некоторые из этих реакционеров получают немалое вознаграждение: они успели выяснить, что в эпоху коммуникационного изобилия ностальгия может быть весьма ходовым товаром.

Примером может служить ностальгический модернизм тех критиков, которые оплакивают окончание эпохи (как они себе ее представляют), когда книги и разумная дискуссия находились в центре общественной жизни или по крайней мере выступали ее опорой, своеобразным маяком надежды<sup>32</sup>. Их ностальги-

<sup>32</sup> Весьма влиятельным примером является теория замещения публичной сферы индустрией общественного мнения, представленная Юргеном Хабермасом: *Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft.* Neuwied; Berlin, 1962. S. 172–216. См. мои комментарии и уже выдвигавшуюся критику ностальгии Хабермаса в: *Keane J. Public Life and Late Capitalism.* Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1984; *Keane J. The Media and Democracy* (рус. пер.: *Кин Д. Средства массовой информации и демократия*).

ческий модернизм, обеспокоенный вопросом, не оглушает ли нас жизнь в Интернете, и уверенный в том, что мы слишком часто кликаем мышкой, читаем слишком мало, а помним еще меньше, — это просто баловство<sup>33</sup>. Эта ностальгия заставляет бояться последствий информационной перегрузки и оплакивать смерть спокойного размышления, осведомленного разума и рационального обсуждения. За неспособность зрителей, слушателей и читателей переварить информацию должны ответить мультимедиа, сегментация аудиторий, низкое качество продукции. Такой ностальгический модернизм предполагает, что коммуникационное изобилие подавляет последние остатки сопротивления промывке мозгов, которая началась с широко-вещательных средств массовой информации, особенно телевидения. Порой он призывает правительства предпринять спасательные меры и снизить количество информации (например, ввести «дни без телевидения»). Он публично требует от граждан повернуться спиной к информационному буму и, погрузившись в меланхолическое молчание, взяться за книгу. Некоторые облакают свои доводы против коммуникационного изобилия в общую либеральную терминологию, например, поддерживают крайне смутные разговоры о необходимости «нового цифрового гуманизма» (Джарон Ланир), при котором самовыражение творческой личности было бы в почете и вознаграждалось бы. Другие строят свои аргументы на возродившемся страхе массового общества и на старомодных образах бездумной толпы. Чаще всего политические альтернативы, предлагаемые критиками, остаются смутными или просто не раскрываются, и этим

<sup>33</sup> Важным примером является позиция Николаса Карра (*Carr N. Is Google Making Us Stupid? // The Atlantic. 2008. July/August*): «В последние годы, — пишет Карр, — у меня появилось неприятное чувство, будто кто-то или что-то копается в моем мозгу, перестраивает мои нейронные сети, перепрограммирует мою память. Я не потерял рассудок, по крайней мере насколько я могу судить, однако он меняется. Я мыслю уже не так, как раньше. Сильнее всего я это чувствую, когда читаю. Погружение в книгу или длинную статью раньше давалось проще. Мой разум, бывало, увлекался повествованием, последовательностью аргументации, и я целыми часами странствовал по длинным страницам прозы. Теперь так почти никогда не бывает. После двух или трех страниц внимание куда-то ускользает. Я начинаю дергаться, теряю нить рассуждения, думаю, что бы еще сделать. Я чувствую себя, словно бы мне приходилось загибать свой тормозной мозг обратно в текст. Глубокое чтение, которое раньше было чем-то естественным, стало непрерывной борьбой».

еще больше усиливается ощущение, что повседневная жизнь и правда вскоре провалится в тартарары.

Другие же критики, недовольные ходом вещей, порой раздражаются тирадами с нотками нового культурного консерватизма. Им не слишком нравится эпоха коммуникационного изобилия: не гнушаясь порой старомодными образами безмозглой толпы, они цепляются к великовозрастной тупости этой эпохи, развращению молодежи, к которому она приводит, разрушению общих ценностей, основанных на семейной жизни, уважении к авторитету и любви к стране. Другие же лелеют свои интеллектуалистские предрассудки — рационалистическую веру в добродетели рационализма — и восстают против мнимой вульгарности, распространяющейся через новейшие устройства. Во всем этом предостаточно затхлой риторики «зависимости от Интернета». Эту зависимость обвиняют в том, что она настолько захватывает пользователей, что те попросту забывают постирать белье и выполнить другую работу по дому; начинают игнорировать элементарные правила семейной жизни, например, перестают здороваться и проводить какое-то время с другими членами семьи; указывается также, что у Интернета есть способность завлечь пользователей в мир «фантазий», который не имеет ничего общего с «реальностью». Немало встречается и анекдотов о страдающих бессонницей людях, постоянно подключенных к сети и не способных спать отдельно от мобильных телефонов, ноутбуков и других переносных устройств. Говорят, что такие зависимые люди страдают от дефицита внимания, иногда принимающего хроническую форму: например, молодой человек находит в Facebook пост со словами какой-то песни; затем ищет в Google название группы; переходит на Wikipedia, чтобы узнать имя певца; заглядывает в его Twitter; просматривает фотографии на какой-нибудь мультимедийной блог-платформе вроде Tumblr; потом находит их музыку на Grooveshark (музыкальный поисковик и сервис стриминга музыки); наконец, подбирает тэги для фотографий, которые собирается выложить на Facebook, чтобы поделиться ими с друзьями.

Высокоморальная серьезность некоторых критиков коммуникационного изобилия заставляет их оценивать такое порхание как причуды, граничащие с патологией. Суровые судьи игнорируют демократические тенденции, выделенные в первой части этой книги. Им нет дела до отсутствующего, по их мне-

нию, различия между средствами коммуникации и их пользователями; их не интересует, что пользователи не только находятся под влиянием средств коммуникации, но и сами могут найти к ним творческий подход. Симптоматично то, что критики стремятся не замечать один занятый факт — «поиск» является главной метафорой интернет-культуры и в то же время тем, что делают люди, когда отказываются замыкаться в повседневности обычной жизни. Также эти суровые судьи занижают значение не менее существенного факта, а именно того, что пользователи часто отдают предпочтение разговорам на общие темы, но ведь этим реальные люди из плоти и крови, жившие в самых разных условиях, любили заниматься с незапамятных времен. Верховные судьи чистого Интернета почти не уделяют внимания тому обстоятельству, что новые средства коммуникации подготавливают почву для разнородности и непохожести, поскольку они распространяют и перераспределяют мнения, протягивая обществу зеркало, в котором мы можем увидеть и себя, и других, выяснив, кто мы на самом деле, каковы наши лучшие, худшие и прочие качества.

Выпады против такого изобретения, как Twitter, обнажают пуристские предрассудки тех, кто ностальгирует по прошлым временам. Несмотря на его значительную базу постоянных пользователей (составлявшую в 2010 г. 75 млн человек по всему миру) и его растущую роль в дополнении и обогащении профессиональных медиаисточников, Twitter осуждают, называя его тупым. Его критики говорят, что он напоминает шоу уродцев, парад невротиков, информационную среду, которая побуждает собравшихся там пользователей изрекать все то, что у них в данный момент на уме, выставлять свое внутреннее «я» без всякой фильтрации, в форме банальных отчетов о том, кто они, где они в настоящий момент, о чем они думают<sup>34</sup>. Приз в

<sup>34</sup> Как говорят критики, примеров вопиющей банальности предостаточно. Вот один из них: в сентябре 2011 г. веб-сайт ВВС проводил рекламную кампанию для фирмы Vodaphone, состоявшую из кратких рекламных роликов. В одном из них австралийский мастер крикета Майкл Кларк рассуждал о старом девизе компании, в котором упоминается «сила» новых сетей мобильной связи. «Что такое сила для меня? — спрашивает Кларк. — Сила — это быть на связи. Главная причина того, что я веду Twitter, в том, что это позволяет моим фанатам и подписчикам сблизиться со мной. Так, я однажды резал лук, и слезы просто ручьем текли. Я написал твит, в котором спросил, как резать лук и не плакать.



Twitter — это ретвитнутая острота, родившаяся из внутреннего монолога. По словам критиков, несмотря на фанфары, под которые он родился, Twitter тривиален. Он не является публичным средством интеллектуального объединения людей в сложных политических ситуациях, которое могло бы, к примеру, осуществляться за счет распространения прямых репортажей, не отфильтрованных мастерами раскрутки или правительственными цензорами. Хуже того, Twitter — это совершенно ничем не ограничиваемая среда для дезинформации. Указывается, что крупницы новостей о различных событиях часто порождают бессмысленные слухи, твиты о которых приводят к тому, что они становятся вирусными. В итоге из пустой трескотни, некоей разновидности офисных разговоров, они порой превращаются в распространяемые на блогах и ретвитнутые неточные, а то и просто ложные сведения. С точки зрения критиков, запущенная в оборот без всякого отбора и проверки информация порождает фальсификацию. Беспечность копипаста, легковёрность и отсутствие редактуры в твитах — все это усугубляется нетерпеливым стремлением к славе, подогреваемым желанием авторов твитеров продемонстрировать, что они — источники срочных новостей. Все дело в том, как утверждают критики, что владельцам твитеров надо во что бы то ни стало доказать свою способность привлекать значительное число кликов и читателей; некоторые из них (например, Gawker<sup>35</sup>) заинтересованы в максимизации кликов, поскольку они считают, что привлекут

Было миллион идей. Например, носить солнечные очки. Возможно, очки для плавания. Отрезать один конец... но я не знаю точно, какой именно. Самая популярная идея — положить лук в холодильник. Это вроде бы помогает».

<sup>35</sup> См.: <<http://gawker.com>>. Стилистика Gawker была задана пришедшим туда работать новостным редактором А.Дж. Даулерио, который в феврале 2012 г. приказал своим сотрудникам заняться повышением просмотра страниц, чтобы повысить популярность сайта («Сегодняшний слух — это завтрашняя новость»). Каждый штатный автор должен был «нагонять трафик любыми средствами», т.е. по две недели прочесывать разные сайты, ища сюжеты, которые привлекут наибольший трафик. Все это привело к «девятке лучших видео с пугающими детьми» или таким сюжетам, как «девочка бьет маму пиццей и спасает ей жизнь» или «пингвин гадит на пол Сената». Все это не слишком сильно отличалось от видео с танцующими кошками и драками в туалете Burger King, и цель вполне отвечала задачам Gawker: привлечь как можно больше глаз, чтобы удержать крупнейших рекламодателей или увести

рекламодателей, повысят стоимость своего бренда и смогут получить приличные прибыли.

Рассмотрим один случайно выбранный пример того, что имеют в виду критики Twitter, — панику и смятение в начале ноября 2010 г., последовавшие за новостями о взрыве реактивного двигателя на самолете A380 компании Qantas, совершавшего рейс из Сиднея в Сингапур. Событие запустило хаотический поток случайных твитов и непроверенных сообщений, не ссылающихся на источники, причем многие из них были абсолютно неверными. Необходимость быстро отреагировать на случившееся привела к тому, что даже публичные новостные источники, такие как ABC News (@abcnews), поучаствовали в этом бедламе своими постами: «По сообщению Kyodo news, пассажирский самолет, который должен был лететь в Сингапур, разбился в Индонезии». Подобные неосторожные сообщения заставили представителя компании Qantas заявить, что распространяемые в Интернете репортажи, раскручиваемые через Twitter, являются «абсолютно неточными». К тому времени и сам сломавшийся двигатель начал подавать голос через твиттер @QF32\_Engine\_2: «Я очень, очень плохой двигатель». Апофеоз абсурда, по словам критика, был достигнут благодаря твиту одного сиднейского журналиста (@Jen\_Bennett: «У меня есть неподтвержденное сообщение, что ваше неподтвержденное сообщение является неподтвержденным. Следите за нашими срочными спекуляциями».

В драматические мгновения авиакатастрофы выяснилось, что твиты, отправленные местными пользователями на индонезийском языке и полученные в штаб-квартире компании, помогли ее сотрудникам лучше понять, что на самом деле происходит и что делать дальше<sup>36</sup>. Можно сказать, что критики Twitter принижают его значение в подобных чрезвычайных ситуациях. Они опять же упускают из виду тот фундаментальный факт, что инструменты коммуникации и их пользователи, несмотря на свою взаимозависимость, не тождественны друг

---

их у «бульварной прессы» с ее, как говорил новый редактор, «плоскоостроумной ерундой».

<sup>36</sup> Из моего интервью с Дэвидом Эпштейном (David Epstein), бывшим главой подразделения Qantas по правительственным и корпоративным делам и членом Комиссии исполнительных директоров (2 декабря 2011 г.).

другу. Пользователи Twitter могут проявлять осмотрительность (что они и правда делают), нажимая UNFOLLOW или BLOCK, чтобы скрыть нежелательные твиты. Пользователи Twitter совершают политические поступки, например, когда собирают сторонников неизбранных представителей или же поднимают вопросы общественной важности, требующие публичного рассмотрения. Как и следовало ожидать в эпоху мониторинга демократии, растет число случаев, когда Twitter, предлагающий беспрепятственный выход на любую аудиторию, играет ключевую роль в нарастании политического сопротивления явной несправедливости, в различных протестах против фальшивых результатов выборов (например, антиправительственных выступлений в Иране в 2009 г.); в призывах к свержению тиранов (в восстаниях 2011 г. в Тунисе и Египте); в муниципальных спорах, в которых, к примеру, участвовали такие публичные фигуры, как Маргарет Этвуд, выступавшая в защиту системы публичных библиотек в Торонто<sup>37</sup>. Критики Twitter ничего этого не замечают. Они предпочитают обличать его как средство производства и распространения неинформированного, бездумного и несерьезного трепса. Твиты, появляющиеся спонтанно, по незначительным поводам, ради красного словца, осуждаются как нечто теряющее значение вне контекста и ситуативного момента. Они на самом деле вообще ничего не значат. Это просто способ мозолить другим глаза, шептать им на ухо. Утверждается, что Twitter — это орудие фривольности, беззаботности. Это инструмент недоумков, чьи тишайшие вздохи иногда звучат криками. Они не оставляют места для молчания, приватности, осторожности или взвешенного гнева. Это просто новое средство публичного резонанса частных капризов, разрушающее свободную рациональную коммуникацию и пуб-

<sup>37</sup> См.: *Ghonim W. Revolution 2.0* (рус. пер.: *Гоним В. Революция 2.0*); *Poniewozik J. Iranians Protest Election, Tweets Protest CNN // Time World*. 2009. 15 June. <<http://entertainment.time.com/2009/06/15/iranians-protest-election-tweeps-protest-cnn>> (время доступа — 24 июня 2009 г.); а также рассказ Маргарет Этвуд о «войне в библиотечной системе Торонто»: *Atwood M. Deeper into the Twungle // NYRblog*. 2012. 12 March. <<http://www.nybooks.com/blogs/nyrblog/2012/mar/12/deepertwungle-atwood-twitter>>. Время доступа — 14 марта 2012 г. Хороший обзор данных о функциях и последствиях действий Twitter представлен в ст.: *Murthy D. Twitter: Microphone for the Masses? // Media, Culture & Society*. 2011. Vol. 33. No. 5. P. 779–789.

личное обсуждение, в которых, как утверждается, столь остро нуждается демократия.

## ХАКЕРСТВО

Давайте оставим в стороне бессодержательные и преувеличенные заявления о разрушительном влиянии медийного изобилия на повседневность и вместо этого обратимся к поддающимся более точной оценке и более тревожным признакам декаданса в складывающейся системе цифровой электронной коммуникации. Оказывается, сетевую коммуникацию можно блокировать, применяя новые интеллектуальные способы вмешательства, такие как организованное цифровое вторжение ловких журналистов в частную жизнь граждан; тактика инфицирования компьютеров вирусами, созданными для перехвата банковских данных и номеров кредитных карт; а также теневой саботаж и кибератаки, которые позволяют приостановить действие правительственных и корпоративных сайтов, на какое-то время вырубить их «цифровой блокадой», создаваемой «флудингом» или сетевой атакой типа «отказ в обслуживании» (подобные атаки, известные специалистам как DDoS, проводятся за счет инфицированных компьютеров, так называемых зомби, которые одновременно запрашивают доступ к выбранным веб-сайтам, чтобы перегрузить их резко возрастающим трафиком, обрушивающим серверы). Такие формы кибервмешательства оказывают в высшей степени негативное воздействие на общественно-политическую жизнь. Они должны напоминать нам о более широкой картине, о крайней хрупкости открытых систем медиа в эпоху коммуникационного изобилия, о том, что сложные сети можно сломать сложными методами, об их уязвимости перед актами неавторизованного вмешательства, общеизвестными под названием «хакерство».

Этот термин требует осторожного обращения. Его некорректное использование стирает крайне важные границы между мишенями атак; цифровыми методами, используемыми, чтобы нарушить жизни людей или целых институтов; и тем, на кого именно нацелены эти атаки и кем они выполняются — властью имущими или, напротив, обделенными<sup>38</sup>. «Цифровые ситтины»,

<sup>38</sup> Coleman G. Coding Freedom: The Aesthetics and the Ethics of Hacking. Princeton: Princeton University Press, 2011.

или электронные граффити, опубликованные «хактивистским» коллективом Anonymous на веб-сайтах сирийского диктаторского режима Башара аль-Асада, не стоит путать с карательной активностью его электронной армии; вредоносные троянские программы, внедренные в телефоны на базе Android русскими киберпреступниками в августе 2010 г., отличались по тактике и цели от хакерской атаки на Google, совершенной в том же году китайскими государственными сотрудниками, частными экспертами по безопасности и изгоями Интернета, нанятыми китайским правительством; и т.д. Тем не менее во всех этих случаях можно видеть, что революция, поддерживающая коммуникационное изобилие, значительно облагородила значение слово «хакнуть» (*hack*) и распространило его на многие типы цифровой деятельности. Раньше слово «hack» означало второсортного писателя, создающего неинтересные и неоригинальные работы; лоток с мясом для хищной птицы; старую лошадь, отдаваемую внаем, или конное такси; также оно означало (в качестве глагола) пустое времяпрепровождение; у него было значение «справиться с чем-то», «смочь», «надоедать кому-либо», а также «разбить что-либо каким-либо инструментом грубыми или тяжелыми ударами». Мы все еще говорим о частом сухом кашле (*hacking cough*). Однако сегодня слова «хакнуть» и «хакерство» в основном используются для обозначения получения неавторизованного доступа к компьютерам. Этот семантический сдвиг вряд ли должен удивлять, прежде всего потому, что насыщенные мультимедийной информацией общества значительно увеличивают вероятность различных видов нежелательного вторжения в распределенных коммуникационных сетях, которое не было возможным тогда, когда архитектура прежних систем медиа располагалась где-то между централизованными и децентрализованными сетями (см. илл. 6).

В чем причина этой уязвимости перед саботажем? Лучше всего ее удастся объяснить, если исследовать внутреннюю логику щедрых политико-экономических заявлений в защиту коммуникационного изобилия<sup>39</sup>. Защитники его политической эконо-

<sup>39</sup> Нижеизложенное опирается на влиятельную и жесткую защиту «либерализма» как дополнения «сетевой информационной экономики», представленную Йокаи Бенклером: *Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven; L.:*

мии подчеркивают, что богатая информацией среда, связанная с коммуникационным изобилием, отличается на фундаментальном уровне от «индустриальной» системы производства информации, связанной с большими механическими станками, обеспечивающими выпуск информационной продукции, телеграфом, мощным радио, коммерческими телепередатчиками, рассчитанными на массовую аудиторию, а также первыми компьютерами-мэйнфреймами. Эти контролируемые из центра и сверху-вниз системы были весьма капиталоемкими. Они создавали высокие барьеры на вход в ту или иную отрасль, которые закрепляли производство информации за элитами, обычно отбиравшимися внутри одного и того же социального круга. Сетевые системы производства информации, построенные на дешевых процессорах с большими вычислительными возможностями, связанных друг с другом повсеместными сетями, меняют, как утверждается, эту картину в нескольких отношениях. Сетевые, распределенные структуры новой информационной экономики увеличивают способность людей делать больше для самих себя, причем самостоятельно. Расцветает пользовательская инновация (этот термин придумал Эрик фон Хиппель). Материальные средства индивидуальной коммуникации получают невиданное по историческим меркам распространение. Соответственно, отдельные люди становятся намного менее зависимыми от традиционной массмедийной модели, в которой централизованная собственность на средства коммуникации позволяла собственникам (государствам или фирмам) отбирать информацию, доступную для индивидов, и тем самым оформлять их чувство собственной идентичности. Однако новая информационная экономика — это не просто средства усиления чувства индивидуальности или эгоизма. Расцветает коллективное производство информации, знания и культуры, что доказывается такими совместно создаваемыми энциклопедиями, как Wikipedia; проектами по разработке бесплатного программного обеспечения с открытым кодом (связанными с такими фигурами, как Ричард Столлман и Эбен Моуглен); местными радио- и новостными кооперативами, а также бурно развивающимися сетевыми публичными сферами. Формирование «интернет-

---

Yale University Press, 2006; *Benkler Y. The Penguin and the Leviathan: How Cooperation Triumphs over Self-Interest.* N.Y.; L.: Crown Business, 2011.

кластеров», или сообществ по интересам, которые, по сути, заняты коллегиальным рецензированием и часто связаны с другими сообществами по интересам, а потому формируют обширную сеть взаимосвязанных кластеров, — это часть того же тренда. Предоставляя отдельным людям различные альтернативные платформы для коммуникации, новая информационная экономика дает им много новых возможностей для установления связей друг с другом, объединения в новые формы сообществ, что создает эффект демократизации. Наконец, новая информационная экономика (по крайней мере, так говорят) повышает способность отдельных людей и групп делать нечто для самих себя не только в гуще капиталистической экономики (несмотря на недавний спад, используемые в фирме Toyota коллаборативные методы цеховой работы, цепи поставок и стиль менеджмента часто считаются образцовыми), но и через формальные организации, которые нередко действуют за пределами рынков.

Утверждение, будто рост сетевой информационной экономики повышает доступность альтернативных источников информации, которые нередко функционируют вне рынка, оспаривая ограничения глобальных провайдеров информации, вероятно, содержит в себе немало правды. Эта тема постоянно обсуждается на страницах этой книги. Шлюзы, регулирующие потоки информации, действительно были расширены; традиционные массмедийные модели испытывают проблемы, а горизонты политического воображения, определяющие, что может быть сделано в рамках демократии, прорисовываются теперь персональными компьютерами, сетевыми соединениями и пользовательскими инновациями. Сторонники этого образа мысли любят говорить, как и экономисты, о «координационных эффектах» — масштабном обогащении всей информационной среды благодаря несоординированным и не обязательно осознанным кооперативным действиям многих миллионов индивидов. Иногда эти апологеты заходят еще дальше. Те из них, кто придерживается либеральных взглядов, говорят, что новая информационная экономика «позволяет людям в гораздо большей степени определять свою собственную жизнь, поскольку теперь они осведомлены о большем числе возможностей и обладают более содержательными ориентирами принимаемых решений»<sup>40</sup>.

<sup>40</sup> Benkler Y. The Wealth of Networks. P. 9.

Проблема в том, что в реальном мире эти тренды ведут в совсем другую сторону, в том числе и потому, что некоторые люди, обычно организованные в группы, пользуются сетевыми структурами и потоками коммуникации, извлекая из них прибыль исключительно для самих себя. Говорят, что «индивиды стали не такими пассивными», но при этом не особенно думают о том, каким образом эти самые индивиды могут нанести вред другим людям, подбросив «гаечный ключ» в информационные каналы. Выясняется, что при проектировании этих каналов вопросы безопасности изначально считались чем-то второстепенным. Тот факт, что примерно 80% этих каналов используют одну и ту же операционную систему, снижает их киберустойчивость<sup>41</sup>. Поскольку им не хватает многих иммунных механизмов, они становятся весьма уязвимы перед такими конструктивными дефектами, как «переполнение буфера», которое позволяет атакующему послать файлы с длинной строкой символов, чтобы вызвать сбой программы вследствие переполнения памяти компьютера, что дает ему возможность выполнить свои собственные вредоносные программы.

Эффектная история такого рода случилась во Франции, где политическая сцена в первые годы XXI в. ходила ходуном из-за спора о юридическом расследовании предположительного серьезного случая хакерства, в котором был замешан крупнейший в мире оператор атомных электростанций *Électricité de France* (EDF). У этого скандала были все отличительные признаки захватывающего медиасобытия, в том числе «вирусные» качества, типичные для эпохи коммуникационного изобилия. По сути, это настоящий триллер с массой необычайных персонажей, включая опального американского чемпиона-велосипедиста, пойманного на применении в качестве допинга тестостерона (Флойд Лэндис); работников лаборатории; бывших французских шпионов и военных, работающих под прикрытием корпораций; активистов *Greenpeace*; медиа- и телекоммуникационный конгломерат *Vivendi* и высокопоставленного судью (Томас Кассуто), чьи неустанные расследования напоминали одиссею или образцовый учебник по мониторингу демократии в действии.

<sup>41</sup> *Markoff J. Killing the Computer to Save It // New York Times. 2012. 29 October.*



Расследование Кассуто началось после «Тур де Франс» 2006 г. в лаборатории по проверке спортсменов на допинг<sup>42</sup>. Стало ясно, что в лабораторные отчеты проникла троянская программа, позволившая посторонним людям скачивать файлы, которые затем были изменены и переданы в новостные агентства и другие лаборатории, — судя по всему, чтобы поддержать дискредитированного велосипедиста и подорвать доверие к результатам первоначального анализа тестовых образцов. Расследование быстро вышло на компьютерного специалиста Алена Квироса, которого в Марокко выследила специальная команда французского министерства внутренних дел, занимающаяся киберпреступлениями. Господин Квирос признался, что ему выплатили скромную сумму (около 3000 евро) за взлом лаборатории; но также он сообщил, что этой атакой руководила теневая компания, занятая промышленным шпионажем, — Kargus Consultants. Начали всплывать действительно интересные вещи. Дело приобрело драматический оборот, когда полиция, расследующая киберпреступления, обнаружила на компьютере Квироса жесткие диски Янника Жадо, бывшего директора программ Greenpeace, и Фредерика-Кареля Каноя, французского юриста и активиста, специализирующегося на защите прав акционеров, прошедшего через множество кампаний против некоторых крупнейших французских фирм, включая Vivendi и European Aeronautic Defence & Space Co. (EADS), являющуюся материнской компанией производителя самолетов Airbus. Компания по корпоративной разведке Kargus Consultants впоследствии подтвердила, что была нанята EDF, чтобы шпионить за участниками кампаний против ядерной энергии не только во Франции, но и в Испании, Бельгии и Британии, где EDF недавно приобрела крупнейшую компанию в сфере ядерной энергетики British Energy. Чиновники EDF возмущенно отрицали какие-либо противоправные действия со своей стороны. Vivendi, куда киберполиция нанесла визит, поскольку подозревала компанию в проведении рейдов «корпоративной разведки», также хранила молчание. Росло подозрение, что троянские атаки уходят в прошлое, поскольку нормой становится намного более точное и автоматизированное

<sup>42</sup> Нижеизложенные сведения отчасти опираются на переписку с судьей Томасом Кассуто (январь 2010 г.).

отслеживание «облачной» информации, которую люди и организации порождают в силу своей сетевой активности.

### *iPhone*

Франция — не единственная страна с мониторинговой демократией, испытывающая политические трудности из-за хакерства. Прошли дни, когда мы могли думать, будто сможем обезопасить себя от атак, если будем сторониться сетевых порноресурсов и никогда не отвечать на сообщения вдовы управляющего центробанка Центральной Африканской Республики, страстно желающей перевести несколько миллионов долларов на наш счет. Каждой стране с мониторинговой демократией известны обычные сетевые проблемы. Образцовый случай — история о том, как в 2011 г. американский хакер угадал пароль к личному почтовому аккаунту сотрудника Twitter, а затем смог извлечь пароль Google и получить доступ к большому количеству корпоративных документов Twitter, которые хранились в «облаке». Атаки такого рода становятся обычным делом. Спам (от «spiced ham», «острая ветчина» — этот неологизм 1930-х прославился благодаря группе Monty Python) составляет на настоящий момент 80–90% всей электронной почты в мире. Постоянно сообщается о промышленном кибершпионаже, которым занимаются корпорации, организованном преступном хакерстве и кибервойне, которую могут начать правительства или разведывательные службы. Атака 2007 г. на Эстонию, как сообщалось, заставила эту страну на время заблокировать ссылки в Интернете, ведущие на иностранные сайты. Некоторые наблюдатели предупреждают о том, что демократический потенциал коммуникационного изобилия может значительно снизиться в результате «кибернарушений», совершаемых государствами, корпорациями и преступниками<sup>43</sup>. Тем временем множится число сайтов, проверка которых показывает наличие на них рекламных или шпионских программ, спама, кода для фишинга, вирусов и других опасных материалов. В 2010 г. инженеры Google подсчитали, что примерно 10% многих миллионов веб-страниц были задействованы в «теневой загрузке» на компьютеры вредоносного

<sup>43</sup> Deibert R. J. Black Code: Inside the Battle for Cyberspace. Toronto: Random House, 2013.

программного обеспечения. Вскоре эта цифра резко выросла (в течение года) — со 150 тыс. до 330 тыс. веб-сайтов с вредоносными программами. Внедрение вредоносного кода в сложные организации, медиасистемы и персональные аккаунты — это не просто повод для новостной болтовни. Ведь дело просто в том, что этим закрепляется еще один декадентский тренд — быстрое формирование защищенных сетевых процессов и продуктов и даже образование «закрытых сообществ», которые напоминают частные феодальные поместья, создающие ощущение Средневековья за счет ослабления свободы перемещения, «открытого выпаса» и всеобщего доступа к «общественному достоянию», какковым представляется коммуникация с другими.

Предложенный уже достаточно давно Джонатаном Зиттрейном анализ содержал верную интерпретацию хакерства как своеобразной попытки приватизировать средства коммуникации, т.е. как часть гораздо более обширной борьбы, которую силы, поддерживающие рыночную и государственную изоляцию, оправданную соображениями безопасности, ведут против креативного общения граждан в Интернете<sup>44</sup>. С момента своего запуска в январе 2007 г. iPhone остается образцовым примером этого тренда. Представляясь эстетическим шедевром, он, по словам Зиттрейна, является великолепно сконструированным устройством, в котором были объединены три продукта: «iPod с наиболее качественным экраном из всех, когда-либо произведенных Apple; телефон с хитро интегрированными функциями, такими как голосовая почта, которая поступала в виде отдельных сообщений; наконец, устройство доступа к Интернету с умным и элегантным браузером, а также со встроенной картой, информацией о погоде и фондовом рынке, почтовым клиентом». По логике Зиттрейна, проблема в том, что это устройство было «стерильным». Оно ограничивало «генеративность». В отличие, скажем, от Pledgebank, Wikipedia или Meetup, iPhone был «iBrick'ом», непроницаемым «кирпичом». Пользователи были лишены возможности покопаться в нем, чтобы улучшить его или приспособить под свои конкретные нужды. Тем, кто перво-

<sup>44</sup> *Zittrain J.* The Future of the Internet: And How to Stop It. New Haven: Yale University Press, 2008; см. также более раннюю работу Рональда Дж. Дейберта: *Deibert R.J.* Black Code: Censorship, Surveillance, and the Militarisation of Cyberspace // *Millennium: Journal of International Studies*. 2003. December. Vol. 32. No. 3. P. 501–530.

начально пытался подправить его код, чтобы iPhone поддерживал больше приложений или другие их разновидности, Apple стал грозить юридическим преследованием. Как указывал Зиттрейн, «iPhone, не являясь платформой, дружественной к инновациям, поступает в заранее запрограммированном виде... Вам не разрешено добавлять программы к этому устройству, построенному по принципу “все-в-одном”... Его функциональность закрыта, хотя сам Apple и может менять ее за счет удаленных обновлений».

В области коммуникации знаком наших революционных времен является то, что Apple вскоре начал отвечать на подобные претензии, значительно расширив репертуар создаваемых пользователями «приложений», доступных для iPhone. В анализе Зиттрейна недооценивался технический динамизм этого продукта; страдал его подход и от других слабостей. Он был в изрядной мере пропитан — то ли осознанно, то ли нет — общим для американцев представлением об исключительных «возможностях», совпадавшим в данном случае с подогнанной под XXI в. версией веры Ральфа Уолдо Эмерсона в способность отдельных людей достичь неизведанного благодаря собственной нравственной силе и творческому уму — веры, которая покоится на принципе: чем меньше у нас государства, тем лучше. Симптоматичным стало замечание Зиттрейна о том, что «сеть — это буквально то, чем мы ее делаем» (идентичность подлежащего «мы» остается тут неясной), а также защита им, как он сам выражается, «принципа прокрастинации» («создай инфраструктуру, которая одновременно проста и генеративна, отойди в сторону и смотри, что происходит, исправляя только самые важные проблемы, как только они возникнут, но не старайся предугадать их с самого начала»). Это значит, что в его работе было слишком много веры в рыночные силы конкуренции и слишком мало внимания к необходимости политически закрепить общественную собственность на мультимедийные средства коммуникации, т.е. институционально оформить, пусть и в несколько двусмысленных трансграничных условиях, современный эквивалент принципа общественного широкого вещания, существовавшего в прошлом веке и предполагавшего, что при любом политическом порядке средства коммуникации должны служить развитию общества и работать на него. Однако, и это основное затруднение, нельзя упустить и главную мысль Зиттрейна. Хакерство,

электронные граффити, кража идентичности, не говоря уже о вирусах, спаме и других нарушениях, — все это неприятные последствия свободы, встроенной в генеративный ПК. Зиттрейн точно формулирует эту идею: «Сегодняшние вирусы и шпионские программы — не просто неудобства, которые можно игнорировать или относиться к ним так же, как к слишком громким собеседникам за соседним столиком в ресторане, которых можно попросить говорить потише, — пишет он. — Их нельзя будет исправить за счет очередного пакета патчей для операционных систем ПК, в которых полно глюков, или же за счет того, что все мы бросим повсеместные Windows и перейдем на Mac. Скорее, они представляют собой фундаментальную дилемму: пока люди контролируют код, выполняемый на их машинах, они могут совершать ошибки и их можно обманом заставить выполнить опасный код». Когда все больше людей начинают пользоваться интернет-медиа и благодаря широкополосному соединению становятся еще более доступными для внешнего мира, прибыль от коррумпирования решений пользователей возрастает. «Эта прибыль вытекает из кражи внимания людей, времени работы процессора, пропускной способности сети или сетевых предпочтений», — сказал он в заключение. Очевидное следствие в том, что «веб-страница может выдаваться и часто действительно выдается на лету, создаваясь из сотен разных источников, рассеянных по сети: страница может получать контент от своего владельца, рекламные объявления — от синдиката, а ссылки — из каких-то сторонних потоков информации, и это значит, что вредоносный код может в мгновение ока инфицировать огромные участки Интернета».

### ЗАКРЫТЫЕ СООБЩЕСТВА

Уязвимость исполняемого кода перед вредоносным быстрым вмешательством помогает объяснить еще одно декадентское следствие коммуникационного изобилия: быстрое распространение *закрытых сетевых сообществ*, организованных и охраняемых большими медиафирмами. Рассуждение о закрытых медиасообществах может показаться необычным, однако оно позволяет показать, как архитектура открытого доступа, свойственная насыщенным медиа политическим структурам, компрометируется ее дроблением на закрытые зоны, которые, по

сути, не позволяют гражданам свободно бродить по выбранным ими сайтам, подолгу задерживаясь на них. Некоторые из первых теоретиков коммуникационного изобилия сравнивали его с бесконечно запутанным, головокружительным, волшебным садом расходящихся тропок времени и пространства (образ был взят из рассказа Борхеса<sup>45</sup>), однако многие граждане сегодня понимают, что повседневная реальность развивается в совершенно ином направлении. Сад расходящихся тропок больше напоминает зону конфликта, испещренную бесполетными территориями, пропускными пунктами, санитарными кордонами, приграничными минными полями и бесконечными битвами. Граждане осознают, что решение купить определенный ноутбук, электронную книгу или смартфон не является таким уж простым; подобное решение автоматически «привязывает» покупателя к платформе продавца, т.е. к его конкурентоспособным, но при этом специфическим функциям, способностям, услугам и рекламируемым продуктам.

Здесь мы возвращаемся к «закону» Маршалла Маклюэна: инструменты и в целом модусы коммуникации запирают своих пользователей в заранее установленных паттернах их использования и вытекающих из них последствий. Мы могли бы добавить: все инструменты коммуникации связывают своих пользователей заранее установленными паттернами использования, однако одни делают это сильнее других, так что иногда их главная функция сводится к тому, чтобы зацепить пользователей стратегиями следования за лидером, заранее выбранным медиафирмами, работающими в рыночных условиях.

Превращение граждан в клиентов, применяющих те или иные инструменты, особенно очевидно в области наладонных устройств, предназначенных для цифрового серфинга. На первых этапах коммуникационной революции личное использование Интернета регулировалось организациями, устанавливающими открытые стандарты, например W3C; сегодня же оно контролируется Apple, Blackberry, Samsung, Facebook и другими коммерческими платформами. Когда персональные компьюте-

<sup>45</sup> *Borges J.L. The Garden of Forking Paths // Labyrinths: Selected Stories and Other Writings / D.A. Yates, J.E. Irby (eds). N.Y.: New Directions, 1964. P. 19–29 (рус. пер.: Борхес Х.Л. Сад расходящихся тропок // Борхес Х.Л. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. СПб.: Амфора, 2007. С. 135–145).*

ры со стандартными экранами были заменены или дополнены различными устройствами с большими и малыми экранами — как в альбомном, так и книжном формате, — допустимые интерактивные приложения также изменились. Например, раньше они могли строиться на технологиях Java или Flash, но тогда они были более открытыми, поскольку позволяли пользователям путешествовать по всем веб-сайтам; напротив, сегодняшние приложения все больше зависят от находящихся в частной собственности платформ, а доступ к ним можно получить только по специальным паролям, определяющим, кто может, а кто не может использовать приложения, и по какой цене.

В целом происходящий сдвиг нацелен на применение постоянно работающих устройств, контролируемое крупными брендами и ценами, регистрацией на сайтах, персональными профилями и паролями. Возможно, термин «сплинтернет» является слишком сильным для описания этого сдвига, однако его преимущество в том, что он подчеркивает движение в сторону от идеалов открытого доступа Всемирной паутины: у постоянно растущего числа людей опыт использования смартфонов, планшетов, электронных книг и других новых гаджетов для просмотра веб-сайтов подчиняется платформам, разработанным медиафирмами для того, чтобы загнать пользователей в корпоративную экосистему с заранее подобранными гаджетами, контентом и рекламой. В целом тренд выглядит парадоксальным. Стоит только снести стены, сдерживающие коммуникацию между людьми, как они тут же строятся заново, самых разных форм и размеров. Неудивительно, что тенденция сплинтернета и связанная с ним битва между конкурирующими платформами в значительной степени определяются деньгами, и особенно это относится к борьбе за рекламные доходы и прибыли участников рынка, действующих в условиях сильнейшей рыночной конкуренции. Иначе говоря, битва платформ и вытекающие из нее эффекты огораживания подкрепляются рискованными, ориентированными на прибыль корпоративными стратегиями, чья способность приватизировать галактику коммуникационного изобилия может внести разлад в демократические принципы открытого доступа и равенства возможностей для всех граждан.

«Но ведь это свободный мир и свободная рыночная экономика, — говорит скептик, — и, конечно, у фирм есть полное

право пользоваться сетевыми медиа, тем самым увеличивая спектр и качество коммуникации людей друг с другом, разве не так? Бизнес-инвестиции жизненно необходимы для того, чтобы люди продолжали поддерживать связь друг с другом». Скептик предлагает кучу разноплановых аргументов (опирающихся в том числе на проблематичную трактовку свободы), однако в данном контексте наиболее важным из них представляется рост способности частных инвесторов определять архитектуру сетевой коммуникации, стесняя и ограничивая ту более сложную версию принципа общественного широкого вещания, которую защищал в 1920-х годах лорд Рейт и BBC и которая бы могла подойти для XXI в. Принцип общественных инвестиций и собственности, общественного использования и применения мультимедийных систем коммуникации сегодня представляется маргинальным, оттесненным динамичным ростом закрытых сообществ, которые выигрывают битву за контроль над временем и вниманием людей, что, вероятно, приведет к антидемократическим последствиям. Возведение огороженных стенами, закрытых, заблокированных зон, куда войти и где задержаться и путешествовать смогут только привилегированные люди, указывает на новое Средневековье как один из аспектов топографии власти. Если граждане и правительства не сделают ничего, чтобы обратить этот тренд вспять, будущее может предстать в виде беспорядочного разрастания закрытых сообществ, вертикально организованных и подогнанных под тех, кто сможет позволить себе плату за доступ, у кого есть веб-куки, кто знает пароль и может пройти тест на входе. Алгоритмы, навязанные бизнесом, ведут к утверждению «мейнстрима» и к эффекту Матфея: «всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет». Все, на чем можно сделать прибыль, укрепляется повторением и таргетированными версиями работающих решений; все, что менее популярно или известно, а также то, что не соответствует трендам, отфильтровывается. Крупные корпорации гонятся за прибылями, а потому они нацеливаются на самые большие стаи; или, если использовать другие метафоры, они предпочитают кривые в форме U, а не длинные хвосты<sup>46</sup>.

<sup>46</sup> См. дельные замечания в поддержку социальных сетей и распространения подсказок, ссылок, ретвитов, постов и комментариев у Юргена Кури (Jürgen Kuri) (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 2010. 20 März).



## НИЖНИЙ МИР ГИПЕРССЫЛОК

Этот тренд способен подорвать мониторинговую демократию. Дело можно представить так: демократия — это форма самоуправления, в которой средства, позволяющие принимать решения о том, кто что, где и как получает, находятся в руках общественности. Приватизация средств принятия решений противоречит духу и смыслу демократии. Есть и еще одно дополнительное правило, применимое к данному рассуждению: поскольку демократия требует того, чтобы у граждан и представителей был свободный доступ к основным средствам коммуникации, передача их в собственность крупным фирмам и контроль с их стороны могут оказать репрессивное воздействие. Отличительным свойством коммуникационного изобилия является то, что его генеративные правила, аналогичные генеративным правилам грамматики, которая позволяет говорящим высказывать бесконечное число различных предложений, поощряют открытость, динамизм, плюрализм, экспериментирование и четкое ощущение неустойчивости того основания, на котором расцветает демократия. Как мы уже отмечали, родство генеративных грамматик демократии и коммуникационного изобилия заставило многих комментаторов заявить, что они взаимно усиливают друг друга, так что сетевые медиа «по своей природе» будто бы являются силой, действующей во благо демократии.

Однозначное прославление демократической всеобщности, основанной на интернет-коммуникации, ее склонности выравнивать иерархии, создавать открытые публичные пространства и устранять дискриминацию, представляется преждевременным — по крайней мере, если принимать во внимание точечные силовые маневры фирм, направленные на то, чтобы сконцентрировать ссылки, паттерны использования и сетевой трафик с целью получения прибыли. Можно согласиться с тем, что галактика коммуникационного изобилия включает миллионы мимолетных интеракций, которые происходят ежедневно, ежечасно, каждую минуту, секунду и даже микросекунду. Это расширяющийся с дикой скоростью сетевой ландшафт связанных ссылками пространств, которые организуют наше внимание, контролируя то, что попадает в наше поле зрения. Эти пространства предлагают нам материалы, которые чем-то ценны, которые что-то говорят нам, удовлетворяют наши поиски или же дают

нам конкурентное преимущество перед остальными. Галактика коммуникационного изобилия представляется великим освобождением от Власти. Структурируясь ссылками на сайты, так называемыми гиперссылками, она выступает в виде средства, при помощи которого люди, в противном случае следовавшие бы по своим разрозненным и неравным траекториям, связываются друг с другом — потенциально в глобальном масштабе — на равных, поскольку они облагодетельствованы способностью подрывать властные иерархии, обычно накапливающиеся внутри демократических обществ.

Проблема в том, что корпоративные алгоритмы в значительной мере заранее предопределяют то, что граждане думают, говорят и делают. Такие коммуникационные гиганты, как Google, AT&T, Nokia, Apple и British Telecom, обладают поразительной властью — и не только в качестве поставщиков средств коммуникации, широкополосного доступа и видеоканалов, т.е. всего того, что сегодня определяет тренды. Дело в том, что они оформляют еще и «скрытую» механику коммуникационного изобилия<sup>47</sup>. Так же как решения о размещении и стандартах телеграфных кабелей и технического оборудования на несколько десятилетий вперед определили способы использования телеграфных сообщений, решения, принимаемые ныне корпоративными агентами, могут привести к формированию неизменных базовых правил для будущих поколений — например, какие алгоритмы определяют компьютерные коммуникационные системы. Не стоит недооценивать этот момент: в галактике коммуникационного изобилия цифровые алгоритмы играют роль пеших посланников, барабанных и дымовых сигналов, семафоров и телеграфов. Впервые в истории человечества они заняты тем, что собирают вместе и передают тексты, звуки и образы, обычно почти мгновенно и потенциально в глобальном масштабе. Однако эти алгоритмы не существуют в социально-политическом вакууме, они не могут оставаться вне зоны действия логики власти. Их проектирование и реализация позволяют некоторым людям, группам, организациям и целым подсетям «откалибровать» контент коммуникаций под свои нужды, например,

<sup>47</sup> Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet is Hiding from You. N.Y.: Penguin Press, 2011 (рус. пер.: Паризер Э. За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас? М.: Альпина Бизнес Букс, 2012).

добившись того, что их уровень видимости в Интернете будет намного больше, чем у других акторов, которые тем самым вытесняются, а иногда и выбрасываются в теневые зоны невидимости.

Структурированные алгоритмами ссылки можно представить в качестве подробных карт, которые руководят движениями людей и внушают им определенное ощущение реальности, когда те путешествуют в сетевых ландшафтах, пытаясь найти в них свой путь. Эти ссылки не просто отсылают пользователей к источникам: они направляют их к целям, иногда через множество промежуточных ссылок, подключенным, в свою очередь, к таким фоновым программам, как веб-роботы и веб-пауки, благодаря которым многочисленные цепочки ссылок собираются в большие стяжки. Эти большие сетевые стяжки похожи на странный нижний мир сложных алгоритмов, о котором большинство людей либо вообще ничего не знают, либо просто принимают его за данность. Это лабиринт, населенный странными неологизмами — сплогами, активными областями, вики-ссылками, URL, гиперссылками, источниками ссылок, целевыми, внутристрочными и красными ссылками. А еще это мир, населенный могущественными корпоративными акторами.

Поразительным примером представляются первые шаги Google по внедрению инновационной системы индексирования, основанной на секретном вероятностном алгоритме под названием PageRank. Она не просто заменила уже существовавшие неуклюжие методы поиска (такие как AltaVista) новым определением «интеллектуального» ранжирования, которое приписывало каждой странице определенный рейтинг на основе того, сколько страниц с высоким рейтингом ссылались на нее. PageRank позволил Google Search разработать изощренные формы того, что профессионалы в этой области называют «контент-таргетированной рекламой». Google первым стал применять алгоритмы, которые предоставляли пользователям важную, отвечающую их интересам истинную информацию в соответствии с принципом рейтинга по популярности. Он дал новое определение информации, так что теперь она означает привлечение клиентов на рынке. Опираясь на такие программы, как AdSense и AdWords, Google нашел способ картографирования интересов пользователей и такого таргетирования рекламных объявлений, чтобы они более или менее точно соответствовали пользо-

вателям и их контексту. Эта инновация создала для рекламодателей каналы доступа к нескольким миллиардам пользователей сети и к бесчисленному количеству аудио-визуальных, кино- и текстовых веб-сайтов, созданных другими. Google теперь — это не просто глагол «гуглить». Его клиенты стали его продуктами. Каждый акт поиска информации регистрировался, мгновенно позиционировался в глобальной сети ссылок и оказывался доступным рекламодателям, желающим привлечь покупателей и готовым — через механизм, сочетающий ценовые заявки с оплатой за просмотр и за клик, — платить Google за продажу своих товаров. Поиск информации стал синонимом связывания и объединения доноров внимания (пользователей сети) и его акцепторов (реklamодателей) посредством непрошенной таргетированной рекламы, дух и материя которой проникли во все уголки Интернета.

### *Google*

Одна из наибольших странностей в протестах против пагубного влияния коммуникационного изобилия на повседневную жизнь людей заключается в том, что часто в них полностью обходится молчанием огромная власть *медиарынков* и *медиафирм*, определяющих картину коммуникации граждан. Это молчание указывает далеко не только на узкий «культурный» кругозор критиков. Скорее, оно обнаруживает недооценку ими ключевого момента: эпоха коммуникационного изобилия включает в себя далеко не только отдельных людей, которые делают какие-то невиданно умные (и, как говорят другие, глупые) вещи при помощи новых медиаинструментов. Это эпоха, в которой фигурируют Walt Disney, Bertelsmann, News Corporation, AT&T, Vivendi и другие гигантские глобальные конгломераты, движимые стремлением к большим прибылям, приходящим с лидерскими позициями на рынке, и подстегиваемые самосознанием вершителей истории, т.е. желанием оставить свой отпечаток на современной демократии и ее медийной инфраструктуре.

Важно понимать контуры организованного медиабизнеса, поскольку медиафирмы не просто инвестируют капитал и используют медиаработников, которые производят и распространяют информацию — исключительно ради прибыли. Медийные конгломераты залезают в души своих клиентов. Они оформля-

ют и трансформируют идентичности граждан, воздействуя на интимные нотки их самоощущения. Они подправляют их язык, их здравый смысл, их фантазии; результаты могут быть разными, однако все они неизменно вписаны в логику невероятной власти, обычно приобретаемой в кровопролитных битвах с противниками. Концентрация средств коммуникации в руках немногочисленных частных собственников — это обычный итог ничем не сдерживаемого рынка, который редко порождает беспроектные результаты; по определению, да и на практике, конкурентов осаживают или выталкивают, так что в конечном счете они остаются позади и заканчивают свою жизнь в роли проигравших. Победителем обычно оказывается олигополия или монополия, пока не появится новый конкурент с замечательными новыми стратегиями и инструментами, который сможет бросить вызов господствующим игрокам.

Йозеф Шумпетер стал одним из влиятельных комментаторов, полагавших, что эта закономерность формирования олигополии/монополии является неизбежной и в то же время в общем и целом желательной. По его мнению, рыночная сила крупных фирм, конечно, подразумевает их способность эксплуатировать рабочих и потребителей, а также конкурентов. Однако крупные фирмы необходимы для инноваций, которые являются основным фактором эффективной конкуренции, — по крайней мере, так он считал. Капитализм — это динамичная система постоянного революционного преобразования средств производства, и именно по этой причине крупные медиафирмы делают все, что в их силах, чтобы сохранить в секрете свои производственные процессы, защитить свои товарные знаки от посягательств и закрепить за собой патенты. Размер корпорации обеспечивает возможность для «конкуренции, основанной на открытии нового товара, новой технологии, нового источника сырья, нового типа организации», — отмечал Шумпетер. Это «мощный механизм, обеспечивающий прирост производства и снижение цен»<sup>48</sup>.

Сейчас, глядя в прошлое, можно сказать, что Шумпетер недооценивал способность монополии тормозить инновации. Его исследования так и не пришли к окончательному выводу о том, являются ли инновации плодом монополии и в какой мере, или

<sup>48</sup> *Schumpeter J. Capitalism, Socialism, and Democracy. P. 84–85 (рус. пер.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. С. 128).*

же, наоборот, монополия — это продукт инноваций. Более поздние исследователи окрестили эту связь инноваций и монополии «циклом», подчеркивая тем самым, что рынки коммуникаций с течением времени обычно сокращают каналы свободной коммуникации, возвращая рыночных победителей, которые стараются защитить себя с флангов, возводя барьеры для инноваций и для выхода на рынок, т.е. ограничивая количество возможностей, доступных общающимся друг с другом гражданам<sup>49</sup>.

В настоящий момент мы можем повременить с выводами относительно того, действительно ли и в какой именно мере медиаконгломераты причиняют ущерб духу и самой сущности мониторинга демократии, и просто обрисовать общую историческую картину концентрации медиа в условиях рыночной конкуренции. Примеры найти несложно: в XVIII в. в эпоху печатной культуры наблюдался рост первых крупных издательских домов, стремящихся снизить рыночную конкуренцию. Тогда в мире прессы появились первые магнаты, некие аналоги Руперта Мердока, — такие фигуры, как Шарль-Жозеф Панкук, стремившийся монополизировать рынок мнений и чтения, публикуя книги, периодические издания и газеты в совершенно «современном» стиле<sup>50</sup>. После в истории также бывали моменты, когда издательское дело напоминало «грабительский капитализм»: некую форму бандитизма, руководимого дельцами, жадными до денег и готовыми на серьезный риск. Те же самые закономерности определяли эпоху электронных коммуникаций. В США, остававшихся на протяжении полутора веков эпицентром радикальных инноваций в коммуникационной сфере, корпоративные сражения сопровождали гонку, связанную с разработкой и продажей «музыкального телеграфа», устройства, способного посылать множество сообщений в одно и то же время по одному медному проводу. В противоположность Western Union, компании, которая господствовала в телеграф-

<sup>49</sup> Wu T. *The Master Switch: The Rise and Fall of Information Empires*. N.Y.: Knopf, 2010.

<sup>50</sup> *Tucoc-Chala S.* Charles-Joseph Panckoucke et la librairie française. P: Touzot Librairie, 1977; *Darnton R.* *The Business of Enlightenment: A Publishing History of the Encyclopédie*. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1979; *Keane J.* *The Media and Democracy* (особенно P. 45–47) (рус. пер.: Кин Д. Средства массовой информации и демократия).

ной отрасли, телефонная компания Bell а оказалась победившим инноватором, подорвавшим всю систему<sup>51</sup>. Борьба за контроль над телефонным бизнесом была предвестником похожих конфликтов в таких областях, как радио, кино, эфирное и кабельное телевидение: каждое средство коммуникации перемалывалось в мельнице предельно интегрированных и централизованных индустриальных организаций.

В эпоху коммуникационного изобилия ощутима та же тенденция к формированию олигополии. Если говорить о США, исследователь медиа Бен Багдикян показал, что в 1984 г., когда революция в сфере коммуникаций только начиналась, медиаиндустрию контролировали примерно 50 крупных компаний. К 1987 г. это число уменьшилось до 27; а затем, к 1996 г., сократилось еще больше — до 10, так что в 2004 г. львиная доля медиаиндустрии контролировалась Большой Пятеркой (Time Warner, Disney, Bertelsmann, News Corporation и Viacom). Хотя точные данные о рыночной доле этих гигантов не являются публично доступной информацией, тенденция к слияниям, поглощениям и концентрации собственности усилилась благодаря экономии на масштабе производства и общему ослаблению контроля со стороны государства. Подобные тенденции обнаруживаются повсюду, например в соседней Канаде, где под давлением слияний и поглощений медиакорпораций доля независимых газет сократилась с 17,3% в 1990 г. до примерно 1% в 2005 г., что спровоцировало страхи относительно падения стандартов журналистики, неуверенность в полномочиях и роли общественных средств информации, а также озабоченность недостаточным финансированием новостных интернет-медиа<sup>52</sup>. В Чешской Республике крупные немецкие и швейцарские корпорации владеют более чем 80% газет и журналов. Крупный иностранный капитал, в основном немецкий, австрийский, французский и скандинавский, господствует в печатных СМИ в таких демократических государствах, как Болгария, Венгрия, Польша и

<sup>51</sup> Casson H.N. *The History of the Telephone*. Chicago: A.C. McClurg & Co., 1910.

<sup>52</sup> Standing Senate Committee on Transport and Communications, Parliament of Canada, June 2006, Final Report on the Canadian News Media. <[www.parl.gc.ca/39/1/parlbus/commbus/senate/Com-e/TRAN-E/rep-e/rep-finjun06vol1-e.htm](http://www.parl.gc.ca/39/1/parlbus/commbus/senate/Com-e/TRAN-E/rep-e/rep-finjun06vol1-e.htm)>. Время доступа — 19 февраля 2011 г.

страны Балтии<sup>53</sup>. В Японии, несмотря на преобладание государственной теле- и радиовещательной компании NHK и наличие законов, ограничивающих владение сразу несколькими видами медиа, четыре корпорации, включая Yomiuri Group, владеющую «Yomiuri Shimbun», газетой с самым большим тиражом в мире, господствуют в газетном бизнесе, в аффилированных с ним телестанциях, рекламе, книгоиздании, видеопроизводстве и прямом маркетинге. Вполне традиционен крупный медиабизнес и в Индии, где он восходит к тем дням, когда такие газеты с огромными тиражами, как «The Indian Express», контролировались самым большим в стране джутовым предприятием (принадлежавшим Рамнату Гоенке, которого критики окрестили капитаном «джутовой», или «дутой», прессы — от слова «jhoot», означающего на хинди «вранье»). Концентрация собственности в сфере медиабизнеса усилилась в последние годы, когда появились такие корпоративные игроки, как контролируемая Рупертом Мердоком STAR (Satellite Television Asia Region) group, а также Bennett, Coleman & Co. Ltd (BCCL), и когда обозначился явный сдвиг к таким продуктам и практикам, как утрированные «срочные новости», проплаченная «джинса», частные договоренности (предоставляющие компаниям рекламное пространство в обмен на долю в акциях), а также редакционная политика, нацеленная на три К, к которым индийский средний класс вроде бы питает слабость, — криминал, крикет и кино<sup>54</sup>.

Какое-то время владычество олигополии набирало силу и в области Интернета, где такие «гипергиганты», как Apple, Microsoft, Facebook и YouTube (принадлежащий Google), ныне порождают и потребляют примерно одну треть глобального трафика. Если только эту тенденцию не удастся переломить, например, при помощи более жесткого правового регулирования, а также государственной и университетской поддержки некоммерческих веб-платформ, дальнейшая транснациональная концентрация медиасобственности и контроля над Интернетом

<sup>53</sup> Media Pluralism in the Member States of the European Union // Commission of the European Communities. Brussels, 2007. P. 9–10.

<sup>54</sup> См. (исходно отцензурированное) исследование Совета по делам прессы Индии: Press Council of India. Report on Paid News. Delhi. 2010. 30 July. < [www.outlookindia.com/article.aspx?266543](http://www.outlookindia.com/article.aspx?266543)>. Время доступа — 25 марта 2012 г.



станет неизбежной практически во всех демократических странах мира.

Жестокие битвы, шедшие между Apple и Google в первые годы XXI в., показывают, что именно стоит на кону. Некоторые наблюдатели полагают, что их соперничество будет определять «будущее всего мира»<sup>55</sup>. Вначале казалось, что две эти компании являются партнерами. Разделяемая ими убежденность в том, что слияния и эксклюзивные партнерские альянсы — дело прошлого, казалась чем-то поразительным; синергия многослойных сетей, открытых протоколов и сотрудничества должна была устранить потребность в корпоративных слияниях — по крайней мере, так они утверждали. Во времена, когда еще господствовали центральные компьютеры-мэйнфреймы, Apple был выскочкой-аутсайдером, сторонником открытых платформ и первым, кто воплотил этот принцип открытости на практике, сделав его привлекательным и полезным для масс. Руководствуясь своим корпоративным лозунгом «Думай иначе» и рассуждениями (Стива Джобса) о том, что надо плавать с пиратами, а не с военным флотом, компания создала небольшой персональный компьютер с присоединенной мышью и графическим пользовательским интерфейсом, состоящим из панелей инструментов, иконок и окон, который получил название «рабочего стола». Это изобретение, известное как Apple I (или Apple-1), сегодня хранится в Национальном музее американской истории в Вашингтоне. Примерно 200 компьютеров, разработанных и вручную собранных Стивом Возняком, ушли в продажу в июле 1976 г. по цене 666,66 долларов США — цифра была рассчитана так, чтобы удовлетворить страсть Возняка к «повторяющимся числам» и чтобы она включала надбавку в размере одной трети по отношению к 500-долларовому компьютеру, проданному в местный магазин. Компьютер в деревянном корпусе проложил Apple путь к статусу гигантской компании, опирающейся на огромную рыночную силу; а ее перестрелки с более старыми и почтенными корпоративными флотами, как и пиратство новичков, ушли в прошлое, когда появилось золото.

<sup>55</sup> «Если Хаксли мог в 1927 г. говорить, что “будущее Америки — это будущее мира”, сегодня мы можем точно так же сказать, что будущее Apple и Google определяет будущее Америки и всего мира» (*Wu T. The Master Switch... P. 273*).

В то же время Google, прикрывшись высокоморальными лозунгами «Не будь злым» и «Организуй мировую информацию и делай ее доступной и полезной всем», запустил поисковый интернет-бизнес. Изображая самого себя горизонтальной демократичной организацией, нацеленной на сотрудничество (первоначально со Стэнфордским университетом), он скопировал всю Всемирную паутину, а потом, как мы уже отмечали, впервые в истории создал, запатентовал и внедрил систему индексации, основанную на закрытом вероятностном алгоритме под названием PageRank. Сегодня, но не тогда, его базовый принцип кажется очевидным: заменить не размеченный дорожными знаками хаос Интернета реорганизованными сетевыми соединениями и контентом — причем не за счет общепринятых методов каталогизации (например, в алфавитном порядке), а приписывая страницам «рейтинг популярности», основанный на том, сколько ссылок ведет на них с других страниц с высоким рейтингом.

Система PageRank, с одной стороны, отличалась «демократизмом», а с другой — позволила выйти на путь к грандиозному коммерческому успеху. Эта инновация, казалось, подтверждает заявления компании о приверженности принципу сетевого нейтралитета<sup>56</sup>. Она привлекла венчурных капиталистов и огромные рекламные доходы, позволив Google расти быстрее любой другой крупной фирмы в коммуникационной отрасли<sup>57</sup>.

<sup>56</sup> Так утверждает руководство Google по сетевому нейтралитету: «Сетевой нейтралитет — это принцип, согласно которому пользователи Интернета должны контролировать то, какой контент они видят и какими приложениями они пользуются в Интернете. Интернет с самых первых своих дней работал в соответствии с принципом нейтралитета <...>. В наиболее фундаментальном смысле сетевой нейтралитет говорит о равном доступе к Интернету. С нашей точки зрения, операторы широкополосного доступа не должны иметь права использовать свою рыночную силу для дискриминации конкурирующих приложений или контента. Так же, как телефонные компании не имеют права указывать потребителям, кому они могут звонить или что они могут говорить, операторам широкополосного доступа нельзя позволять применять свою рыночную силу для контроля сетевой активности» (Facts about Our Network Neutrality Policy Proposal. 2010. 12 August. <<http://googlepublicpolicy.blogspot.com/search/label/Net%20Neutrality>>. Время доступа — 19 августа 2011 г.).

<sup>57</sup> Levy S. In the Plex: How Google Thinks, Works, and Shapes Our Lives. L., N.Y.: Simon & Schuster, 2011; Vaidhyathan S. The Googlization of Everything (and Why We Should Worry). Berkeley, CA: University of California Press, 2011.

Google запустил множество продуктов (а некоторые приобрел) и создал деловые партнерства за пределами своего основного бизнеса — веб-поиска. Делая упор на будущее, в котором простой доступ к информации мог бы стать реальностью для всех пользователей столь различных областей, как телефония, газеты, видео, фильмы и телевидение, Google разработал Google Earth и усовершенствовал YouTube. Он предлагал заблаговременное оповещение о пробках на дорогах или ожидаемых встречах через Google Now; запустил приложение для видеочатов под названием Google Hangouts; разработал Google Glass, специальные очки, подключаемые к Интернету через Wi-Fi или Bluetooth. Как мы уже отмечали ранее, он начал создавать сетевую библиотеку. Также он выступил с новаторским проектом Google Translate, создал приложение для облегчения поиска Google Instant, мощное бесплатное почтовое приложение Gmail, сервис для обмена мгновенными сообщениями и, наконец, операционную систему для мобильных устройств Android. Компания ввела в строй Google News — сервис, у которого не было редакторов, шеф-редакторов или выпускающих редакторов. Компания начала заниматься мобильной телефонией (приобретя фирму Motorola в августе 2011 г.), запустила спутник, инвестировала в проекты возобновляемой энергии и собрала глобальную сеть созданных ею же серверных ферм, гигантских хранилищ информации, напоминающих ангары, оснащенные электрогенераторами, градирнями и емкостями для теплоаккумуляции.

Доля компании, обрабатывающей каждый день более 1 млрд поисковых запросов и около 25 петабайтов порождаемых пользователями данных, на рынке поиска в Интернете неимоверно выросла. На рынке США она быстро стала монополией (заяв около 65% рынка в 2010 г.), используя новаторские методы коммерциализации поиска информации через сложную форму так называемой контент-таргетированной рекламы. Google не только первым ввел алгоритмы, обеспечивающие пользователей важной, отвечающей — благодаря рейтингам популярности — их интересам и надежной информацией, но также изменил само определение информации, сделав из нее инструмент для коммерческого связывания пользователей сети и рекламодателей. Это была умная стратегия. Хотя у компании не было своего контента или физических сетей, она показывала пользователям

рекламные объявления, по которым они могли с определенной вероятностью кликнуть. В итоге к 2010 г. Google стал рекламной машиной, которая заработала на поисковой рекламе больше денег, чем весь газетный бизнес США.

Монопольное положение Google в поисковом бизнесе привело к обеспокоенности антитрестовых регуляторов, задумавшихся о доминировании компании на рынке, а также к острой общественной критике ее возможного негативного влияния. Некоторые аналитики указывали на то, что заявленной компанией приверженности демократическим добродетелям децентрализованной открытости противоречили корпоративные обычаи секретности. Например, посетители калифорнийской штаб-квартиры Google сталкивались с тем, что если они отказывались подписать соглашение о неразглашении, их допуск ограничивался. Существуют хорошо известные сложности в использовании алгоритмов Google для извлечения независимой информации о самой компании (например, сложно искать в самом Google, почему он запрещает определенные слова в своей функции мгновенного поиска). Столь же сложно выяснить детальную информацию о методах и объеме его интеллектуального анализа данных или о его расходах на политические компании. В начале 2013 г. шведские пользователи Google обнаружили даже, что компания, как сообщалось, подала формальную жалобу в Совет шведского языка на использование шведского слова «ogooglebar» (обозначающего информацию, которую невозможно найти в Интернете посредством поисковой машины). Другие обращали внимание на то, что Google некрасиво ведет себя в Китае (с 2004 г.), где ради бизнеса он готов следовать государственным правилам, допускающим произвольную цензуру. Смущенные критики приводят в пример то, как Google решает вопрос о статусе «страны рассветных гор», Аруначал-Прадеша — спорной территории, зажатой между Индией и Китаем, двумя крупными державами с ядерным оружием. Если вы живете в Индии, Google Maps показывает вам, что Аруначал-Прадеш — это часть Индии; но если вы живете в Китае, Google Maps показывает, что Аруначал-Прадеш — это определенно часть Китая. Другие критики порицали крен компании в сторону рекламы; ее убежденность в том, что рынки не могут сделать ничего плохого, также стала мишенью для резкой критики. Общественность, возмущенная чисто схоластически-

ми публичными заявлениями высокопоставленных представителей Google, начала бить тревогу, решив, что имеющиеся у компании технологии сбора и перераспределения информации угрожают свято чтимой неприкосновенности частной жизни и правам на интеллектуальную собственность<sup>58</sup>. Вопрос остается открытым, пусть даже Федеральная торговая комиссия США предписала компании ужесточить правила раскрытия пользовательской информации, по которым от пользователей теперь надо получать согласие на любую передачу данных третьей стороне, а также заставила ее согласиться на общественный мониторинг политики конфиденциальности компании в течение двадцатилетнего периода<sup>59</sup>.

### ПРИНЦИП МАЙНОТА

Захватив рыночную власть, такие крупные корпорации, как Google, спровоцировали ряд обвинений в свой адрес в тех или иных формах декадентского поведения. Наиболее жесткая, но, вероятно, наиболее известная формулировка такого обвинения гласит, что они являются заговорщиками, «фабрикующими согласие», — этот тезис предполагает, что корпорации вво-

<sup>58</sup> Обратите внимание на замечание Эрика Шмидта, председателя совета директоров Google: «Я и правда думаю, что большинство людей не хотят, чтобы Google отвечал на их вопросы. Они хотят, чтобы Google говорил им, что делать дальше» (Google and the Search for the Future // Wall Street Journal. 2010. 14 August. <<http://online.wsj.com/article/SB10001424052748704901104575423294099527212.html>>. Время доступа — 19 августа 2011 г.). В ответ на вопросы, касающиеся таких политик Google, как хранение «куки» с продолжительностью жизни более 30 лет, он заявил CNBC: «Если у вас есть что-то, что никто не должен знать, возможно, вам с самого начала не стоило пользоваться поиском. Если вы на самом деле нуждаетесь в такого рода праве на частную жизнь, все дело в том, что поисковые машины — включая Google — сохраняют эту информацию на какое-то время, и важно, к примеру, чтобы все мы в США подчинялись Закону о борьбе с терроризмом, так что в некоторых случаях вся информация может быть предоставлена властям» (Only Miscreants Worry about Net Privacy // The Register. 2009. 7 December. <[www.theregister.co.uk/2009/12/07/schmidt\\_on\\_privacy](http://www.theregister.co.uk/2009/12/07/schmidt_on_privacy)>. Время доступа — 19 августа 2011 г.).

<sup>59</sup> Agreement Containing Consent Order, File No. 102 3136 // United States of America Federal Trade Commission. <<http://www.ftc.gov/os/caselist/1023136/110330googlebuzzagreeorder.pdf>>. Время доступа — 16 августа 2011 г.

дят граждан в заблуждение, скрывают от них реальность их собственной беспомощности<sup>60</sup>. Эта позиция верно выводит на первый план символическую власть крупных медиафирм, их стремление определять публичную повестку, господствовать в оформлении и распространении публичных историй, создавать зоны общественного умолчания и даже лепить и искажать представления граждан о том, кто они есть и кем бы они могли стать. «Горстка мощных монопольных организаций денно и ночью заваливает население новостями, образами, публикациями, звуками. Это мир, в который теперь приходит каждый ребенок», — утверждает один знаток этого тренда, добавляя, что крупные корпоративные деньги стали материнским молоком современной политики. «Дорогостоящая политическая реклама на телевидении и массовые почтовые рассылки окупаются, а в силу самой природы богатства и политики деньги в основном поступают из консервативных источников»<sup>61</sup>.

Утверждается, что корпоративные медиа захватывают и пленяют общественную аудиторию. Некоторые критики забрасывают корпорации обвинениями, утверждая, что их продукты и операционные системы делают граждан «тупыми» или же вызывают «цифровое слабоумие», обусловленное «привыканием» к цифровым медиа, которые берут на себя функции человеческого мозга, разрушают и его, и нервные клетки, а в результате у людей — и молодых, и старых — развиваются такие симптомы, как расстройства чтения и внимания, тревога и апатия, бессонница и депрессия, ожирение и склонность к насилию<sup>62</sup>. Грубые и лишённые всяческой иронии версии тезиса об «управлении умами общественности» покоятся, как можно показать, на достаточно шатких основаниях. Они предполагают, не вдаваясь в дальнейшие рассуждения, что крупные фирмы определенно руководят продолжающейся революцией коммуникационного изобилия; что их медиапродукты тщательно продуманы и свободны от любых противоречий; что соперничество между конкурентами не создает свободного пространства, где можно

<sup>60</sup> *Herman E.S., Chomsky N. Manufacturing Consent: A Propaganda Model. N.Y.: Pantheon Books, 1988.*

<sup>61</sup> *Bagdikian B.H. The New Media Monopoly. Boston, MA: Beacon Press, 2004. P. xiii–xiv.*

<sup>62</sup> *Carr N. Is Google Making Us Stupid?; Spitzer M. Digitale Demenz.*

было бы поставить вопросы о негативных последствиях олигопольного контроля; наконец, что правительственные нормы и правовой надзор всегда приносят пользу исключительно новым медиавотчинам. Все это очень сильные и спорные с эмпирической точки зрения предположения, которым не удастся учесть динамику коммуникационного изобилия, изучаемую нами в этой книге. В равной мере подозрительно и безверие в граждан, демонстрируемое позицией, говорящей об управлении умами общественности. Граждане в такой трактовке признаются болванами, жертвами медийных манипуляций, воздействующих на процессы восприятия, не оставляющих им никакого пространства для саморазвития, вопросов или же герменевтического сопротивления, наконец, не дающих никакого шанса неожиданным политическим событиям и непредвиденным последствиям.

Проблемы, скрытые в различных интерпретациях управления умами, подталкивают к более тонкой критике олигопольной тенденции в современных медиарынках, в том числе утверждающей, что подобный тренд нарушает принцип разнообразия собственности, ставя под угрозу множественность источников информации и многообразие контента, которые в равной мере важны для функционирования демократических обществ. Такое плюралистическое возражение обычно опирается на норму — «информированного гражданина», сомнения относительно которого уже высказывались нами, однако у его сторонников есть все основания бить тревогу из-за политических угроз, связанных с концентрацией медиасобственности. Проблема безудержной рыночной конкуренции, согласно плюралистической критике, в том, что она ведет к концентрации собственности, которая в свою очередь сужает спектр источников и контента, доступных гражданам. «Концентрация собственности, — утверждает в докладе, подготовленном Европейской комиссией, — может привести к искажению общественных дискуссий, ввиду чего некоторые точки зрения будут исключены или недостаточно представлены». Также в нем добавляется: «Поскольку одни точки зрения оказываются хорошо представленными, тогда как другие вытесняются, возникает опасность злоупотребления политической властью при лоббировании сильных групп интересов, которые могут быть политическими, коммерческими или какими-либо

иными»<sup>63</sup>. Эту мысль можно перефразировать: олигополия приводит к рыночной цензуре мнений граждан и одновременно форм коммуникации, которые признаются невыгодными или не соответствующими рыночным интересам крупных фирм, как сами они их понимают. Согласно логике плюралистов, чем больше медиафирмы занимаются разнообразными «линейками продуктов», которые можно распространять через различные филиалы фирмы, тем больше возможность извлечь выгоду из соответствующей экономии от масштаба, так что в результате «невыгодные» или «нерыночные» мнения и высказывания просто вытесняются на обочину — в соответствии с тем, что можно было бы назвать принципом Майнота<sup>64</sup>.

### МЕДИАМАГНАТЫ

Есть и другая беда, которая пересекается с проблемой принципа Майнота и одновременно превосходит ее. Все больше данных, подтверждающих, что олигополия в области медиа возвращает политическое высокомерие, наглое и бесстыдное ощущение «естественного» пребывания на передовом рубеже всех общественно значимых открытий — умонастроение, которое (если ограничиться одним примером) продемонстрировал генераль-

<sup>63</sup> Media Pluralism in the Member States of the European Union // Commission of the European Communities. Brussels, 2007. P. 5.

<sup>64</sup> Принцип Майнота — правило, согласно которому крупные корпоративные медиа больше заинтересованы в экономии от масштаба, чем в публикации невыгодных точек зрения меньшинств, — назван так по локальной катастрофе в городе Майноте (Северная Дакота) в 2002 г., когда поезд, перевозивший высокотоксичные химические материалы, сошел с рельс, в результате чего пострадали 1600 человек, а один человек погиб. Ни одна из основных радиостанций города не сообщила о ходе поезда с рельс и процедурах эвакуации, в основном, потому, что на момент катастрофы они передавали в эфир новости, автоматически поставляемые собственником, компанией с двусмысленным в данном случае названием Clear Channel Communications («Коммуникации ясного канала»), чья корпоративная штаб-квартира была расположена в техасском Сан-Антонио. Более подробный анализ вопроса рыночной цензуры см. в: *Keane J. The Media and Democracy* (рус. пер.: *Кин Д. Средства массовой информации и демократия*); *Baker E.C. Media Concentration and Democracy: Why Ownership Matters*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2006; *Croteau D., Hoynes W. The Business of Media: Corporate Media and the Public Interest*. Thousand Oaks, CA; L.: Pine Forge Press, 2006.



ный директор News Corporation International Руперт Мердок, когда (в феврале 2011 г.) представил новое газетное приложение под названием «The Daily». «Новые времена требуют новой журналистики», — заявил он, объясняя, что новое мультимедийное издание, созданное специально под планшет iPad, на небольшой пробный период будет бесплатным, а затем читатели смогут пользоваться им только по подписке. «Устройства, которые современная инженерная мысль вручила нам, требуют новых услуг, придуманных и разработанных специально для них», — продолжил он. Он заявил, что газета позволит журналистам «полностью преобразить наше дело» и «заново вдохнуть жизнь в сбор новостей и их редактуру». Не стесняясь смелых фраз, Мердок рассказал о намерениях компании, которые выходят даже за пределы «немыслимых инноваций», предлагаемых «The Daily» издательскому миру. «Никакой бумаги, печатных станков и грузовиков, — объяснил он. — Мы очень уверены в финансировании... Мы считаем, что “The Daily” станет образцом того, как будут рассказываться и потребляться новости». Мердок обратил особое внимание на панорамные фотографии, интерактивную графику и «другие инновации, которые немыслимы в печати и на телевидении», а потом вкратце обозначил мерило успешности этого предприятия: «Когда мы будем продавать миллионы»<sup>65</sup>.

Эти речи просто сочлились нахальством, желанием перешагнуть через общепринятые границы, дерзким самомнением в сочетании с вызовом, беззастенчивой решимостью и надменностью, конкистадорским настроением, который завоевывает друзей и почитателей, а также, несомненно, порождает врагов. Слова Мердока были воплощением духа авантюризма и инновационности, которые определенно оказывают будоражащее воздействие в галактике коммуникационного изобилия. Внедрение News Corporation приложения «The Daily» вместе с принятым ранее решением взимать с сетевых читателей плату за ряд иных источников новостей, таких как «The Times», — небольшие, но красноречивые симптомы «ветров созидательного разрушения» (Шумпетер), которые время от времени проносятся по рыночным экономикам, вырывая с корнем ста-

<sup>65</sup> *Bilton R.* News Corp and Apple Unveil “The Daily” // IBTIMES.com. 2011. 2 February.

рые медиапривычки и обычные способы общения<sup>66</sup>. Корпоративными завоеваниями пристало восхищаться из-за их лихо-сти. Но также стоит проявлять и осторожность. Все демократы должны относиться к ним с подозрением. Повторим еще раз, дело не только в том, что частная собственность на средства коммуникации, принадлежащие крупным фирмам, блокирует порождаемые гражданами инновации и сужает плюрализм публикуемых мнений, вытесняя конкурентов и снижая стандарты профессиональных редакторов и журналистов, которые впоследствии оказываются под постоянным давлением, поскольку им надо максимально увеличить аудиторию («метиться из ружей туда, где самые жирные утки», как сказал мне однажды один журналист CNN). Быстрый рост гигантских медиафирм приводит к еще одному декадентскому следствию: он предоставляет им возможности «приватизировать» политику ради своей выгоды, подтасовывая, искажая и извращая правила представительного правления.

Искажение парламентской демократии крупными медиа-корпорациями часто рассматривается через тематику медиа-баронов. Аналитики и критики изображают их в виде протомонархов эпохи демократии, информационных воротил, которые обладают «властью, но не несут ответственности»<sup>67</sup>, так что благодаря своей медиапропаганде и методам дерганья за ниточки они превратились во влиятельных политических игроков, способных создавать и разрушать правительства. Об-

<sup>66</sup> Schumpeter J. *Capitalism, Socialism, and Democracy*. P. 82–83 «Капитализм по своей сути — это форма или метод экономических изменений, он никогда не бывает и не может быть стационарным состоянием... Основной импульс, который приводит капиталистический механизм в движение и поддерживает его на ходу, исходит от новых потребительских благ, новых методов производства и транспортировки товаров, новых рынков и новых форм экономической организации, которые создают капиталистические предприятия... Этот процесс “созидательного разрушения” является самой сущностью капитализма» (рус. пер.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. С. 126). Ср.: «“Дух информационализма” — это культура “созидательного разрушения”, ускоренного до скорости оптико-электронных схем, передающих ее сигналы. Шумпетер встречается с Вебером в киберпространстве сетевого предприятия» (*Castells M. The Rise of the Network Society*. 2nd ed. Oxford: Wiley Blackwell, 2000. P. 199).

<sup>67</sup> Curran J., Seaton J. *Power Without Responsibility: The Press, Broadcasting, and New Media in Britain*. 6th ed. Abingdon; N.Y.: Routledge, 2003.

раз медиамагната (или *tycoon*, от японского *taikun* — «большой господин») восходит к концу XIX — началу XX вв. В эти времена такие предприниматели, как англоирландец виконт Нортклифф (1865–1922), создали весьма прибыльное искусство скупки и объединения различных убыточных газет в издания с большими тиражами: например, лондонскую «Daily Mail», у которой в те времена был самый большой тираж в мире, называли «грошовой газетой за полгроша». Какое-то время Нортклифф руководил подразделением официальной пропаганды в британском правительстве, что, вероятно, стало весьма удачным символом огромного политического влияния новой формы таблоидной журналистики, которая специализировалась на том, что стала апеллировать к народным вкусам именно тогда, когда борьба за всеобщее избирательное право достигла критической точки.

Если мерить жадной политической власти, Руперт Мердок (р. 1931) представляется преемником Нортклиффа в эпоху коммуникационного изобилия — по крайней мере, так считают критики, которые в основном осмысляют декаданс медиа через тематику медиабаронов. Мердок — это медиаделец с сильным политическим влиянием. Хотя бывали моменты, когда он заявлял о том, что политика его не интересует («К черту политиков! Когда мы найдем тех, кто скажет правду хоть в какой-то одной стране? Не стоит и ждать!»<sup>68</sup> — таков был один из гневных твитов), большинство комментаторов относят его к числу наиболее могущественных политических фигур в мире. Многие восхищаются его деловыми талантами, особенно любовью к сделкам, заключаемым благодаря беспринципному напору и смелым техническим инновациям. С точки зрения некоторых представителей индустрии, Мердок в своих лучших качествах — это «человек, который боролся с самодовольством, корыстными интересами, статус-кво, некомпетентностью и убеждением, что вы не способны изменить мир»<sup>69</sup>. Некоторые из его ближайших друзей говорят о нем в превосходной степени, называя его «гро-

<sup>68</sup> @rupertmurdoch. 2012. 15 февраля. <<https://twitter.com/#!/rupert-murdoch/statuses/169598517856321536>>. Время доступа — 16 февраля 2012 г.

<sup>69</sup> Высказывание Ричарда Скотта, бывшего редактора «UK Daily Mirror»: *Stott R. Murdoch's World // The Guardian*. 2003. 11 October.

мадой», издателем «первоклассной журналистики» и руководителем «великой» телевизионной сети<sup>70</sup>.

В течение шести десятилетий Мердок, несомненно, использовал все свои навыки заключения сделок для превращения скромного семейного бизнеса, дневной газеты в Аделаиде и небольшого новостного ежедневника в пустынном шахтерском городке Брокен Хилл, в глобального медиаспрута, который включает Sky Italia, Fox News, Fox Movies, Dow Jones и «Wall Street Journal» в США; несколько наиболее известных в мире таблоидов; ежедневные издания Лондона; а также много других медийных и развлекательных активов по всему миру, в том числе Star TV, которая относится к наиболее крупным теле- и радиовещательным компаниям Азиатско-Тихоокеанского региона. Все эти приобретения стали плодами политического расчета. В первые годы коммуникационной революции Мердок взялся за политический статус-кво. Старая модель общественного широкого вещания оказалась в числе его самых важных мишеней. Самого себя он представлял сторонником свободных рынков и постоянно критиковал господствовавшие тогда способы государственного регулирования. Его стратегия вскоре привлекла всеобщее внимание в общественных дискуссиях, поскольку в ней использовались такие термины, как «государственная цензура», «индивидуальный выбор», «дерегулирование» и «рыночная конкуренция», — все они были направлены на критику базового сочетания государственных и частных систем коммуникации, действующего в границах территориальных государств, демократических и недемократических. Мердок, боец свободного рынка, настаивал на том, что люди «хотят контролировать свои медиа, а не контролироваться ими»; на этом основании Мердок предсказывал эпоху «демократической революции» и многоканальных коммуникаций, определяемых «свободой и выбором, а не регулированием и дефицитом»<sup>71</sup>.

<sup>70</sup> Бывший премьер-министр Австралии Джон Говард, цит. по: Clark A. Adding up Murdoch's Ledger // The Weekend Australian Financial Review. 2011. 5/6 March. P. 10.

<sup>71</sup> См. речь Руперта Мердока в Американском обществе редакторов газет (American Society of Newspaper Editors) 13 апреля 2005 г.; см. также: Murdoch R. Freedom in Broadcasting // MacTaggart Lecture, Edinburgh International Television Festival. Edinburgh, 1989. 25 August; cp.: Keane J. The

Исследователи указывали на то, что расчетливая защита Мердоком дерегулирования медиарынков с самого начала была лишь частью его стратегии<sup>72</sup>. За кулисами Мердок действовал по другим правилам, которые, несомненно, оказывали разлагающее влияние на практику демократической политики. Привычка политиков, президентов и премьер-министров расшаркиваться перед ним хорошо известна; если информация — это политическая валюта выборной демократии, тогда Мердока можно было бы считать монетным двором, где эту валюту чеканят. Он выступал в качестве медиаманата с удивительным талантом к манипулированию политиками и одновременно к удерживанию внимания больших масс людей.

Кости были брошены еще на первых этапах его карьеры, в его родной Австралии, сразу после таинственного исчезновения в середине декабря 1967 г. премьер-министра Гарольда Холта<sup>73</sup>. Моменты политического кризиса часто приоткрывают завесу над переплетением крупного медиабизнеса и государства, и этот момент тоже не был исключением. Предположительная смерть Холта (вследствие утопления) стала толчком для ожесточенной закулисной борьбы, которая велась за выбор его преемника. Она позволила Руперту Мердоку, в те времена еще молодому строителю медиаимперии, вступить в бой и сыграть ключевую роль в его исходе. За пять дней до выбора нового лидера Мердок согласился тайно встретиться с исполняющим обязанности премьер-министра «черным Джеком» Макивеном. По достаточно разным причинам оба они отдавали предпочтение кандидату из сената по имени Джон Гортон (Мердок правильно просчитал, что этот кандидат окажется более сговорчивым и пойдет ему навстречу, разрешив вывести капитал из Австралии, что было не-

Media and Democracy (рус. пер.: *Кин Д.* Средства массовой информации и демократия).

<sup>72</sup> *McKnight D.* Rupert Murdoch's News Corporation: A Media Institution with a Mission // *Historical Journal of Film, Radio & Television*. 2010. September. Vol. 30. P. 303–16; *McKnight D.* Rupert Murdoch: An Investigation of Political Power. Sydney: Allen & Unwin, 2012.

<sup>73</sup> Нижеследующий отрывок опирается на работы: *Reid A.* The Power Struggle. Sydney: Shakespeare Head Press, 1969. P. 67; *Munster G.J.* // *The Nation*. 1968. 20 January. P. 7–8; *Clarke P.* On a Roller Coaster with Maxwell Newton Publications // *Australian Media Traditions Conference*, Canberra, 2005. 24–25 November. <[www.canberra.edu.au/faculties/comm-international/amt/PDFs/AMT2005Clarke.pdf](http://www.canberra.edu.au/faculties/comm-international/amt/PDFs/AMT2005Clarke.pdf)>. Время доступа — 10 января 2011 г.

обходимо для покупок в Великобритании). Так что вместе они решили, что лучший способ достичь своих целей — это дискредитировать главного соперника Гортона Уильяма Макмахона, который водил близкое знакомство как с покойным премьер-министром, так и с бывшим сотрудником-журналистом Мердока Максом Ньютоном, издателем влиятельного инсайдерского вестника. Мердок атаковал Ньютона, публично обвинив его в том, что он является тайным агентом, получающим платежи от JETRO, японской торговой организации. За несколько дней до итоговых выборов нового премьер-министра в принадлежавшем Мердоку издании «Australian» вышла статья с грубым заголовком «Иностраный агент — среди наших руководителей», за которым следовало обвинение в том, что Ньютон был «активным и оплачиваемым представителем иностранных интересов». Этот грубый прием сработал. В обвинении факты были изрядно приукрашены, однако оно склонило чашу весов, на которых стояли правящие партии, в сторону Джона Гортона, который через три недели после исчезновения своего предшественника принес клятву при вступлении в должность премьер-министра.

### АБУ-ДАБИ

Вопреки критикам, которые раздувают представления о заговоре, завязанные на политическое влияние «медиабаронов», вульгарное личное вмешательство (как в случае выборов Гортона) не является типичным ни для действий крупных медиафирм, ни для методов работы с правительствами, свойственных Руперту Мердоку. Напротив, в их привычках — использовать политиков и воздействовать на правительства с близкого расстояния, но все же не в упор. Крупные медиафирмы не слишком заинтересованы в том, чтобы приспособить власть правительства под свои личные злокозненные нужды. Их главная забота — обезопасить уже сделанные инвестиции и защитить фланги, заполучив более крупные и более выгодные сделки. Вот почему, если они сочтут, что это в их интересах, то будут работать с любым правительством и охотно вступят с ним в соглашение, даже если такому правительству очень далеко до стандартов мониторинговой демократии.

Гораздо более тревожным явлением, чем личная власть медиамагнатов, представляется ставшее в наши дни весьма замет-

ным стремление медиакорпораций и правительств к слиянию и смешению, особенно в тех контекстах, где конституционное и политическое сопротивление объединению медийных организаций и политической власти оказывается слабым. Их союз поддерживается многими силами. Результативность политических программ и эффективность правительств зависят от надежного доступа к коммуникационным инфраструктурам, предоставляемого частными агентами. Крупные медиафирмы создают рабочие места и (ограниченные) налоговые поступления. Не следует недооценивать то, что они играют роль добрых фей, которые могут осыпать действующие в настоящий момент правительства волшебной пылью положительного медиаосвещения (или, если подходить с обратной стороны, досаждают им выпадами и преследованием, черными списками, злостной клеветой и другими видами медийного третирования). В то же время крупные медиафирмы зависят от защищающих их нормативных условий, создаваемых государством. Они любят налоговые льготы, надежные финансовые гавани, бизнес-парки и подачки в форме государственных контрактов. Совокупный эффект всех этих сил — не просто размывание или стирание границы между «государством» и «свободным рынком». Тут есть и более серьезные последствия для демократии: важные вопросы, имеющие отношение к собственности и контролю над средствами коммуникации и общественными решениями, перестают быть вопросами публичного обсуждения и публичных решений. В действительности, они выводятся из общественной повестки, решаются за закрытыми дверями, приватизируются. Создается возможность для существования мира по ту сторону мониторинговой демократии, которая нам известна, — ради удобства назовем его фантомной демократией.

Мысль о том, что революция, поддерживающая коммуникационное изобилие, могла бы привести к непредвиденному последствию, объединив государство и медиакорпорации в единую псевдодемократию, иногда понимается как мысль о возвращении к «фашизму» начала XX в., но такая трактовка совершенно упускает из виду принципиальную новизну наблюдаемого тренда. Смешение государства и медиакорпораций, их совместные программы, направленные на контроль коммуникационных потоков и осуществляющиеся на фоне постоянных разговоров о «народе», — это вовсе не повторение 1920–1930-х годов, когда

можно было наблюдать кристаллизацию фашистской и большевистской моделей контролируемых государством широкоэшелонных медиа, работавших на ограниченном числе эфирных частот и нацеленных на вертикальную сакрализацию власти. Приход фантомной демократии осуществляется в условиях неограниченного эфирными частотами коммуникационного избытия. Сегодня манипуляции бизнеса и государства являются более тонкими и сложными, а потому кажутся более «демократическими», чем тяжеловесные политические методы начала XX в. Прошли те дни, когда миллионы бормочущих и сбившихся в массы людей можно было пленить умело отредактированной газетой, выступлениями на радио или в кино демагогов от шоу-бизнеса, одетых то в парадный костюм, то в военную униформу, то в облегающие костюмы всадников, а иногда выступавших и по пояс голыми, поскольку они помогали разгоряченным земледельцам в сборе урожая (фирменный номер Муссолини). Миллионы больше не готовы превозносить кого бы то ни было, слившись в единстве, они не идут строем по сцене, построенной для прославления героев, отправления культа павших, празднования национальных праздников, юбилеев, революционных триумфов и чествования воодушевляющих свершений Вождя<sup>74</sup>. Псевдodemократические тренды в эпоху коммуникационного избытия не требуют политических культов или ожесточенной борьбы за признание и освобождение Народа. Сегодняшние лидеры, и Сильвио Берлускони — один из них, на словах, конечно, воздают «народу» хвалу, однако реальные граждане из плоти и крови должны оставаться в тени и взаперти — в кругу работы, семейной жизни, потребления и частных форм самовозвеличивания<sup>75</sup>.

Но что именно следует из этого крена к фантомной демократии? Рассмотрим пример Абу-Даби, космополитического мегаполиса, который, с одной стороны, представляется ярким символом магнетического притяжения, существующего между государством и крупными медиафирмами, а с другой — сце-

<sup>74</sup> *Gentile E.* The Sacralization of Politics in Fascist Italy. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996.

<sup>75</sup> *Mancini P.* Between Commodification and Lifestyle Politics: Does Silvio Berlusconi Provide a New Model of Politics for the Twenty-first Century? Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, 2011.



ной для передовых экспериментов в сфере коммуникационного изобилия<sup>76</sup>. Столица Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), крупнейший из семи полуавтономных городов-государств этой страны и на данный момент богатейший город в мире, Абу-Даби (или, по крайней мере, правящая им семья эмира) использовал все рычаги, чтобы изменить свою репутацию — превратиться из одного из крупнейших мировых производителей нефти в новый высотный Голливуд эпохи коммуникационного изобилия. Абу-Даби, в котором располагаются штаб-квартира компании Etihad Airways и государственные мечети и где проживает почти миллион человек, включая богатый средний класс и подавляющее большинство не состоящих в профсоюзах сотрудников, часто работающих в плохих условиях, — это город, превратившийся в гавань для глобальных медиаконгломератов. Он стремится стать главным звеном в глобальном медиапроизводстве и одновременно каналом поставок, «объединяющим мир». Огромные газовые и нефтяные доходы, а также средства суверенного фонда (крупнейшего в мире) были закачаны в Abu Dhabi Media — государственную группу, которая владеет и управляет многими национальными медиакомпаниями, в том числе первой в мире оптоволоконной домашней сетью (ФТНН), операторами мобильной связи, газетами, теле- и радиостанциями, среди которых одна занимается чтением в эфире Корана. У Abu Dhabi Media партнерские отношения с Fox International Channels, подразделением News International, также у нее есть контракты на программы на арабском языке с такими гигантами, как National Geographic и Comedy Central. Кроме того, в Abu Dhabi Media входит Imagenation — организация, занимающаяся производством художественных фильмов. Создаваемый офисный парк, выполненный в виде свободной зоны и названный twofour54 (по географическим координатам города), служит местом дислокации для иностранных новостных агентств, включая CNN, которая выпускает ежедневную новостную передачу для своего глобального канала. Twofour54 может похвастаться самыми передовыми производственными технологиями, а также венчур-

<sup>76</sup> См. детали этой истории в кн.: Davidson C.M. The United Arab Emirates: Economy First, Politics Second // Political Liberalization in the Persian Gulf / J. Teitelbaum (ed.). N.Y.; L.: Columbia University Press, 2009. P. 223–248.

ными капиталистами, которые вкладываются в многообещающие арабоязычные стартапы; также в этом парке расположена первоклассная медиаакадемия, которая предлагает короткие профессиональные курсы для талантливой молодежи из сферы медиа.

Для потребителей культуры здесь есть государственный Выставочный центр Абу-Даби (Abu Dhabi Exhibition Center); Гран-при Абу-Даби (Abu Dhabi Grand Prix); Общество классической музыки Абу-Даби (Abu Dhabi Classical Music Society), у которого немало верных и заметных поклонников; Культурный фонд Абу-Даби (Abu Dhabi Cultural Foundation), занятый охраной и рекламой «искусства и культуры города». Для правящей власти стратегически важное значение имеет государственная маркетинговая и развлекательная организация под названием Flash Entertainment. «Мы просто делаем людей счастливыми» — вот лозунг, используемый этой организацией для рекламы таких знаменитостей, как Бейонсе, Кристина Агиллера, Джордж Майкл и Aerosmith. Неудобные вопросы о том, действительно ли граждане и неграждане ОАЭ счастливы и в какой именно степени, могут ли они либо представляющие их журналисты совершенно свободно бороться со своим несчастьем, остаются без ответа. Немалому числу экспатов просто наплевать на ответы<sup>77</sup>. Все дело в том, что Абу-Даби — это новый Голливуд без старой Калифорнии. Поскольку он управляется главными членами правящего семейства, открытый публичный мониторинг власти упразднен. Граждане стали «рантье», бенефициарами гарантированных государством рабочих мест, выплат и других форм не облагаемого налогами дохода и богатства. Свободные и честные выборы — это какой-то пережиток былых времен. «Демократия не имеет политического смысла», — заявляют в частных разговорах местные принцы-правители. Еще они говорят, что она приводит к нежелательным социальным размежеваниям,

<sup>77</sup> Этот момент отмечается в длинной статье Йохана Хари «Темная сторона Дубаи» (*Hari J. The Dark Side of Dubai // The Independent. 2009. 7 April*): «Когда я спрашиваю британских экспатов, как им живется в стране без демократии, реакция всегда одна и та же. Сначала они вроде бы смущаются, но потом делают вид, что обижены: “Это же арабы!”, — крикнул мне в ответ один парень из Эссекса, пытаясь приставить пару шутовских рожок к своей голове, одновременно наливая пиво в рот своему приятелю, который лежал навзничь на полу и корчил рожи».

поэтому они уделяют самое пристальное внимание блокированию сотен веб-сайтов, которые признаны общественно опасными, и постоянному удалению из местных медиаинфраструктур порнографии и кощунственных комментариев о ниспосланном Богом благородном роде правящего семейства.

## МЕДИАКРАТИЯ

Олигархия Абу-Даби, поддерживаемая медиа, — не просто отдельное отклонение. В самых разных частях света можно найти похожие примеры, включая авторитарные государства с действующими рынками, такие как Иран, Сингапур и Россия<sup>78</sup>. Если внимательно рассмотреть все эти случаи, с должным уважением к их различающимся историям и траекториям, выяснится, что Абу-Даби — это не просто исключительный пример государственной власти, которая при поддержке медиа может в эпоху коммуникационного изобилия обойтись без демократии. Он выступает эмблемой политического декаданса, знаком, предупреждающим о более «мягком» и гибком типе неподотчетной олигархии, которая по разным причинам пустила корни в разных странах с мониторинговой демократией, т.е. о «медиакратии» как таком способе правлении, который опирается на сеть тайных связей с медиакомпаниями, высокопоставленными журналистами, лоббистами, консультантами и пиар-фирмами.

Новый термин «медиакратия» — не просто забавное словцо<sup>79</sup>. Он направляет критику на скрытый мир, о котором обычно не рассказывают журналисты и не говорят политики, который общественность не может увидеть невооруженным глазом. Слово

<sup>78</sup> См. анализ различных вариантов авторитарной политики, значительно опирающейся в этих государствах на медиа, в работах: *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Haven: Yale University Press, 2005; *George Ch. Singapore: The Air-conditioned Nation: Essays on the Politics of Comfort and Control, 1990–2000*. Singapore: Landmark Books, 2000; *Raz Sh. Behind the Virtual Chador: Iran through Iranian Cyberspace*. Amsterdam, 2010.

<sup>79</sup> Этот неологизм был придумал американским экспертом и бывшим стратегом республиканской партии Кевином Филлипсом: *Phillips K. Mediocracy: American Parties and Politics in the Communications Age*. N.Y.: Garden City, 1974. Я также опираюсь на работу Стивена Шира: *Schier S. By Invitation Only: The Rise of Exclusive Politics in the United States*. Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press, 2000.

проясняет тот факт, что наступила эпоха организованной политической фабрикации и что все избранные народом правительства сегодня заняты изощренной борьбой за умы избирателей, которая ведется за счет манипуляции образами при поддержке аккредитованных журналистов и других кураторов по связям с общественностью. Медиакратия — это новая форма политической олигархии, вертикальной власти, которая в существенной мере опирается на медиа, особенно прессу, радио и телевидение, т.е. это новый метод правления за счет невидимых сетей теневых контактов и закрытых информационных каналов. В Британии и в США, как и в новых демократических странах Центральной и Восточной Европы, в Индии и Японии, методы тайного управления медиа, завязанные на манипуляции, агрессивно сенсационные, краткосрочные рекламные циклы стали обычным делом в политике высокого уровня. В каждом из этих случаев правительства, которые могут придерживаться самых разных политических позиций, ежедневно выходят на публику, прикрываясь безупречными символами, которые предъявляются обществу в виде сообщений, содержащих вроде бы только логические истины, честные заявления, надежные выводы и расчеты, нацеленные на сглаживание противоречий. Смещение к медиакратии — это просто политическая тенденция; однако имеются признаки того, что ее влияние распространяется все глубже и глубже, проникая в укромные уголки повседневности. Используя новые медийные алгоритмы, позаимствованные из мира розничного бизнеса и у компаний, выпускающих кредитные карты, и правительства, и их оппоненты кормятся, подобно паразитам, на доступе к информации о личной жизни граждан<sup>80</sup>. Во время избирательного сезона руководители партийных кампаний особенно заинтересованы в покупке баз данных у частных фирм (как это было во время президентской кампании 2012 г. в США); в сборе демографических данных при помощи загрузки на компьютеры избирателей особых программ — «куки»; а также в том, чтобы сторонники партии предоставляли доступ на свои страницы в Facebook и других социальных сетях. С приближением дня вы-

<sup>80</sup> *Nickerson D.W.* Is Voting Contagious? Evidence from Two Field Experiments // *American Political Science Review*. 2008. Vol. 102. P. 49–57; *Duhigg C.* Campaigns Mine Personal Lives to Get Out Vote // *New York Times*. 2012. 13 October.

боров приобретенные таким образом данные используются для отслеживания потенциальных избирателей — например, через истории их покупок, уровень интереса к спорту или азартным играм, предпочтения при знакомстве с противоположным полом и финансовые проблемы. Мобилизуя друзей друзей, соседей или давних коллег по работе, работники компаний закидывают их сообщениями, заставляя избирателей обратить внимание на их кандидата и ненавязчиво подталкивая их проголосовать: например, спрашивая, как именно они будут добираться до избирательного участка — пешком или на машине, в котором часу будут голосовать и что собираются делать после.

Конечно, технологии и тактики «микроубеждения», используемые демократически избранными правительствами, никогда не достигают своего оруэлловского потенциала. Силы, толкающие общества, насыщенные медиа, в сторону медиакратии, — это просто тренды. Случаются разные вещи, иногда закипают споры, избиратели принимают непредсказуемые решения, вспыхивают драматические скандалы, министры и целые правительства иногда вынуждены подавать в отставку. Есть много противодействующих сил вроде тех, что подробно описаны в первой половине этой книги. Поражает сложность медиакратии, сама ставшая предметом спора, и ее незавершенность; однако не менее впечатляет и ее внутренняя связь с мониторинговой демократией. В отличие от случая Абу-Даби, где нет мониторинговой демократии, медиакратия как новый вид коварной власти напоминает аутоиммунное заболевание процветающих мониторинговых демократий. Все выглядит так, как если бы их динамика высвобождала новую форму медийной олигархии, которая мобилизует инструменты и методы коммуникационного изобилия, направляя их против самого этого изобилия. Весь этот процесс невозможно описать через упрощающие ситуацию термины — «раскрутка», «пропаганда», «манипулирование» избранными правительствами, осуществляемое якобы «большими деньгами» или «большим бизнесом». Динамика медиакратии сложнее: если говорить в терминах власти, она является результирующей многомерных сил, действующих и внутри, и вне государства. Уже по этой причине она требует нового мышления и невиданного аналитического аппарата.

Здесь мы должны скрестить мечи с теми уважаемыми авторами, которые считают, что коммуникационное изобилие в

общем и целом является двигателем и хранителем мониторинговой демократии. «Поскольку Интернет учится обходить препятствия, доступа к Интернету будет все больше и больше» — вот одна из версий подобной аргументации, на этот раз защищаемая Эваном Уильямсом, создателем термина «блог», основателем различных интернет-компаний, в том числе Pura Labs, создателем и генеральным директором Twitter. «Если вы не сможете получить его от телефонной компании, вы получите его с неба, и заблокировать его будет все сложнее и сложнее. С моей точки зрения, это неизбежно»<sup>81</sup>. Исследователи медиа часто молчаливо соглашались с этим тезисом. Хотя в их работе, естественно, на первое место выдвигаются структурные перекосы рыночных медиа, т.е. привилегии рекламы, пакетированные новости, дешевые сенсационные развлечения, взгляды знаменитостей, слишком часто в их исследованиях демократии предполагается, что *утаивания той или иной информации, организованного правительствами при поддержке медиа*, не бывает, если только не брать крайние формы «автократии», где медиа «работают в качестве эффективной пропагандистской машины», а журналисты «считают, что их главная задача — играть роль “дрессированных собак”, выступающих лояльными глашатаями государственных властей»<sup>82</sup>.

Эмпирические тренды выглядят иначе. Используя разные инструменты, как грубые, так и изощренные, правительства учатся взламывать систему коммуникационного изобилия. Рассмотрим в качестве примера британские правительства, возглавляемые в течение десятилетия (1997–2007) Тони Блэром. В своей широко разрекламированной прощальной речи в «Reuters» Блэр использовал метафору «хищного зверя» — так он называл медиа, порицая журналистов за их агрессию и разлагающее воздействие на публичную жизнь<sup>83</sup>. Он обвинил медиа

<sup>81</sup> International Herald Tribune (Paris), 2009. 17 December.

<sup>82</sup> Norris P., Odugbemi S. Evaluating Media Performance // Public Sentinel: News Media and Governance Reform / P. Norris (ed.). Washington, DC: World Bank Group, 2010. P. 14. Альтернативная точка зрения развивается в работе: Bennett W.L., Lawrence R.G., Livingston S. When the Press Fails: Political Power and the News Media from Iraq to Katrina. Chicago; L.: Chicago University Press, 2008.

<sup>83</sup> Tony Blair's "Media" Speech: The Prime Minister's Reuters Speech on Public Life // Political Quarterly. 2007. October/December. Vol. 78. No. 4. P. 476–487.

в том, что они заняты стайной охотой, что они забыли основополагающее различие между «мнением» и «фактом», что они всё превращают в сенсацию. Блэр подчеркнул, что теперь во всем мире правительства работают в ситуации осады, устроенной чрезмерно «назойливыми» и падкими на кровь медиа. «Когда я участвовал в выборах 1997 г., — сказал Блэр, — мы брали по одной проблеме в день. В 2005 г. мы должны были решать одну проблему с утра, другую — после обеда, а к вечеру повестка уже уходила вперед. Вы должны отвечать на сообщения еще и в реальном времени». К этому он добавил: «Часто проблема не только в том, чтобы собрать факты, но и в том, чтобы предоставить их. Достаточно одной ошибки, и драма превратится в кризис. В 1960-х годах правительство могло позволить кабинету обсуждать тот или иной серьезный вопрос по два дня. Сегодня это был бы абсурд — думать, что вы можете так поступить и небеса не свалятся на вас еще до обеда первого дня. За считанные минуты все становится хуже. Я имею в виду, что вы не можете потратить на произвольные размышления более одного мгновения». Как заметил Блэр, все это плохо для демократии, вот почему, если следовать его выводу, правительствам приходится облачаться в броню: «Не иметь сегодня надежного пресс-обеспечения — это все равно, что требовать от отбивающего, чтобы он играл без перчаток и шлема»<sup>84</sup>.

Г-н Блэр, несомненно, был прав, поскольку, как мы уже говорили ранее, все важные политические игроки в эпоху коммуникационного изобилия могут ожидать нападков со стороны медиа. Однако в его диагнозе есть одна проблема — он скрывает то, что все демократически избранные правительства сегодня только и делают, что стараются заранее укрепить свои фланги посредством техник утаивания. Правительства — не просто жертвы коммуникационного изобилия, как предположил Блэр. Они участники медийной игры, дезинформации и утаивания, это протагонисты темных искусств, позволяющих колонизировать влиятельные медиа, активные участники «эпохи махинаций»<sup>85</sup>.

<sup>84</sup> Ibid. P. 477–478.

<sup>85</sup> Boorstin D. *The Image: or What Happened to the American Dream*. N.Y.: Atheneum, 1962; ср. с описанием медийных эффектов администрации Клинтона: Kurtz H. *Spin Cycle: Inside the Clinton Propaganda Machine*. N.Y.: Free Press, 1998.

Эту мысль можно выразить иначе: демократически избранные правительства виновны в преступном утаивании. Это может показаться слишком жестким заявлением, однако нельзя недооценивать значение утаивания в современной политике. Оно возвращает нас к временам Макиавелли, Гвиччардини и других советников европейских правителей раннего Нового времени, когда строители государств хорошо понимали, что нужно постоянно скрывать свои следы, особенно при взаимодействии с настороженными противниками. С точки зрения этих советников, утаивание было психологическим искусством, способностью познать как чужие умы, так и свой собственный, возможностью свободно двигаться между двумя этими царствами и в конечном счете, умением в делах с другими одновременно «присутствовать» и «отсутствовать»: например, когда убеждаешь их в разговоре, что действительно имеешь в виду то, что сказал, хотя на самом деле все как раз наоборот.

Типичен совет Макиавелли по «искусству государства, искусству сохранения и усиления власти государя». Он был уверен в том, что осторожность и утаивание — схожие искусства. Секрет власти в способности применять ее тайно. Самые умные правители — те, кому известно искусство сокрытия своего ума. Конечно, правители и их сторонники должны действовать как сильные львы, причем открыто, поскольку весь смысл угрозы (применения силы) в том, что она должна быть заявлена открыто, иначе невозможно будет достичь максимального эффекта. Но одна только сила не может гарантировать власти государства над его подданными и клиентами. Правители должны быть еще и лисами. Государство должно быть театром хитроумия (*astuzia*), в котором государь выступает в качестве пленяющего всех главного героя. «Всегда в выигрыше оказывался тот, кто имел лисью натуру, — писал Макиавелли. — Однако натуру эту надо еще уметь прикрыть, надо быть изрядным обманщиком и лицемером». К этому он добавляет: «Люди же так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдет того, кто даст себя одурачить»<sup>86</sup>.

<sup>86</sup> *Machiavelli N. Il Principe // Le grandi opera politiche. Vol. 1 / G.M. Anselmi, C. Varotti (eds). Turin: Bollati Boringhieri, 1992, P. 102–103 (рус. пер.: Макиавелли Н. Избр. соч. М.: Художественная литература, 1982. С. 351–352).*



Хотя это было написано пять веков назад, во времена глубоких потрясений, вызванных религиозным конфликтом и разнужданным политическим насилием, идеи Макиавелли сохраняют значение и поныне, выступая в роли отрезвляющего контраргумента к слишком большим надеждам и ожиданиям. Потребность в этой трезвости подтверждается активным участием демократических правительств в бизнесе, связанном с манипулированием иллюзиями. Автобиография Блэра содержит красноречивые примеры хитрых тактик управления медиа, применявшихся его правительством. Например, в последний вечер второго тысячелетия, когда пышные празднества, устроенные британским правительством, не особенно клеились, Блэр, как он сам вспоминает, с ужасом обнаружил, что группа высокопоставленных журналистов, приглашенных на полуночное празднование в «Купол тысячелетия», застряла на станции лондонского метро, битком забитой новогодними гуляками. Блэр рассказывает, как он схватил за лацканы главного министра, своего старого друга и в прошлом соседа по комнате, лорда «Чарли» Фолконера и сказал: «Ради Бога, скажи мне, что ты не заставил журналистов ехать на метро из Стрэтфорда, как обычных пассажиров». Лорд Фолконер ответил: «Ну, мы думали, что так будет демократично». Блэр ответил: «Демократично? Какой дурак это придумал? Это же медиа, ради всего святого. Они пишут о людях, но не хотят, чтобы с ними обращались, как с обычными людьми». Фолконер: «Ладно, что же мне надо было сделать, подать им лимузин?» Блэр прогремел в ответ: «Да, Чарли, с мальчиком или девочкой — на их выбор, и с шампанским — сколько они только смогут выпить»<sup>87</sup>.

Увеселения с шампанским были лишь одним из множества орудий в арсенале правительства Блэра. Он и его правительство считали, что вывели искусство утаивания на новый уровень. Они подстраивали события — всегда для того, чтобы в газетах о них написали на первых полосах, а пресса дала положительный отклик. Ходили слухи, что бывали специальные репетиции, на которых разыгрывалось, что говорить и что не говорить ожидаю-

<sup>87</sup> Blair T. A Journey. L.: Arrow, 2010. P. 260. Изначальная одержимость его правительств имиджем, стилем и новизной описана с инсайдерской точки зрения в работе: Bayley S. Labour Camp: The Failure of Style over Substance. L.: B.T. Batsford Ltd., 1998.

шим журналистам; частные звонки поздно ночью и рано утром; встречи за завтраком со спонсорами, друзьями правительства и занудами из экспертных центров; приглашения знаменитостей, которых зазывали на круизное судно правительства. Плохие медиаматериалы, которые дожидались публикации, блокировались за кулисами при помощи убеждений, сделок и угроз. Существовала и тактика «слива» на исключительных условиях («вы можете это взять, но только если поставите материал на первую полосу»). Когда возникали неприятные истории, на сцену выводились подставные фигуры. Также практиковалось искусство публикации плохих новостей в насыщенные дни (на языке журналистов это называлось «избавиться от тела»). Правительство Блэра порой все отрицало. С каменными лицами его представители лгали (самая большая ложь связана с мнимым обнаружением чрезвычайно опасных вооружений). В каждом из случаев некоторые небезынтересные записи подтверждают то, что Блэр и его правительство отлично знали, чем занимались. Алистер Кэмпбелл, главный тактик Блэра, регулярно практиковался в искусстве обмана, причем с немалой хитростью и остроумием. Его заместитель (Ланс Прайс) вспоминает, как Кэмпбелл, желая проверить обстановку, специально сказал журналисту из «News of the World», что Блэр остановился на восьмом этаже отеля, в котором на самом деле было только шесть этажей (журналист не позаботился проверить эту информацию). Также Кэмпбелл однажды пошел на концерт Бритни Спирс и даже умудрился заполучить ее автограф, а потом поспорил с кем-то, что может забросить в «Evening Standard» сенсационную статью о том, что она поддерживает лейбористов. Он выиграл пари в тот же день.

Все эти истории тривиальны, однако они позволяют увидеть более обширную картину, из которой неизбежно рождается вопрос: как именно правительствам, скрывающим информацию, удастся добиться своих целей в мире коммуникационного изобилия? Теории заговора тут не помогут. Ближе к истине функционалистские объяснения. Такое объяснение предполагает, что в любой стране с представительной демократией политика официально осуществляется в трехсторонних отношениях граждан, избранных представителей и журналистов. Различные группы игроков складываются в своеобразный «треугольник»: они пересекаются друг с другом и зависят друг от друга. В учеб-

никах по журналистике и государственному управлению обычно рекомендуется заключать такие союзы профессиональных журналистов, избранных политиков и правительств только в случае взаимной нужды, чтобы в них сохранялось вежливое и в то же время дистанцированное отношение друг к другу. Однако неприятная истина в том, что каждая сторона функционально сильно зависит от другой.

Гражданская аудитория требует и ожидает сближения журналистов с политиками и правительственными чиновниками, чтобы можно было сравнить их слова с делами, понять, когда они говорят ерунду, и оценить их лидерские качества. С другой стороны, политикам нужны журналисты, чтобы распространять свои сообщения среди граждан. Политики считают абсолютно необходимым воспитывать «навыки медийного управления» (любимая фраза главного медийщика Тони Блэра Алистера Кэмпбелла), хотя бы уже потому, что журналисты — жизненно важные передатчики и переводчики их слов и деяний для гражданской аудитории. Журналисты привлекают и удерживают внимание занятых граждан, помогая им понять, что именно говорят и делают политики. Они, разумеется, могут оказать политикам большую услугу, помогая убеждать граждан в том, что их представители прекрасно справляются со своей работой, порой (например, во время политического медового месяца) убаюкивая граждан колыбельными, пока те бредут по своей повседневной жизни, как политические лунатики. Есть еще одна причина, по которой политикам приходится учиться сотрудничать с журналистами: у журналистов есть право вето. Они могут работать в качестве общественных средств раннего предупреждения и даже в качестве триггеров политических скандалов, способных сместить отдельных представителей правительства или даже уничтожить его целиком.

В другой точке медийно-политического треугольника журналистам нужен прямой доступ к правительствам и политикам — по репутационным и карьерным причинам. Сенсации, срочные новости и передовые статьи — все это совершенно необходимо для анкеты заслуженного или быстро растущего журналиста. Однако журналистам политики и правительственные чиновники нужны еще и по другим причинам, в том числе из-за материала, который всегда необходим для заполнения места и вставки программ в образовавшиеся дыры. Тактика постоян-

ных «анонсов», особенно тех, что подкрепляют впечатление близкого знакомства с работой правительства, но при этом не обижают важных людей, становится чем-то вроде руководящего императива — метода, который, как однажды указал один опытный экс-политик<sup>88</sup>, обычно хорошо усваивается жадными до новостей журналистами, поскольку он позволяет заполнять пробелы, затыкать прорехи и доставать материалы, привлекающие внимание общественности.

По причинам, которые хорошо описаны опытными и достигшими определенных высот журналистами, жажда материалов может обернуться проклятием для их профессии. Она приводит к послушной, мелкотравчатой, банальной журналистике, рассказывающей о том, кто что, кому, когда и почему сказал. Для понимания этого феномена необходимо отказаться от образа медиа как «хищного зверя» и от разговоров о правительственной «раскрутке». Дело в том, что они тоже вводят в заблуждение: ни этот образ, ни эти разговоры не отражают в должной мере послушность обычной журналистики, молчаливый сговор, охватывающий всю «вертикаль», встроенность в тренд государственного медиауправления. В книге «Новости плоской земли» («Flat Earth News») заслуженного английского журналиста Нива Дэвиса дается убедительная картина истоков этой динамики, изображенная непосредственным участником описываемых процессов<sup>89</sup>. Дэвис осознает, что в эпоху коммуникационного изобилия широкое распространение получают жалобы на поведение мейнстримных медиа и, в частности, профессиональных журналистов — упреки, указывающие на то, что репутация журналистов основана на раздувании отдельных событий и перевернутых историях. Он подчеркивает, что есть много прилежно работающих, честных, соблюдающих правила этики профессиональных журналистов; однако он отмечает, что многим профессиональным журналистам больше верит та публика, которая обычно не следит за журналистами. Он соглашается и с другой неприятной истиной: доля журналистов, которые верят в способность граждан принимать правильные решения, заметно падает (так он эвфемистически обозначает тот факт, что профессиональные репортеры и редакторы считают

<sup>88</sup> *Tanner L. Sideshow: Dumbing Down Democracy. Camberwell: Scribe, 2011.*

<sup>89</sup> *Davies N. Flat Earth News. L.: Chatto & Windus, 2008.*

свою аудиторию глупой и легковерной). Причины такого неуважения неясны, хотя его можно истолковать как «расплату», обратную реакцию на широко распространенные стенания граждан по поводу поведения профессиональных журналистов.

Такие стенания могут оказывать положительное воздействие на мониторинговую демократию, например, обостряя самосознание граждан и поддерживая здоровый скептицизм в отношении власти, а также произвола профессиональных журналистов, способных определять и интерпретировать наш мир<sup>90</sup>. Тем не менее такие стенания оказывают и негативное воздействие. Журналисты, которых судят по низким рейтингам популярности, стремятся подкрепить свои репутации, для чего им приходится опираться на политиков, риэлтеров, продавцов автомобилей или банкиров. Однако проблема еще серьезнее: как показывает Дэвис, жалобы в действительности являются симптомом более глубокой проблемы. По причинам, которые имеют отношение к рыночному давлению, потере рабочих мест и вертикальному менеджерскому контролю, журналисты, как он пространно объясняет, больше не работают «вне повестки», т.е. над собственными проектами. У большинства нет времени на то, чтобы исследовать мир и находить свои собственные истории или же тщательно проверять материал, которым они занимаются. Их собственный опыт учит тому, что практически невозможно даже пытаться быть первоисточником журналистом (американский медиакритик и журналист Бен Багдикян как-то заметил, что стараться быть хорошим журналистом в средней американской газете — это все равно, что пытаться сыграть «Страсти по Матфею» Баха на гавайской гитаре). В результате многие журналисты становятся безразличными к своему делу или попросту ленивыми. Они «впаривают» заранее подготовленную информацию, передаваемую им правительствами, фирмами и индустрией пиара. Журналистика производит «дурналистику»\*. Вспомним красочное описание Рупертом Мердоком современных трендов, рассматриваемых сквозь розовые очки его News Corporation: «Больше новостей;

<sup>90</sup> Schudson M. Why Democracies Need an Unlovable Press. Cambridge; Malden, MA: Polity Press, 2008.

\* Имеется в виду *churnalism* — журналистика, которая не создает собственного контента, а работает на основе пресс-релизов, сторонних информационных сообщений и т.п. — *Примеч. пер.*

больше визуально привлекательных новостей и рекламных продуктов; больше глубоких репортажей»<sup>91</sup>. Реальность выглядит иначе: по крайней мере, так говорит Дэвис, не теряющий симпатии к своей подвергнувшейся эксплуатации профессии. Подобно человеческому телу без правильно работающей иммунной системы, профессиональная журналистика, действующая в таких тяжелых условиях, производит множество искаженных новостей или псевдоновостей — кучу того, что он называет «новостями плоской земли». Мы могли бы добавить: «дурналистика» не производит земных новостей, тех историй, которые могли бы стать важными, но к которым журналисты просто не проявляют интереса или не сообщают о них. Такие сложные темы, как глобальный рост бедности, торговля оружием, теневое банковское дело и кредитный сектор, почти не представлены в репортажах, в основном потому, что их верное освещение требует профессионального терпения и хорошо финансируемого глубокого исследования.

#### КУРАТОРЫ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Повторим еще раз: не существует «железного закона» медиакратии. Описываемые здесь в функционалистских терминах тренды нужно понимать, но нельзя их переоценивать. Развиваются ли и в какой именно мере тесные связи между высокопоставленными журналистами и действующими правительствами, в значительной степени зависит от динамики ситуации, которая (что очевидно) в разных условиях бывает разной. Существуют муниципалитеты, регионы и страны, где две эти стороны практически слились в одну, например, в японской системе прессклубов (*kisha kurabu*) — общенациональной сети из 800 ассоциаций журналистов, которые в качестве членов эксклюзивных клубов располагают привилегированным доступом не только к политикам, но и к правительственным министрам, политическим партиям, фирмам, токийской фондовой бирже и даже к императорскому двору<sup>92</sup>.

<sup>91</sup> Речь Руперта Мердока в «Американском обществе редакторов газет» (American Society of Newspaper Editors), 13 апреля 2005 г.

<sup>92</sup> См. следующие работы: *Feldman O. Politics and the News Media in Japan*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1993; *Feldman O. Talking Politics in Japan Today*. Brighton: Sussex Academic Press, 2005;

Эта клубная система, восходящая к 1890-м годам (когда журналисты, чтобы можно было общаться с парламентом, сформировали первые клубы), недавно стала объектом реформ, которые вполне понятны, поскольку система *kisha* — это сильная картельная структура, представляющая собой сеть приписанных к различным организациям и фирмам пиар-отделений, поддерживаемых душевными отношениями между правительством, бизнес-лидерами и журналистами, которые должны оставаться в «сопровождении» или в «пуле». Но как именно работает эта картельная система?

На национальном уровне членами клубов *kisha* могут быть только аккредитованные журналисты из двух новостных агентств Японии, делового ежедневного издания «Nikkei», «NHK», пяти национальных коммерческих телестанций, четырех национальных и четырех региональных газет. Каждый пресс-клуб размещается в ведущей организации, которая обеспечивает членов рабочими площадями, компьютерами и кухней, иногда даже кроватями, чтобы можно было остаться на ночь. Журналисты из других медиа, например из вечерних таблоидов, специализированных журналов, интернет-сайтов, представители иностранной прессы и фрилансеры в эти клубы не допускаются. Члены клубов *kisha* знают, что они находятся в привилегированном положении и понимают, что их хозяева ждут от них хорошего поведения. Члены клубов должны избегать поспешных инициатив, а в их публикациях не должно быть серьезных расхождений. Общераспространенными являются особые обычаи *kisha* — например, «сопоставление докладных записок» (позволяющее вытравить различающиеся интерпретации «фактов») или «черная доска» (списки историй, о которых нельзя делать репортажи). Журналистов, которым удается раскрутить какие-нибудь сенсации, осаживают. Тех, кто не может написать о том, что, по мнению организаций, должно быть официально заявлено, подозревают в нелояльности. Итоговый

*Legewie J. et al. Japan's Media: Inside and Outside Powerbrokers. Tokyo: CNC Japan, 2010. P. 4–7; Krauss E. Broadcasting Politics in Japan: NHK and Television News. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000* — здесь обсуждается, как особенности японской демократической политической системы позволили давно правящей Либерально-демократической партии (LDP) использовать множество неофициальных средств для ограничения журналистских свобод.

результат — вовсе не обязательно «точные», «быстрые» и эффективные новостные репортажи, как любят утверждать защитники этой системы. В действительности клубная система продвигает беззубую и нередко бесхребетную журналистику, пагубные последствия которой ощущались во время ужасного землетрясения и экологических катастроф, потрясших Японию в первые месяцы 2011 г.<sup>93</sup>

В других случаях, в иных демократических условиях ситуация обычно более подвижная, более смешанная, менее устоявшаяся. Иногда журналисты, политики и целые правительства сцепляются рогами, как два оленя, бьющихся за территорию в сезон спаривания. Во все стороны летят клочья шерсти и льется кровь. Никаких теплых отношений между ними в этом случае нет. Бывают даже моменты, хотя и довольно редкие, когда политики публично обращаются против журналистов и призывают их к этическим принципам, таким как уважение неприкосновенности частной жизни, или к профессиональным стандартам. Эта возможность, осуществившаяся во время «Расследования Левесона по культуре, практикам и этике прессы в Британии»<sup>94</sup>, как и вся эта тема, всесторонне исследованы в фильме Вольфганга Панцера «Большой кот» («Der grosse Kater», 2010), политической драме, разыгрывающейся в Швейцарии, президент которой в период глубочайшего кризиса кабинета министров и падения рейтингов занимает высокоморальную позицию, подав в отставку после того, как местный папарацци попытался снять его умирающего сына.

Принципиальные позиции такого рода встречаются редко. Когда дело доходит до фундаментальных вопросов, открытое противостояние журналистов и политиков — далеко не типичный случай. Напротив, беглое ознакомление с пресс-корпусом Белого дома в США или так называемым Вестминстерским лобби в Великобритании показывает, что обычно обнаруживается достаточно тесное и спокойное сотрудничество между правительствами и журналистами. Медиакратия — это демократиче-

<sup>93</sup> Keane J. Silence and Catastrophe: New Reasons Why Politics Matters in the Early Years of the Twenty-first Century // Political Quarterly. 2012. October/December. Vol. 83. No. 4. P. 660–668.

<sup>94</sup> Данные и другие материалы доступны на сайте: <[www.levesoninquiry.org.uk](http://www.levesoninquiry.org.uk)>.



ский феномен, однако союз журналистов с официальной политикой непостоянен. Синергия и симбиоз — не их «естественная» участь. Для таких отношений необходим тяжелый труд и «неформальное» подбадривание с обеих сторон. Оно может принимать различные формы. Журналисты и политики вместе пьют и едят. Они сталкиваются друг с другом на собраниях, в магазинах, аэропортах, на школьных дворах и официальных заседаниях. Они шутят, веселятся и поддерживают контакты; иногда спят в одних постелях. Их рабочие привычки сходятся. Они думают о похожих предметах и говорят с одними и теми же людьми, нередко в достаточно замкнутых кругах друзей, источников, советников и бывших сослуживцев. Когда они еще не знакомы друг с другом, они пытаются сблизиться ради различных услуг, обычно под маской скромности и молчаливости. Заключаются полюбовные сделки. Несогласные отлучаются, выталкиваются через вращающиеся двери. Неумехам и смутьянам дают понять, что существуют наказания, такие как общественный и профессиональный ostracism, которым карают за слишком сильное отклонение от генеральной линии и общего круга.

Все остальное должно быть общеизвестным, но на самом деле об этом мало кто знает. В публичной огласке теневых каналов и сотрудничества журналистов с политиками не заинтересована ни одна из сторон; треугольник лучше всего работает тогда, когда граждане и независимая журналистика маргинализируются. В подобных случаях развиваются закрытые информационные потоки, производимые медиакратией, тем более что бенефициарам важно просто спокойно сохранять собственные привилегии. Соответственно, они делают все, чтобы удержать свою власть, даже если для этого необходимо пожертвовать собственной честностью, глубинными журналистскими расследованиями и другими стандартами высококачественной журналистики. Когда декадентская динамика набирает обороты, как это было в глобальном «хакерском скандале» с News International в Великобритании<sup>95</sup>, журналисты рискуют подорвать свой авторитет. Общественность перестает им верить. Их признают притвор-

<sup>95</sup> Обзор этой сложной последовательности событий см. в: *Keane J. Murdoch, Mediocracy and the Opportunity for a New Transparency // The Conversation (Melbourne). 2011. 16 July; Keane J. Mediocracy: Rupert Murdoch's Toxic Shadow State // The Conversation (Melbourne). 2012. 22 April. <<http://theconversation.edu.au/columns/john-keane-267>>; а так-*

щиками, бесстыдными выдумщиками и лжецами. Политиков может постигнуть та же судьба. Но когда все идет как обычно, все эти последствия, похоже, не имеют никакого значения для политиков и журналистов как партнеров. Они наслаждаются своими теневыми интригами, поддерживаемыми сложным клубком всевозможных дел и деятелей.

## ОТНОШЕНИЯ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Высокопоставленные журналисты и политики занимаются, как говорят американцы, «инсайдерским бейсболом», подчас с довольно странной подборкой игроков и команд. Рассмотрим пример организаций по связям с общественностью, которые сегодня играют ключевую роль в оформлении политической повестки правительства и результатов его деятельности.

Все большее использование консалтинговых фирм правительствами и политическими партиями закрепляет закрытый характер взаимодействий между политиками, журналистами и правительственными чиновниками. Оно позволяет смазывать маслом петли вращающихся дверей в доме медиакратии, что можно понять по примеру Greenberg Quinlan Rosner, которая считается ведущей фирмой по политическому консалтингу во всем мире<sup>96</sup>. В ее списке важных клиентов можно найти компанию Coca-Cola, Тони Блэра, Verizon и Нельсона Манделу; свои выводы и рекомендации она составляет, используя обширный спектр специальных методов оценки публичного восприятия «бренда, репутации и имиджа» клиентов, где бы они ни были. Greenberg Quinlan Rosner была среди первых компаний, которые начали использовать метод фокус-групп на выборах и проводить оценку текущей кампании. Ее проекты обычно начинаются с того, что сама компания называет «глубоким открытым списком», составляемым профессиональными модераторами отобранных групп, чьи мнения собираются посредством «глубинного контент-анализа». Компания использует стандартные методы опросов и отбора для оценки репрезентативных выборок мнений граждан, полученных в «сырой» форме в личных интервью, интернет- и телефонных

---

же: *Watson T., Hickman M. Dial M for Murdoch: News Corporation and the Corruption of Britain. L.: Blue Rider Press, 2012.*

<sup>96</sup> См.: <[www.greenbergresearch.com](http://www.greenbergresearch.com)>. Время доступа — 26 мая 2011 г.

опросах, основанных на живом, а также автоматическом (с применением интерактивной системы распознавания голоса) обзвоном избирателей по спискам.

Компания хвалится «мгновенным обновлением» результатов, в том числе и «проективных» данных, отображающих вероятную реакцию людей на те или иные политические шаги. На других фронтах компания помогает политическим партиям и действующим правительствам в опросах общественного мнения во время кампаний. Для этого она использует такие методы, как зондажные и пилотные исследования, моделирование с сегментацией электоральных и фокус-групп<sup>97</sup>. Она применяет «тестирование по дисковому набору» для посекундных и пословесных реакций таргет-групп на рекламу, новости, речи и выступления в дискуссиях. В сфере партийной и правительственной политики компания проводит семинары для персонала, на которых люди обучаются таким искусствам, как работа с сообщениями, медиареклама, наем волонтеров и использование фокус-групп. Она оценивает установки персонала, а также привлекает «ключевых фигурантов и агентов влияния», опираясь на детальные опросные данные по позициям их коллег. Компания предоставляет так называемые локализованные опросы клиентам, которым нужны мнения граждан, собирающихся на конференциях, ярмарках и фестивалях. Также она специализируется на техниках «ребрендинга», точной локализации цели, отслеживании

<sup>97</sup> В данном контексте фокус-группа состоит из небольшого числа тщательно отобранных избирателей, чьи взгляды на политические вопросы оцениваются маркетологом, который ведет дискуссию. Члены фокус-группы набираются по принципу случайности, им выплачивается небольшой гонорар за несколько часов работы. Участников группы, за которыми иногда наблюдает клиент, находящийся за двусторонним зеркалом, воспринимают как воспроизводящих установки избирателей без особых политических представлений, обычно тех, что живут в маргинальных средах. С политическим использованием методов фокус-групп и их этичностью связано много споров. Их надежность часто ставится под вопрос по причинам, которые убедительно представлены в книге, написанной на основе чрезвычайно успешного британского сатирического сериала «The Thick of It»: «Проблема в том, что фокус-группы состоят из представителей публики, а потому обычно они ненадежные/неравномерные/расистские/ненормальные. И помните: люди говорят ерунду. Еще больше ерунды они говорят, когда их просят высказать мнение по темам, в которых они невежественны и/или которыми они нисколько не интересуются» (The Thick of It: The Missing DoSAC Files // A. Iannucci et al. (eds). L.: Faber and Faber, 2010. P. 61).

и нахождении во время кампаний не определившихся в своем мнении избирателей — и благодаря всему этому она позволяет партиям и кандидатам «переопределить и оптимизировать свои цели во время электорального цикла».

### ... И ЛОББИРОВАНИЕ

Существует еще одна форма целевой обработки публики, которая закрепляет закрытую систему обмена между политиками, журналистами и фирмами по связям с общественностью. Это так называемое лоббирование — оно тоже играет жизненно важную роль в оформлении повестки и результатов деятельности правительства. Термин «лоббирование» охватывает множество форм защиты интересов — от неформальных открытых консультаций между законодателями и небольшими некоммерческими ассоциациями до теневых, но хорошо организованных связей между регуляторами и гигантскими глобальными корпорациями. Конкретные цели лоббистов могут быть как «плохими», так и «хорошими» (в зависимости от критериев оценки), и по крайней мере некоторые типы лоббирования (например, публичная защита граждан от несправедливости и коррупции власть имущих) могут считаться образцами мониторинга демократии в действии.

Как бы ни относиться к лоббированию и какие бы формы оно ни принимало, сама практика в последние годы получила поразительное распространение. Едва ли всякое демократически избранное правительство напоминает сегодня улей, гудящий от скопища лоббистов, в поте лица своего увязывающих внешние интересы с политиками из правительства. Этот тренд имеет трансграничные качества: например, в настоящее время около 15 тыс. торговых объединений, консультантов, некоммерческих НПО, международных организаций, аналитических центров, региональных организаций и других лоббистов работают в Брюсселе, где они пытаются тем или иным образом воздействовать на законодательство и нормы Евросоюза. Многие из этих лоббистов действуют также и на уровне государств — членов Евросоюза, и именно по этой причине некоторые европейские наблюдатели отмечают, что если тенденция регионального лоббирования сохранится, представительная демократия в ее парламентской форме неизбежно превратится в бледную копию самой себя.

Публичных защитников этой тенденции, похоже, это ничуть не тревожит. «Практика лоббирования ради влияния на политические решения является законной и необходимой частью демократического процесса», — отмечается в часто цитируемом парламентском докладе. «Отдельные лица и организации, разумеется, желают оказывать влияния на решения, которые касаются их самих, их окружения и среды. Правительства, в свою очередь, нуждаются в доступе к знаниям и точкам зрения, которые могут предоставляться лоббистами»<sup>98</sup>. Если рассматривать ситуацию в этом свете, тогда если развить метафору с ульем, лоббисты — это крайне нужные опылители и медовые пчелы, поставщики информации для чиновников правительства, которые в ином случае могли бы просто ничего не знать о нуждах заинтересованных сторон. Лоббисты выстилают ячейки и укрепляют стенки демократического правительства прополисом. Лоббирование — это источник пожертвований для предвыборных кампаний. Оно позволяет найти работу официальным чиновникам, когда у тех заканчивается срок государственной службы, а также их персоналу; оно обогащает законодательный процесс, предоставляя ему внешнюю экспертную оценку и «законодательное субсидирование»<sup>99</sup>. Медовые соты представительного правительства заняты личинками, двигающимися в самых разных направлениях. Хотя крупные корпорации и даже иностранные правительства — это сильные лоббисты, отдельные люди, группы и сети, пытающиеся защищать некоммерческие интересы или интересы меньшинств, также могут включаться в эту категорию. По всем этим причинам, как утверждают их защитники, лоббисты — это важный источник легитимности политиков, которые в результате получают боль-

<sup>98</sup> House of Commons Public Administration Select Committee. Lobbying: Access and influence in Whitehall // HC 36-1. L., 2009. 5 January. P. 9. <[www.publications.parliament.uk/pa/cm200809/cmselect/cmpubadm/36/36i.pdf](http://www.publications.parliament.uk/pa/cm200809/cmselect/cmpubadm/36/36i.pdf)>.

<sup>99</sup> Hall R.L., Deardorff A.V. Lobbying As Legislative Subsidy // American Political Science Review. 2006. Vol. 100. P. 69–84, где лоббирование рассматривается «не как обмен (покупка голосов) или убеждение (сигнализирование), а как форма законодательного субсидирования, т.е. долевого субсидии политической информации, политического интеллекта и законодательства, выделяемой на деятельность стратегически отобранных законодателей».

ше информации, лучше понимают политическую среду, в которой они работают, и больше реагируют на нее.

Эти аргументы можно принять. Лоббирование — это не синоним взяточничества. К тому же, и в самом деле существуют такие лоббисты, которым удается защищать слабых, как и такие, кто всячески подчеркивает значение заповедей — не лгать, избегать дезинформации и завышенных обещаний, слушать политиков и работать с ними, предлагая им ясные и продуманные идеи<sup>100</sup>. Но это еще не всё. Особенно в тех случаях, когда лоббирование опирается на большие деньги, оно (если продолжить ту же метафору с ульем) впрыскивает опасные токсины, заносит странные болезни и сеет беспорядки в центральных сотах избранного правительства. Делая хваткую руку богатых еще сильнее, оно искажает результаты выборов и саму парламентскую демократию; оно ускоряет движение в сторону медиакратии. Чтобы понять, почему это так, нам нужно внимательно рассмотреть спектр задач, выполняемых лоббистами.

Что они, собственно, делают? Поскольку они выступают партнерами в шумных ульях государственной власти, задача лоббистов — определять политическую повестку, для чего в конечном счете необходимо убедить законодателей или регулирующие организации выбрать определенный курс действий или, напротив, воздержаться от него, особенно когда вопросы значительны и на карту поставлены серьезные властные интересы. Кризисные моменты особенно хорошо показывают политическое значение лоббирования. В США, где в одном только Вашингтоне, по общим оценкам, своим привычным делом заняты 90 тыс. лоббистов, над которыми возвышаются такие крупные лоббистские фирмы, как Hill+Knowlton, Duberstein Group и Patton Boggs, во время финансового кризиса 2007–2008 гг., если судить по количественным данным, крупные банки выделили минимум 56 млн долларов на активный инструктаж и презентации для представителей и чиновников федерального правительства. Данные указывают на то, что обанкротившиеся ипотечные компании Fannie Mae и Freddie Mac какое-то время тратили огромные суммы на лоббирование, дабы укрепить свои фланги (180 млн долларов за восьмилетний период). За 2009 г., когда

<sup>100</sup> *Wolpe B.C., Levine B.J. Lobbying Congress: How the System Works. Washington, DC: Congressional Quarterly, 1996. P. 13–19.*

шли разговоры о пакете мер по стимулированию экономики, а над самой американской экономикой нависла угроза стагнации, Pharmaceutical Research и Manufacturers of America потратили на лоббирование 6 млн долларов; Monsanto выплатила более 3 млн; тогда как производители военного оборудования и систем потратили более 17 млн<sup>101</sup>. Поражает (в случае США) и сильный трансграничный поток финансов. Так что не только в Европе лоббирование не знает границ. Более 700 иностранных компаний, в том числе те, что ведут обширный бизнес в США (три наиболее крупных из них — Daimler-Chrysler, GlaxoSmithKline и British Petroleum), используют вашингтонских лоббистов для влияния на федеральное законодательство, нормы и правила в таких областях, как фармацевтика, нефтегазовое производство и экологические стандарты. Результаты порой весьма прибыльны: например, в период 1998–2004 гг. чуть более десятка иностранных компаний заполучили военные контракты стоимостью более 16,4 млрд долларов, причем более трети этой суммы было выделено без конкурса<sup>102</sup>.

Лоббисты обычно тратят деньги, время и энергию на несколько тактик, которые делятся на два типа — «инсайдерские» и «аутсайдерские». Более распространенное «инсайдерское» лоббирование сосредоточено на налаживании тесных связей с политиками внутри и вне официальных правительственных кругов. Главное в этой игре — влияние, достигаемое, например, за счет поддержания постоянных личных контактов и дружественных рабочих отношений с чиновниками правительства, используемых для продвижения, изменения или блокирования каких-либо законов. Лоббисты организуют благотворительные взносы на кампании, званые обеды, корпоративные подарки, дополнительные отпуска и возможности появления в медиа. Вопреки распространенным

<sup>101</sup> Corporate Lobbying and Democracy // *The Hindu* (Chennai). 2009. 29 September. Данный раздел опирается на работы: *Leif T. Bestellte Wahrheiten — Lobby im Journalismus // Neue Gesellschaft/Frankfurter Hefte*. 2010. Nr. 7/8. S. 39–44; *Kaiser R.G. So Much Damn Money: The Triumph of Lobbying and the Corrosion of American Government*. N.Y.: Vintage, 2009; *Lessig L. Republic Lost: How Money Corrupts Congress — and a Plan to Stop It*. N.Y.: Twelve, 2012; *Joos K. Lobbying in the New Europe: Successful Representation of Interests after the Treaty of Lisbon*. L.: Wiley, 2011.

<sup>102</sup> *DiLaura J. Foreign Companies Pay to Influence US Policy // The Center for Public Integrity*. 2005. 20 May. <[www.iwatchnews.org/2005/05/20/6561/foreign-companies-pay-influence-us-policy](http://www.iwatchnews.org/2005/05/20/6561/foreign-companies-pay-influence-us-policy)>.

представлениям, лоббирование — это не синоним взяточничества, которым занимаются пройдохи. Большие деньги, конечно, часто задействованы в этом процессе; однако они не переходят из рук в руки, как это было бы в обычном случае «теневой экономики». Лоббирование, скорее, порождает насыщенную медиа «экономику дара», в котором влиятельные связи упрочиваются денежными потоками. Внутри и вне правительства как института конечная цель лоббирования — обеспечить или усилить власть отдельных групп интересов, противостоящих другим группам, способным к противодействию и конфликту, и для этого налаживаются связи, независимо от результата выборов или состава действующего правительства.

Лоббисты давят на правительства также и извне, зачастую используя так называемый низовой активизм<sup>103</sup>. Они уделяют большое внимание формированию общественного мнения за счет постоянных медиакампаний. В результате устраняется различие между выборами и межвыборными периодами. Соответственно, большинство демократических стран живут сегодня в атмосфере постоянных медиакампаний, которые ведутся лоббистами, стремящимися нанести удар по своим противникам. Одна из их специализаций — негативный имидж. Надежность и репутация отдельных лиц, групп, организаций и сетей, с которыми у них есть разногласия, подвергаются тщательной проверке иногда с использованием грязных трюков, нацеленных на выявление их предположительной предвзятости или коррумпированности. Также лоббисты занимаются и положительным имиджем, который создается за счет хорошо выстроенной коммуникации, которая должна закрепить положительные темы и точки зрения в общественном сознании. Реклама интересов членских организаций (например, профессиональных и бизнес-ассоциаций, фермерских групп и торговых объединений) — это стратегический приоритет. Также лоббисты отстаивают интересы организаций без членства, например, крупных корпораций, юридических фирм и иностранных правительств.

Независимо от того, куда именно метят лоббисты — «внутрь» или «наружу», значение имеет коммуникация с политиками и общественностью. Весь смысл в том, чтобы увеличить зна-

<sup>103</sup> Kollman K. *Outside Lobbying: Public Opinion and Interest Group Strategies*. Princeton: Princeton University Press, 1998.



ваемость определенной проблемы — и неважно, в какой мере общество действительно интересуется ею. Контакты с «низовыми» сторонниками и симпатизантами, а также проекты по их созданию — вот, несомненно, еще одна задача лоббистов. И адресное обращение (например, сообщения, рассылаемые отдельным представителям общественного мнения, избранным организациям и сетевым группам), и широкое вещание на большую аудиторию потенциальных симпатизантов и активных сторонников — одинаково используемые приемы. Цель в каждом случае — произвести «реальные» публичные сообщения, которые работают на программу определенных групп интересов, поскольку не только делают ее узнаваемой, но и вызывают «реальный» положительный отклик у более широкой публики. Эпитеты, лозунги и «метки» в правильной тональности и с позитивными коннотациями («ядерная энергия — это технология, которая наводит мосты» — любимый лозунг лоббистов, выступающих за развитие ядерной энергетики) забрасываются в различные медиа, в том числе на веб-сайты, блоги, интернет-форумы, а также различные социальные сети.

Стимулируются массовая рассылка электронной почты, петиции, телефонные звонки, письма, лично написанные известными фигурами, а также встречи со сторонними группами. Назначаются телевизионные и радиоинтервью с «постоянными» экспертами. Договариваются о колонках в газетах. Журналистам и правительственным чиновникам предоставляются «заказные исследования» в форме выборочных («подкрашенных») сводок научных докладов, поддельной статистики, подправленных опросов общественного мнения, исследований, написанных фирмами по связям с общественностью. Лоббисты предлагают журналистам и чиновникам «эксклюзивные материалы» и «сенсации», которые якобы все хотят узнать. Взамен лоббисты ожидают получить полезные сведения от чиновников и журналистов, ведь здесь действует правило: в закрытых привилегированных каналах распространения информации, приближенных к властным вершинам, никто не должен кусать кормящую руку.

Тесные связи между избранными представителями, чиновниками правительства и журналистами, налаживаемые лоббистами и фирмами по связям с общественностью, увеличивают подвижность системы «вращающихся дверей», которая составляет основной момент тенденции движения к медиакратии. Ин-

сайтеры временами меняются ролями. Журналисты становятся лоббистами. Лоббисты — это нередко бывшие журналисты; в иных случаях они превращаются в правительственных чиновников, идут в политику или мозговые центры, которые (вопреки названию) — не места мозговой деятельности, а временные отстойники для бывших или будущих политиков, журналистов и консультантов. Политики тем временем движутся по всем направлениям, накапливая опыт в журналистике, связях с общественностью, лоббировании или же во всем сразу. Более того, политики также занимаются и странной практикой под названием «обратное лоббирование». Вместо того чтобы собирать запросы и требования из внешнего мира, политики при поддержке государственных чиновников работают в связке с отобранными лоббистами, чтобы оказывать давление на других представителей и правительственных чиновников с целью проведения или, напротив, блокирования определенного законодательного акта. Так, если брать хорошо известный пример, в США администрация Клинтона стала применять тактику обратного лоббирования, вступив в альянс со многими десятками групп за реформу здравоохранения. Цель была в том, чтобы использовать их для давления на Конгресс, который должен был в итоге принять предложенный правительством пакет реформ в области здравоохранения. В конечном счете эта тактика потерпела неудачу; возобладало мощное сопротивление со стороны других лоббистских групп. Они потратили более 100 млн долларов, в основном защищая уже существующих страховщиков, медицинские организации, фармацевтическую и табачную индустрию, как и некоторые другие группы, которые боялись, что их интересы будут подорваны реформами<sup>104</sup>. То, что им удалось уничтожить законопроект, стало убедительным доказательством того, что закрытая система, связывающая политиков, журналистов, специалистов по связям с общественностью и лоббистов, кишит интригами и неопределенностью. Для многих из ее участников невозможность просчитать результат — одна из причин ее привлекательности: для них это возбуждающая игра, в которой победитель может не только все потерять, но и все получить.

<sup>104</sup> См. хорошо подкрепленное документами исследование: Well-Healed: Inside Lobbying for Health Care Reform. Washington, DC: Center for Public Integrity, 1994.

## IV. Противники демократии

Закрытая система отношений между политиками, журналистами, специалистами по связям с общественностью, лоббистами и невидимыми зонами власти, которая в данной книге названа медиакратией, порой разрастается до скандальных размеров. Развитие странного «токсического теневого государства»<sup>1</sup>, поддерживаемого сетью контактов между управленцами и журналистами News International, полицией, пронырливыми частными детективами, знаменитостями, невинными гражданами и политиками английского парламента, — это пример того, что может действительно произойти, когда этот тренд не сдерживается активными механизмами общественного контроля. К другим примерам можно отнести стремление правящих партий в новых демократических странах Центральной и Восточной Европы колонизировать государственные институты при помощи «друзей» из сфер журналистики, бизнеса, лоббирования и отношений с общественностью. Можно вспомнить и то, как известные журналисты и политические лоббисты оказались по уши замешаны в скандальную историю посредничества в сделках между политиками и лидерами делового мира во время распределения в Индии важных эфирных частот мобильной телефонии второго поколения (2G)<sup>2</sup>. Эти эпизоды смещения к медиакратии — дурной знак для мониторинговой демократии; с точки зрения многих наблюдателей, они закрепляют ее декадентские черты. Испытываемое ими ощущение разложения посреди изобилия еще больше усиливается другими тенденциями. Коммуникационное изобилие, как мы уже отмечали, тесно связано с такими феноменами, как «новости плоской земли» и «новости ниоткуда». Оно имеет отношение к кибератакам; попыткам ограничить свободу информации за счет цифрового контроля; распространению маркетинговых алгоритмов, нацеленных на манипулирование поведением потребителей. Также коммуникационное изобилие соотносится с быстрым ростом медийных

<sup>1</sup> *Watson T., Hickman M. Dial M for Murdoch.*

<sup>2</sup> *Thakurta P.G., Reddy K.S. Paid News: How Corruption in the Indian Media is Undermining Democracy. Delhi, 2011.*

олигополий и с утверждениями (возможно, преувеличенными), будто развитие обществ, насыщенных медиа, негативным образом сказывается на повседневной жизни, например, делая граждан еще более одинокими<sup>3</sup>.

### ГЛЯДЯ НАЗАД, ГЛЯДЯ ВПЕРЕД

В настоящий момент все эти разные тренды не сходятся друг с другом, однако их серьезность говорит нам о том, что у мониторинговой демократии нет исторических гарантий, так что, в принципе, эта новая историческая форма обращения с властью может пострадать от упадка сил или атрофии, а может быть, она просто погаснет, как свеча от порыва ветра.

Именно эту возможность предсказывают критики мониторинговой демократии, например ярые защитники примата электоральной политики, которые полагают, что коммуникационное изобилие в общем и целом подрывает электоральные принципы. Мониторная демократия признается вырожденным способом обращения с властью, ущербной политической формой, которая соблазняет всякими глупостями избирателей, политические партии и избранные правительства. Если следовать этому вердикту, коммуникационное изобилие дурно влияет на хорошее правление. Оно покрывает правительства сетями общественного возмущения, пленяет их ненужными медиасобытиями, а потому мешает политическим лидерам делать свое дело эффективно и результативно. Некоторые критики говорят о новой «тирании графика», о заваливании правительств мгновенными комментариями и критикой, поступающей от нелегализованных «информаторов», которые снижают способность политических властей «эффективно работать, пользуясь общественным доверием»<sup>4</sup>. В подобном анализе сваливаются в кучу мониторинговая демократия, коммуникационное изобилие и декаданс медиа. Он хранит подчеркнутое молчание об организованных правительствами медиастратегиях, и это позволяет ему делать отсылки к прошлому: настороженно относиться к суматошной и

<sup>3</sup> *Marche S.* Is Facebook Making Us Lonely? // *The Atlantic Magazine*. 2012. May.

<sup>4</sup> *Gowing N.* “Skyful of Lies” and Black Swans: The New Tyranny of Shifting Information Power in Crises. Oxford: Reuters Institute for the Study of Journalism, University of Oxford, 2009.

неразборчивой медиаактивности, он нацелен на такое отделение парламентских выборов от внепарламентского мониторинга власти, которое позволит парламентской политике вновь обрести уважение, которым она некогда пользовалась. Эта точка зрения окрашена в ностальгические тона. В действительности это мечта о том, чтобы повернуть назад часы демократии, вернуться к мнимому золотому веку парламентского представительства и демократической политики, ныне подвергающихся нападкам, особенно со стороны самой влиятельной политической позиции, названной «моделью вероломной политики»<sup>5</sup>.

Понятно, что защитники электоральной политики критически относятся к разлагающему влиянию хорошо осознающей все издержки и прибыли активной журналистики, которая, по их мнению, занимается стайной охотой, следит исключительно за дурными новостями, поощряемыми политикой новостных редакций, принципы которой — необходимость привлекать внимание и возбуждать читателей; опора на официальные источники («надо держаться в стороне от электрического ограждения»); истории в стиле «если мы можем продать это, мы расскажем это»; а также, как обычно указывается, избыточная сосредоточенность на личностях, а не на повествовании и анализе, которые зависят от контекста времени и пространства. Как правило, критики такой журналистики идут еще дальше. Они ставят активную журналистику в тот же ряд явлений, что и другие контролируемые механизмы мониторинга демократии, которые обвиняются в формировании культуры «низкого доверия и постоянных обвинений», тормозящей «подлинный» демократический цикл работы выборов, парламента и политического представительства. Мониторная демократия истолковывается как синоним подъема неизбранных представителей, спирали цинизма избирателей и политического «разочаро-

<sup>5</sup> Эта и следующая цитата взяты из: *Flinders M.V. The Demonisation of Politicians: Moral Panics, Folk Devils and MPs Expenses // Contemporary Politics. 2012. 18 March. P. 1–17.* Похожие взгляды излагаются Томасом Фридманом: «Интересно, действительно ли Интернет, блоги, Twitter, СМС и микроблоггинг <...> сделали демократию прямого действия и самоуправление настолько открытыми для участия граждан, а лидеров — настолько прислушивающимися к каждому нюансу общественного мнения, что теперь им трудно принимать важное решение, которое бы требовало жертв. В их головах теперь слишком много голосов помимо их собственного» (*Friedman T.L. New York Times. 2011. 15 November*).

вания», «медийной болезненности» и общей «деполитизации функций избранных политиков»<sup>6</sup>. Политиков и парламентскую демократию поражает паралич; они увязают в трясине взаимных обвинений, намеков и в общей «демонизации политиков». Их (как жаловался Блэр) пленяет «тупая сила бури, представляющая собой едва ли не постоянное кружение скандалов и интриг у них над головами»<sup>7</sup>.

Что делать со всем этим комплексом жалоб, отстаивающих старомодную демократию и выступающих против декадентского влияния коммуникационного изобилия и мониторинжной демократии? Эти жалобы справедливы, когда они подчеркивают сохраняющееся значение свободных и честных выборов, а также ключевую роль избранных политических представителей в эпоху мониторинжной демократии. Верно и то, что «у политиков должна быть возможность принимать решения; способность к правлению — это, следовательно, требование, предъявляемое к любой политической системе. Если связать политикам руки, наложив на их способность к управлению еще больше ограничений или же подвергая каждое их решение криминалистическому анализу, а затем набрасываться на них из-за того, что они не могут уверенно править или предпринимать решительные действия, есть риск создать такую демократическую политику, которая всегда будет разочаровывать»<sup>8</sup>. Однако это замечание выдает незрелость суждений. Оно всего лишь напоминает нам (о чем мы уже говорили в этой книге), что принцип разочарования внутренне присущ демократии в ее представительной форме. «Неявное недоверие к избранным политикам» свойственно не только эпохе коммуникационного изобилия и мониторинжной демократии; оно выступало всеобщим принципом с самых ранних времен представительной демократии, и этот принцип и по сей день сохраняет свою силу. В какой мере негодование (которое Тони Блэр испытал на собственной шкуре) преследу-

<sup>6</sup> В изложении данной неверной интерпретации мониторинжной демократии, которая отождествляет ее с аутсорсом или «приватизацией» политики административными регулирующими органами, я опираюсь на работу: *Vibert F. The Rise of the Unelected: Democracy and the New Separation of Powers*. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

<sup>7</sup> *Blair T. A Journey*. P. 491–492.

<sup>8</sup> *Flinders M.V. The Demonisation of Politicians... P. 3*; см. также: *Flinders M.V. Defending Politics*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

ет избранных политиков, угрожая в будущем помешать отбору компетентных представителей, в значительной мере зависит от качества их сегодняшних действий, например от того, лгут ли они и нарушают ли обещания, а также от их умения компетентно действовать в среде мониторинговой демократии, насыщенной медиа. Все дело в том, что электоральная политика и более широкий общественный мониторинг власти не обязательно должны быть связаны отношениями по принципу игры с нулевой суммой. Положительная синергия двух этих процессов, несомненно, возможна и желательна, однако она всегда и везде зависит от конкретных обстоятельств.

Желание перевести стрелки часов назад, чтобы защитить принцип парламентского представительства и выборы, представляемые в качестве квинтэссенции демократии, — это один из типов критической реакции на мониторинговую демократию, коммуникационное изобилие и его декадентское влияние. Обратная в будущее версия той же самой мысли о том, что хорошее правление становится избыточно сложным или невозможным из-за распространения мониторинговых механизмов открытого контроля власти, утвердилась среди приверженцев того, что в последние годы получило название «умного правления» или «умной власти».

Идея, утверждающая, что правители должны источать спокойную мудрость, — это древний принцип, который можно встретить во многих цивилизациях прошлого. В наше время выражение «умная власть» впервые стало употребляться в кругах американской внешней политики после вызвавшего ожесточенные споры вторжения в Ирак в 2003 г.; и тогда оно означало некий вариант разумной или экономичной стратегии, которая сочетает в себе убеждение, дипломатические инструменты, наращивание потенциала и военной силы ради достижения поставленных целей<sup>9</sup>. Однако более сильная и расширенная версия тезиса об умной власти сформировалась в Китае, многие из теперешних правителей которого обеспокоены коммуникационным изобилием, причем они вряд ли сколько-нибудь

<sup>9</sup> Nossel S. Smart Power // Foreign Policy. 2004. March/April. <[www.foreignaffairs.com/articles/59716/suzanne-nossel/smart-power](http://www.foreignaffairs.com/articles/59716/suzanne-nossel/smart-power)>. Время доступа — 30 июня 2011 г.; Carpenter T.G. Smart Power: Toward a Prudent Foreign Policy for America. Washington, DC: Cato Institute, 2008.

симпатизируют демократии в ее мониторинговой форме. Хотя они превозносят «народ» как основание своей собственной формы самоуправления с некими «китайскими» качествами (по этой теме даже был опубликован правительственный официальный документ<sup>10</sup>), они отвергают «западную» демократию, которую считают синонимом избыточного общественного контроля и порицания политической власти. Мониторная демократия, местная версия которой была заявлена инициативой под названием «Хартия-08», обвиняется в том, что она говорит непонятные вещи<sup>11</sup>. Указывается, что мониторинговая демократия порождает слишком много конфликтующих друг с другом точек зрения, которые в любом случае не равноценны. «Демократия позволяет гражданам выходить на улицу, устраивать собрания и участвовать в действиях, которые могут стать источником политической нестабильности», — пишет ведущий китайский интеллектуал. Она делает простые вещи «слишком сложными и легкомысленными», — продолжает он, добавляя затем, что демократия съедает слишком много времени, снижает эффективность административной работы и дает возможность «некоторым сладкоречивым политикам совратить народ»<sup>12</sup>. По словам других, главная проблема мониторинговой демократии в том, что открытый общественный контроль Партии и государства становится рассадником для краткосрочного мышления, смятения, расколов и беспорядка. Он питает ненужное сопротивление, политический хаос и «контрреволюцию». Мониторная демократия нарушает принципы «гармоничного общества». Она вредит бесспорной способности государства повышать уровень материального благосостояния, а потому препятствует общему улучшению жизни людей. Говорится, что социальная гармония требует «народной демократии [*minzhu* или *minch'uan*] под руководством Коммунистической партии Китая». Из этого следует

<sup>10</sup> Building Political Democracy in China // State Council Information Office. Beijing, 2005. 19 October.

<sup>11</sup> Полный текст «Хартии-08» был опубликован на 60-летие «Декларации прав человека» ООН 10 декабря 2008 г.: < [www.charter08.eu/2.html](http://www.charter08.eu/2.html) >.

<sup>12</sup> *Yu Keping. Democracy Is a Good Thing: Essays on Politics, Society, and Culture in Contemporary China.* Washington, DC: The Brookings Institution Press, 2009. P. 3. О попытках возрождения мудрости прошлого в политических целях см. в работе: *Bell D., Jr. Ancient Chinese Philosophy, Modern Chinese Power.* Princeton: Princeton University Press, 2010.



необходимость признать то, что китайский народ еще недостаточно готов к демократии из-за своих *suzhi* (китайский термин, который обозначает множество вещей, начиная с манер и заканчивая уровнем образования), которые все еще нуждаются в совершенствовании. А для этого нужны долгосрочное мышление, сильное руководство и умная власть, не ограничиваемая пороками партийной конкуренции, бесполезных парламентов или склочных организаций гражданского общества, которые не представляют вообще никого, разве что свои собственные интересы или умыслы «иностраных» держав. Возможен и желателен иной путь: «умное правление», которое применяет такие техники, как служебное повышение руководителей в соответствии с меритократическими принципами, обширные и частые опросы общественного мнения, вертикально организованные программы по борьбе с «коррупцией и недоверием между населением и правительством»<sup>13</sup>.

### КИТАЙСКИЙ ЛАБИРИНТ

За этим рассуждением маячат представления о свободе *от* коммуникационного изобилия и сильного общественного контроля власти как необходимом условии хорошего управления другими. Эти представления важны. Китайская Народная Республика — это не просто формирующаяся сверхдержава, а также возможный конкурент и преемник США на глобальной арене. Это не просто вторая по величине экономика с самым большим выбросом углекислого газа и не просто мировой центр телекоммуникационной индустрии. Китай — это еще и решительный вызов большинству из наших устоявшихся интерпретаций коммуникационной революции, происходящей в наши дни (илл. 12). Китай — не будем при этом забывать, что «Китай» не является ни политическим монолитом, ни бесспорным термином, — напоминает гигантскую политическую лабораторию, в которой разрабатываются многие хитрые технологии, нацеленные на структурирование и контроль закономерностей коммуникационного изобилия, т.е. на приспособление средств Интернета, используемых гражданами,

<sup>13</sup> Li E.X. The Life of the Party: The Post-Democratic Future Begins in China // Foreign Affairs. 2013. January/February. Vol. 92. No. 1. P. 34–46; Berggruen N., Gardels N. Intelligent Governance for the 21st Century: A Middle Way between West and East. Cambridge: Polity, 2012.



Илл. 12. Китайский карнавал № 1: Тяньаньмэнь (фрагмент, 2007), Чень Жу (Chen Zhou) и Хуан Кейи (Huang Keyi)

к динамике устойчивого «постдемократического» режима авторитарного типа.

Выражения «устойчивый авторитаризм» и «авторитарный государственный капитализм» легко соскакивают с языка многих специалистов по Китаю, но на самом деле государственная цензура и контроль в этой стране далеко не так однозначны. В отличие от маоистского тоталитаризма, новый китайский авторитаризм не требует от своих подданных полного подчинения. В вопросах одежды, места работы или дружеских отношений большинство граждан не испытывают никакого вмешательства со стороны властей. Вера в коммунизм теперь не является обязательной; немногие сегодня верят в его принципы, а правящая партия (как утверждает в популярном анекдоте) носит тренировочные штаны «Nike» и тенниски наряду с фуражками Мао. Режим официально приглашает в свои верхние эшелоны интеллектуалов, профессионалов, получивших образование за рубежом, и частных предпринимателей (которых раньше обличали и изгоняли, называя их «путепрокладчиками капитализма»). Партия повсюду. Она гордится своей активной стратегией отбора кадров и своими организациями, которые встроены во все

ключевые бизнес-предприятия, в том числе иностранные компании. Методы управления достаточно умны. Правление за счет общего строгого контроля или постоянного применения силы и устрашения — это, в основном, дела прошлого. Хотя власти отвергают независимый общественный мониторинг, как и честные и свободные всеобщие выборы, они активно ищут поддержки у подданных. Участников протестов не только репрессируют, но также подкупают и консультируются с ними. Навязчивый контроль сверху сочетается с заверениями о необходимости искоренить коррупцию и установить верховенство закона. Много разговоров о демократии. Начальственные окрики и притеснения применяются дозированно. Режим кажется расчетливым, гибким, динамичным, готовым постоянно менять свои методы, чтобы сохранять за собой господствующие позиции.

Все выглядит так, словно бы правящие власти решили опровергнуть принцип (высказанный, как известно, Джеймсом Мэдисоном), согласно которому «народное правительство без народной информации или без средств ее получения — не более чем пролог к фарсу, трагедии или к тому и другому»<sup>14</sup>. Удастся ли это — вопрос открытый, однако на сегодняшний момент Китай является самым большим в мире исключением из этого правила. Его правители утверждают, что их власть коренится в новой, более развитой форме народного правления, которое укрепляет социальную гармонию, обеспечивая материальными товарами и услугами, а также искореняет «вредное поведение», применяя высокопрофессиональные методы контроля информации. Их цель — опровергнуть фарс и остановить трагедию, когда они еще только на подходе. Конечно, Китай постоянно получает самые низкие оценки в глобальных рейтингах медиасвобод. «Репортеры без границ» отметили одно печальное достижение китайского правительства — оно стало рекордсменом по числу журналистов, брошенных в тюрьмы, оказавшись «самой большой в мире тюрьмой для пользователей сети»<sup>15</sup>. Но часто вещи — не то, чем кажутся. Хотя журналистов и правда сажает

<sup>14</sup> Письмо Джеймса Мэдисона У.Т. Берри от 4 августа 1822 г.: *The Forging of American Federalism: Selected Writings of James Madison* // S.K. Padover (ed.). N.Y.: Harper and Row, 1953. P. 337.

<sup>15</sup> Reporters sans Frontières. *Web 2.0 versus Control 2.0*. 2010. March 18. <<http://en.rsf.org/web-2-0-versus-control-2-0-18-03-2010,36697>>. Время доступа — 16 января 2012 г.

ют, это не мешает тысячам журналистов в своей практической деятельности оспаривать правила и уклоняться от них, обычно играя с властью в кошки-мышки. Сложности усугубляются растущим коммерческим давлением на медиа, вытекающим из частичного сокращения государственных субсидий<sup>16</sup>. Многие медиаисточники, чтобы избежать банкротства и перетянуть аудиторию от потенциальных конкурентов, бросаются писать сенсационные и часто достаточно мрачные репортажи (называемые «тофу-статьями»), которые бывают и весьма острыми, особенно когда в центре внимания оказывается местный или даже высокопоставленный чиновник, коррумпированный подачками, похотью, деньгами и властью.

Топография прямого государственного контроля отражает общую сложность режима. Партийное государство в Китае опирается на сложную, как лабиринт, систему необычайно хорошо согласованных друг с другом разрешений и запретов, охраняемую санкциями, которые могут начинаться с чаепития у цензора, строгого выговора редактора или с взысканий на работе, а заканчиваться избиением, устроенным неизвестными головорезами, исчезновением и лишением свободы, иногда отбываемым в «черных тюрьмах», которыми управляют мафиозные группы, нанимаемые властями. Жесткий контроль особенно заметен на телевидении, на общенациональных и местных станциях, программы которых смотрит более миллиарда китайцев. Стремительное распространение телевидения в последние три десятилетия стало одним из наиболее примечательных качеств недавней трансформации Китая. Иностранские спутниковые каналы, такие как CNN, не являются широкодоступными, также периодически их отключают. Аудитории провинциальных и столичных каналов весьма значительны. Программы далеко не всегда ужасны. Иногда они вызывают у публики немалый интерес и провоцируют споры, примером чему может быть конкурс певиц под названием «Super Girl», выпускавшийся в виде сериала в 2004–2006 гг. Производимый провинциальной государственной телекомпанией Hunan Satellite Television (HSB), этот блокбастер привлек огромную аудиторию (заключительный эпизод смотрели около 300 млн зрителей), а также

<sup>16</sup> *Stockmann D. Media Commercialization and Authoritarian Rule in China. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2012.*

стал предметом постоянного внимания медиа, превратившись в некое подобие американской президентской кампании, в которой зрители играют роль «судей», голосуя по телефону или СМС. Официальная многоканальная компания China Central Television (сокращенное английское название которой довольно неудачно — CCTV\*) обличала сериал, называя его «вульгарной манипуляцией», в том числе, несомненно, по той причине, что она управляет единственной общенациональной телевизионной сетью и выступает единственным покупателем иностранных программ. Штат CCTV назначается государством, деятельность и содержание программ компании подлежит строгому двойному контролю со стороны отдела пропаганды и Государственного управления радио, кино и телевидения. Эти организации по всей стране постоянно вмешиваются в содержание программ, например, они могут предписать каналам ограничить длину или частоту развлекательных шоу, передать одобренные государством новостные передачи, а в некоторых сложных ситуациях и не обращать внимание на зрительские рейтинги при составлении расписания программ.

Контроль содержания радиопрограмм также является строгим, причем наверняка более строгим, чем в печати, где сочетание региональных и языковых различий с коммерческим давлением часто приводит к значительным вариациям и уклонению от контроля. В некоторых исключительных случаях игра в кошки-мышки становится изматывающей. Лабиринты партийно-государственного контроля в мире газет трудно постичь даже инсайдерам, и одна из причин такой запутанности в том, что их протяженность и сложность в последние годы многократно выросли под давлением коммерциализации. Более важным стало положительное и отрицательное отношение читателей; в результате появились образцы глубоких журналистских расследований<sup>17</sup>. Если в 1968 г. существовало 42 газеты, сегодня, по общим оценкам, выходит 2200 ежедневных и еженедельных газет, чей оборот превышает 400 млн экземпляров (точные цифры неизвестны в том числе и потому, что издатели уклоняются от

\* CCTV (Close Circuit Television) — «система скрытого видеонаблюдения». — *Примеч. пер.*

<sup>17</sup> Bandurski D., Hala M. Investigative Journalism in China. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2010.

налогов, намеренно занижая тираж, а также потому что газеты часто используют свои собственные сети распространения). Большинство газет работают в качестве поставщиков контента для других медиа — их репортажи многократно прокручиваются через другие газеты и прочие источники информации.

Если репортажи повторно публикуются на больших новостных порталах Китая, таких как Sina.com и QQ.com, они быстро расходятся далеко за пределы исходного источника. Поэтому они остаются мишенью жесткого контроля, особенно когда источники имеют репутацию смелых журналистских изданий (примером является «Southern Weekly» в Гуанчжоу, отважный конкурент куда более смирных органов, вроде «People's Daily» и «Liberation Daily»). Хотя власти иногда применяют искусство «контроля посредством медиа» (*yulun jian du*), поддерживая публикацию критической информации (например, негативных репортажей о низкокачественных пищевых продуктах), официальное регулирование важных новостей из внешнего мира особенно строго применяется в секторе печатной журналистики. Власти партийного государства хорошо понимают, что информация включает «любое различие, которое существенно для какого-либо будущего события» (как гласит хорошо известное определение информации, данное Грегори Бэйтсоном<sup>18</sup>). Вот почему (соответствующие сведения остаются неподтвержденными, хотя количество данных из разных источников постоянно растет) власти активно занимаются грязным делом — проводят кампании по компьютерному саботажу, оставаясь при этом в тени. Саботаж осуществляется правительственными чиновниками, частными экспертами по слежению и изгоями Интернета, которых набирают и спонсируют партийные власти. Их мишенью становятся такие фигуры, как духовный лидер Тибета в изгнании Далай-лама, а также правительства США и их союзников<sup>19</sup>. Эффект информации-как-различия также в значительной мере объясняет то, почему с 2007 г. новостное агентство

<sup>18</sup> Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution and Epistemology. L.: Paladin, Granada, 1972. P. 381.

<sup>19</sup> См. доклады, полученные из разных глобальных источников и перечисляемые на China Digital Times (<<http://chinadigitaltimes.net>>); а также доклад: Lieberthal K., Wang Jisi. Addressing US-China Strategic Distrust // John L. Thornton China Center Monograph Series 4. Washington, DC, 2012. March.

Xinhua работает в качестве контролера иностранных новостей, главного поставщика прошедших редактуру репортажей, а также тщательно отцензурированных и перетолкованных версий материалов, создаваемых ВВС и другими иностранными новостными агентствами. По этой же причине китайские власти с какого-то момента стали заниматься манипулированием потоками информации во внешнем мире, обеспечивая персоналом китаеязычные медиа в США и других странах (такие как «Sing Tao Daily» и другие теле- и радиостанции), скупая их, повышая доходы рекламодателей и предлагая бесплатный, готовый к выпуску медиаконтент, который дает более «благоприятные» оценки китайскому правительству<sup>20</sup>.

На внутреннем фронте грозящие неприятностями, смущающие умы или же конфиденциальные новости фильтруются через так называемую систему «нейкан», состоящую из внутренних справочных докладов (*nèibù cānkāo zìliào*). Они подаются строго ограниченному числу высокопоставленных государственных чиновников пользующимися доверием официальными партийными журналистами из таких органов, как «People's Daily» и новостное агентство Xinhua. Эта система докладов в действительности является сложным механизмом надзора, осуществляемым одними членами партии над другими. Напоминающая дворцовые газеты и отчеты *típaо*, использовавшиеся центральными и местными правительствами в Китае во времена династии Тан (618–907 гг. н.э.), доклады «нейкан» работают в качестве ранних предупреждений, т.е. как конфиденциальные отчеты о расследованиях по таким вопросам, как коррупция, природные катастрофы и общественные смуты, которые признаются потенциальными угрозами имиджу и мощи властей партийного государства<sup>21</sup>.

К информации о монополии на контроль, или о «файерволле» данного конкретного типа, следует относиться с некоторой осторожностью. «Файерволл» — неудачная метафора, которая не помогает понять общие принципы работы китайских медиа.

<sup>20</sup> Mei Duzhe. How China's Government Is Attempting to Control Chinese Media in America // China Brief. 2001. November. Vol. 1. No. 10.

<sup>21</sup> Fang I. A History of Mass Communication: Six Information Revolutions. Boston; Oxford: Focal Press, 1997. P. 30; Cho Li-Fung. The Emergence, Influence and Limitations of Watchdog Journalism in Post-1992 China: A Case Study of Southern Weekend. PhD thesis. University of Hong Kong, 2007.

Интересная черта цензуры в Китае заключается в том, что здесь нет общего руководства с правилами, нормативами и рекомендациями. Журналистам приходится самим догадываться о том, что от них официально требуется, опираясь порой на весьма смутные сигналы и набивая шишки на лбу. Вполне естественно, что в дело вступают силы самоцензуры, поскольку каждому журналисту известно, что любой неверный шаг может слишком дорого стоить. Неопределенные санкции отражаются и закрепляются контролирующими механизмами, распыленными по всему политическому режиму.

Повторим еще раз: Китай — это новый тип устойчивого авторитаризма, форма фантомной демократии, однопартийное государство, которое напоминает тело с одной головой, множеством ртов и рук, многие из которых — в бархатных перчатках. Позволяется многое — финансы, рынки недвижимости, спорт и легкие развлечения, не опасные для нравственного облика партийного руководства. Другие темы не так однозначны и более проблематичны; важным фактором для применения механизмов контроля может быть контекст места и времени, как было, например, во время шестнадцатых Азиатских игр, проводившихся в Гуанчжоу (в середине ноября 2010 г.) под официальным лозунгом «Волнующие игры, гармоничная Азия». Тогда журналистов предупредили о том, что на телевидении, радио и в газетах не должно быть репортажей о «несчастных случаях и накладках»<sup>22</sup>. При этом сохраняют действие общие запреты на особенно острые вопросы. Недопустима критика руководящей роли партии и ее основных фигур; товарищей можно толкнуть сапогом в спину только в том случае, если они уже в опале. Табу наложено и на тему свободных и честных выборов в американском стиле; открытый анализ «проблемных» регионов, таких как Тибет и Синьцзян; а также обсуждение таких «проблемных» тем, как религия, о которой за закрытыми дверями говорят, что она сеет смуту и распространяет заразу по политическому организму. Особенно сложным является вопрос о прошлых преступлениях, совершенных Партией, прежде всего о тяжелейшей катастрофе в китайской истории, Великом голоде 1958–1962 гг., который, по недавним данным, унес жизни почти 45 млн человек, многие из которых были

<sup>22</sup> Интервью с журналистами из Гуанчжоу, 12 декабря 2010 г.



принуждены совершить зверства против собственных семей, друзей и соседей<sup>23</sup>.

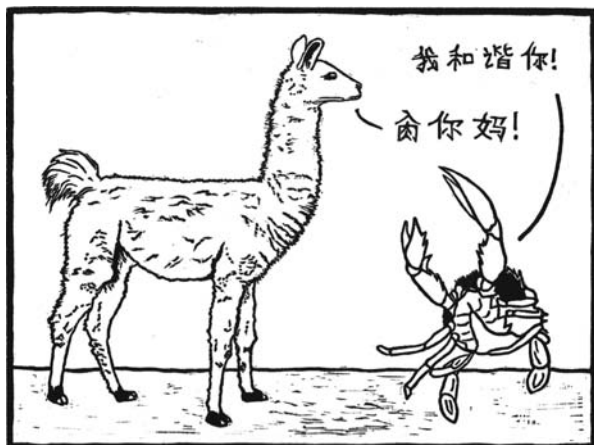
### ЛОШАДКА ИЗ ТРАВЫ И ГРЯЗИ

Сопrotивление партийному государству наиболее заметно в мире сетевых коммуникаций. Китай впервые вышел во Всемирную паутину в 1994 г. Сегодня в стране по оценкам около 500 млн пользователей, т.е. в два раза больше, чем в США; две трети их моложе 30 лет. Китайская Академия наук сообщает, что только в 2008–2009 гг. 90 млн китайских граждан впервые подключились к Интернету. Ожидается, что общий объем интернет-трафика будет удваиваться каждые 5,32 года<sup>24</sup>. Но в официальных отчетах не упоминается о том, что сфера СМС-сообщений, блогов и других цифровых систем питает дух мониторинговой демократии, наделяя его силами. Размах и глубина сопротивления неконтролируемой власти нередко поражают. Режим прикрывается пропагандой, однако развивается и контрпублика. Благодаря сложным системам прокси-серверов и другим методам уклонения от цензуры быстро распространяются многочисленные сальные истории о бесчинствах официальных властей, которым сопутствуют сетевые анекдоты, песни, сатира, пародии и кодовые слова (одним из первых сенсационных примеров такого рода стал талисман «лошадки из травы и грязи»), приобретающие качества мемов и играющие роль атак на государственные разговоры о «гармонии» (илл. 13)<sup>25</sup>.

<sup>23</sup> *Dikötter F. Mao's Great Famine: The History of China's Most Devastating Catastrophe, 1958–1962. L.: Bloomsbury, 2010.*

<sup>24</sup> *Guo-qing Zhang et al. Evolution of the Internet and Its Cores // New Journal of Physics. Chinese Academy of Sciences, Beijing. 2008. No. 10. P. 1–11.*

<sup>25</sup> Мифическая лошадка из травы и грязи, зародившаяся в качестве выложенного в сеть видео, вскоре стала персонажем популярных песенок, поддельных документальных фильмов о природе, мультфильмов и повседневных разговоров. Изначально она была создана как способ в шутку поддразнить правительственную цензуру так называемого вульгарного контента. Лошадка, чье название по-китайски звучит почти так же, как «трахни свою мать» (f\*\*\* your mother) (cáo nǐ mā), фигурировала в ставшем хитом видеоролике, в котором она успешно защищала свое место обитания от «речного краба» (hé xiè), чье название является омонимом «гармонии», любимого пропагандистского штампа. В глагольной форме «речной краб» может означать, что нечто было отцензурировано или «гармонизировано», т.е. «откраблено». «Краб» по-китайски означа-



ИЛЛ. 13. Лошадка из травы и грязи и Речной краб, линогравюра Джесси Вонга (2010 г.). Краб говорит: «Я тебя гармонизирую»; лошадка из травы и грязи отвечает: «Трахни свою мать»

С самого начала сетевой публике противостояла правительственная цензура, методы которой восходили к большевистской стратегии вертикального партийного контроля. Система, опирающаяся на роутерную технологию, использовалась для блокирования нежелательных порций информации, поступающей из внешнего мира; по сути, отдельные части Интернета стали инструментами правящего аппарата Партии. Эта система получила известность как «Великая китайская огненная стена» (файерволл). Сегодня ее тяжеловесные методы все еще часто используются для подавления точек зрения, которые расходятся с господствующими позициями, формулируемыми информационным управлением государственного совета (кабинета министров) и департаментами пропаганды правящей Партии.

Примеры применения файерволла найти несложно. Так, когда пользователи сети в Китае пытаются в браузерах Mozilla Firefox

---

ет также «обидчик». Поскольку Коммунистическую партию, которая должна играть роль гаранта гармонии, часто официально называют «матерью народа», выражение «лошадка из травы и грязи», или «трахни свою мать», указывает на необходимость «трахнуть Партию». Вскоре «лошадка из травы и грязи» стала означать хорошо подкованного в интернет-технологиях противника государственной цензуры.

или Internet Explorer произвести в Wikipedia поиск по словам «медиа в Китайской Народной Республике», им выдается безрадостный отчет: «Связь с сервером была прервана во время загрузки страницы... Попробуйте еще раз». Пробовать нет смысла, поскольку подключиться не удастся — связь будет разрываться механизмом вертикального контроля, применяемого во всех областях, которые признаны властями проблемными. Китайские граждане, регулярно использующие для доступа к Интернету Baidu, самый популярный поисковый сайт в стране, получают похожее сообщение: «В соответствии с местными законами, нормами и политическими решениями некоторые результаты поиска не отображаются». Соответствующая инструкция является частью большей, часто весьма смутной, но распространяющейся на всю страну системы, которая включает конфигурирование инфраструктуры интернет-шлюзов; слежение за пользователями Wi-Fi в интернет-кафе и гостиницах; «фишинг» имен пользователей и паролей в социальных сетях; бан «незаконных или нездоровых» ключевых слов в СМС-сообщениях; а также неудачные попытки ограничить общественную критику «Зеленой дамбы — сопровождения для молодежи» (Green Dam Youth Escort), программы по контролю контента, которая, по постановлению правительства, должна была устанавливаться на всех новых компьютерах ради искоренения «вредной» информации. Та же система включает замедление интернет-соединений, что осложняет или делает невозможным передачу и получение фотографий или видео; внезапные отключения Интернета; прерывание услуг мобильной телефонии, замеченное, к примеру, в июле 2009 г. во время демонстрации с применением силы в провинции Синьцзян. Также в этой системе используется перенаправление пользователей на сайты с вредоносными программами и постоянное вмешательство в сетевые дискуссии о событиях 4 июня 1989 г., двадцатилетие которых было отмечено правительством недельным отключением Twitter, Hotmail и других приложений. Частью той же картины является еще один факт — в 2010 г. Google был вынужден, по неофициальным данным, бороться с организованными атаками на информационную структуру Google.cn, в том числе на службу Gmail, используемую активистами, выступающими в защиту прав человека. Когда всё остальное перестает работать, власти переходят к доцифровым методам — например, к запугиванию свидетелей;

обыскам в сверхурочное время, производимым агентами полиции в штатском, известными как «перехватчики»; к домашним арестам и «ложным освобождениям» (методы, использованные в случае блоггера Ху Цзя и кибердиссидента Хада, которые вели кампании за права монгольских граждан); незаконным задержаниям; избиениям и похищениям.

Похожая картина наблюдается и в других странах Азиатско-Тихоокеанского региона; в последние годы во Вьетнаме, Сингапуре, Таиланде и других странах были сформированы информационные подразделения, занимающиеся созданием программ для слежения в Интернете, а также были запущены программы по интернет-цензуре порнографии, «терроризма», ксенофобских высказываний, сетевых азартных игр и спама (все это сваливается в одну кучу с «распространением вредной информации», «бомбардировкой электронной почтой» и другими общественными протестными кампаниями)<sup>26</sup>. Откровенно декадентской чертой сегодняшних процессов в Китае является применение все более сложных методов интернет-контроля, цель которых — перенаправить недовольство в государственные контрольные механизмы, позволяющие продуктивно его использовать. Новая особенность этих методов в том, что информационные потоки в Китае не просто блокируются, обрезаются файерволлом или цензурируются. Скорее, власти начинают относиться к неограниченной сетевой коммуникации граждан как механизму раннего предупреждения или даже виртуальному паровому клапану, позволяющему спустить недовольство и использовать его в целях властей.

Конечно, в существующей системе контроля немало подводных камней и семантических «ловушек». Все может внезапно пойти не так, как надо, и в этих случаях разгораются споры, охватывающие всю страну, как показывают недавние события. Один из хорошо известных примеров — это так называемый «Инцидент ХР» 2007 г., интернет-волнения, которые были вызваны планами одной тайваньской компании построить химический завод в Сямыне. Хотя местные официальные медиа и местное правительство воздержались от обсуждения вопроса, тысячи

<sup>26</sup> Asian Cyberactivism: Freedom of Expression and Media Censorship / J. Gomez et al. (eds). Hong Kong: Friedrich Naumann Foundation and University of Hong Kong, 2008.

местных граждан начали отправлять электронные письма и СМС, чтобы предупредить других об экологических проблемах, связанных с планируемым заводом. Без всякого центрального руководства вскоре сформировалась кампания в стиле «Выйдем все вместе на прогулку в определенный день и определенное время». Планы по строительству химического завода были через какое-то время отвергнуты. Стилистика такого протеста (неожиданные «гуляния» офисных работников из среднего класса, менеджеров компаний, молодых семей и престарелых людей; тщательно организованные инициативы с применением новых медиа, которые позволяют гражданам говорить и действовать анонимно, поскольку в стране, подавляющей инакомыслие, они боятся возмездия со стороны правительственных чиновников) получила распространение, например, она использовалась в 2008 г. в шанхайских протестах против поездов на магнитной подвеске и общенациональном сопротивлении строительству мусоросжигательных заводов. В этих гражданских инициативах интересно то, что они опираются исключительно на сетевые медиа, продвигают частные и локальные цели людей, которые не бросают вызов легитимности государства как такового, но всего лишь призывают государство выполнять собственные обещания «гармонии» и отвечать перед народом, прислушиваясь к вопросам, касающимся материального и духовного благополучия граждан<sup>27</sup>.

Подобная критика может распространяться очень быстро и широко — отчасти потому, что в Китае, как и во многих других странах, происходящее в сети на одном компьютерном терминале или мобильном телефоне может иметь «решающие» последствия, поскольку пользователи все больше связаны и с другими средствами коммуникации, такими как телевидение и радио. Одно из следствий заключается в ослаблении старой закономерности (изучавшейся Йонгшун Каем и другими), в соответствии с которой местные партийные власти обычно игнорируют или подавляют небольшие протесты<sup>28</sup>. Во многих локальных условиях коммуникационное изобилие помогло изменить баланс сил, дав возможность протестам, в которых участвует небольшое коли-

<sup>27</sup> *Wasserstrom J.* NIMBY Comes to China // *The Nation*. 2008. 4 February.

<sup>28</sup> *Yongshun Cai.* *Collective Resistance in China: Why Popular Protests Succeed or Fail.* Stanford: Stanford University Press, 2010.

чество людей или даже один-единственный человек, привлечь широкое внимание, создавая такой же эффект, как и огромная уличная демонстрация. В прошлом китайцев часто неуважительно сравнивали с «чашей песчинок», однако применение цифровых медиа индивидами, которые иначе оставались бы физически изолированными, позволяет им теперь действовать как гражданам, которые не отказываются от самоуважения, имеют свои собственные ценности и при этом ради достижения частных целей периодически действуют сообща с другими людьми, которых они лично не знают, без «общих лидеров, иногда даже в отсутствие общей политической цели»<sup>29</sup>.

Растущая популярность у граждан, напоминающих Twitter микроблогов (так называемых вейбо — *weibo*) — яркий пример этого тренда. Такие иностранные социальные сети, как Facebook и Twitter, в Китае заблокированы, однако их аналоги процветают. Хотя орган Коммунистической партии газета «People's Daily» также ведет вейбо, в этой сфере господствуют две лицензированные компании (Sina и Tencent), которые в начале 2012 г. утверждали, что их совокупная база составляет более 350 млн пользователей. Как и их иностранные собратья, пользователи вейбо ограничены 140 символами, однако, поскольку китайские символы — это слова, в этих пределах по-китайски можно сказать гораздо больше. Местные пользователи постоянно ретвитят посты друг друга (эта практика получила название «вязание», которое по-китайски звучит похоже на «вейбо») и пишут много комментариев, так что сообщения легко превращаются в разговоры, иллюстрируемые изображениями и другими файлами. Если власти пытаются заблокировать посты, время и технология обычно оказываются на стороне пользователей; как правило, цензоры не поспевают за моментальными перепостами, поскольку попыткам удалить их противодействует публикация скриншотов. Совокупный эффект состоит в том, что разговоры быстро становятся вирусными, что и случилось (если брать хорошо известный пример), когда гражданин с ником «баннер брата», разработчик программного обеспечения в компании Wuxi, за одну ночь стал сетевой знаменитостью, после того как какое-то время постоял с плакатом «Не служим народу» у две-

<sup>29</sup> См. комментарии Ай Вейвэй: *Ai Weiwei. Spiegel-Gespräch: Ich sollte mich schämen* // *Der Spiegel*. 2011. 21 November.

рей местной администрации трудовых отношений. Потеряв надежду, он протестовал против того, что она никак не участвовала в его трудовом споре с бывшим работодателем. Плакат, в котором был переименован партийный лозунг «Служим народу», оказался одним из наиболее эффективных способов приструнить чиновников департамента, поскольку одиночный протест стал известен по всей стране благодаря Интернету, а потом был освещен и в официальных средствах информации<sup>30</sup>.

Цифровые бури часто начинаются внезапно, особенно когда они принимают форму требования к чиновникам правительства, чтобы те больше прислушивались к людям и лучше работали над своими официальными целями, которые состоят в улучшении материального благосостояния и качества жизни китайского населения. Возьмем другой пример — значительную общественную полемику, внезапно вызванную репортажем (от 17 июня 2009 г.) в утренней программе радиостанции «Голос Китая». Как сообщалось в программе, в деревне Си Чань в провинции Чжэнчжоу серьезный конфликт возник из-за решения муниципальных властей отказаться от плана строительства жилья для бедных ради проекта, в котором местные земли должны были использоваться как участок для дорогостоящего комплекса десятка вилл и множества роскошных квартир. Когда один журналист спросил главу Управления городского планирования Дай Юна о причинах такого решения, тот задал журналисту вопрос: «От имени кого Вы говорите? Партии или народа?». Неудачно подобранные слова вызвали лавину интернет-протестов. Десятки тысяч пользователей сети обрушились на чиновника за то, что он нарушил основополагающий принцип Коммунистической партии Китая, согласно которому интересы народа и Партии едины и неделимы. Многие пользователи обвинили Дай Юна в том, что он разводит Партию и народ, делая их врагами, а многие просто в итоге стали говорить, что чиновник и его Управление городского планирования действовали от имени Партии и ее интересов, но в ущерб гражданам. Дай Юн продержался недолго; его начальники по Управлению городского планирования вскоре понизили его в должности.

<sup>30</sup> Lu Yiyi. Chinese Protest in the Age of the Internet // Wall Street Journal. 2010. 14 December.

## БАЛАНСИРОВАНИЕ НА СКОЛЬЗКОМ ЯЙЦЕ

Сталкиваясь с подобными протестами, китайские власти постепенно меняли тактику. Их контрстратегии подтверждают парадоксальное правило: правительства авторитарных режимов намного чувствительнее к народному сопротивлению, чем правительства режимов демократических. Интернет не просто отсекается файерволлом или используется в качестве инструмента подавления и контроля. Достаточно свободная сетевая коммуникация граждан начинает использоваться в качестве инструмента совершенствования способности править. Некоторые симпатизирующие китайским властям комментаторы сравнивают их с умелыми врачами, оснащенными исследовательской аппаратурой и различными инструментами для «непрерывной настройки» (*tiao*) политического организма<sup>31</sup>; критики этих методов «приспособления» медиа к целям вертикального контроля сравнивают их с тем, как «собакам дают игрушки, чтобы они перестали лаять»<sup>32</sup>.

Разделившиеся мнения указывают на то, что официальная репрессивная терпимость к коммуникации — это тигр, ездить на котором опасно, но другого все равно нет. Важное качество всей системы в том, что средства вертикального слежения и политического контроля распределены по лабиринту, простирающемуся с самого верха общества до самого низа, по правительственным департаментам, которые на верхнем уровне включены в министерство пропаганды и информационное ведомство государственного совета, а на нижнем — в провинциальные, окружные и городские администрации а также в офисы менеджеров и сотрудников интернет-компаний как национальных, так и иностранных. Партийное государство постоянно отыскивает новые, более совершенные способы управления населением, например, за счет сложной системы правительственных веб-сайтов, призванных обеспечить взаимодействие с подданными. Эксперименты (например, в провинции Гуандун) с

<sup>31</sup> *Yeo G., Li E.X. China's Parallel Universe // New Perspectives Quarterly. 2012. Spring. Vol. 29. No. 2. <www.digitalnpq.org/articles/global/572/01-20-2012/george\_yeo\_and\_eric\_x\_li>. Время доступа — 10 февраля 2012 г. И мой ответ — Kean J. The China Labyrinth // New York Times. 2012. 14 February.*

<sup>32</sup> Интервью с выдающимся китайским автором и исследователем коммуникаций, Шанхай, 25 июля 2009 г.



виртуальными приемными для подачи петиций, сетевыми веб-кастами, где граждане могут подавать жалобы, а потом видеть и слышать, как с ними работают чиновники, — инновация, подтверждающая вышесказанное. Все департаменты центрального и региональных правительств имеют собственные веб-сайты, как и большинство префектур и администраций окружного уровня. Многими из этих официальных веб-сайтов чиновники не занимаются, поскольку все еще считают их бессмысленной тратой денег и времени. Тогда как другие чиновники не жаждут наделять обычных людей правом выражать свои взгляды на правительственных веб-сайтах, а потому закрывают свои электронные доски объявлений. И при этом время от времени верхушка Партии выпускает инструкции, поддерживающие использование Интернета для отслеживания перемен во мнениях. «Никогда не было столь удобного канала, как Интернет, позволяющего правительству видеть и собирать общественные мнения, — отмечается в инструкции в едва ли не назидательном тоне. — Интернет позволил каждому выражать свое мнение о чем угодно. А потому правительственным органам должно быть намного проще взаимодействовать с жителями и, следовательно, совершенствовать свое правление»<sup>33</sup>.

Ключевые слова здесь — «взаимодействовать с жителями» и «правление»: их употребление указывает на желание правительства использовать Интернет для контроля Интернета. Создание китайского интранета — базовый компонент всей этой стратегии, ориентированной на множество целей и заинтересованных сторон. Критическое значение имела реализация возможности использовать в Интернете китайские символы и введение доменных имен, заканчивающихся на «.cn». Это означает, что всякий раз, когда пользователи выбирают доменные имена, состоящие из идеограмм с окончанием на «.com.cn», они перенаправляются на китайскую версию выбранного сайта; следовательно, они отсоединяют себя от Всемирной паутины и ограничиваются строго изолированным интранетом. Замыкание внутри зоны «.cn» означает подчинение особым дисциплинарным тактикам, поскольку оно предполагает существование в среде, перенасыщенной сетевыми провластными публикациями, обеспечиваемыми

<sup>33</sup> Цитаты из газетной передовицы: Public Opinion via Internet // China Daily (Hong Kong). 2010. 16 December. P. 8.

строго регулируемые государственными медиаплатформами, включающими Центральное телевидение Китая и Xinhuanet. Также стратегически важной считается хорошо организованная интернет-полиция. По мнению некоторых источников, в настоящее время в ней занято около 40 тыс. агентов, и действует она под контролем Министерства общественной безопасности, осуществляющего свои операции на разных линиях фронта и во всех ключевых точках лабиринта. Инструкции, по которым работает эта полиция, недоступны широкой публике, но она не прекращает свою работу ни на минуту. В числе различных тактик — применение сложных программ по «интеллектуальному анализу данных», которые изучают крупнейшие блог-платформы и отслеживают ключевые слова в таких поисковых машинах, как Baidu. За этим может последовать извещение веб-хостерам о необходимости заблокировать, стереть или отредактировать те или иные посты, в которых обнаружено подрывное содержание. Сочетание URL-фильтрации с полным запретом ключевых слов, признанных «вредными», — также общая стратегия блокировки десятков тысяч веб-сайтов.

Правительственные департаменты следят за сетевыми реакциями на свою политику. Отмечаются признаки назревающего недовольства или озлобленные реакции на чиновников. Иногда подаются доклады в местные информационные управления и департамент пропаганды, которые затем принимают решение о том, требуется ли какое-то локальное воздействие. Государственным медиа порой предписывается занять ту или иную позицию по какому-то конкретному вопросу; а новостным сайтам указывается, должны ли они освещать определенный вопрос и как именно, например, иногда требуется делать короткие репортажи, чтобы они не задерживались в памяти слушателей. Общим местом являются призывы к «дисциплине» и «саморегуляции». Иногда официальные речи носят более мрачный оттенок, становясь более назойливыми, например, когда раздаются требования ввести идентификацию авторов микроблогов по реальным именам и предпринимаются определенные шаги в этом направлении. Департаменты по так называемому опровержению слухов, укомплектованные цензорами, тоже включаются в работу. Они сканируют посты на наличие запрещенных тем, а затем выпускают общие опровержения, как было в случае со студенческими беспорядками, которые прокатились по Вну-

тренней Монголии после того, как протестующий пастух был насмерть сбит китайским грузовиком с углем<sup>34</sup>. Ключевую роль сыграли лицензированные интернет-компании. Поскольку им периодически напоминают, что клапаны безопасности могут превратиться во взрывоопасные устройства, они регулярно применяют технологии фильтрации для удаления, редактирования или инфицирования «проблемного» контента. В то же время в официальных кругах вращаются предложения создать «ситуационные центры», системы раннего предупреждения, которые позволили бы разбираться с проблемами до того, как они выйдут из-под контроля.

Среди наиболее хитрых тактик, применяемых властями, — рекрутирование пользователей сети, чье количество постоянно растет (к концу 2008 г., по общим оценкам, их было уже 162 млн). Крайне передовая тактика — затащить их в «кошкину колыбель» подозрений, слежки, разоблачений, похвалы и контроля. Этого можно добиться, поощряя граждан сообщать властям об антиправительственных разговорах или же набирая наемников, известных как «50-центовые блогеры» (названные так по цене, которая исходно платилась властями за регистрацию на форумах и в чатах, где они должны были выступать в защиту правительства). Весьма популярный сайт микроблоггинга, напоминающий Twitter, — Sina Weibo — ввел в действие собственную систему рейтингов, названную «Кредит Вейбо», которая награждает баллами (максимум — 80, минимум — 60) тех пользователей, которые обличают других пользователей, сообщая, что те публикуют «неверную информацию» или же замечены в «личных нападках, плагиате, присвоении чужих идентичностей, преследовании других и т.д.»<sup>35</sup>. Также рутинной становятся призывы органов по надзору за Интернетом к пользователям сети,

<sup>34</sup> Правительство ответило многократно растиражированным сетевым сообщением: «Дорогие студенты и друзья, это было просто дорожное происшествие. Некоторые люди по неясным мотивам истолковали его как этнический конфликт, связали его с нефтью или газом. Правительство со всей серьезностью относится к этому случаю <...>. Мы надеемся, что студенты не станут верить слухам <...>».

<sup>35</sup> См.: *Chin J. Censorship 3.0? Sina Weibo's New "User Credit" Points System // Wall Street Journal. 2012. 29 May. <<http://blogs.wsj.com/chinarealtime/2012/05/29/censorship-3-0-sina-weibos-new-user-credit-pointssystem>>. Время доступа — 29 октября 2012 г.*

чтобы те записывались в «интернет-полемисты». То же самое можно сказать об экспериментах с электронными консультациями, таких как сессии вопросов и ответов, «чаты» представителей властей и граждан, электронные петиции и форумы, например «Форум укрепления страны», который ведется платформой People's Net . Эти методы — или, как говорят некоторые исследователи, «авторитарное обсуждение» — уже включены в официальные рекомендации избегать «неверных изображений китайского народа», поощрять «прозрачность», «уравновешивать» сетевые мнения ради «выправления общественного мнения» (*yulung daoxiang*) и создания «гармоничного общества». Используя все эти выражения, правящие круги хорошо понимают, что занимаются хитрой политической игрой с не совсем ясными правилами, из-за чего и результаты часто оказываются неожиданными. Им постоянно приходится выбирать между своим желанием сохранить контроль, согласованными изменениями и тем, чтобы пустить все на самотек. Они постепенно привыкают к тому, что власть теперь труднее использовать, но легче потерять. Потому им близка новая китайская поговорка: «Раньше правление напоминало забивание гвоздя в дерево, а теперь оно больше похоже на балансирование на скользком яйце». Вооружившись этой максимой, власти считают, что способны совладать с мониторной демократией. «Интернет — это платформа, где каждый может выражать свое мнение, — отметил заместитель директора по пропаганде в провинции Юньнань. — Всегда, когда мнение опирается исключительно на одну сторону, мы будем представлять некоторые иные точки зрения, чтобы общество могло самостоятельно вынести суждение»<sup>36</sup>. Действительно ли доктрина гармонизации одержит верх, опровергнув, таким образом, Джеймса Мэдисона, — это один из глобальных политических вопросов нашего времени, но только будущее сможет дать на него ответ.

<sup>36</sup> Цит. по: *Hille K.* How China Polices the Internet // *Financial Times*. 2009. 18 July.

## *V. Зачем нужна свобода публичной коммуникации?*

**М**ногие, и не только в Китае, но и в других частях света, считают, что уже знают окончательный ответ на этот вопрос. Они уверены, что «либеральный», «западный» или «буржуазный» принцип свободы слова выходит из моды, а может и просто является бутафорией, поскольку одобрительные разговоры о коммуникационном изобилии — лишь маска для неприглядной реальности или просто способ отвлечь от более важных политических целей и задач. Убеждения этих критиков подкрепляются, хотя они могут и не понимать этого, различными декадентскими тенденциями, действующими сегодня против коммуникационного изобилия. Последствия декаданса медиа говорят громче слов. В первые годы XXI в. этот декаданс стал тревожным сигналом, указывающим на то, что свобода коммуникации и ее сестра-близнец, мониторинговая демократия, не являются ни неизбежным, ни необходимым или желательным качеством сложных политических порядков. Диалектика коммуникационного изобилия и декаданса медиа ставит перед нами обескураживающие вопросы: если измерить положительное влияние этого изобилия на мониторинговую демократию и, напротив, вредное и разрушительное воздействие декаданса медиа, а затем свести баланс этих положительных и отрицательных эффектов, чего на самом деле окажется больше в коммуникационном изобилии — риска для жизней граждан и их представителей или все же перспектив? Если зомбирующее воздействие медиасистем на людей всегда зависит от множества сил, в том числе и от предпринимаемых гражданами и их представителями действий, правда ли, что можно найти все больше параллелей с началом XX в., когда печатная журналистика, радиовещание и кино ускорили крах парламентской демократии? Действительно ли декаданс медиа, наблюдаемый в наши дни, является предвестником авторитарных по своей сущности тенденций, которые в конечном счете могут привести к возникновению фантомной демократии,

т.е. политических структур, в которых фирмы не ответственны перед обществом, а правительства заявляют, будто представляют большинство, которое на самом деле является артефактом медиа, денег, манипуляции и военной силы? Если это случится, будет ли при этом что-то потеряно и что именно? Что, собственно, такого в праве граждан и их представителей свободно выражать свои мнения в самых разных институциональных условиях? Попросту говоря: почему кого-то вообще должен волновать декаданс медиа?

### ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОШЛОМ?

Эти вопросы должны напомнить нам о том, что в прошлом бывали обстоятельства, когда нормативный принцип беспрепятственной коммуникации особенно легко замечался по его отсутствию. Например, нам известно, что в результате военного и политического поражения античных демократий классический греческий принцип *parrhēsia* (этот термин можно приблизительно перевести как «смелая честная речь») умер преждевременной смертью, перестав играть роль принципа политической жизни<sup>1</sup>; тогда как позже в обществах средневековой Европы принцип «свободы коммуникации» вообще не был известен. Было много разговоров о необходимости молчания и почтения, об исповеди или речи, почитающей Бога, однако не было общественных защитников «свободы выражения», как и сопутствующей ей веры в способность реальных людей разумно говорить за самих себя, выступая в качестве равных в публичном отношении субъектов. Когда через какое-то время на сцене появились странно звучащие термины, такие как «свобода прессы» и «безусловная свобода самовыражения», они всегда провоцировали споры. Родившись из кровавого политического противостояния, они столкнулись с жестоким сопротивлением, которое оставило неизгладимый след на их определении и их оправдании. Как мы вскоре увидим, по причине философской слабости, утраты контекста и/или в результате политического неприятия многие из исходных европейских оправданий (например, аргумент, гласящий, что свобода коммуникации может поддерживать практическую «рациональность» индивидов) сегодня представляются

<sup>1</sup> Foucault M. Fearless Speech. Los Angeles: Semiotext(e), 2001.

крайне спорными или попросту устаревшими, даже если они по-прежнему используются в качестве политических тропов журналистами, политиками, юристами и т.д. То, что впоследствии стало называться свободой коммуникации, является еще более поздним изобретением (как показал Джон Дарем Питерс<sup>2</sup>). Сам принцип, предполагающий, что можно открыть свои сердца и свой разум настолько, что беспрепятственное самовыражение приведет к прозрачному взаимопониманию, является изобретением конца XIX в. Только с этого времени великая вера в коммуникацию как «причастность, приобщение к внутреннему опыту»<sup>3</sup> начинает порождать такие термины, как «массмедиа», а также понятия коммуникации как обмена информацией, опосредованного медиа, и ее противоположности — искаженной коммуникации, пропаганде и срыве коммуникации.

Термины «декаданс медиа» и «коммуникационное изобилие», несомненно, относятся к этой более старой традиции трактовки свободы коммуникации как важного принципа политического порядка. Выдвижение этого принципа на первый план в значительной мере поддерживалось современной революцией медиа, так что иногда он истолковывался в качестве некоего безусловного блага. Даже когда между спорщиками, абсолютно убежденными во взаимной неправоте и в необходимости заткнуть друг друга, разгораются непримиримые страсти, свобода коммуникации и так называемая свобода прессы остаются двумя общественными благами-близнецами. Эти термины используются как синонимы; на словах постоянно подчеркивается желательность обоих благ. «Свобода выражения, понимаемая в широком смысле, необходима для гражданской, социальной и политической жизни и незаменима для демократии» — вот как обычно формулируется эта мысль, в которой можно усмотреть не только тавтологию. «Без нее коммуникация с гражданами и между ними будет ограничена настолько, что некоторые или многие будут неспособны понимать и оценивать собственную общественную и политическую культуру, а также участвовать

<sup>2</sup> *Peters J.D. Speaking into the Air: A History of the Idea of Communication.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 1999.

<sup>3</sup> *Lowenthal L. Communication and Humanitas // The Human Dialogue: Perspectives on Communication / F.W. Matson, A. Montagu (eds).* N.Y.: Free Press, 1967. P. 336.

в ней»<sup>4</sup>. В большинстве исследований медиа и культуры принцип «свободы медиа» и «свободной публичной коммуникации» обычно принимается за нечто само собой разумеющееся. Иногда он даже используется в качестве удобного клише, как можно понять, например, по трудам аналитиков «качества демократии», которым критерий «свободы коммуникации» представляется измеримым благом, которое якобы можно определить по вполне однозначным показателям<sup>5</sup>.

<sup>4</sup> O'Neill O. News of this World // Financial Times Weekend. 2011. 19–20 November. P. 1.

<sup>5</sup> Пример — критерий «свободы коммуникации» в исследовании «Европейского барометра демократии» (European Democracy Barometer), в котором в силу автоматического включения этого критерия в качестве определяющей переменной он не только принимается за данность, но и определяется достаточно грубыми методами. «Барометр демократии» представляется новым индексом демократии. Официальная цель — «преодолеть понятийные и методологические недостатки существующих количественных оценок, чтобы измерить тонкие различия в качестве устоявшихся демократий» (<[www.democracybarometer.org](http://www.democracybarometer.org)>). Соглашаясь с тем, что «демократия» — это «сложный феномен, который невозможно оценить минимальными инструментами», «Барометр демократии» трактует ее в качестве политической системы, которая достигает «удачного равновесия между нормативными взаимозависимыми нормами свободы и равенства», а потому пытается ограничить отправление властью теми или иными контрольными механизмами. Среди ключевых «демократических функций», которые необходимо измерить, — так называемая публичная сфера. Количественная оценка требует, чтобы эта жизненно важная функция была разбита на два компонента, каждый из которых затем должен измеряться по нескольким «субкомпонентам», или «индикаторам». Здесь можно отметить довольно грубый характер этих индикаторов — по крайней мере, если сравнивать с теми детальными и тонкими трактовками, к которым мы обращаемся в этой книге. В подходе, применяемом «Барометром демократии», подчеркивается, что демократия предполагает «совместное выражение мнений, стремление убедить других людей и найти поддержку», а также «коммуникацию о политике и моральных нормах» в «живом гражданском обществе и активной публичной сфере». Обратите внимание на то, что в их «субкомпонентах» и «индикаторах» смешаны вместе различные практики. Свобода собраний (компонент 1) включает конституционные гарантии свободы собраний и значительное членство в профсоюзах, профессиональных ассоциациях, а также организациях по «защите окружающей среды и прав животных». Модусы и средства коммуникации, используемые этими организациями, не комментируются. Другой критерий (компонент 2) открытой коммуникации в демократии — это «свобода мнения». Он, как указывается, включает конституционные гарантии свободы слова и прессы. Поскольку в «со-



Более взвешенный подход к теме свободной коммуникации заставил бы нас понять, что этот принцип, родившийся в Европе раннего Нового времени, сопровождался шлейфом конфликтующих оправданий, а поскольку принцип свободы коммуникации ставил под вопрос доминирующие истины, он породил множество ожесточенных дискуссий о своей собственной достоверности и географической зоне его применимости. Ключевой пункт в том, что у нормы есть своя история разноплановых споров, которые продолжаются с XVII в. Поразительно, что в эпоху мониторинговой демократии политическое воображение все еще испытывает сильнейшее влияние нескольких оправданий неограниченной свободной коммуникации, унаследованных от эпохи печатного станка. Далее мы увидим, что эти способы осмысления свободы коммуникации сегодня кажутся не столь надежными, как раньше; что используемые ими метафоры устарели, а в аргументации можно найти ошибки; наконец, в значительно изменившихся условиях XXI в. в них чувствуется какая-то «мертвечина»<sup>6</sup>. Однако им удается выживать.

Начнем с примера Джона Мильтона и других *теологических* защитников беспрепятственной печати и свободы слова. Они считали государственную цензуру отвратительной, поскольку она подавляет индивидуальную свободу мысли, возможность рассуждения и выбора христианской жизни. Они полагали, что ключи к свободной коммуникации — это дар небес обычным людям, а потому последние должны культивировать свою рациональность, способность читать и делать выбор между добром и злом по велению совести. Другие поддерживали свободу публичной коммуникации на том основании, что у каждого чело-

временных представительных демократиях публичная коммуникация в основном осуществляется благодаря массмедиа», «Барометр демократии» опирается на странную смесь критериев, включающих импорт газет в отношении к ВВП, «число ежедневных газет на 1 млн жителей» и «политическую нейтральность системы прессы», измеряемую через ее «идеологический баланс» и рыночную долю «нейтральных/независимых газет». В этой книге мы попытались, потратив немало слов, показать, что все это слишком грубые и устаревшие методы, не соответствующие сложной динамике, которая должна опираться на новые понятия, совершенно иную историческую чувствительность и другие методы.

<sup>6</sup> См. мое более раннее рассуждение в кн.: *Keane J. The Media and Democracy*. P. 10–21 (рус. пер.: *Кин Д. Средства массовой информации и демократия*. М.: Памятники исторической мысли, 1994. С. 15–24).

века есть *естественное право* или *человеческое право* свободно выражать и публиковать свои мнения, высказываемые против правительств и за благое правление при верховенстве закона. Тогда как другие, включая Иеремию Бентама, отстаивали *утилитаристский* аргумент в пользу свободы выражения, которая, как предполагалось, способна предотвратить деспотическое правление путем принятия и применения парламентских законов, обеспечивающих наибольшее счастье для наибольшего количества граждан. Некоторые критики этой утилитаристской защиты свободы коммуникации указывали на то, что, поскольку полезность сама является вопросом мнения, более фундаментальную роль играет истинность мнения. Сторонники принципа достижения Истины за счет неограниченной публичной дискуссии граждан — среди наиболее известных защитников этой концепции был Джон Стюарт Милль — настаивали на том, что только свободная пресса может гарантировать то, что гражданам будут доступны «факты» и аргументы об этих «фактах», что позволит им ставить под вопрос и исправлять ложные мнения, помогая таким образом победе Истины над ложью.

Явные следы этих изначально европейских аргументов, родившихся в период раннего Нового времени, и сегодня различимы в том, как многие люди говорят и думают о «медиа». Так, некоторые политики используют теологические термины, когда говорят о конституционной защите богоданной «свободы выражения»; а профессиональные журналисты и редакторы описывают свою работу так, будто бы они «говорят власти правду». Несмотря на очевидные понятийные расхождения всех этих аргументов, их совокупное воздействие состояло в том, что принцип «свободы коммуникации» приобрел калейдоскоп возможностей. Тот факт, что для многих людей он в разные времена и в разных условиях означает совершенно разные вещи, как раз и являлся секретом его огромного глобального влияния. Тем не менее каждый аргумент за свободу коммуникации, если рассмотреть его отдельно от других и с учетом его истории, выглядит убедительно.

В философском плане каждая точка зрения по свободе коммуникации потворствовала комплексу величия, полагая себя чем-то неоспоримым и универсально приложимым. Уподобляясь, и не только мимолетно, тирану, стремящемуся править

неограниченной территорией, каждая мыслила себя в качестве «права», которое не способны опровергнуть возражения, вопросы или сомнения, вытекающие из контраргументов других людей. Оглядываясь назад, мы понимаем, что каждый подход страдал и от других, так и неустраненных осложнений, скрывающихся внутри его базовой аргументации. Например, вскоре стало ясно, что христианские теологические оправдания «свободы» прессы несовместимы со взглядами на тот же самый вопрос, выражаемыми буддистами, мусульманами, индуистами, а также нерелигиозными людьми. В разговорах о «естественных правах», или «правах человека», решенными считались многие важные вопросы: о предположительно «естественном», или «человеческом», качестве этих прав; о том, почему у них не может быть иных определений в других географических или исторических условиях; о том, как и почему случаются «неестественные», или «нечеловеческие», нарушения этих прав; наконец, о том, есть ли у «нечеловеческого мира» право голоса в делах человека<sup>7</sup>. Мысль о том, что свобода коммуникации необходима для минимизации боли и максимизации счастья, обходила стороной острые вопросы о спорном значении боли и удовольствия, а также о склонности определять счастье через частную собственность и накопление богатства (подобная склонность совершенно очевидна в бентамовской версии утилитаризма). Защита свободной коммуникации как гаранта Истины опиралась на дискредитированную метафизическую идею объективной, существующей на какой-то дистанции от нас «реальности», которая может быть резюмирована в виде «фактической истины»<sup>8</sup>, и т.д.

Странное ощущение старомодности этих оправданий проистекает также из их антидемократических предпосылок. Каждое из них, родившись в прошлую эпоху, когда демократия в ее представительной форме только-только закреплялась, сочеталось с убеждением в том, что шумная, бездумная и разгоряченная толпа, известная как «народ», на самом деле угрожает

<sup>7</sup> См.: *Eckersley R. Representing Nature // The Future of Representative Democracy / S. Alonso, W. Merkel, J. Keane (eds). Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2011. P. 236–257.*

<sup>8</sup> См.: *Vattimo G. A Farewell to Truth. N.Y.: Columbia University Press, 2011.*

цивилизованному порядку. Часто цитирующиеся аргументы Давида Юма в защиту «свободы прессы», которую он считал необходимым предварительным условием ограниченной или конституционной монархии, отлично иллюстрируют эту глубочайшую амбивалентность демократии. Настаивая на том, что идеал свободной прессы сам является историческим изобретением (в этом он был прав), Юм мыслил свободу коммуникации в протореспубликанских терминах. «Необходимо часто возбуждать дух народа, чтобы обуздать честолюбие двора, — писал он, — а боязнь возбудить этот дух нужно использовать, чтобы не допустить возникновения указанного честолюбия». Протореспубликанство Юма требовало на словах воздавать хвалу духу народа, однако метафоры, применявшиеся им для обоснования свободы прессы, скрывали глубокие сомнения и страхи относительно непостоянства народа. Свобода прессы — это «общее право человечества», поскольку она приводит к разрядке подерванного потенциала «пересудов» и «тайного недовольства», предъявляя их законодателям, так что у последних появляется время на исправление плохих законов. «Следовательно, свобода прессы, пусть ею и злоупотребляют, вряд ли когда-либо способна вызвать народные волнения или восстания». Свобода прессы — это в действительности средство от «разглагольствований народных демагогов», от которых страдала древняя афинская демократия. Сдерживая легкомысленность демократии, она поощряет людей к рассудительности, к тщательному обдумыванию разных предметов, к спокойному и мирному чтению, наконец, к неторопливости в своих поступках. Свобода прессы — мощный противовес порывистости. «Человек читает книгу или памфлет в одиночестве, с холодной головой, — заключал Юм. — Рядом нет никого, от кого он мог бы подхватить страсть, которая бы его заразила. Его не гонит прочь сила и энергия действия»<sup>9</sup>.

<sup>9</sup> *Hume D. Of the Liberty of the Press // Essays Moral, Political, and Literary. Essay 2. L., [1742] 1889.* Шведский основополагающий «Закон о свободе печатной прессы» 1766 г. был предвосхищен представителем того же поколения, Питером Форсскалом, использовавшим похожие метафоры: «Мудрое правительство... позволит народу выражать свое недовольство пером, а не ружьями, поскольку одной рукой оно просвещает, а другой — успокаивает и предупреждает восстание и беспорядок» (*Forsskål P. Thoughts on Civil Liberty (Tanka om Borgerliga Friheten).* Stockholm, 1759. Sect. 9).

## СВОЕВОЛЬНАЯ ВЛАСТЬ

Формирование представительной демократии со всеобщим избирательным правом, проходившее в бурных обстоятельствах и нередко при ожесточенном сопротивлении сильных элит, привело к тому, что юмовский образ мысли оставил глубокий след, сохраняющийся и поныне. Мы все еще можем заметить его, к примеру, в утверждениях об облагораживающем влиянии образования на характер несдержанных молодых людей; в обвинениях безработных бедняков, которые якобы стремятся образовать беспорядочную толпу; и в идеализированной защите сложившейся в начале XX в. на BBC модели широкого вещания, которое считается лучшим средством от повальной коммерциализации и бестолковой конфронтации мнений, не уравновешенных вне рыночными принципами беспристрастности, честности и общественного служения. Дух юмовского требования обуздывать и уравновешивать честолюбие власть имущих и одновременно обделенных тем не менее сохраняет свое значение. Он находит выражение в рамках той точки зрения, которая, вероятно, является сегодня наиболее сильным из всех имеющихся у нас оправданий свободы публичной коммуникации, согласно которому эта свобода в теории и на практике служит для того, чтобы препятствовать самовольной власти и предотвращать ее.

Согласно этому подходу, каждый раз, когда люди действуют произвольно, они действуют в согласии с *arbitrium*, т.е. принимают решения вне всякой связи с тем, что делают, думают или говорят другие, и безо всякого уважения к ним<sup>10</sup>. Те, кто осуществляет своевольную власть, поступают так, словно бы они получили на это право от некоего высшего существа<sup>11</sup>. Вот почему им

<sup>10</sup> Данный раздел опирается на работы: *Krygier M. The Rule of Law // Oxford Handbook of Comparative Constitutional Law / M. Rosenfeld, A. Sajó (eds). Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 233–249; Krygier M. The Rule of Law: Legality, Teleology, Sociology // Relocating the Rule of Law / G. Palombella, N. Walker (eds). Oxford: Hart, 2009. P. 45–69.*

<sup>11</sup> В возражениях против своевольной власти, которые стали появляться в раннее Новое время, обычно в качестве главной причины нелегитимности указывалось ее противление Богу. Следы этой точки зрения сохранились вплоть до XIX в., как можно понять по замечанию в тексте Токвиля «Тирания большинства», входящем в его «Демократию в Америке». См.: *Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. Ch. 15. N.Y.: A.A. Knopf, 1945. P. 270.* «Всевластие само по себе дурно и опасно. Оно не

совершенно не важно, чего могут хотеть другие. Если отбросить изощренные самооправдания и алиби, ясно, что с другими они обращаются неуважительно. Они возводят себя на пьедестал, а потому отвергают принцип достоинства — императив, согласно которому людей следует считать существами, достойными уважения, поскольку они способны публично объяснить свои действия себе и другим. Носители своевольной власти пытаются исказить правила игры в свою пользу. Они ограничивают или полностью лишают других людей возможности ставить под вопрос их власть или активно отказывать им в ней. Иногда они прибегают к устранению своих противников посредством пыток, тюремного заключения, похищения или убийства.

Эта линия рассуждений о своевольной власти указывает на то, что свобода коммуникации — главный принцип, поскольку она позволяет гражданам и их представителям высказываться против своевольного отправления власти. Предполагается, что их способность свободно публично выражать свою обеспокоенность является противоядием от *страха*, порожденного своевольной властью. Когда некоторые люди, например работодатели, правительственные чиновники или группы вооруженных людей, действуют без всяких ограничений, ничего не обсуждая с другими, существование тех, кто им подчинен, переполняется неопределенностью и тревогой, иногда настолько большой, что они начинают бояться за свою жизнь, а их действия оказываются парализованными. Своевольная власть — это власть непредсказуемая; ее неограниченность означает, что она может действовать по злобе, из каприза, произвольно меняя направление или желая отомстить своим жертвам. Свободная коммуникация с другими, собрание испуганных может способствовать рассеиванию этих страхов; также она может послать сигналы носителям своевольной власти, говорящие о том, что страх — это публичная проблема, что он может разрушить жизни людей, а потому терпеть его больше нельзя.

---

по силам никакому человеку. Оно не опасно только Богу, поскольку его мудрость и справедливость не уступают его всемогуществу. На земле нет такой власти, как бы уважаема она ни была и каким бы священным правом ни обладала, которой можно было бы позволить действовать без всякого контроля или повелевать, не встречая никакого сопротивления» (рус. пер.: Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 198).

Однако свобода коммуникации — это не просто оружие, предупреждающее причинение другим ущерба. Ее защитная функция обладает конструктивными следствиями: она служит более позитивной цели, напоминая другим о значении культивирования *достоинства* граждан. Свободная коммуникация — это форма действия. Она опровергает тот взгляд, будто единственное назначение граждан — кланяться и расшаркиваться перед своими господами. Пресмыкательство с ней несовместимо. Свобода коммуникации предполагает, что граждане способны самостоятельно определять свои планы на жизнь. Следовательно, она предвосхищает и требует прекращения такого отношения к людям, которое делает их объектом воли других людей. Иначе говоря, свобода коммуникации — это союзница *политической свободы* граждан, возможности проживать свои жизни, зная о том, что над ними не будет измываться своевольная власть. Когда граждане обладают свободой самовыражения, т.е. выражения своих мыслей и тревог, свобода коммуникации служит *ненасильственному согласованию и разрешению* их потенциально конфликтующих точек зрения на то, кто что, когда и как должен получать. Из неограниченной коммуникации вытекает возможность расцвета *демократической политики*. Такая коммуникация указывает на возможность мира, в котором власть уже не подчиняется правлению более богатого, сильного и капризного, мира, где подлог, ложь, беззаконие и насилие презираются, а те, кто стоит у власти, должны отчитываться в своих действиях и публично отвечать за них.

## СКРЫТАЯ ВЛАСТЬ

Те, кто властвует своевольно, обычно скрывают свой образ действий. Выдающийся итальянский теоретик демократии прошлого поколения Норберто Боббио (1909–2004) описывал логику сокрытия во многих своих работах, посвященных этой теме. Он постоянно предупреждал об антидемократических последствиях не подотчетной обществу власти, которую он считал угрозой, возникающей сразу из нескольких источников. «Демократия — это попытка сделать власть видимой для каждого, — писал он. — Она является или, по крайней мере, должна быть “властью на публике” <...> формой правления, при которой сфера невидимой власти сводится до абсолютного минимума». Он

любил подкреплять свою мысль знаменитой цитатой из Канта: «Несправедливы все относящиеся к праву других людей поступки, максимы которых несовместимы с публичностью». Видимость власти — это ключевой принцип демократии, но на практике, как утверждал Боббио, сегодняшние демократии страдают от различных типов власти, не ограничиваемой публичностью. Этот тренд оттеняет основную политическую проблему: «Власть стремится скрывать саму себя. Власть тем больше усиливается, чем более скрыта она от взгляда»<sup>12</sup>.

Боббио был совершенно прав, когда говорил об опасностях того, что сам он называл по-разному — «скрытыми властями», «субправительством», «скрытой властью» и «криптогосударством». Однако есть одна странность в его удивительно многочисленных трудах о власти и демократии — в них очень редко обсуждается тот парадоксальный факт, что в эпоху коммуникационного изобилия скрытые власти обычно заключены в оболочку формообразующих структур и динамики медиа<sup>13</sup>. Дело не

<sup>12</sup> *Bobbio N. Hidden Powers // Bobbio N., Viroli M. The Idea of the Republic. Cambridge: Polity, 2003. P. 82–89.* Цитата Канта из трактата «К вечному миру»: *Kant I. Perpetual Peace: A Philosophical Sketch // Kant I. Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press, [1795] 1991. P. 126* (рус. пер.: *Кант И. К вечному миру // Кант И. Соч. Т. 6. М., 1996. С. 303*).

<sup>13</sup> Демократия и медиа стали темой для нашей с Норберто Боббио застольной беседы во время долгого, весьма оживленного обеда, прошедшего в его заставленной книгами туринской квартире вскоре после публикации моей работы «Средства массовой информации и демократия» (1991). В какой-то момент я попросил его объяснить, почему он, опубликовав более тридцати книг по философии, политике и праву, почти ничего не написал о средствах коммуникации и власти. В том ли причина, что он считал само собой разумеющейся силу письменного слова, которому он отдавал предпочтение — как автор множества книг и эссе, давний редактор «*Rivista di Filosofia*» и постоянный автор туринского ежедневного издания «*La Stampa*»? Например, каковы политические эффекты телевидения в условиях демократии? Боббио ответил резко. Он объяснил, что эксперты сильно переоценивают влияние электронных медиа. Я поинтересовался, есть ли у него телевизор? Он ответил, что телевизор у него есть, но согласился с тем, что смотрит он его редко, что позже я и сам понял, когда увидел, что он стоит в темном углу комнаты, а его экран закрывают старомодные деревянные дверки. Но я продолжал расспрашивать: что, собственно, можно сказать о миллионах людей, которые на самом деле смотрят телевизор, причем много? Ведь правда же, что Маршалл Маклюэн и другие авторы выявили его эпохальное значение, его ощутимую власть над нашими телесными органами чувств? Не-



только в том, что используемая Боббио метафора невидимости, вероятно, слишком тесно связана с определенными послылками о телевидении и зрении как первичных средствах коммуникации. Более важно то, что поскольку «невидимая» власть ныне прикрывается публичностью, совершенно необходимо заново осмыслить тему своевольной власти в контексте диалектики коммуникационного изобилия и декаданса медиа, анализируемой в этой книге. Эту идею можно заострить. Свобода коммуникации граждан, т.е. свобода *от* декаданса медиа, хороша не только потому, что она дает возможность этим гражданам жить демократически, т.е. свободно и достойно, в равенстве и не боясь того, что страх разъест им души. Она представляет собой жизненно важный принцип и по другой, менее очевидной, но более настоятельной причине: она является наиболее эффективным средством против *опасного* накопления власти, осуществляющегося в форме крупномасштабных и крайне рискованных правительственных и бизнес-экспериментов по реорганизации жизни граждан и их среды, которые порой приводят к катастрофическим последствиям.

Сегодня такие авантюры власти называют «мегапроектами»<sup>14</sup>. Мегапроекты, иногда фигурирующие под невинным эвфемизмом «большая программа», включают широкий спектр ини-

терпеливо махнув рукой, Боббио отговорился тем, что подобные тезисы почти ничем не подтверждаются. Напротив, по его мнению, данные говорят о том, что немногие люди относятся к телевидению серьезно. У большинства есть здоровая дистанция по отношению к программам передач, форматам и тропам. Потом Боббио рассказал анекдот, подтверждающий его точку зрения на бессилие современных электронных медиа. Он объяснил, что, исполняя роль пожизненного сенатора, он недавно согласился дать телевизионное интервью. На следующее утро он совершил запланированный визит к своему парикмахеру, который поздоровался с ним и тут же отметил, что накануне вечером видел своего уважаемого клиента на национальном телевидении. Боббио, пользуясь случаем, спросил его, что тот думает об интервью. «Профессор, — воскликнул парикмахер, — я даже не представляю, о чем Вы говорили. Я все время думал, что Вам пора постричься!» Если учесть более поздние процессы в итальянском медиапространстве, особенно его заражение ядовитым духом берлусконизма, анекдот Боббио сегодня кажется удивительно благодушным, чем-то вроде чудаковатой привязанности крупного публичного интеллектуала к книжному миру, подходящему лишь немногим.

<sup>14</sup> См.: Flyvbjerg B., Bruzelius N., Rothengatter W. Megaprojects and Risk: An Anatomy of Ambition. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press,

циатив, начиная со строительства и обслуживания подводных каналов, междугородних высокоскоростных железнодорожных сетей или аэропортов и заканчивая заводами по производству сжиженного газа и атомными электростанциями. К подобным авантюрам власти относятся военные инновации (например, разработка и реализация беспилотных летательных аппаратов, или так называемых дронов), а также эксперименты по производству и маркетингу «нематериальных» активов в бизнес-мире, в том числе глобальная теневая банковская система, которая в последние годы выросла настолько, что стала конкурентом основных банков, поскольку она осуществляет кредитно-заемные операции на базе секьюритизации, целевых механизмов (SPV), ценных бумаг, обеспеченных долговыми обязательствами (CDO), кредитно-дефолтных свопов и других нерегулируемых инструментов.

Мегапроекты отличаются астрономическими масштабами проектировочных и строительных издержек (не менее 1 млрд долларов), а также значительной сложностью, размахом и глубочайшим воздействием на человеческие сообщества и жизненную среду. В плане распределения власти они обычно являются гибридными образованиями, которые включают союзы компаний различного размера, а также финансирование и логистическое обеспечение, предоставляемое правительствами. Мегапроекты ставят под вопрос общепринятое различие рынков и государств. Хотя иногда они иницируются или ратифицируются избранными правительствами, мегапроекты больше напоминают огромные опухоли своевольной власти, разросшиеся в политическом организме демократии. Детали их проектов, финансирования, строительства и функционирования обычно определяются наверху; когда же речь о военных и коммерческих мегапроектах, очень часто все вопросы решаются в строжайшей секретности при весьма ограниченном мониторинге со стороны внешних групп и при почти полном отсутствии парламентского надзора или активного участия избирателей.

Для мониторинговой демократии мегапроекты — это палка о двух концах. Они создают рабочие места и значительное богатство, рыночные товары, научно-технические знания и более

---

2003 (рус. пер.: Флиvbьорг Б., Брузелиус Н., Ротенгаттер В. Мегапроекты и риски. Анатомия амбиций. М.: Альпина Паблшер, 2014).

совершенные услуги. Благодаря многим из этих проектов жить становится легче. Нередко оказываясь предметом локальной или общенациональной гордости, они порождают значительные прибыли, но даже в тех случаях, когда золотой дождь так и не начинается, они существенно увеличивают частные состояния своих менеджеров и акционеров. Некоторые люди благодаря мегапроектам становятся мегабогатыми. Но это еще не всё. В силу высоких невозвратных издержек, сложности и масштаба, если оценивать их по количеству людей, на жизни которых они влияют, мегапроекты могут привести к крайне пагубным последствиям. Дело не только в том, что они похожи на хищников, сеющих хаос в демократической среде, или, если воспользоваться другой метафорой, в том, что мегапроекты отстраняют и приостанавливают демократические процедуры, внедряя различные формы постоянного чрезвычайного правления. Когда на мегапроектах возникают те или иные аварии, к которым они довольно легко приводят, они оказывают на людей и биосферу разрушительное воздействие, масштабы которого были просто немислимы для наших предков.

Масштаб помогает понять, почему это так. Мегапроекты — это крайне насыщенные системы власти, отпечаток или радиус воздействия которых не имеет прецедентов в истории человечества. Некогда большинство людей на нашей планете, даже если их судьбы были связаны с империями, жили и любили, работали и играли в географически ограниченных сообществах. Им никогда не приходилось иметь дела со всем человечеством как фактором своей повседневной жизни. Например, всякий раз, когда они в своей среде совершали те или иные опрометчивые действия, они могли переехать в другое место, твердо зная, что на Земле полно места и не так много других людей. Если случалось что-то плохое, всё ограничивалось некоторыми пределами. Последствия оставались локальными. Когда нечто плохое случалось в другом месте, на расстоянии, за горизонтом жизни людей, оно не имело к ним никакого отношения. Они могли сказать (если воспользоваться шотландской поговоркой): «Если это не мои деньги, мне и бояться нечего». Расстояние и время защищали их от экспериментов и несчастий других.

Новые авантюры власти радикально меняют эту логику «с глаз долой — из сердца вон», определявшую жизнь людей. Их размах и связи с региональными и глобальными процессами приводят

к тому, что все большее число людей и все большие участки их среды оказываются затронутыми тем, что происходит в значительно удаленных местах. Эти проекты могут принести нашему миру двойной вред. Их беспримерная способность создавать системы своевольной власти, позволяющие некоторым представителям нашего вида господствовать над многими другими, как и над всей нашей биосферой, сопрягается с растущей возможностью того, что в случае провала этих рискованных авантур итоговые катастрофы всегда будут иметь непредсказуемые и, скорее всего, необратимые разрушительные последствия гигантского масштаба.

### ВЛАСТЬ МОЛЧАНИЯ

Бывает, что мегапроекты начинают идти вразнос. На стадиях проектирования и исполнения они страдают от различных строительных проблем, нехватки бюджета и задержек в графике. Рост издержек производства в случае гонконгского аэропорта стоимостью 20 млрд долларов оказался настолько большим, что некоторое время он оказывал негативное влияние на всю локальную экономику. Проект тоннеля под Ла-Маншем, стоимость строительства которого вдвое превысила исходную смету, пострадал от того, что несколько фирм едва не обанкротились в процессе его реализации. В Австралии, излюбленной стране мегапроектов, только один из пятнадцати подобных проектов, одобренных в прошлое десятилетие (3,3-миллиардный проект завода по производству сжиженного газа компании Conoco Phillips), был завершен в срок, оставшись в рамках намеченного бюджета. Уже после завершения строительства и введения в строй мегапроекты страдают от хронических проблем в функционировании и «нормальных несчастных случаев», происходящих в результате непредвиденных и необратимых сбоев, тесно связанных друг с другом<sup>15</sup>. Иногда неполадки наносят непоправимый ущерб. Отсюда и всем известные события: утечка газа и химикатов в Бхопале, перегрев ядерного топлива в Чернобыле и гигантские разливы нефти, случившиеся по милости Exxon Valdez и Deepwater Horizon (илл. 14). Похоже, что катастроф та-

<sup>15</sup> Perrow C. Normal Accidents: Living with High-risk Technologies. Princeton: Princeton University Press, 1999.



Илл. 14. Бригады пожарного судна на плавучей нефтяной вышке Deepwater Horizon (апрель 2010 г.)

кого типа все больше и случаются они все чаще. Они предвещают мрачное будущее, когда целые народы и многие части нашей планеты могут стать жертвами рискованных экспериментов власти, сбои в которых порождают взаимосвязанные, трансграничные и порой смертельно опасные последствия, причем некоторые из них оказываются необратимыми.

Почему они возникают? Почему мегапроектам так часто не удается доказать на деле истинность восторженных речей в их защиту, так что нередко связанные с ними сбои и аварии приводят к разрушительным последствиям? В том ли причина (как считает народная молва, а иногда и некоторые серьезные аналитики), что эти проекты обычно находятся в руках альфа-самцов, чье «последовательное» мышление уступает женскому «параллельному» мышлению? Или же их можно считать обусловленными естественным отбором, который поощряет самообман, а может быть, и тем, что в промышленную эпоху люди взялись переделывать мир, хотя у них остались доисторические мозги, которые могут распознать только простые ньютоновские при-

чины и следствия, так что мы способны мыслить только в примитивных визуальных терминах?<sup>16</sup>

В редукционистских объяснениях могут содержаться интересные идеи, однако они неправдоподобны. Есть много причин и виновников провалов мегапроектов. Свою роль играют такие силы, как простой человеческий просчет, слепая самоуверенность и нетерпеливость руководителей, неэффективное «хеджирование» от риска неожиданных событий. Плохие решения, вызванные слабой координацией и разбросом цепочек ответственности, систематической ложью (которую политические аналитики иногда называют «стратегической дезинформацией») и непредвиденными цепными реакциями, также сказываются на порой случаемых сбоях и срывах.

Гигантские размеры и чрезвычайная сложность мегапроектов определяют их предрасположенность к проблемам с координацией и управленческим провалам, но при этом на кону далеко не только их «когнитивные ошибки»<sup>17</sup>. Все больше данных, говорящих о том, что их дисфункции проистекают в конечном счете из отказа от надежного внутреннего и внешнего публичного контроля. Конечно, не все катастрофы являются рукотворными, и не все мегапроекты рушатся. Однако, когда в них возникают проблемы, что бывает в большинстве случаев, причиной этого чаще всего является приватизация риска. Руководители ошибочно предполагают, что их мегаорганизациями можно управлять молча — при соблюдении молчания внутри организации и за ее пределами.

Здесь налицо парадоксальная динамика, поскольку молчание на самом деле *производится* — обычно за счет интенсивных пиар-кампаний, которые окружают своеобразным коконом властные авантюры, защищая их от строгого общественного контроля за счет фабрикация позитивного ощущения их необходимости и совершенства. Парадоксальное производство молчания посредством пиар-кампаний невозможно понять через

<sup>16</sup> Последние из указанных объяснений предложены в работах: *Trivers R. Deceit and Self-Deception: Fooling Yourself the Better to Fool Others.* L.: Penguin, 2011; *Vollmer G. Wissenschaft mit Steinzeitgehirnen?* // *Mannheimer Forum.* 1986. Vol. 86. No. 87. P. 9–61.

<sup>17</sup> *Fukuyama F. Afterword // Blindside: How to Anticipate Forcing Events and Wild Cards in Global Politics / F. Fukuyama (ed.).* Washington, DC: Brookings Institution Press, 2007. P. 170.

хорошо известную теорию спирали молчания Ноэль-Нойман, предполагавшую, что отдельные люди молчат, поскольку боятся, что большинство их отвергнет. Мегапроекты действуют в условиях, насыщенных медиа, и их динамика отличается. Скорее, это похоже на то, что антропологи называют «эффектом Расёмона» (по фильму Акиры Куросавы 1950 г. «Расёмон»)<sup>18</sup>. Смысл в том, что власть мегапроектов таится под покровом из множества реальностей; скрытые повестки защищаются разнообразными программами производства молчания, функционально зависящего от риторики, т.е. того, что говорится и демонстрируется внешней публике.

Когда такое случается, побеждают молчаливое попустительство и слепая вера в сложные операции как внутри мегапроекта, так и за его пределами. Процвествуют групповое мышление, сознательная слепота и необузданное восхваление<sup>19</sup>. Мыслить немислимое, публично ставить под вопрос цели и образ действий — все это представляется чем-то ненужным и табуированным. Руководители среднего звена не дают плохим новостям подниматься вверх по внутренней иерархической лестнице. Смутьянов из организации изгоняют. Еретиков осаживают или игнорируют. Для обсуждения необсуждаемого требуется сила духа, а ее часто не хватает. Молчание поощряет сотрудников всех уровней отстраняться от его моральных последствий; они

<sup>18</sup> *Noelle-Neumann E.* The Spiral of Silence: Public Opinion — Our Social Skin. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1984; *Fernandez J.W.* Silences of the Field // *Silence: The Currency of Power* / M.-L. Achino-Loeb (ed.). N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2006. P. 161–163.

<sup>19</sup> Основополагающая работа по этим темам была проделана четыре десятилетия назад американским психологом Ирвином Дженисом (1918–1990). Он назвал «групповым мышлением» (groupthink) стремление людей, принимающих решение в группе, лгать другим и игнорировать негативные данные ради сохранения спокойствия, выполнения поставленной задачи и укрепления флангов. В работе «Жертвы группового мышления: психологическое исследование решений и фиаско в области внешней политики» (*Janis I.* Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign-policy Decisions and Fiascos. Boston, MA: Houghton Mifflin Company, 1972) он показал, что групповое мышление сыграло фундаментальную (и в конечном счете катастрофическую) роль в решениях по американскому вторжению на Кубу в «Заливе Свиней». См. также: *‘t Hart P.* Groupthink in Government: A Study of Small Groups and Policy Failure. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1994; *Beyond Groupthink: Political Group Dynamics and Foreign Policy-making* / P. ‘t Hart et al. (eds). Ann Arbor, MI: University of Michigan Press, 1997.

приходят к выводу, что это не их задача — решать проблемы, или же думают, что проблемы решатся сами собой. Журналисты им подыгрывают; стандартное сочетание обещанных привилегий, sine cur и чрезмерной зависимости от официальных подачек делает их послушными. Они превращаются в «фотографов пролетающих самолетов», чирлидеров авантюры власти, в винтики «эластичного» или «вязкого» механизма корпоративной культуры.

## МОЛЧАНИЕ

Значительные эпизоды публичного умолчания, производимого масштабными властными авантюрами, относятся к числу наиболее странных и парадоксальных черт обществ, насыщенных медиа, которые во всех иных случаях способствуют высокой концентрации открытых протестов, публичному гвалту, провоцирующему требования снизить уровень подобного шума ради «человечества, а также находящейся под постоянным давлением среды обитания»<sup>20</sup>. Поэтому стоит подвергнуть это молчание более глубокому анализу.

Если учесть фундаментальное значение молчания как властного ресурса в конструировании, реализации и функционировании мегапроектов, печально, что так и не был написан политический трактат о молчании и его разнообразных эффектах. Все выглядит так, словно бы непроницаемое политическое молчание окутало саму тему молчания, а потому считается, будто его изучение должно проводиться где-то еще, например в семиотике, антропологии или социолингвистике, где в исследовании человеческого языка неоднократно подчеркивалось, что «удивительную реалию, которой является язык, невозможно будет понять, пока мы не начнем обращать внимание на то, что речь прежде всего состоит из умолчаний»<sup>21</sup>. И если провалы, зна-

<sup>20</sup> *Sim S. Manifesto for Silence: Confronting the Politics and Culture of Noise. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2007.*

<sup>21</sup> *Ortega y Gasset J. What People Say. Language. Towards a New Linguistics // Ortega y Gasset J. Man and People. N.Y.: W.W. Norton, 1957 (рус. пер.: Ортега-и-Гассет Х. Человек и люди // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М.: Весь Мир, 1997. С. 654–686); см. также: Tyler S. The Said and the Unsaid. N.Y.: Academic Press, 1978; Steiner G. Language and Silence. N.Y.: Atheneum, 1967; Basso K. To Give Up on Words: Silence in Western Apache Culture //*



ки пунктуации и паттерны расстановки в любом письменном тексте выступают в виде эпизодов стратегического умолчания, служащих сигналами, направляющими читателя при работе с текстом, тогда, как указывается в подобных исследованиях, вся коммуникация с другими обязательно должна покоиться на невидимом ложе, основании из молчания. Молчание — это не просто ненужная прибавка к коммуникации. Каждый акт коммуникации с применением слов, состоящих из знаков и текста, активно оформляется тем, что не говорится, или тем, что не может быть сказано. Коммуникация — это маргиналия молчания, пена и волны на его глубоких водах.

В пословицах и афоризмах отражается эта тема взаимозависимости коммуникации и молчания. В них подчеркивается значение несказанного как фактора значения, то, как молчание говорит, преимущества своевременного молчания и даже (если следовать старой швейцарской пословице) превосходство молчания-золота над серебром-речью. При поддержке телесных жестов молчание производит значения за счет гало-эффектов. Теологи еще больше подкрепляют эту мысль, акцентируя жизненно важную роль, которую во всех мировых религиях играет сакральное молчание. Молчание — это техника самодисциплины, сильнейший растворитель для всех мирских забот, знак уважения к божеству, признание неспособности слов отобразить опыт сакрального<sup>22</sup>.

Историки всё это подтверждают, напоминая нам о многих долговременных последствиях кодификации этикета повседневного молчания<sup>23</sup>. Целые книжные полки заставлены учебниками по тонкому искусству культивирования молчания как желательного способа общения с другими. Например, в Европе раннего Нового времени молчание обычно считалось выражением согласия, т.е. принятием определенного обязательства. Уильям Хэзлитт как-то отметил, что глупцы те, кто еще не понял, что «молчание — это наше великое искусство бесе-

Language and Social Context / P. Giglioli (ed.). N.Y.: Penguin Books, 1970. P. 67–86; Hall E.T. The Silent Language. N.Y.: Doubleday, 1959.

<sup>22</sup> Классическая работа по этой теме: *Mensching G.* Das heilige Schweigen. Giessen, 1926.

<sup>23</sup> *Burke P.* Notes for a Social History of Silence in Early Modern Europe // *Burke P.* The Art of Conversation. Cambridge; Oxford: Polity Press, 1993. P. 123–141.

ды». Уильям Пенн призывал своих детей возлюбить молчание («для духа оно является тем же, чем сон для тела, — питанием и отдохновением») <sup>24</sup>. Моралисты подкрепляли свои проповеди цитатами из классиков. Среди любимых — старый римский принцип, автор которого не известен: *audi, vide, tace, si vis vivere in pace* («если хочешь жить в мире, слушай, смотри, но молчи»). Отсюда разнообразные этические следствия. Пустые разговоры осуждались. Восхвалялось осознанное уважительное молчание. Предупреждали о том, что сказанного не вернешь. За моралью скрывалась боязнь восстания, основанного на том, что Огюст Конт первым назвал «молчаливым заговором». Как гласит английская поговорка, тот, кто молчит, собирает камни. И это верно: молчание может быть невежливым, даже выразительным, оно может говорить во весь голос — так, зевки могут быть молчаливыми криками, а побежденные могут отвечать своим господам насмешливым молчанием (позже британские армейские офицеры назвали эту практику «молчаливой дерзостью»). Если зубастое молчание могло выражать презрение, из этого следовало, что есть много обстоятельств, в которых людям нужно научиться молчать или, наоборот, не молчать. Часто приводится пример детей, которые должны были понимать, что молчание — это форма вежливого поведения для маленьких. Молчание имело гендерные характеристики: повсеместно считалось, что лучшее украшение женщины — жемчуга благоразумного безмолвия. Их преданная сдержанность и послушное молчание, хотя и не бессловесность, считались чем-то обязательным. То же самое относилось к подданным правительства. «Молчание иногда есть знак согласия», — отмечал Гоббс. Важным, однако, было одно уточнение, на которое указал епископ Бове (1731–1790) в своей речи на смерть Людовика XV. Монархи должны всегда помнить о том, что «слава короля неотделима от счастья народа», и по этой причине зловещее беззубое молчание народа должно беспокоить королей и королев не меньше, чем вспышки насилия или фальшивая лесть со стороны народа. Он был одним из многих придворных и публицистов, убежденных в стратегической необходимости культивирования *уважительного* молча-

<sup>24</sup> *Hazlitt W. Characteristics: In the Manner of Rochefoucault's Maxims. L., 1837. No. 59. P. 24; Advice of William Penn to his Children. Philadelphia: Franklin Roberts, printer, 1881. P. 24.*

ния среди подданных. «Не рассказывай все, что слышишь, и не говори все, что знаешь», — вот что советовали слугам. Другие указывали на то, что глупцы остаются мудрыми, пока молчат. Оптимисты добавляли: молчание редко вредит<sup>25</sup>.

## КАТАСТРОФЫ

Насколько же ложной оказалась эта максима! Молчаливость в политических делах действительно может настраивать граждан на нужный лад, например, когда перед выходом судьи в зал суда публику призывают к тишине; или когда представители власти, стоя перед толпой, объявляют минуту молчания; или же когда присяжных просят на публике хранить молчание и не высказывать свои соображения (такое правило существует в американской системе суда присяжных). Люди почтительно встают, какое-то время остаются без движений или умолкают. Политический эффект подобных действий благотворен, но ограничен, если сравнивать с разрушительными последствиями, проистекающими из сбоев мегапроектов. Когда в каких-то крупномасштабных авантюрах власти что-то идет не так, застопориваются многие вспомогательные организации и услуги. Люди теряют дома, некоторые погибают. Повседневная жизнь тех, кто выжил, рушится или портится, как и условия их проживания, которые часто приходят в полную негодность. Люди застревают в этих местах или окончательно падают духом.

Катастрофа — еще одно название для таких ужасающих результатов. Это сильное слово (происходящее от греч. *katastrophē* — «внезапный поворот, переворот»), которому не помешало бы определение и которое стоит использовать осмотрительно, особенно потому, что число широкомасштабных происшествий растет. Говорить о катастрофах — неожиданных, сенсационных событиях, которые причиняют долгосрочный и весьма значительный вред людям и/или биосфере, — не значит потворствовать апокалиптическому мышлению. И это не ностальгия по

<sup>25</sup> *Jean-Baptiste-Charles-Marie de Beauvais*. Oraison funebre de très-grand, très-haut, très-puissant et très-excellent prince, Louis XV, le bien-aimé, roi de France et de Navarre. Paris, 1774. P. 32; *Thomas Hobbes*. Leviathan, or The Matter, Forme and Power of a Common Wealth Ecclesiasticall and Civil. L., 1651. Bk 2. Ch. 26 (рус. пер.: *Гоббс*. Т. Левиафан // Гоббс Т. Соч.: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. Гл. 26).

безмятежным временам, когда жизнь была спокойной и мирной. Новые катастрофы нашего времени — не кульминация неизбежных исторических трендов; их нельзя понимать в качестве, скажем, признаков окончательного триумфа или провала западной метафизики, как полагал Хайдеггер<sup>26</sup>. Новые рукотворные катастрофы — не нечто неизбежное. Многие из них были запущены странными проектами, которые не стоило даже и начинать. Оглядываясь назад, можно сказать, что если бы некоторые мегапроекты проектировались и осуществлялись иначе, немало катастроф удалось бы избежать. Вот почему тенденция к катастрофам не ведет в прошлое. Нельзя поэтому однозначно говорить, будто мы возвращаемся к зловещим событиям, из-за которых мир был парализован с периода перед самым началом Первой мировой войны и до 1950 г., т.е. все 40 лет «эпохи катастроф» (Эрик Хобсбаум), когда целые общества рушились под грузом то одной беды, то другой — разрухи, вызванной экономическим крахом, межгосударственного соперничества, тотальной войны, тоталитаризма, убийств и геноцида<sup>27</sup>.

Катастрофы нашего времени оказывают разрушительное воздействие, однако они имеют иную природу. Поражает их медленность. Нет никакого «Большого взрыва», есть только множество громких взрывов, частота которых постоянно растет. Наши катастрофы носят кумулятивный характер. Они не являются плодами фашизма, капитализма или социализма. Они суть следствие крупных авантур власти, действующей в самых разных условиях и во многих точках нашей планеты. Наши катастрофы глубже проникают в биосферу, оказывая на нее более агрессивное воздействие, а благодаря коммуникационному изобилию они отличаются еще и тем, что постоянно находятся на самом видном месте медийной сцены, где в реальном времени демонстрируются события, вызывающие оцепенение, страх и недобрые чувства, — и всё это в глобальном масштабе. Катастрофы разрушают общественное молчание, которое и было их перво-

<sup>26</sup> *Heidegger M. Letter on Humanism // Heidegger M. Basic Writings / D. Farrell Krell (ed.). N.Y.: Harper & Row, 1976. P. 193–244 (рус. пер.: Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 192–220).*

<sup>27</sup> *Hobsbawm E. The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991. N.Y.: Pantheon, 1994 (рус. пер.: Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий XX век (1914–1991). М.: Изд-во Независимая газета, 2004).*

начальной причиной. Они привлекают миллионы свидетелей. К тому же они — сырье для бизнес-сделок («катастрофных облигаций»<sup>28</sup>), блокбастеров и других продуктов шоу-бизнеса.

Катастрофы сложно описать словами; те, кто непосредственно сталкиваются с ними, часто не способны передать их ужас<sup>29</sup>. Молчание — это валюта катастроф до и после того, как они происходят. Отчасти их отвратительность объясняется тем, что они разрушают способность общаться с другими. Их подробности отвратительны, как можно понять по недавнему тревожному инциденту — катастрофе на атомной электростанции Фукусима-Дайичи на северо-восточном побережье Японии, произошедшей в марте-апреле 2011 г. (илл. 15)<sup>30</sup>.

Фукусима быстро превратилась в крупнейшую в истории человечества индустриальную катастрофу. Причиной этого стало самое мощное за всю историю Японии землетрясение (настолько сильное, что оно немного ускорило вращение планеты вокруг оси), которое было осложнено пришедшей менее чем через час мощной волной, разрушившей защитные стены и затопившей аварийные электрогенераторы морской водой. Однако катастрофа не была всего лишь следствием «природных» причин, как поначалу утверждали многие наблюдатели. Она произошла в ситуации организованного умолчания. Данные с Фукусимы показывают, что предупреждения экспертов и граждан об угрозах безопасности отвергались с самого начала проекта. С середины 1950-х годов, когда США вопреки настоятельной рекомендации Совета японских ученых поддержали курс на развитие ядерной энергетики в Японии на базе спроектированных в Америке станций, работающих на обогащенном уране, которые не подходили для сейсмоопасных зон, мнения несогласных игнорировались или замалчивались.

<sup>28</sup> *Devaney T.* Investors Turn to “Catastrophe Bonds” As Hedge against Uncertain Market // *Washington Times*. 2011. 10 October.

<sup>29</sup> *Blanchot M.* *The Writing of the Disaster*. Lincoln, NE: University of Nebraska Press, 1995.

<sup>30</sup> Далее я опираюсь на несколько новейших репортажей в СМИ, в том числе статьи: *Soble J., Dickie M.* How Fukushima Failed // *Financial Times*. 2011. 7/8 May. P. 19; *Jamail D.* Fukushima: It’s Much Worse Than You Think. <<http://english.aljazeera.net/indepth/features/2011/06/201161664828302638.html>>. Время доступа — 16 июня 2011 г.; *Osnos E.* The Fallout // *The New Yorker*. 2011. 17 October. P. 46–61.



Илл. 15. Вход на закрытую зону около Минамисомы, в 25 км к северу от атомной электростанции Фукусима-Дайичи (14 января 2012 г.), фотография Фелисити Руби (Felicity Ruby)

Политики замалчивания или «выключения» придерживались сменявшие друг друга правительства, а также Токийская энергетическая компания (Терсо), которая научилась фабриковать и подтасовывать данные по безопасности, публикуя голословные гарантии в средствах информации, утверждающие, что ее электростанции неуязвимы. Используя клубную систему организованной журналистики *kisha*, которая, как мы уже отмечали, поощряет самоцензуру и насаждает бесцветное единообразие, компания в итоге опровергла утверждение философов (наиболее известный пример — позиция Макса Пикарда), будто молчание «бесполезно» и «непродуктивно», а потому оно является сегодня единственным феноменом, который «стоит вне мира прибыли и полезности»<sup>31</sup>. Напротив, молчание должно было приносить большие прибыли. В преддверии катастрофы

<sup>31</sup> Picard M. *The World of Silence*. South Bend, IN: Regnery/Gateway, 1952. P. 18.

сокрытие информации, организованное компанией, осложнило улучшение условий безопасности; даже небольшие поправки указывали бы на существование не включавшихся в официальные доклады опасностей. Старая привычка игнорировать риски гарантировала то, что на ранних этапах разворачивающейся катастрофы бездумное сокрытие информации будет по-прежнему действовать. Директора компании и правительственные чиновники приняли решение придерживаться единого мнения, независимо от того, что происходило в реальности.

Им не повезло — события стали развиваться в другом направлении, превратив в предмет для осмеяния публичные гарантии политиков и представителей компании, утверждавших, что всё под контролем. В окружении секретности, медийных оплошностей и бюрократической некомпетентности (менеджеры электростанции в течение восьми часов не понимали, что запасная система охлаждения воды была по ошибке отключена) кризис быстро разросся до масштабов неуправляемой катастрофы. Президент компании не выдержал напряжения; понимая, что (как говорят японцы) собака свалилась в реку, он перестал посещать собрания и заперся в своем офисе на пять суток. Тем временем технические сотрудники пытались предотвратить массовую утечку радиоактивного пара в атмосферу. Вскоре миллионы телезрителей стали свидетелями пожара и небольших взрывов и даже увидели, как весь ядерный реактор окутала туча пыли и мусора. Затем последовали безуспешные попытки охладить несколько реакторов; массивная утечка радиации, продолжавшаяся в течение нескольких часов; принудительный вывод аварийщиков, хотя позже их снова ввели, когда регулирующие органы повысили более чем в два раза допустимый уровень радиационного облучения (со 100 миллизивертов (мЗв) как установленной отметки, на которой резко возрастает выявляемый долгосрочный риск раковых заболеваний, до 250 мЗв). Затем наступил черед для весьма спорного момента — был произведен сброс более 10 тыс. тонн высокорadioактивных вод в расположенные поблизости океанские воды. Это вызвало протесты большого масштаба, особенно со стороны людей, проживающих в Южной Корее и Китае, однако компания продолжала распылять морскую воду на нескольких реакторах и топливных ядрах, что привело к образованию нескольких сотен тысяч тонн высокорadioактив-

ных отходов, плана по утилизации которых просто не существовало.

Когда планы по эвакуации были сорваны, а несколько реакторов начали расплавляться, более 100 тыс. человек были вынуждены бежать из района Фукусимы, многие попали во временные убежища, не получив никакой компенсации и потеряв работу. Они были встревожены облучением, полученным от зараженной еды, воды и почвы; их планы на будущее рухнули, обратились в ничто. Японский Штаб реагирования на ядерные аварии говорил о выключении реакторов, но, как быстро выяснили первые аккредитованные журналисты, посетившие станцию, это была просто красивая фраза. Поскольку радиоактивный пар и испарившаяся морская вода продолжали поступать в атмосферу, в новостях стали появляться подтвержденные сообщения о радиоактивных «горячих точках» вокруг Японии. Также было получено подтверждение того, что географическая область площадью примерно в 1000 км<sup>2</sup> (т.е. примерно в 70 раз больше Манхэттена) останется в обозримом будущем непригодной для проживания; что определенные количества изотопов стронция, цезия и плутония, т.е. так называемые горячие частицы, были обнаружены в местных грунтовых водах и в воздушных фильтрах автомобильных двигателей даже в Сиэтле; что на станции случилось кое-что похуже расплавления реактора: из-за горячего топлива, «просочившегося» через оболочки реакторной установки, треснула изоляция основания, целостность которого была нарушена.

С начала развития катастрофы прошло уже три месяца, но никто на самом деле не знал, что будет дальше и что можно сделать, чтобы помешать ее смертоносным последствиям. Терсо, столкнувшаяся с перспективой огромных затрат на очистные работы и компенсации, попробовала восстановить свое влияние в медиа, расчертив дорожную карту для будущего безопасного «холодного отключения» станции. Сдержанные наблюдатели в ответ заметили, что полное расформирование и роботизированная очистка разрушенной и радиоактивной станции займут по крайней мере десятилетие; более осторожные из их числа указывали на то, что атомные катастрофы никогда не заканчиваются и что неизвестное долгосрочное воздействие катастрофы почти наверняка будет в определенной мере определяться техническими сбоями, непредсказуемыми сейсмическими толч-



ками, человеческим невежеством в ситуации неопределенности и готовностью ответственных лиц идти навстречу полноценному общественному контролю.

## ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Те, кто придумал старую поговорку о том, что молчуны опасны, даже представить себе не могли, насколько опасными могут быть те люди, которые организывают публичное молчание и управляют им в начале XXI в. Окруженные молчанием катастрофы уровня Фукусимы — уже не повод для смеха; особенно тревожным должно быть то, что вместе с экспоненциальным ростом мегапроектов растет и частота катастроф, вызванных длинными цепочками неверных расчетов, связанных с упрямым самоослеплением<sup>32</sup>. Катастрофы перестали быть чем-то исключительным. Сегодня эти катастрофы, ассоциирующиеся с такими названиями, как *AIG*, *Lehmann Brothers* и *Deepwater Horizon*, становятся нормой.

К списку реальных или ожидаемых катастроф следует добавить и «замедленные» катастрофы, которые также окружены общественным молчанием. Их постепенность, поэтапность, медленность вызывают ступор у репортеров главных СМИ, которые обычно не обращают на них внимания, заявляя, что все это слишком сложно или, наоборот, не подходит для новостей, поскольку здесь нет «события», которое бы «цепляло» аудиторию. Итоговый результат выходит далеко за пределы того, что обычно называют «шлюзовой системой»: происходящие катастрофы погребены под столь толстым слоем молчания, что для общества они становятся беспроблемными. Количество замедленных катастроф увеличивается. Показательным примером являются совокупные долгосрочные социальные последствия экономической стагнации в атлантическом регионе. Амартия Сен, как известно, заявлял, что ни разу не было серьезного голода в стране с демократической формой правления и сравнительно свободной прессой, однако немалое

<sup>32</sup> Классическим исследованием склонной к порождению катастроф нефтяной индустрии в период с 1850-х и до 1990-х годов является книга Дэниела Ергина: *Yergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. N.Y.: Free Press, 1991 (рус. пер.: *Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть*. М.: Альпина Паблишер, 2011).

число судебных, разрушенных безработицей, пауперизацией и, как говорят экономисты, «гистерезисом» (утратой мотивации и трудовых навыков), в богатых странах, насыщенных медиа, представляется теперь чем-то не заслуживающим освещения в новостях или глубокого расследования, которое могли бы провести журналисты наиболее высокого уровня<sup>33</sup>. Медленные катастрофы тем временем вызревают в глобальной сфере производства и торговли оружием, «мире денег, коррупции, обмана и смерти»<sup>34</sup>, связанном с государствами, ООН, большими корпорациями, акции которых продаются на биржах, и тайными операторами. Однако все эти связи настолько сложны и не прозрачны для публики, что большинство журналистов не знают, с чего начать расследование, а потому просто не занимаются этими темами. Вся эта теневая торговля держится на посредниках, агентах, брокерах, лоббистах и так называемых офсетных сделках по поставке вооружений (в случае подобных сделок производители обещают стране-покупателю вложиться в экономику страны). Она процветает и укрепляется в полном молчании, скрываясь за разговорами о «транспортных и логистических услугах» или за другими эвфемизмами. Медленно разгорающиеся катастрофы распространяются и на область экологии: Европейская комиссия недавно предупредила о «тревожном сокращении» биоразнообразия в озерах, реках и на суше. Химическое загрязнение, промышленное рыболовство, разрушение среды обитания и распространение инвазивных видов (все эти факторы так или иначе связаны с развитием мегапроектов) угрожают по меньшей мере одной четверти (а иногда почти половине) всех видов пресноводных рыб, мол-

<sup>33</sup> Dreze J., Sen A. *Hunger and Public Action*. Oxford: Oxford University Press, 1989; ср. эти результаты с: Wilkinson R., Pickett K. *The Spirit Level: Why Equality Is Better for Everyone*. L.; N.Y.: Penguin, 2010.

<sup>34</sup> Feinstein A. *The Shadow World: Inside the Global Arms Trade*. L.: Farrar, Straus and Giroux, 2011. По данным таких мониторинговых организаций, как Transparency International, Stockholm International Peace Research Institute и Corruption Watch, на долю этой отрасли приходится около 40% всей коррупции в глобальной торговле. Прибыли исчисляются в миллиардах; убытки — в человеческих жизнях. Ежегодно заключаются теневые экспортные сделки на сумму около 60 млрд долларов, причем почти все они (85%) — в юрисдикции пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН (США, России, Франции, Великобритании и Китая), а также двух других государств — Германии и Италии.

люсков и земноводных. Более 500 видов сосудистых растений находятся под угрозой, также страдают стрекозы, птицы и животные, которые живут рядом и зависят от постоянно загрязняющихся и мелеющих источников воды. Почти 900 известных видов ныне считаются вымершими в дикой природе или почти вымершими, но в медиа этот процесс деградации почти не освещается<sup>35</sup>.

Список можно продолжить, однако и так достаточно примеров, чтобы показать, почему зоны опосредованного медиа-молчания, определяющие эпоху коммуникационного изобилия, относятся к ее наиболее декадентским чертам. Однако если катастрофы вытекают из злоклучений молчаливой власти, связанных с мегапроектами, каковы их вероятные политические следствия для демократии? Этот вопрос важен, поскольку в прошлом катастрофы обычно вызывали резкие перемены в общественном настроении и реакции с его стороны. В мире средневековой Европы такие события, как «Черная смерть» (которая уничтожила четверть, а может, и треть населения Европы за какие-то три-четыре года), и периодические вспышки веры в конец света не раз служили искрой, поджигавшей порох хилиастических движений<sup>36</sup>. Сильнейшее землетрясение, разрушившее Лиссабон в 1755 г., вызвало волну политического насилия в королевстве Португалия, помешало колониальным амбициям монархии, стало источником для многих инноваций, начиная с рождения современной сейсмологии и сейсмического строительства и заканчивая просвещенческой критикой теодицеи и новыми философскими идеями о возвышенном (илл. 16). Уже ближе к нашим временам бойня Первой мировой войны уничтожила веру в однонаправленный прогресс (вспомним об ангеле истории у Вальтера Беньямина, который поворачивается спиной к будущему и смотрит назад на «сплошную катастро-

<sup>35</sup> Подробные сведения из *European Red List*, постоянно действующей инициативы по экологическому мониторингу примерно 6000 видов, осуществляемому Европейской комиссией совместно с Международным союзом охраны природы и природных ресурсов (IUCN), доступны по адресу: [www.iucnredlist.org](http://www.iucnredlist.org). Время доступа — 26 ноября 2011 года.

<sup>36</sup> *Delumeau J. Le péché et la peur: la culpabilisation en Occident, XIIIe–XVIIIe siècles.* Paris, 1983; *Cohn N. The Pursuit of the Millennium: Revolutionary Millenarians and Mystical Anarchists of the Middle Ages.* Oxford, 1970.



Илл. 16. «Руины Лиссабона» (1755), немецкая гравюра на меди. На картине изображен переполох: выжившие люди, укрывшиеся в палатках, атаки преступников и повешение некоторых выживших, и все это под надзором полиции и в сопровождении священников, держащих распятие и молитвенник

фу, громоздящую руины над руинами»<sup>37</sup>). Катастрофа породила страх конца света вместе с надеждами на всеобщее искупление, нередко смешивающимися с апокалиптическими фантазиями насилия, отказом от «буржуазной» парламентской «болтовни» и тлением по сильному политическому лидеру.

Многочисленные катастрофы, связанные со Второй мировой войной, едва не уничтожили парламентскую демократию. Мониторная демократия стала одним из ее незапланированных отпрысков, однако катастрофы этого периода не стали поводом для пророчеств о грядущем совершенстве. Напротив, многим казалось, что мир словно бы нокаутирован Кафкой, что он полностью лишился смысла и трансцендентной цели, став кошмаром, для которого, как отметила Ханна Арендт, навязчивой проблемой является теперь понимание и ограничение человеческого зла — например, за счет изобретения мониторной демо-

<sup>37</sup> Benjamin W. Theses on the Philosophy of History // W. Benjamin. Illuminations / H. Arendt (ed.). New York, 1969. P. 257; Беньямин В. О понятии истории // В. Беньямин. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. М.: РГУ, 2012. С. 242.

кратии, организаций по защите прав человека, трансграничных открытых правительств и механизмов верховенства закона<sup>38</sup>.

### СВОБОДА КОММУНИКАЦИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

Хотя сейчас слишком рано предсказывать долгосрочные политические последствия катастроф нашего века, они непременно приведут к неожиданностям. Если следовать логике этой книги, определенно то, что эти катастрофы являются симптомами *провала демократии*. Они предупреждают нас о том, что молчаливое отправление своевольной власти людьми, склонными к манипуляциям, т.е. *отсутствие* мониторинговой демократии, оказывает пагубное воздействие на граждан. Амбициозные авантюры власти являются упражнениями по разрушению демократии. Создавая пространство своевольной власти, которое в какой-то мере напоминает феодальное правление над средневековыми простолюдинами, эти пагубные авантюры возвращают нас назад, готовят нас к будущему, в котором механизмы свободного гражданского представительства и контроля властителей будут играть лишь незначительную роль в повседневной жизни большинства людей. Подобные большие авантюры, окончившиеся провалом, оказывают разрушительное влияние на дух и содержание мониторинговой демократии. Они вредят жизням граждан или навсегда портят их, также они могут оказывать вредоносное воздействие на человечество и биосферу в целом. Катастрофы не только навсегда превращают отдельные участки нашей планеты в необитаемые территории: они провоцируют неприятные вопросы о необратимых поворотных точках. Они заставляют поразмыслить о возможности того, что человеческий род как раз сейчас стоит перед дверью, через которую нельзя будет пройти обратно, так что все мы становимся жертвами нашего собственного антропоцентризма и (как убедительно показал

<sup>38</sup> Ср. предсказание Ханны Арндт от 1945 г. в ее работе «Кошмар и бегство» (*Arendt H. Nightmare and Flight // Arendt H. Essays in Understanding 1930–1954. N.Y.: Schocken, 1994. P. 134*): «Реальность заключается в том, что “нацисты — такие же люди, как мы сами”; кошмар в том, что они показали и бесспорно доказали, на что способен человек. Другими словами, проблема зла будет фундаментальным вопросом послевоенной интеллектуальной жизни в Европе, подобно тому, как смерть стала фундаментальной проблемой после прошлой войны».

Харуки Мураками в своих размышлениях о долгосрочном значении катастрофы на Фукусиме), вероятно, уже не сможем после этого жить, думая, что мы — всего лишь «незваные гости на планете Земля»<sup>39</sup>.

Катастрофы, подпитываемые организованным политическим молчанием, имеют политическое значение и по другой причине. Они сталкивают прежние теории демократии и медиа с новым нормативным вызовом. Они заставляют нас осмыслить возможность того, что молчание людей окажется настолько пагубным для нашего мира, приведет к настолько разрушительным последствиям, что сама тема медиа и демократии станет излишеством, возможно, даже пережитком тех времен, когда люди, выступая в роли граждан, все еще верили в демократический проект обуздания и укрощения властителей, их подчинения общественному контролю. У этой мрачной перспективы есть позитивное следствие: катастрофы, удобряемые молчанием, показывают не только то, что коммуникационное изобилие и декаданс медиа имеют большое значение для будущего нашего мира, они также заставляют нас заново продумать причины, по которым принцип «свободной коммуникации» является желательным — и более ценным, чем могли бы представить наши предки.

Можно ли вдохнуть новые силы и жизнь в старый принцип свободы коммуникации, по-новому описать его — так, чтобы он обрел новое, расширенное политическое значение в начале XXI в.? Можем ли мы отказаться от старых аргументов в пользу «свободы прессы», а также выйти за пределы господствующих функционалистских оправданий свободы медиа? Есть ли способ трактовать свободу публичной коммуникации так, чтобы она подошла именно эпохе коммуникационного изобилия?

Именно в этом направлении толкает нас то изменение позиции, которое было предложено в этой книге и которое заставляет поддержать мониторинговую демократию. Если рассматривать пример опасного молчания, окружающего мегапроекты, свобода коммуникации — это нечто намного большее, чем вопросы,

<sup>39</sup> *Diamond J. Collapse: How Societies Choose to Fail or Succeed. N.Y.: Viking, 2005* (рус. пер.: *Даймонд Д. Коллапс. М.: АСТ, 2008*); *Murakami H. As an Unrealistic Dreamer. Речь, произнесенная при получении «Международной каталонской премии» (Catalunya International Prize), Барселона, 2011.* <[www.senrinomichi.com](http://www.senrinomichi.com)>. Время доступа — 10 января 2012 г.

связанные со средствами информирования и мобилизации избирателей; с изучением правительственной власти; созданием аналитического аппарата для интерпретаций; наделением различных стилей жизни общественно-приемлемым статусом; связыванием разрозненных групп в общее публичное пространство или с прививкой этим группам демократических добродетелей<sup>40</sup>. Принцип свободы демократии выходит далеко за пределы всех этих обычно указываемых функций. Он является инструментом недопущения ущерба, необходимым механизмом раннего предупреждения, тем, что дает возможность гражданам, организациям и сетям подать сигнал тревоги, когда они подозревают, что кто-то другой наносит им ущерб или что над их головой сгустились тучи, о которых никто не говорит. «Увидел что-то — скажи» — лозунг, изобретенный нью-йоркским Управлением городского транспорта, который сегодня широко используется в самых разных сферах. В нем отражено глубочайшее значение свободы публичной коммуникации, которая отвергает молчаливую беспечность в человеческих делах. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать», — писал Витгенштейн<sup>41</sup>, однако эту элегантную формулу из последнего тезиса его главного раннего труда следует пересмотреть. Есть моменты, когда молчание не подходит. Нужно как раз не молчать, если имеешь дело с организованным молчанием, поскольку только так можно спуститься с небес на землю. Отказ от молчания работает для неограниченной власти как «проверка реальностью». Он является сильным средством, позволяющим запустить действия граждан и их представителей, ключевой гарантией того, что ответственные руководители организаций не потеряются в мире своих мечтаний, не будут блуждать по тем землям, на которых злоключения власти скрыты молчанием, облеченным в изящные фразы о доверии, лояльности и прогрессе.

Если понимать неограниченную публичную коммуникацию в этом смысле, всё ее значение изменится. Она уже не сможет

<sup>40</sup> Спектр господствующих консеквенционалистских аргументов в пользу свободы новостных медиа представлен в работе: *Schudson M. How to Think Normatively about News and Democracy* (неопубликованная рукопись, Columbia School of Journalism, New York, 2011).

<sup>41</sup> *Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus*. L.: Kegan Paul, 1922. P. 7 (рус. пер.: *Витгенштейн Л. Логико-философский трактат* // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М.: Гнозис, 1994. С. 73).

потворствовать глупым фантазиям об объединении граждан в некий гармоничный союз и не будет манить их глобальным просвещением, основанным на некоем философском первопринципе. Скорее, такая коммуникация — это принцип, скептически настроенный по отношению ко всем Принципам с большой буквы. Свобода публичной коммуникации не связана с какой-то конкретной формой жизни, будь она Истиной, Счастьем, Правами человека, Богом или Общим благом. Напротив, она является условием сосуществования и процветания многообразных форм жизни.

Именно в этом пересмотренном значении у принципа раннего предупреждения как функции коммуникации появляются глобальные последствия. Свобода коммуникации, внушающая подозрение к организованному замалчиванию и своевольной власти, выступающая защитником слабых от сильных, особенно в том случае, когда слабым затыкают рты сильные, является нормой, универсальность которой проистекает из ее активной приверженности делу «многообразия», из ее защиты множества различных образов жизни. Ее роль в качестве механизма раннего предупреждения делает ее значимой в широком спектре контекстов. Она позволяет следить за всеми формами своевольной власти, где бы они ни закрепились. Принцип раннего предупреждения в равной мере применим как к транспортным проектам в Китае, многомиллиардным схемам добычи битуминозного песка в Канаде и велеречивым мегапроектам в Турции, так и к «модернизации» вооруженных сил, а также кредитно-банковского сектора во всех остальных странах. Этот принцип, подкрепляемый сильным ощущением изменчивости всех вещей, честно защищает открытость, помогая всем тем, кто приходит в замешательство, сталкиваясь с непробиваемой уверенностью. Этим объясняется его искренность, связанное с ним активное стремление вернуться к основаниям, пересмотреть, отказавшись от предрассудков, старый, но все еще жизненно важный вопрос о том, почему беспрепятственное контролирование власти посредством свободной коммуникации является чем-то благим.

С точки зрения принципа свободной коммуникации как механизма раннего предупреждения ничто в поведении людей не может показаться неожиданным. Он ставит под сомнение утверждение, что люди являются всего лишь «уклоняющимися-



ся от ошибок животными»<sup>42</sup>. Он заставляет понять, что люди способны и на лучшее, и на худшее, в том числе они могут ради удовольствия совершать акты насилия против своих ближних<sup>43</sup>. По этой причине этот принцип выступает против гордыни и приватизации риска. Он предполагает, что концентрированная власть опасна, а людям не следует доверять неограниченную власть над их ближними или жизненными обстоятельствами этих ближних. Следовательно, он отвергает утопию будущего мира, в котором не будет теней, утопию совершенно «прозрачного» мира, в котором все понятно, все проникнуто светом коммуникативного разума, а своевольная власть уступает место счастливому «рациональному» согласию граждан и их представителей. Принцип раннего предупреждения не ищет простых ответов на простые или сложные вопросы. Он выступает против глупости и умышленного сокрытия. Он противоположен молчаливой надменности и не имеет ничего общего с начальственным притеснением, издевательствами и насилием. Этот принцип чувствителен к ловушкам лицемерия, двойным стандартам тех, кто проповедует свободу коммуникации, но за закрытыми дверями идет против нее, порой вслепую, ничего не слыша, ожесточившись. Аксиома раннего предупреждения настроена на восприятие затруднений и сложных ситуаций. Она предполагает серьезное отношение к бедам нашего времени и отслеживает грядущие беды. Она заставляет понять, что авантюры власти требуют недвусмысленного ответа скептикам и откровенным противникам мониторинга демократии и коммуникационного избытка. Ответ, если говорить просто, состоит в том, что общества, отягощенные зонами публичного молчания, напрашиваются на неприятности. Отсутствие свободы коммуникации и ее сестры-близнеца, мониторинга демократии, провоцирует катастрофы. Такое отсутствие подрывает далеко не

<sup>42</sup> Gellner E. The Gaffe-Avoiding Animal, or a Bundle of Hypotheses // Gellner E. *Relativism and the Social Sciences*. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 1985. P. 68–82.

<sup>43</sup> Множество примеров подлых актов насилия, которые доставляют немалое удовольствие тем, кто их совершает, — в том числе изнасилования, избияния невинных гражданских лиц, наблюдения за массовым расстрелом, словно бы это туристическое развлечение, — приводится в работе: Neitzel S., Welzer H. *Soldaten: On Fighting, Killing and Dying*. L.; N.Y.: Simon & Schuster, 2012.

только предположительно «естественное», или «человеческое», право высказывать нечто вроде «истины» вещей. Дело в том, что, когда целые общества подпадают под власть несказанного, замалчивают что-то и становятся жертвами того, что некоторые авторы называли *non-dit*, они приближаются к краю пропасти.

Опирающаяся на медиа прочная и шумная коммуникация как тормоз катастроф: такой способ осмысления политической проблемы молчания и потребности в открытой публичной коммуникации диаметрально противоположен абстрактным постмодернистским разговорам о «необоснованности» и «амбивалентности», не обещающим никакого решения, поскольку катастрофы здесь рассматриваются как захватывающая драма. Некоторые постмодернисты с печальным вздохом приходят к выводу, что эти катастрофы являются обескураживающим доказательством разложения нашего «модерна», его больших нарративов, научной и технологической гордыни; другие авторы постмодернистского направления рассматривают катастрофы в качестве чудесного вызова банальностям массовой культуры — например, фильмам о конце света<sup>44</sup>. Политическая безотрадность и того, и другого способов осмысления катастроф представляет собой полную противоположность принципу открытой коммуникации. Последний также ставит под вопрос убеждения скептиков от политики, которые упорно твердят, что катастрофическая риторика апокалиптична, что она поощряет интеллектуальное смирение и пассивность граждан. Они говорят, что из нее вытекают унылые представления о мире, который всегда готов развеять прахом наши надежды и устремления. Но это неверный вывод. Свобода публичной коммуникации — это позитивный принцип: несколько не лишая сознательных граждан и их представителей надежды, он выражает веру в их способность взять на себя смелость изменить ход вещей, оказывая давление на своевольную власть и осаживая ее при помощи избранных и неизбранных представителей.

Принцип коммуникации как раннего предупреждения является положительным и прогностическим еще и в другом смысле. Он ставит под вопрос установку на смирение, рекомендуемую теми, кто убедился в том, что мрачные сценарии — это и есть

<sup>44</sup> Eco U. *Apocalyptic and Integrated Intellectuals // Apocalypse Postponed* / R. Lumley (ed.). Bloomington, IN: Indiana University Press, 1994. P. 18.

наша доля, и идет по пути, давно проложенному Кьеркегором, заявляя, что наш мир, насыщенный медиа, настолько отягощен катастрофами и переполнен декадентским шумом, что сегодня нам нужна лишь полная тишина, исцеляющая сила спокойного молчания, старомодное успокоение, которое вдохнет новую жизнь в чувство священного, в котором мы так нуждаемся<sup>45</sup>. Если рассуждать политически, призывы к молчанию неубедительны. Они заставляют игнорировать тот исторический тренд, который, ничего не гарантируя, движет нас вперед — и не только к катастрофам, но и к коммуникационному изобилию и мониторинговой демократии. Пустая болтовня об апокалипсисе и квиетистские призывы к молчанию обесценивают способность политического мышления «именовать неименованное, высказывать невысказываемое, мыслить немислимое, произносить непроизносимое»<sup>46</sup>. Подобные призывы к покою требуют просто трусливо повернуться спиной к демократической политике. Из них следует, что сделать ничего нельзя. Тем самым игнорируется то, что «наши жизни заканчиваются в тот день, когда мы начинаем замалчивать важные вещи»<sup>47</sup>.

Но что именно следует из принципа коммуникации как раннего предупреждения на практике? Что, например, нужно сделать с организованным молчанием, которое вскармливает катастрофы со всеми их ужасами? Можно ли как-то предупредить их? На самом деле, многое можно и нужно сделать, процесс политического обучения вполне возможен. После катастрофы на Deerpwater Horizon опасные практики компании British Petroleum, которая была за нее ответственна, были обнародованы в судах, а сама компания запустила минимальную программу «гражданских» собраний со своими сотрудниками и менеджерами. Компания Électricité de France SA, один из крупнейших в мире энергопроизводителей, проводит политику полного раскрытия своей документации представителям медиа. Принадлежащая одной семье глобальная компания C&A, занимающаяся

<sup>45</sup> *Kierkegaard S. The Present Age.*

<sup>46</sup> *Lyotard J.-F. Endurance and the Profession // Lyotard J.-F. Political Writings. L.: UCL Press, 1993. P. 74.*

<sup>47</sup> *King M.L., Jr. A Time to Break Silence // King M.L., Jr. I Have a Dream: Writings and Speeches That Changed the World. N.Y.: Harper Collins, [1967] 1992. P. 135 ff.*

продажей одежды, давно создала вместе с контрольными организациями «каналы эффективности», наладила тесные связи с радикальными НПО, а также проводит ежегодные гражданские семинары и строго придерживается рекомендаций независимой в юридическом отношении и самостоятельной организации (SOCAM), отвечающей за мониторинг проблемных практик внутри компании. Эти компании пользуются советами таких организаций по управлению рисками, как оксфордская Ассоциация больших проектов (Major Projects Association (MPA)), которая призывает крупные проекты применять «дистанцированный аудит», периодическую «проверку пульса», «честные отчеты», а также развивать внутреннюю культуру «вопросов», которая опиралась бы на «интеллект» многочисленных «заинтересованных сторон»<sup>48</sup>. Также могут оскалить острые зубы парламентские комиссии и общественные расследования. В судах могут применяться давно существующие законы против «сознательной слепоты»<sup>49</sup>. Макрекерская журналистика расследований способна выступать в качестве препятствия «дурналистике», которая издалека наблюдает за значительными событиями. Сознательные граждане могут создать процедуры, позволяющие сохранить демократическое правление в чрезвычайных обстоятельствах, что, к примеру, продемонстрировали сети взаимопомощи в сельском Саскачеване<sup>50</sup>. В тяжелых условиях (это наш последний пример) они могут изобрести альтернативные системы контроля радиации и другие сети мониторинга власти, что и случилось в Японии после катастрофы на Фукусиме.

Общая идея, связывающая все эти многообразные попытки контроля и ограничения своевольной власти, проста, но в то же время требовательна. В этих инициативах признается, что революция, благоприятствующая коммуникационному изобилию, далека от завершения. Они поддерживают ее напор. В области политики этими инициативами признается, что своевольная власть, защищаемая декадансом медиа, может одержать верх. Их сопротивление ничем не сдерживаемой власти ставит под

<sup>48</sup> Подробнее см.: <[www.majorprojects.org](http://www.majorprojects.org)>. Время доступа — 10 декабря 2011 г.

<sup>49</sup> Regina vs. Sleep. 1861. 30 LJMC 170.

<sup>50</sup> Scarry E. Thinking in an Emergency. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2011.

вопрос хваленые добродетели молчания, считавшегося золотом. Эти инициативы позволяют понять, что зоны молчаливой власти дурны для демократии и опасны, поскольку они наносят вред жизни людей, извращая ее и подчиняя своим целям. Вот почему все эти попытки применить методы, позволяющие ослабить хватку своевольной власти, выступают сигналами раннего предупреждения. Они призывают сознательных граждан воспользоваться коммуникационным избытком, заняться общественными делами, для чего сначала надо поднять общественный шум, который был бы содержательным, хорошо направленным, достаточно резким и громким, чтобы разрушить злое молчание, которое легко может привести к ужасным последствиям для столь многих людей.

*Научное издание*  
Серия «Политическая теория»

ДЖОН КИН

ДЕМОКРАТИЯ  
И ДЕКАДАНС МЕДИА

*Главный редактор*  
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

*Заведующая книжной редакцией*  
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

*Редактор*  
АНАСТАСИЯ АРХИПОВА

*Художник*  
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

*Компьютерная верстка*  
ОЛЬГА БЫСТРОВА

*Корректор*  
ВАЛЕРИЯ КАМЕНЕВА

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ  
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»  
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20  
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 12.12.2014. Формат 60×90/16. Гарнитура Minion Pro  
Усл. печ. л. 19,5. Уч.-изд. л. 17,1. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.  
Изд. № 1793. Заказ №

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»  
Филиал «Чеховский Печатный Двор»  
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1  
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,  
тел.: 8 (495) 988-63-76, тел./факс: 8 (496) 726-54-10

ISBN 978-5-7598-1202-9



9 785759 812029

*Всё о наших изданиях*

id.hse.ru/books  
id.hse.ru/catalogue

**Отдел реализации**

тел.: (499) 611-24-16  
факс: (499) 611-13-03  
e-mail: bookmarket@hse.ru

**Интернет-магазин**

<http://id.hse.ru/shop>

**Университетский  
книжный магазин  
«БукВышка»**

Москва, ул. Мясницкая, 20,  
тел.: (495) 628-29-60  
[id.hse.ru/bookshop](http://id.hse.ru/bookshop)  
e-mail: books@hse.ru